

Д. ШУБ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ДЕЯТЕЛИ РОССИИ
(1850-ых—1920-ых гг.)

СБОРНИК СТАТЕЙ

Д. ШУБ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ
ДЕЯТЕЛИ РОССИИ
(1850-ЫХ—1920-ЫХ ГГ.)

СБОРНИК СТАТЕЙ

ИЗДАНИЕ «НОВОГО ЖУРНАЛА»

Нью-Йорк 1969

THE RUSSIAN POLITICAL HERITAGE
(From the 1850's to the 1920's)
By DAVID SHUB

Copyright © 1969 by David Shub. All rights preserved.

Printed in U.S.A.
by WALDON PRESS, INC.
New York City

Предисловие

Давид Натанович Шуб — известный публицист, пишущий на еврейском и русском языках. Он родился в 1887 году в местечке Поставы Виленской Губернии, учился в Вильне, с молодости примкнул к революционному движению, став социал-демократом (меньшевиком). В 1903 году Д. Н. уехал за границу, жил в Лондоне, Париже и Женеве. За границей он встречался с видными русскими эмигрантами социал-демократами — Плехановым, Лениным, Потресовым, Засулич, Дейчем, Мартовым, Луначарским и другими.

В 1905 году Д. Шуб вернулся в Россию и участвовал в первой русской революции, оставаясь социал-демократом (меньшевиком). В эти годы Д. Н. был несколько раз арестован, сидел в тюрьме и наконец сослан в Сибирь, откуда летом 1907 года бежал за границу и в начале 1908 года уехал в США.

С 1910 года Д. Шуб стал профессиональным журналистом, сотрудничая в еврейских и русских газетах и журналах. Живя в США, Д. Шуб поддерживал связи с многими известными русскими политическими деятелями, и внимательно следил за культурной и политической жизнью в России.

Будучи всегда на самом правом фланге меньшевизма, Д. Шуб после революции поддерживал личные и политические связи с многими видными русскими либералами и умеренными социалистами — с П. Н. Милюковым, Вл. Бурцевым, Ек. Брешковской, дружил с А. Ф. Керенским, Н. Д. Авксентьевым, А. А. Аргуновым, В. М. Зензиновым, И. Г. Церетели, М. А. Алдановым и другими. В

1927 году Д. Н. Шуб стал членом редакции большой еврейской ежедневной газеты «Форвертс», выходящей в Нью Йорке, где он работал больше сорока лет.

В 1948 году Д. Шуб выпустил на английском языке книгу о Ленине, которая дала ему международную известность: книга эта переведена на 20 европейских и азиатских языков и до сих пор является может-быть единственной объективной биографией вождя большевицкого переворота. По-еврейски Д. Шуб выпустил несколько книг, из которых упомянем двухтомную работу «Социальные мыслители и борцы» (биографии виднейших западно-европейских и русских социалистических деятелей и мыслителей 19-го и первой четверти 20-го столетия). В ближайшее время на еврейском языке выйдут двухтомные мемуары Д. Шуба — воспоминания о прожитой жизни — с детства до наших дней.

За последние 45 лет Д. Н. Шуб был постоянным сотрудником почти всех русских зарубежных демократических изданий («Заря», «Дни», «Новый Журнал», «За свободу», «Новое Русское Слово», «Русская Мысль», «Мосты» и др.).

Еще в годы первой мировой войны Д. Н. Шуб отошел от марксизма и от официального меньшевизма. В 1915-17 гг. по отношению к войне и революции Д. Шуб занимал позицию близкую к Г. Плеханову и правым эсерам. Будучи непримиримым врагом всякой диктатуры, Д. Н. Шуб определяет себя, как демократического социалиста западно-европейского толка.

Настоящая книга Д. Шуба является на наш взгляд очень ценной хрестоматией по истории революционного и освободительного движения в России. Наряду с известными материалами читатель найдет в ней много и малоизвестного. Но и обо многом известном эта книга напоминает чрезвычайно своевременно. Так, казалось бы навсегда ушедшие в историю, экстремистские и разрушительные идеи Заичневского, Нечаева, Ткачева и Бакунина, в наши дни внезапно стали политической злобой дня,

воплотятся в так называемых «студенческих движениях» почти во всех странах. Несомненного интереса заслуживает и всё, что Д. Н. Шуб пишет о русском либерализме, полная история которого до сих пор еще никем не написана. Также интересно и политически важно всё, что пишет Д. Н. Шуб об истории Германо-большевицкого заговора во время первой мировой войны, ибо литература по этому вопросу на русском языке крайне ограничена.

Книга Д. Н. Шуба «Политические деятели России (1850-ых — 1920-ых гг.)» будет весьма полезна русскому читателю, как зарубежному, так, особенно, и читателю в Советском Союзе.

Р. Г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Основоположники русского революционного народничества

АЛЕКСАНДР И. ГЕРЦЕН
(1812-1870)

Избранные цитаты из произведений Герцена

I

Александр Иванович Герцен был одним из величайших русских писателей 19-го столетия.

Еще Белинский в одном из своих ранних отзывах о Герцене, о его «Записках одного молодого человека», писал: «Записки полны ума, чувства, оригинальности и остроумия». Позже Некрасов, читая «После грозы» Герцена, признавался: «Это чертовски хватает за душу». А Чернышевский говорил Добролюбову: «В Европе нет публициста равного Герцену». В 1890 году Лев Николаевич Толстой говорил Т. Русанову: «Много ли у нас великих писателей? Пушкин, Гоголь, Лермонтов, Герцен, Достоевский, ну...я (без личной скромности), некоторые прибавляют Тургенева и Гончарова. Ну, вот и все». А через три года, в марте 1893 года, Толстой говорил П. Сергеенко: «Ведь, если выразить значение русских писателей процентно, в цифрах, то Пушкину надо было ответить тридцать процентов. Гоголю — пятнадцать, Тургене-

ву — десять процентов, Гончарову и всем остальным — около двадцати процентов. Все же остальное принадлежит Герцену. Он изумительный писатель. Он глубок, блестящ и проницателен». А 20 октября 1905 года Толстой записал в своем «Дневнике»: «Герцен уже ожидает своих читателей впереди. И далеко над головами теперешней толпы передает свои мысли тем, которые будут в состоянии понять их».

Александр Иванович Герцен родился в 1812 году в Москве в богатой дворянской семье. Воспитывался он также в Москве. В 1825 году Герцен познакомился с будущим поэтом и публицистом Николаем Огаревым и тесно с ним подружился. Эта дружба длилась всю их жизнь. Герцену было тринадцать лет, когда в Петербурге произошло восстание декабристов. Восстание поразило воображение молодого Герцена, как и его друга Огарева. В 1827 году оба они, стоя на Воробьевых горах под Москвой, поклялись пожертвовать свои жизни в борьбе за свободу русского народа. Позже Герцен писал: — «Декабристы — наши великие отцы. Мы от декабристов получили в наследство возбужденное чувство человеческого достоинства, стремление к независимости, ненависть к рабству, уважение к революции, веру в возможность переворота в России, страстное желание участвовать в нем».

В 1834 году Герцен был арестован и отправлен в ссылку. В 1840 году он вернулся в Москву, но вскоре был вторично сослан. В 1842 году, вернувшись из ссылки, Герцен посвятил себя литературной деятельности и в ближайшие годы поместил в петербургских радикальных журналах «Отечественные записки» и «Современник» ряд философских статей и беллетристических произведений. В 1847 году Герцен выехал за границу. Некоторое время он жил в Париже, потом путешествовал по Италии и Швейцарии.

Революция 1848 г. отразилась на взглядах Герцена на роль насильственных революций в истории человечества.

Ему представлялось, что жертвы, принесенные народом в этом году, оказались бесплодными. Победа досталась буржуазии, а не народу. Положение трудящихся масс несколько не улучшилось. Стоило ли проливать народную кровь ради таких печальных результатов? Этот вопрос невольно вставал перед Герценом, и он начинал сомневаться в целесообразности революции. «Нет никакой роковой необходимости, чтобы каждый шаг вперед для народа был отмечен горами трупов», — писал он, отрекаясь от «свирепой веры», по которой всякое освобождение должно непременно пройти через «крещение кровью».

Это не значит, что Герцен окончательно отказался от революционных путей. Он допускал их, но лишь «как отчаянное средство, *ultima ratio* народов»; к этому средству, по его мнению, допустимо прибегать лишь тогда, когда не остается надежд на мирное разрешение конфликтов и столкновений противоположных интересов.

В 1849 году Герцен в своей книге «С того берега» писал: «Свобода лица — величайшее дело; на ней и только на ней может вырасти действительная воля народа. В себе самом человек должен уважать свою свободу и чтить ее не меньше, как в ближнем, так и в целом народе».

В той же книге «С того берега» Герцен писал:

«В самые худшие времена европейской истории мы встречаем некоторое признание независимости, некоторые права, уступаемые таланту, гению. Несмотря на всю гнусность тогдашних немецких правительств, Спинозу не послали на поселение, Лессинга не секли и не отдали в солдаты. В этом уважении не к одной материальной силе, но и к нравственной силе, в этом невольном признании личности — один из великих человеческих принципов европейской жизни».

В апреле 1851 г. правительственный сенат лишил Герцена всех прав состояния и запретил ему возвращение в Россию. Герцен остался за границей на всю жизнь.

II

25 августа 1852 г. Герцен уехал на несколько недель в Лондон, но провел там целых тридцать лет. В Лондоне он вместе с Огаревым основал первую Вольную русскую типографию и в 1855 г. начал выпускать журнал «Полярная звезда», а потом и газету «Колокол», которая выходила с 1857 г. до 1869 г. В течение более десяти лет «Колокол» неизменно оставался органом русской либеральной и революционной демократии. Спрос в России на «Колокол» был так велик, что в 1860 г. были вновь переизданы номера, вышедшие с 1857 г. по 1859 г. «Колокол» читала не только вся русская интеллигенция, но и высшие царские сановники и даже сам Александр II.

«Колокол» представлял собой первую русскую свободную трибуну, первый печатный орган, который энергично боролся за освобождение крестьян, за раскрепощение человеческой личности, за установление режима свободы и народоправства в России. «Полярная звезда» и «Колокол» имели большое влияние на читателей в России.

1 декабря 1858 г. Герцен писал в «Колоколе»: «Можно ли по совести сказать, что всепоглощающая диктатура в России — окончательная форма ее гражданского устройства, вполне соответствующая ее гению? Не есть ли эта диктатура только опека, оканчивающаяся с совершеннолетием?» А 1 января 1859 г. он писал: «Там, где республика и демократия сообразны развитию народному, там, где они не только **слово**, но и **дело**, как в Соединенных Штатах или в Швейцарии, там без всякого сомнения наибольшая личная независимость и наибольшая свобода». В той же статье Герцен говорил: «Тот, кто истину — какая бы она ни была — не ставит выше всего, тот не свободный человек... Все неразумное опирается на силу кулака... Ни сила без права, ни право без силы ничего не решают».

Насколько Герцен любил русский народ, настолько же ненавидел он деспотизм, царивший тогда в России.

«Мы не можем привыкнуть, — писал он, — к этой страшной, кровавой, безобразной, бесчеловечной, наглой на язык России, к этой литературе фискалов, к этим мясникам в генеральских эполетах, к этим квартальным (полицейским) на университетских кафедрах... ненависть, отвращение поселяет к себе эта Россия. От нее горишь тем разлагающим, отравляющим стыдом, который чувствует любящий сын, встречая пьяную мать свою, кутящую в публичном доме». (Герцен, Сочинения, Том 17, Петербургское издание 1917 г., стр. 143).

Но Герцен ни на минуту не забывал того, что «в России сверх царя есть народ, сверх люда казенного, притесняющего, есть люди страждущие, несчастные, кроме России Зимнего дворца, есть Русь крепостная, Русь рудников» (Соч., том 8, стр. 143).

В статье «Россия и Польша», напечатанной в «Колоколе» от 1 января 1859 г. Герцен писал: «Все те, которые не умеют отделить русского правительства от русского народа, ничего не понимают... Обманчивое сходство правительственных форм с западными окончательно мешает пониманию... Были люди, которые стали догадываться, что за знакомыми формами проглядывает какое-то незнакомое лицо. Стали догадываться, что формы набиты насильственно, как колодки, но они не стали щупать характера бедного колодника, а отвернулись от него сказавши: «Коли терпит, видно, лучшего не стоит».

Обращаясь к людям Запада, Герцен писал: «Неужели вам не приходило в голову, глядя на великороссийского крестьянина, на его уменье, развязный вид, на его мужественные черты, на его крепкое сложение, что в нем таится какая-нибудь **иная сила**, чем одно долготерпение и безответная выносливость? Неужели вам не приходило на мысль, что кроме официальной, правительственной России, есть другая?».

В другой статье он писал: «Какой жалкий прием, выставлять нас врагами России, потому что мы нападаем на современный режим... как будто наше существование

не было **непрерывной защитой России**, русского народа от его внутренних и внешних врагов, от негодяев, дураков, фанатиков, правителей, доктринеров, лакеев, продажных, сумасшедших, от Катковых и других тормазов в колесе русского прогресса» (Соч., том 21, стр. 208).

Задолго до революции Ленин подчеркивал, что «Герцен первый поднял великое знамя борьбы путем обращения к массам с **вольным русским словом...**»

«Герцен, — писал Ленин, — создал вольную русскую прессу за границей — в этом его великая заслуга. «Полярная звезда» подняла традиции декабристов. «Колокол» встал горой за освобождение крестьян. Рабье молчание было нарушено».

Более ста лет тому назад Герцен писал, что «социализм, который захотел бы обойтись без политической свободы, непременно выродился бы в самодержавный коммунизм», в «новую барщину».

В январе 1859 г. Герцен писал в «Колоколе»:

«Тот кто истину — какая бы она ни была, — не ставит выше всего, тот, кто не в ней и не в своей совести ищет норму поведения, **тот не свободный человек**».

10-го июня 1859 г. Герцен писал в «Колоколе»:

«Желание географических расширений принадлежит к росту народов, и если оно переживает ребячество, то это свидетельствует о неспособности такого народа к совершеннолетию... Все неразумное опирается на силу кулака... Ни сила без права, ни право без силы ничего не решают. Исторические воспоминания, археологические документы так же недостаточны для восстановления национальности, как насилие для ее подавления».

А за месяц до этого он в том же «Колоколе» писал:

«Если бы в русском правительстве были серьезные люди, люди честные... с любовью к народу, они поберегли бы из внутреннего религиозного благочестия простое сердце простых людей, которые поддались официальному обману и воображают, что отечество в опасности, и

отдаются чувству ненависти к несчастному героическому соседу, который добивается своей независимости и ничего больше не хочет. Эта обманутая любовь, это просто-душное заблуждение, которое может привести к рекам крови, бесконечно оскорбляют нас».

III

В 1855 г. в статье «Московский панславизм и русский европеизм» Герцен писал: «Будущность России очень опасна для Европы и полная несчастий для нее самой, если в права личности не проникнут освободительные ферменты...

«Можно ли себе представить, что способности, находимые в русском народе, способны развиться при наличии рабства, пассивного послушания, деспотизма? Долгое рабство — не случайная вещь: оно, конечно, соответствует какому-нибудь элементу национального характера. Этот элемент может быть поглощен, побежден другими элементами, но он способен также и победить. Если Россия может мириться с существующим порядком вещей, то она не будет иметь будущности, на которую мы надеемся».

Далее Герцен продолжал:

«Не следовало бы всеми способами стараться призвать русский народ к сознанию своего пагубного положения?... И кто же должен это сделать, если не те, которые представляют собой интеллигенцию страны? Их может быть много или мало, но это существа дела не меняет... Влияние личности не так ничтожно, как это склонны думать: личность есть живая сила, могучее бродило, действие которого не всегда уничтожает уважение к личности, некоторое признание независимости — некоторые права, уступаемые таланту, гению».

«Власть у нас увереннее в себе, свободнее, нежели в Турции, нежели в Персии, ее ничего не останавливает, никакое прошедшее. От своего она отказалась, до европейского ей дела нет; народность она не уважает, обще-

человеческой образованности не знает, с настоящим она борется. Прежде, по крайней мере, правительство стыдилось соседей, училось у них, теперь оно считает себя призванным служить примером для всех притеснителей; теперь оно поучает их».

В той же статье Герцен писал:

«Цель бесконечно далекая — не цель, а если хотите — уловка. Цель должна быть ближе, по крайней мере — заработная плата или наслаждение в труде... Цель для каждого поколения — оно само. Природа не только никогда не делает поколений средствами для достижения будущего, но она о будущих вовсе не заботится».

А 20 ноября 1849 года Герцен писал: «История учит нас тому, что самое ненавистное правительство может существовать, пока ему есть что еще делать, но всякому правительству приходит конец, когда оно уже не в состоянии ничего делать или делать одно лишь зло, когда все, что является прогрессом превращается для него в опасность, когда оно боится всякого движения. Движение — это жизнь; бояться его, значит, находиться в агонии. Подобное правительство нелепо; оно должно погибнуть».

Герцен боролся за освобождение не только русского народа, но и за независимую Польшу и за права всех национальностей. Еще в 1854 г. он писал: «Чего хочет Польша? Польша хочет быть свободным государством, она готова быть соединенной с Русью, но с Русью тоже свободной... Для того, чтобы соединиться с ней, ей необходима **полная воля...** Польша многострадальная, но верующая, **хочет и может** стать независимой — **пусть станет!** Ее независимость сблизит нас. Мы тогда будем говорить друг с другом, как братья, забывая былые раны и бедствия и, глядя **вперед**, чтобы узнать, одна ли нам дорога в будущем или нет».

1 января 1859 г. Герцен писал в «Колоколе»: «Вся московская и петербургская литература без различия направления протянула дружескую руку евреям и встала против плоской выходки какого-то журналиста. Того ка-

толического чувства ненависти к евреям, которое не осталось в законодательстве, но осталось в нравах именно в Польше, в России нет. Гонение евреев было делом правительства. Общество не говорило, потому что оно ничего не говорило, рука квартального (полицейского) лежала на его губах. Как только он приподнял один палец, оно и высказалось».

В апреле 1863 г. во время польского восстания Герцен писал в «Колоколе»: «Мы с Польшей потому, что мы русские. Мы хотим независимости Польши, потому что мы хотим свободы России. Мы с поляками, потому что одна цепь сковывает нас обоих. Мы с ними потому, что твердо убеждены, что нелепость империи, идущей от Швеции до Тихого океана, от Белого моря до Китая — не может принести блага народам, которых ведет на смычке Петербург. Всемирные монархии Чингисханов и Тамерланов принадлежат к самым печальным и самым диким периодам развития — к тем временам, когда сила и обширность составляют всю славу государства. Они только возможны с безвыходным рабством внизу и неограниченным тиранством наверху... **Да, мы против империи, потому что мы за народ!**».

10 октября 1862 года Герцен писал в «Колоколе»:

«Что должно делать русским офицерам, находящимся в Польше в случае польского восстания? Общий ответ прост — итти под суд, в арестантские роты... но не подымать оружия против поляков, против людей, отыскивающих совершенно справедливо свою независимость. Поддерживать силой оружия правительство, составляющее польское и наше несчастье, вам невозможно, не совершив сознательно преступления или не унизившись до степени бессознательных палачей. Время слепого повиновения миновало. Дисциплина не обязательна там, где она зовет на злодейство, — не верьте этой религии рабства. На ней основаны величайшие бедствия народов... Нельзя начинать эру свободы в своей родине, затягивая веревку на шее соседа. Нельзя требовать прав и теснить

во имя материальной силы и политических фантазий другой народ».

Еще раньше, 15 марта в 1861 г. Герцен писал в «Колоколе»: «Сила народа в земле. Мы не верим больше в перевороты: аристократические, военные и статские, то есть не верим в их прочность. То только и прочно, что запахано в земле, что взойдет плодотворно, что посеяно на ниве, что выросло на свежем воздухе полей и лесов. Не для народа то, что идет через голову крестьянина, что с треском и пылью проезжает мимо деревни, как курьер, не останавливаясь».

А в статье «Америка и Сибирь», напечатанной в «Колоколе» 1-го декабря 1858 г., Герцен пишет:

«Можно ли по совести сказать, что всепоглощающая диктатура в России — окончательная форма ее гражданского устройства, вполне соответствующая ее гению? Не есть ли эта диктатура только опека, оканчивающаяся с совершеннолетием?»

В этой же статье Герцен говорит:

«У России в грядущем только и есть один товарищ, один попутчик — Северо-Американские Штаты... Если Россия освободится от петербургской традиции, у ней есть один союзник — Северо-Американские Штаты... Оттого, что Россия с Америкой встречаются по ту сторону. Оттого, что между ними целый океан соленой воды, но нет целого мира застарелых предрассудков, остановившихся понятий, завистливого местничества остановившейся цивилизации».

IV

Герцен был не только замечательный писатель и выдающийся политический мыслитель — демократ, но и один из первых демократических социалистов.

Смутное сознание того, что не только в России, но и в других странах общественная жизнь строится и развивается не так, как следовало бы, что в отношениях меж-

ду людьми много вопиюще несправедливого, рано зарождается в Герцене. Знакомство в начале 30-х годов с сочинениями Сен-Симона, Фурье и других социалистов-утопистов способствовало оформлению этого сознания. «Новый мир, — вспоминал впоследствии Герцен, — толкался в дверь; наши души, наши сердца растворялись ему. Сен-симонизм лег в основу наших убеждений и неизменно оставался в существенном». (Герцен. Сочинения. Том III).

Герцен ценил французских социалистов-утопистов за их критику буржуазного строя, за обличение «всей гнусности современного общественного строя». Вместе с французскими социалистами-утопистами Герцен считал, что «мир ждет обновления», что надобно другие основания положить обществам Европы: более права, более нравственности, более просвещения. «Без всякого сомнения, писал он, у сен-симонистов и фурьеристов высказаны величайшие пророчества будущего, но **чечго-то** недостает».

А через много лет, 1-го апреля 1863 г. он писал в «Колоколе»: — «Идеал Белинского, идеал наш, наша церковь, наш родительский дом, в котором воспитывались наши первые мысли и сочувствия, был западный мир, с его наукой, с его революцией, с его уважением к человеку, с его политической свободой, с его художественным богатством и не сокрушимым упованием».

Герцен решительно выступал против террора, как средства борьбы с самодержавием. По поводу покушения Дмитрия Каракозова на жизнь Александра II Герцен писал 15 мая 1866 г. в «Колоколе»: «Выстрел 4 апреля растет не по дням, а по часам в какую-то **общую беду** и грозит вырасти в еще страшнейшие и в еще больше незаслуженные Россией бедствия... Выстрел безумен, но каково нравственное состояние государства, когда его судьбы могут изменяться от случайностей, которых ни предвидеть ни отстранить невозможно, именно потому, что они безумны».

В своих «Письмах к путешественнику», которые были напечатаны в нескольких номерах «Колокола» в 1865 г. Герцен писал: «Социализм был не меньше задержан в развитии внутренними причинами как и внешними. Чувство боли от общественной неправды было очень ясно, желание выйти из сознанно-скверного положения очень справедливо, но от этого до лечения далеко. Социализм страстно увлеченный, с желанием кары и мести, бросил свою перчатку старому миру прежде чем узнал силу свою и определил мысль свою. Седой боец поднял ее — и не Голиаф, а Давид пал. С тех пор ему было много досуга обдуматься в горькой школе изгнания и ссылки. Додумался ли он до того, чтобы не бросать перчатки, не имея силы, не зная что будет после битвы, кроме казни врага? — Не знаю».

И далее в том же письме он писал: «Люди недовольны экономическими условиями труда, упроченным неравенством сил, их потерей, рабством работы, злоупотреблением богатств, но они не хотят переезжать в рабочие казармы, не хотят, чтобы правительство гоняло их на барщину, не хотят разрушать семьи и очаги, не хотят поступаться частной собственностью, то есть, они хотят при обновлении, при перерождении сохранить, насколько возможно, свою привычную жизнь, согласуя ее с новыми условиями».

В августе 1864 г. в своих «Письмах к старому другу», Бакунину, он писал: «Насилием и террором распространяются религии и политики, учреждаются самодержавные империи и нераздельные республики. Насилием можно расчищать место — не больше. Петроградизмом социальный переворот дальше каторжного рабства Гракха Бабефа и коммунистической барщины Кабе не пойдет».

В тех же «Письмах к старому другу» Герцен в 1869 г. писал: «Нельзя людей освобождать в наружной жизни больше, чем они освобождены **внутри**. Как ни странно, но опыт показывает, что народам легче выносить насильственное бремя рабства, чем дар излишней свободы».

«Горе бедному духом и тощему художественным смыслом перевороту, который из всего бывшего и пажитого сделает скучную мастерскую, которой вся выгода будет состоять в одном пропитании и только в пропитании».

«Но этого и не будет. Человечество во все времена, самые худшие, показывало, что у него больше потребности и больше сил, чем надобно на одно завоевание жизни, развитие не может их заглушить. Есть для людей драгоценности, которыми они не поступятся, и которые у них из рук может вырвать одно деспотическое насилие и то на минуты горячки и катаклизма».

Согласно взглядам Герцена, личность одного человека имеет такую же бесконечную ценность, как и личности многих людей. Каждый человек должен иметь возможность развивать все особенности его личности во всем их своеобразии и многогранности. Верховной целью человеческого общежития является достижение наибольшего внутреннего богатства духовного содержания человека. Герцен был безусловным социалистом, но в то же время его всего более страшило господство толпы, подавление индивидуальности. Это господство толпы он выражал термином «мещанства» и торжество мещанства ему казалось опасностью для человеческой культуры. Задолго до революции известный русский ученый экономист, бывший марксист, профессор Михаил Туган-Барановский, писал о Герцене, что «он предвидел возможность мещанского социализма, но социализм, по его представлению, мог получить осуществление и в другой форме, совершенно чуждой обезличению человека, и за такой социализм он всеми силами боролся».

Герцен много писал во французской и английской печати и очень много сделал для ознакомления европейцев с Россией, русской литературой и русским освободительным движением. Его книга «Былое и думы», переведенная на многие иностранные языки, занимает выдающееся место в мировой мемуарной литературе. В начале 1870 г. Герцен в Париже простудился на одном из митингов и 21

января умер от воспаления легких. Позднее его прах был перевезен в Ниццу и там похоронен, рядом с его женой. В 1912 г. ко дню столетия его рождения, на могиле был поставлен бронзовый памятник.

V

4 апреля 1912 г. Г. В Плеханов в своей речи к столетию дня рождения Герцена на его могиле в Ницце сказал: «Герцен горячо дорожил интересами русского народа. Он не лгал, когда писал о себе, что с детских лет бесконечно любил наши села и деревни. И он был русским до конца ногтей. Но любовь к родине не осталась у него на степени зоологического инстинкта, как известно способного проявляться подчас зверским образом; она была возведена на степень осмысленной человеческой привязанности. И в той самой мере, в какой она возвышалась у него на эту ступень, он становился **всемирным** гражданином. «Мы не рабы нашей любви к родине, — писал он, — как не рабы ни в чем. Свободный человек не может признать такой зависимости от своего края, которая заставила бы его участвовать в деле, противном его совести». Так говорил он. Это поистине золотые слова, — сказал Плеханов. — Каждый из нас должен как можно чаще вспоминать их теперь, зайдет ли речь о жестоких и постыдных еврейских погромах, или о нарушении финляндской конституции, или о запрещении украинским детям учиться по-малорусски, или вообще о каком бы то ни было угнетении какого бы то ни было племени, входящего в состав населения нашего государства».

В заключение Плеханов сказал: «Герцену не суждено было вернуться на родину. И если бы он дожил до нынешнего дня, то, может быть, ему и теперь пришлось бы скитаться в изгнании. Дело веков поправлять не легко... Если бы Герцен жил теперь, он, конечно, не разочаровался бы в Западной Европе. Он много страдал от своего разочарования в ней. Но и после этого разочарования он не утратил веры в Россию. Нынешний день оживит и на-

шу веру в лучшее будущее нашей многострадальной страны».

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ (1829-1889)

I

29-го октября 1969 г. исполнилось восемьдесят лет со дня смерти знаменитого русского ученого экономиста, публициста и литературного критика Николая Гавриловича Чернышевского. Карл Маркс, который не был щедр на похвалы, печатно назвал Чернышевского «великим русским ученым и критиком». А знаменитому русскому революционеру-народнику Герману Лопатину Маркс не раз говорил, что «из всех современных экономистов Чернышевский представляет единственного оригинального мыслителя, между тем как остальные суть только простые компиляторы».

Чернышевский родился 24 июня 1828 г. в Саратове, где отец его был священником. Он учился сначала в тамошней духовной семинарии, потом поступил в Петербургский университет, который окончил в 1850 г.

Чернышевский был с ранней юности и до конца жизни революционером и социалистом. Еще юношей, в 1848 г., он писал в своем «Дневнике»:

«В сущности я нисколько не подорожу жизнью для торжества своих убеждений, для торжества свободы, равенства, братства, уничтожения нищенства и порока, если я только буду убежден, что мои убеждения справедливы и восторжествуют, и если уверен буду, что восторжествуют они, даже не пожалею, что не увижу дня торжества их».

Тогда же он писал в своем «Дневнике»: — «Историческое значение каждого русского великого человека измеряется его заслугами родине, его человеческое достоинство — силой его патриотизма».

Далее Чернышевский объяснял, в чем, по его мнению, заключается истинный патриотизм. Он писал: — «Неужели наше призвание ограничивается тем, что мы имеем миллион пятьсот тысяч войска и можем, как гунны, как монголы, завоевать Европу, если захотим?... Таково ли наше назначение? Быть всемогущими в политическом и военном отношении и ничтожными по другим высшим элементам жизни народной? В таком случае лучше вовсе не родиться, чем родиться гунном, Атиллою, Чингис-ханом, Тамерланом или одним из их воинов и подданных».

Чернышевский был убежденным противником как расового, так и национального гнета. Еще юношей он по поводу подавления венгерского восстания русскими войсками Николая I, писал в своем «Дневнике» 17-го июля 1848 года: — «Я друг венгров, желаю поражения там русских и для этого готов был бы самым собой пожертвовать».

В 1850 г., по окончании университета, он вернулся в Саратов, где был преподавателем в гимназии. В 1853 г. он переехал в Петербург. Сначала он и там занимался педагогической деятельностью, но вскоре всецело посвятил себя литературному труду. Писал вначале в журнале «Отечественные записки», а потом стал писать исключительно для журнала Некрасова «Современник». Благодаря ему и привлеченному им Добролюбову, «Современник» скоро приобрел огромное влияние. «Современник» был самым популярным журналом в русском образованном обществе того времени. В 1861 г. тираж его дошел до 7.125 экземпляров, что было для той эпохи самым большим тиражем. Каждый экземпляр «Современника» читался коллективно, таким образом действительное число читателей журнала во много раз превышало его тираж.

Чернышевский был одним из образованнейших людей в России. Он знал 16 иностранных языков. Из 225 юношеских рукописей Чернышевского было написано: на немецком языке 12 работ, французском — 4, латинском

— 62, греческом — 12, арабском — 3, персидском — 5, татарском — 10, древне-еврейском — 3. Некоторые из этих рукописей переведены на русский язык. За сравнительно небольшой период (1855-1862) из-под его пера вышло свыше 250 работ, посвященных вопросам внутренней и международной политики, философии, истории, политической экономии, теории и истории литературы.

Верховной ценностью мира Чернышевский, как и Герцен признавал человеческую личность; возможно полная свобода развития человеческой индивидуальности была, в их глазах, конечной целью общественного союза; если они были социалистами, то именно потому, что только социализм мог в их глазах обеспечить человечеству свободу.

II

Чернышевский был убежден в неизбежности крестьянской революции в России, и в этом он расходился не только с тогдашними либералами, но также с Герценом. В 50-х годах Герцен верил в возможность мирного разрешения вопроса об отмене крепостной зависимости. Герцен в своем лондонском журнале «Колокол» взял русских либералов под свою защиту от критики «Современника» и в оскорбительной форме отзывался о Чернышевском и Добролюбова. По настоянию Некрасова Чернышевский поехал в Лондон объясниться с Герценом. Во время встречи с Герценом, состоявшейся 25 июня 1859 г., Чернышевский вел разговоры по принципиальным коренным вопросам, связанным с практической подготовкой крестьянской революции. В мемуарах современников сохранились отзывы Герцена и Чернышевского друг о друге, вызванные их встречей. «Какой умница, какой умница... и как отстал», — сказал Чернышевский о Герцене. «Ведь он до сих пор думает, что продолжает остроумничать в московских салонах и препирается с Хомяковым. А время идет теперь с страшной быстротой: один

месяц стоит прежних десяти лет. Присмотришься — у него все еще в нутре московский барин сидит».

«Удивительно умный человек, — заметил в свою очередь Герцен, — и тем более при таком уме показательно его самомнение. Ведь он уверен, что «Современник» представляет из себя пуп России. Нас грешных они совсем похоронили. Ну, только, кажется, уж очень они торопятся с нашей отходной — мы еще поживем».

Когда в 1861-1862 гг. начались крестьянские восстания, Чернышевский увлекся и написал прокламацию «К барским крестьянам», но прежде чем она была напечатана, провокатор, который видел ее, выдал Чернышевского. Ненавидевшее его правительство, боявшееся его революционного влияния на молодежь, воспользовалось доносом, арестовало его, и после того, как он просидел два года в Петропавловской крепости, он был присужден к семи годам каторги и по истечении этого срока — на вечное поселение в Сибирь.

19-го мая 1864 г. в «Петербургских ведомостях» было опубликовано объявление об исполнении приговора над Чернышевским. В этот день на Мытинской площади в Петербурге над Чернышевским был совершен обряд гражданской казни. Жандармский полковник Дурново в донесении от 19-го мая 1864 г. сообщил шефу жандармов Долгорукову: «По приказанию вашего сиятельства сего числа в 6½ утра прибыл я на Мытинскую площадь, где в 8 часов должен быть объявлен публичный приговор государственному преступнику Чернышевскому. На площади я нашел, несмотря на раннее время и ненастную погоду, около 200 человек, ко времени же объявления приговора собралось от 2 до 2½ тысяч человек. В числе присутствующих были литераторы и сотрудники журналов, много студентов Медико-хирургической академии, три воспитанника училища правоведения, до 20 человек воспитанников корпуса путей сообщения, несколько офицеров пехотных гвардейских полков и офицеров армейских и стрелковых батальонов. Перед приводом Черны-

шевского, находящийся в числе зрителей, г. Якушкин изъявил желание проститься с преступником, и когда к нему подошел полицмейстер полковник Ваннаш и спросил, он ли желает проститься, г. Якушкин сказал, что желает не он один, а желают все». (М. Н. Чернышевская. Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского. Москва, стр. 331).

На другой день, 20-го мая 1864 г. в 10 часов утра закованного в цепи Чернышевского из каземата Петропавловской крепости отправили по этапу в Сибирь на каторгу.

Почти 21 год Чернышевский томился в крепости, на каторге и в Сибирской ссылке, но ничто не могло сломить его железной воли. Еще сидя в Петропавловской крепости и зная, что его впереди ожидают тягчайшие испытания, он писал жене:

«Скажу тебе одно — наша с тобой жизнь принадлежит истории; пройдут сотни лет, а наши имена все еще будут милы людям и будут вспоминать о нас с благодарностью, когда уже забудут почти всех, кто жил в одно время с нами. Так надобно же нам не уронить себя со стороны бодрости характера перед людьми, которые будут изучать нашу жизнь».

III

Трагическая судьба Чернышевского не переставала волновать Герцена. Он проклинал палачей Чернышевского, которого называл «великим борцом за свободу русского народа и одним из самых замечательных русских публицистов».

В своих «Письмах к противнику» Герцен в конце 1864 г. писал в «Колоколе»: «Что, Чернышевский отрекся от своих убеждений? Нет, он ушел на каторгу с святой нераскаянностью». А через два года в конце 1866 г., Герцен в статье «Порядок торжествует» писал в «Колоколе»:

«Первые представители социальных идей в Петербурге были Петрашевцы. Их даже судили как «Фурьеры»

стов». За ними является сильная личность Чернышевского. Он не принадлежал исключительно ни к одной социальной доктрине, но имел глубокий социальный смысл и глубокую критику современно существующих порядков. Стоя один, выше всех головой, серед петербургского брожения вопросов и сил, серед застарелых пороков и начинающих угрызений совести, серед молодого желания иначе жить, вырваться из обычной грязи и неправды, Чернышевский решился схватиться за руль, пытаюсь указать жаждавшим и стремившимся — что им делать. Его среда была городская, университетская, среди развитой скорби, сознательного недовольства и негодования; она состояла исключительно из работников умственного движения, из пролетариата интеллигенции, из «способностей». Чернышевский, Михайлов и их друзья, первые в России звали не только труженика, съедаемого капиталом, но и труженицу, съедаемую семьей, к иной жизни. Они звали женщину к освобождению работой от вечной опеки, от унижительного несовершеннолетия, от жизни на содержании — и в этом одна из величайших заслуг их.

Пропаганда Чернышевского была ответом на настоящие страдания, слово утешения и надежды гибнувшим в суровых тисках жизни. Она им указывала выход. Она дала тон литературе и провела черту между в самом деле юной Россией — и прикидывавшеюся такою Россией, немного либеральной, слегка бюрократической и слегка крепостнической. Идеалы ее были в совокупном труде, в устройстве мастерской, а не в тощей палате, в которой бы Собакевичи и Ноздревы разыгрывали «дворян в мещанстве» — и помещиков в оппозиции.

Огромный успех социальных учений между молодым поколением, школа вызванная ими, нашедшая себе не только литературные отголоски и органы, но начала практического приложения и исполнения — имеют историческое значение».

Чернышевский был не только замечательный публицист, но и выдающийся литературный критик. Он раньше

других заявил о мировом значении русской литературы. «Каково бы ни было достоинство произведений Пушкина, Грибоедова, Лермонтова и современных нам писателей, писал он еще в начале 50-х гг., — но они еще милее для нас, как залог будущих торжеств нашего народа на поприще искусства, просвещения и гуманности». (Собр. соч. т. 1, стр. 3191). Чернышевский высоко ценил талант Тургенева. Он первый раскрыл в творчестве Л. Н. Толстого его «глубокий реализм, умение отразить всю полноту человеческих переживаний». Именно Чернышевский первый предсказал блестящее литературное будущее Толстому.

Один из товарищей детства и отрочества Александра II — известный писатель А. К. Толстой — зимой 1864-1865 г. во время охоты, стоя рядом с царем, решил воспользоваться случаем и замолвить слово за осужденного Чернышевского, которого он знал лично. На вопрос Александра II, что делается в литературе и не написал ли он, Толстой, что-либо новое, писатель ответил: «Русская литература надела траур по поводу **несправедливого** осуждения Чернышевского»...

Александр II не дал ему кончить фразу: «Прошу тебя, Толстой, **никогда** не напоминать мне о Чернышевском», — проговорил он недовольно и затем, отвернувшись в сторону, дал понять, что беседа кончена.

2 декабря 1871 г. начальство каторжной тюрьмы в которой содержался Чернышевский получило следующее предписание:

«Важность преступлений, совершенных Чернышевским, и значение которым пользуется он в среде сочувствующих ему поклонников, вызывают со стороны правительства особые меры для отстранения ему возможности побега и отклонения его вредного влияния на общество. В этих видах, для поселения Чернышевского, по случаю окончания определенного ему срока каторжных работ, назначается отдаленное и уединенное место Якутской области, именно город Вилуйск, в котором Черны-

шевский должен помещаться в том здании, где раньше его помещались важные преступники».

В казенной повозке, под конвоем двух жандармов и офицера, Чернышевский в сибирский лютый мороз, доходивший до 50 градусов, был отправлен в Вилуйск. Он проехал раньше больше 1.000 верст до Иркутска и затем 710 верст от Иркутска до Вилуйска. Путь лежал по мерзлым, занесенным снежными сугробами сибирским дорогам. На остановках у нищего якутского населения нельзя было достать даже корки хлеба. Чернышевский прибыл в Вилуйск в январе 1872 г. и был помещен в лучшем здании города — в тюрьме. Тюрьма в то время пустовала — ни одна душа не вышла ему навстречу. Сам он в письмах к родным писал: «Что такое Вилуйск? Это город только по названию. В действительности это даже не село, даже не деревня — это нечто такое пустынное и мелкое, чему подобного в России нет».

В этой пустыне Вилуйск, по словам Чернышевского, представлялся настоящим оазисом. Этот «оазис» был совершенно отрезан от всего культурного мира. Почта приходила туда раз в два месяца. Ближайший рынок — Якутск — находился в 710 верстах оттуда, и товары привозились только раз в год. Достать стакан или тарелку или кусок мыла было нельзя. Условия питания были самые тяжелые. Мясом запасались там раз в год. Чтобы не заболеть, Чернышевский совершенно отказался от такого «свежего» мяса и питался исключительно хлебом, кашей и чаем. Ближайшего доктора можно было найти только — в Якутске. Климат в этих местах сносен только при самых жестоких морозах. В остальное время воздух пропитан болотными испарениями, губительными для непривычных людей.

Поселившись в «лучшем доме» Вилуйска, Чернышевский перестал ждать смягчения своей участи. Он пришел к заключению, что правительство решило похоронить его заживо, отрезать от всего культурного мира. Всю

свою энергию мысли и напряжение воли он сосредоточил на одной цели: сохранить свое духовное «я» и не дать ему погибнуть в глухой сибирской тайге. Может быть, голос его когда-нибудь еще зазвучит, и поэтому надо во что бы то ни стало сохранить себя для того времени. Он зарылся в книги и продолжал по целым ночам писать. Утром рвал все написанное на мелкие клочки, ибо он вечно боялся обыска и не хотел, чтобы какой-нибудь жандарм рылся в его бумагах. Надеяться на то, что написанное когда-нибудь увидит свет, он не мог. Цензура строго запретила русской печати даже упоминать его имя. Днем и ночью два стражника охраняли его дом.

Летом 1874 г. правительство попыталось склонить Чернышевского, чтобы он подал царю просьбу о помиловании. Генерал-губернатор Восточной Сибири направил в Виллюйск (место ссылки Чернышевского) своего адъютанта полковника Винникова для переговоров с Чернышевским. Винников явился к Чернышевскому в острог и, поздоровавшись с ним, передал ему предложение подать царю прошение о помиловании. Чернышевский сказал: «В чем же я должен просить помилования?... Мне кажется, что я сослан только потому, что моя голова и голова шефа жандармов Шувалова устроены на разный манер, а об этом разве можно просить помилования?»

Лишь в 1883 г. царь Александр III разрешил Чернышевскому вернуться из Сибири и поселиться под строгим надзором полиции сначала в Астрахани, а потом в его родном Саратове.

IV

Влияние Чернышевского на современников было громадно. «Имя Чернышевского, — писал знаменитый историк Н. И. Костомаров, — продолжало служить знаменем развивавшейся в России революционной пропаганды.

Никто в России не имел такого огромного влияния в области революционных идей на молодежь, как Чернышевский».

Коммунистические историки объявили Чернышевского «предшественником Ленина и русских большевиков», но это явная неправда. Чернышевский, действительно, относился с презрением к либералам. Это презрение вызывалось у него тем, что тогдашние либералы не понимали или не хотели понять, что все на свете требует силы для своего осуществления. «Дурное и хорошее, писал он, одинаково ничтожно, когда бессильно». Он едко смеялся над прусскими либералами, наивно ожидавшими, что желательные для них конституционные гарантии упадут с неба. Но либералы 50-х годов прошлого столетия не были похожи на русских либералов 20-го столетия, членов «Союза Освобождения» и Конституционно-Демократической партии, против которых воевал Ленин.

Чернышевский говорил о себе, что он не принадлежит к числу людей, готовых жертвовать нынешними интересами народа ради будущих его интересов. «Выше человеческой личности, — писал Чернышевский, — мы не принимаем на земле ничего». В своей статье «Капитал и труд» Чернышевский изложил план известного французского социалиста Луи Блана, и главной особенностью этого плана было, в изложении Чернышевского, то что его осуществление не стеснило бы ничьей свободы. «Кто чем хочет, тот тем и занимается», «живи, где хочешь, живи, как хочешь». В статье «Капитал и труд» Чернышевский называет план Луи Блана его **собственным** планом.

Чернышевский был решительным сторонником полного народовластия и раскрепощения всех угнетенных национальностей и их национального самоуправления. Чернышевский был противником национальной ограниченности. Он не отрывал интересов России от общечеловеческих и был решительным врагом всякого шовинизма. Он писал:

«Народность развивается соразмерно общечеловеч-

ности: только образование дает индивидуальности содержание и простор. Варвары все сходны между собой, каждая из высокообразованных наций отличается от других резко обрисованной индивидуальностью. Поэтому, заботясь о развитии общечеловеческих начал, мы в то же время содействуем развитию своих собственных качеств, хотя бы вовсе о том не заботились». (Н. Г. Чернышевский. Собр. сочинений. Том 1, стр. 180).

В другой статье он писал: — «Не люблю я тех господ, которые говорят свобода, свобода и эту свободу ограничивают тем, что сказали это слово, да написали его в законах и не вводят в жизнь, что уничтожают законы, говорящие о неравенстве, а не уничтожают порядка, при котором девять десятых народа рабы и пролетарии». (Там же, стр. 110).

Чернышевский был решительным врагом кнута и принуждения в экономической области. Он проповедовал образование производительных товариществ **на добровольных началах**. «Без добровольного согласия человека, — писал он, — ничто действительно полезное не может быть сделано для него». В одном из его романов один из его любимых героев говорит: «Без свободы счастье невозможно». А в одной из его статей, написанных им в 1879 г., Чернышевский писал:

«Мне всегда было тошно читать рассуждения о 'гнусности буржуазии' и обо всем тому подобном; тошно, потому что эти рассуждения, хоть и внушаемые 'любовью к народу', вредят народу, возбуждая вражду его друзей против сословия, интересы которого, хотя и могут часто сталкиваться с интересами его (как сталкиваются очень часто интересы каждой группы самих простолюдинов с интересами всей остальной массы простолюдинов), но в сущности одинаковы с теми условиями национальной жизни, какие необходимы для блага народа, потому в сущности тождественны с интересами народа». (Однотомник Н. Г. Чернышевского: Избранные статьи. Москва, 1950, стр. 787).

Известно, что Чернышевский писал романы, которые, хотя и не блещут особыми художественными достоинствами, но ни кто иной, как Лев Толстой в письме от 26 сентября 1903 г. о романе Чернышевского «Что делать?» писал:

«Эта книга — проявление силы и величия души, смелый опыт, в котором гармонически соединилось чувство и истинное искусство. Не могу выразить вам того восхищения, которое эта книга вызывает во мне». (Сборник «Литературное наследство» № 31-32. Москва, 1937 г. стр. 1011).

Выдающийся русский философ Николай Бердяев, в книге «Русская идея», так пишет о романе Чернышевского «Что делать?»:

«Роман Чернышевского замечателен и имел огромное значение. Это значение было, главным образом, моральное. Это была проповедь новой морали. Роман был оклеветан представителями правого лагеря, — начали кричать о его безнравственности те, кому это менее всего было к лицу. В действительности мораль «Что делать?» очень высокая. Бухарев, один из самых замечательных русских богословов, признавал «Что делать?» христианской по духу книгой. Прежде всего, это книга аскетическая, в ней есть тот аскетический элемент, которым была проникнута русская революционная интеллигенция. Герой романа Рахметов спит на гвоздях, чтобы приготовить себя к перенесению пытки, он готов во всем себе отказывать. Мораль «Что делать?» должна быть признана очень чистой. Проповедь свободы любви есть проповедь искренности чувства и ценности любви, как единственного оправдания отношений между мужчиной и женщиной. Чернышевский восстает против всякого социального насилия над человеческими чувствами, он движется любовью к свободе, уважением к свободе и искренности чувства. ...Чернышевский имел самую жалкую философию, которой была заполнена поверхность его сознания. Но глубина его нравственной природы внушала ему

очень верные и чистые жизненные оценки. В нем была большая человечность, он боролся за освобождение человека. Он боролся за человека против власти общества над человеческими чувствами».

В сентябре 1884 г., через несколько месяцев после проезда Чернышевского из Вилюйска в Россию, молодому тогда писателю Владимиру Короленко пришлось провести несколько часов на пустом острове Лены. Ему пришлось разговориться с местными ямщиками. Эти люди, которые, как все люди, все ждут чего то и на что то надеются, везли Чернышевского, когда его отправляли в Вилюйск. Они заметили тогда, что этого арестанта провожали с особенным вниманием, и долго в юртах этих мужиков толковали о «важном генерале», попавшем в опалу. Затем его через 12 лет повезли обратно и опять с необычайными предосторожностями. И вот теперь, рассказывая Короленко о своем житье-бытье, один из ямщиков задумчиво сказал:

— Вот разве от Чернышевского не будет ли нам чего?

— Что такое? От какого Чернышевского? — удивился Короленко.

И ямщик рассказал Короленко следующее:

«Чернышевский был у покойного царя (Александра II) важный генерал и самый первейший сенатор. Вот однажды созвал государь всех сенаторов и говорит: «слышу я — плохо в моем государстве: людишки больно жалуются. Что скажете, как сделать лучше?» Ну, сенаторы — один одно, другой другое... Известно уже, как всегда заведено. А Чернышевский молчит. Вот, когда все сказали свое, царь говорит: — «Что же ты молчишь, мой сенатор Чернышевский? Говори и ты». — Всё хорошо твои сенаторы говорят, отвечает Чернышевский, и хитро, да все вишь не то. А дело то, батюшка-государь, просто. Посмотри на нас: сколько на нас золота и серебра навешано, а много ли работаем? Да, пожалуй, что меньше всех! А которые у тебя больше всех в государстве рабо-

тают — те вовсе, почитай, без рубах. И всё идет наыворот. А надо вот как: нам бы поменьше маленько богатства, а работы бы прибавить, а прочему народу убавить тягостей. — Вот услышали это сенаторы и осердились. Самый старший из них и говорит: «Это знать последние времена настают, что волк волка съесть хочет». Да один за одним и ушли. И сидит за столом царь да Чернышевский один. Вот царь и говорит: «Ну, брат, Чернышевский, люблю я тебя, а делать нечего, надо тебя в дальние края сослать, потому с тобой с одним мне делами не управиться». Заплакал да и отправил Чернышевского в самое гиблое место, на Вилюй. А в Петербурге осталось у Чернышевского 7 сыновей и все выросли, обучились и все стали генералы. И вот пришли они к новому царю и говорят: «Вели, государь, вернуть нашего родителя, потому его и отец твой любил. Да теперь он уже и не один будет — мы все с ним семь генералов». Царь и вернул его в Россию, теперь, чай, будет спрашивать, как в Сибири, в отдаленных местах, народ живет? Он и расскажет. Привез я его в лодке на станок, да как жандармы то сошли на берег, я поклонился ему в пояс и говорю: «Николай Гаврилович, видел наше житьишко?» — Видел, — говорит. — «Ну, видел, так и слава те Господи». Так закончил ямщик свой рассказ в полной уверенности, что в ответе Чернышевского заключался залог лучшего будущего для них. Конечно, Чернышевский не был сенатором и у него не было сыновей генералов. Но он говорил русскому читателю и правительству именно то, что приводится в легенде. Нам нужно работать больше на пользу народа, а народу нужно облегчье. Он твердой рукой разрушал шлюзы, из-за которых в русское общество хлынул поток освободительных идей.

Когда через несколько лет Короленко рассказал эту легенду Чернышевскому, он с добродушной иронией покачал головой и сказал:

«А-а. Похоже на правду, именно похоже! Умные парни эти ямщики!»

Чернышевский умер в Саратове 29-го октября 1889 г. Имя Н. Г. Чернышевского навсегда занесено в число тех, которые всю свою жизнь посвятили борьбе за права и счастье народа и принесли мировую славу великой русской культуре.

ПЕТР ЛАВРОВ (1823-1900)

«Средством для распространения истины не может быть ложь: средством для реализации справедливости не может быть ни эксплуатация, ни авторитарное господство личности... Люди, утверждающие, что цель оправдывает средства, должны были всегда сознавать: кроме тех средств, которые подрывают самую цель».

Это слова знаменитого русского мыслителя-социалиста Петра Лавровича Лаврова, который родился 14 июня 1823 года в селе Мелехове, Псковской губернии. Отец его был русский дворянин, полковник в отставке, мать — дочь обрусевшего шведа. Петр Лаврович очень рано развился. К четырнадцати годам, когда отец определил его в артиллерийское училище, он знал уже три европейских языка, читал в подлиннике произведения лучших представителей всемирной литературы. Одновременно он усердно занимался историей и математикой и писал стихи.

Еще в артиллерийской школе Лавров проникся энтузиазмом к идеям свободы и прогресса, а молодым офицером он познакомился с сочинениями великих французских и английских социалистов первой половины 19 века. По окончании школы в 1842 году, он был приглашен туда же преподавателем высшей математики, которую преподавал потом и в других высших военных школах. В середине пятидесятых годов началась его учено-литературная деятельность. Полковник артиллерии, профессор математики, историк культуры, стремившийся всю

жизнь к научной работе, стал, «неисповедимыми судьбами русского интеллигента» одним из виднейших революционеров, одним из теоретиков «русского социализма», иначе говоря, русского народничества». В 1862 году он вступил в тайное революционное общество «Земля и Воля», с которым был тесно связан Чернышевский. После покушения Дмитрия Каракозова на Александра II, Лавров был арестован и сослан в Вологодскую губернию за свои «вредные идеи». В ссылке Петр Лаврович усиленно занимался литературной деятельностью. Там он написал свои знаменитые «Исторические письма», которые печатались в журнале «Неделя», а потом вышли отдельной книгой. Статьи и книга имели огромный успех.

В «Исторических письмах» Лавров в основу своего идеала кладет всестороннее развитие человеческой личности. Это цель. Общественная солидарность — лишь средство для развития личности. Он пишет:

«Развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношении, воплощенное в общественных формах истины и справедливости, вот краткая формула, обнимающая, как мне кажется, все, что можно считать прогрессом».

Развивая это положение и изучая отношение личности к обществу, Лавров приходит к выводу, что нельзя ни личность подчинять обществу, ни общество личности. Поэтому он отрицает крайний индивидуализм и крайнюю общественность:

«И то, и другое есть призрак... Общество вне личностей не заключает ничего реального (действительного). Ясно понятые интересы личности требуют, чтобы она стремилась к осуществлению общих интересов; общественные цели могут быть достигнуты исключительно в личностях. Поэтому истинная общественная теория требует не подчинения общественного элемента личному и не поглощения личности обществом, а слияния общественных и частных интересов. Личность должна развить в себе понимание общественных интересов, которые суть

и ее интересы; она должна направлять свою деятельность на внесение истины и справедливости в общественные формы, потому что это есть не какое-либо отвлеченное стремление, а самый близкий эгоистический ее интерес. Индивидуализм на этой ступени становится осуществлением общего блага помощью личных стремлений, но общее благо и не может иначе осуществиться. Общественность становится реализованным (осуществлением) личных целей в общественной жизни, но они и не могут быть реализованы в какой-либо другой среде».

Знаменитое «движение в народ» в 1871 году началось под самым непосредственным влиянием «Исторических писем». Появление их в 1870 году отдельным изданием было событием для русской молодежи, и знаменовало собой новую эру в жизни русской интеллигенции.

«Надо было жить в 70-ые годы, в эпоху движения в народ, — пишет Н. С. Русанов, — чтобы видеть вокруг себя и чувствовать на самом себе удивительное влияние, произведенное «Историческими письмами»! Многие из нас, юноши в то время, а другие просто мальчики — не расставались с небольшой, истрепанной, исчитанной, истертой в конец книжкой. Она лежала у нас под изголовьем. И на нее падали при чтении ночью наши горячие слезы идейного энтузиазма, охватившего нас безмерной жаждой жить для благородных идей и умереть за них... К черту и «разумный эгоизм», и «мыслящий реализм», и к черту всех этих лягушек и прочие предметы наук, которые заставили нас забывать о народе! Отныне наша жизнь должна всецело принадлежать массам». (Н. Русанов — «Социалисты Запада и России», Спб. 1909 г., стр. 227 и 228).

В начале 1870 года Лавров бежал из ссылки и в марте 1870 года очутился в Париже. «Вывез» его из ссылки и благополучно доставил в Петербург знаменитый революционер Герман Александрович Лопатин. В Париж Лавров приехал по приглашению Герцена, но уже не застал его в живых (Герцен скончался 21 января 1870 г.).

По словам Лопатина, который потом был очень близок к Лаврову и в течение ряда лет чуть ли не ежедневно бывал у него в Париже, Лавров быстро познакомился со знаменитыми французскими учеными и с руководителями рабочего и социалистического движения. Вначале Лавров надеялся на скорое наступление в России лучших времен и на возможность возвращения на родину. Поэтому он рассчитывал «служить делу прогресса в наиболее свойственной ему сфере, путем литературной пропаганды в легальной русской печати наиболее прогрессивных идей из области философии, религии, науки, искусства и политических учений». Практическое участие в политике он считал несвойственным для себя делом и всячески отстранялся от него. И только когда он убедился, что его надежды на возвращение в Россию тщетны, и когда внезапная смерть его второй жены, А. П. Чаплицкой, опустошила его личную жизнь, он решил заняться антиправительственной пропагандой за границей и для этого вступил в сношения с кружком молодых русских революционеров, наиболее близких ему по своим взглядам. Он также стал членом Интернационала.

В начале мая 1871 года, по поручению руководителей Парижской Коммуны, Лавров поехал в Лондон, познакомился там с Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом и потом подружился с ними. С 1873 по 1876 год Лавров издавал сначала в Цюрихе, а потом в Лондоне революционный социалистический журнал «Вперед». В статье «Наша программа», опубликованной в первом номере журнала, Лавров писал:

«Перестройка русского общества должна быть совершена не только с целью народного блага, не только для народа, но и посредством народа. Современный русский деятель должен оставить за собой устарелое мнение, что народу могут быть навязаны революционные идеи, выработанные небольшой группой более развитого меньшинства, что революционеры-социалисты, свергнув удачным порывом центральное правительство, могут стать на

его место и ввести... новый строй, облагодетельствовав им неподготовленную массу. Мы не хотим насильственной власти, какой бы ни был источник новой власти».

Как и Герцен, Лавров был ярким противником всякой диктатуры. В 1874 году он писал в журнале «Вперед»:

«История доказала и психология убеждает нас, что всякая неограниченная власть, всякая диктатура партии самых лучших людей, и что даже гениальные люди, думая облагодетельствовать народы декретами, не могли этого сделать. Всякая диктатура должна окружить себя принудительной силой, слепо повинующимися орудиями. Всякой диктатуре приходилось насильно давить не только реакционеров, но и людей, просто несогласных с ее способами действия. Всякой захваченной диктатуре пришлось истратить больше времени, усилий, энергии на борьбу за власть с ее соперниками, чем на осуществление своей программы с помощью этой власти.

О сложении же диктатуры, захваченной власти какой-либо партией, то есть о том, что диктатура послужит лишь «исходным пунктом революции», можно мечтать лишь до захвата. В борьбе партии за власть, в волнении явных и тайных интриг каждая минута вызывает необходимость сохранить власть, вызывает новую невозможность оставить ее. Диктатуру вырывает из рук диктаторов только новая революция... Неужели мало доказала история бессилие декретов, мероприятий, распоряжений для облагодетельствования масс?... Истина и солидарность нового социального строя не может быть основана на лжи и лицемерии, на эксплуатации одних людей другими, на игре принципами, которые должны лечь в основу нового строя, на овечьем подчинении кружков несколькими предводителям».

«Немногие диктаторы, поставленные случайно у конца государственного рычага, навязывающие механической силой свои личные фантазии несочувствующему, непонимающему и инертному большинству, суть отвратительные представители принудительной государственно-

сти и могут сделать зло, как бы, впрочем, ни были направлены к общему благу их намерения».

Журнал «Вперед» имел большое влияние на широкие круги русской интеллигенции, особенно на учащуюся молодежь. Иван Сергеевич Тургенев писал Лаврову:

«Программу Вашу я прочел два раза со всем подобающим вниманием; со всеми главными положениями я согласен». (А. Островский. Тургенев в Записках Современников. Издательство писателей в Ленинграде, 1929 г., стр. 266).

Тургенев субсидировал этот журнал. Сначала он давал тысячу франков в год, а потом пятьсот. По словам Германа Лопатина, который встречался в Париже с Тургеневым, Тургенев далеко не разделял программы «Вперед». Но он говорил:

«Это бьет по правительству и я готов помочь всем, чем могу» (Там же).

Лавров в статье «И. С. Тургенев» писал:

«Иван Сергеевич никогда не был ни социалистом, ни революционером. Он никогда не верил, чтобы революционеры могли поднять народ против правительства, как не верил, чтобы народ мог осуществить свои «сны» о новом «батюшке Степане Тимофеевиче» (Стеньке Разине); но история его научила, что никакие «реформы свыше» не даются без давления и энергичного давления — снизу на власть; он искал силы, которые были бы способны произвести это давление» (Там же, стр. 267).

Вследствие разногласий, возникших между так называемыми «впередовцами» и редактором, Лавров в 1876 году вышел из редакции. Появившийся в том же году его труд «Государственный элемент в будущем обществе», составил первый и единственный выпуск четвертого периодического сборника «Вперед». После выхода Лаврова из редакции, вышел еще пятый том, в составлении которого он не участвовал и на котором прекратилась деятельность «впередовцев» в России и за границей.

В мае 1877 года Лавров опять переехал в Париж. В первые годы этого нового периода своей жизни он, по его собственным словам, имел очень мало сношений с русскими революционными группами. Он был связан с французскими социалистами, которые в 1877 году создали орган "Egalité" и принимал участие в этом органе. С того же года он начал читать у себя на квартире, а потом в зале на рю Паскаль, для русской молодежи, жившей в Париже, лекции о разных вопросах теоретического социализма и истории мысли.

В 1881 году в России было создано общество Красного Креста Народной Воли. Желая основать отдел за границей, оно избрало уполномоченными для этого Веру Ивановну Засулич и Лаврова. Публикации в иностранных журналах, приглашавшие к пожертвованиям в пользу только что основанного общества, послужили поводом изгнания Лаврова из пределов Франции. Об этом ему было объявлено 10 января 1882 года. 13 февраля он выехал в Лондон. Вскоре после этого в газетах появилось сообщение, что какая-то русская дама, в Женеве, стреляла в немца, которого приняла за Лаврова. Ее судили и признали помешанной.

В Лондоне Лавров получил от Исполнительного комитета Народной Воли из России приглашение вступить, вместе с Сергеем Степняком-Кравчинским, в редакцию органа партии, который должен был издаваться за границей, под названием «Вестник Народной Воли». Через три месяца после приезда Лаврова в Лондон, он получил возможность вернуться в Париж. Дело об издании «Вестника Народной Воли» тянулось более года, до приезда в Париж Льва Тихомирова, одного из уцелевших вождей «Народной Воли». Он был назначен редактором, вместо отказавшегося Степняка-Кравчинского; в ноябре 1883 года вышел первый том «Вестника» под редакцией Лаврова и Тихомирова. Последний, пятый том, вышел в декабре 1886 года. В этом журнале Лавров, под своей подписью, поместил много статей по социально-политическим во-

просам, а также воспоминания о Тургеневе и критику учения Л. Н. Толстого, под заглавием «Старые вопросы».

После прекращения выхода «Вестника Народной Воли», Лавров продолжал безвыездно жить в Париже. Он часто читал рефераты в «Рабочем обществе», в собраниях, устраиваемых кассой русских студентов в Париже, в «Обществе русской молодежи», в собраниях польских социалистов. Многие из этих рефератов потом были напечатаны отдельными брошюрами. В 1886 году Лавров решил осуществить свой план работы по истории мысли. Он начал писать этот труд, не зная, откуда взять средства для его издания. Нашелся, однако, человек, обещавший дать деньги на первый том — на эти средства, с декабря 1887 года, в Женеве начали выходить, отдельными выпусками, «Опыты истории мысли нового времени», в которых автор резюмировал все свои предыдущие работы. В 1889 году появился уже пятый выпуск «Опытов».

В том же году восемь социалистических русских и армянских групп (из которых одна была петербургская) послали Лаврова делегатом на Международный социалистический конгресс, который состоялся в Париже 14-21 июля и на котором был основан Второй Интернационал. На этом конгрессе Лавров был избран в состав бюро и прочел перед конгрессом реферат о положении социалистического движения в России.

В рефератах, которые Лавров читал в Париже в 1877-82 годах, он, по его собственным словам, много раз возвращался к указанию на те опасности, которые представляют для успеха революционной партии анархические начала и террористические приемы.

«Он с радостью видел, что в самой России анархические начала мало-помалу исчезают, но не мог не заметить и того, что рядом с ослаблением анархизма в России, все группы, кроме так называемых «террористов», теряют значение в движении и успех революционного дела в России все более отождествляется с успехом «террористов». Поэтому он решительно отверг приглашение стать

во главе издания, объявлявшего войну «Народной Воле». Он считал войну против этой партии прямо вредной для дела в России, если история русского революционного движения выдвинула на первое место эту партию, поставившую себе непосредственной задачей сотрясение самодержавия, а потом и его разрушение. Тем не менее, Лавров тогда только вошел в союз с этой партией, когда убедился, что она остается социалистической... В продолжение своего участия в «Вестнике Народной Воли», он смотрел на свою деятельность в этом издании, как на теоретическое уяснение тех социалистических начал, которые остались основой деятельности этой революционной партии в России, в эпоху, когда она одна, в конце 70-ых и начале 80-ых годов умела выработать нечто похожее на общественную силу» («П. Л. Лавров о самом себе», «Вестник Европы», Петербург, 1911 г., № 19).

Герману Лопатину Лавров тогда говорил:

«Я считаю своим долгом — помогать той партии действия, которая имеется в данный момент налицо, хотя бы я далеко не во всем соглашался с ней. Что до того, что я не мог разделить наивной веры «впередовцев» в возможность скорого и полного социального переворота? Что до того, что я не могу верить вместе с «народовольцами» в осуществимость путем заговора и так называемого «террора» тоже внезапного, коренного, политического переустройства России? Но ведь их конечные идеалы и цели тоже и мои. Ведь их средства действия не противоречат моим моральным принципам, хотя бы они и казались мне иной раз непрактичными и нецелесообразными? Ведь я знал и знаю, что, стремясь к неосуществимому в близком будущем, они все же содействуют попутному достижению хотя бы более скромных, но все-таки прогрессивных, задач более умеренных партий, по известному, ироническому закону истории: «Sic — vos, sed — non vobis?» Так что мне до их иллюзий или до наших чисто тактических разногласий, которые я старался и стараюсь обходить? Повторяю: я всегда был и буду

с теми, которые действуют, борются, а не с теми, что сидят у моря и ждут погоды». (Г. Лопатин о П. Л. Лаврове, «Минувшие годы», Москва, 1916 г.).

По словам Лопатина, Лавров работал совместно с крайними революционерами-утопистами, хотя — «по собственным взглядам и был, может быть, ближе к некоторым из нынешних левых кадетов — как я представляю их себе, то есть людям, признающим в теории социалистический строй за конечный, неизбежный финал развития современных обществ, но считающим, что сейчас нужно сосредоточить все силы на борьбе за ряд более скромных, но более осуществимых, политических, экономических и социальных перемен общественного уклада».

Лопатин писал это в 1916 году, в той же статье о Лаврове:

«Из моей тесной, многолетней близости с Лавровым, я вынес о нем понятие, как о человеке железной воли, твердого непреклонного характера, упорного до упрямства в своих взглядах, неуклонного в своих замыслах, любезного и уступчивого только с виду, в мелочах, но ни на минуту не забывавшего своей главной цели и настойчиво пробивавшегося к ней через все препятствия, скрытного с посторонними и не откровенного беззаветно даже с друзьями, медленно, обдуманно принимавшего свои решения и затем уже не отступавшего от них ни на шаг, и при этом — неутомимого работника, умевшего заставить себя трудиться с успехом даже в несвойственной ему области. «Мягкого» в этом человеке было только его светская внешность, благовоспитанные манеры да старомодная «любезность»...

Лавров в течение многих лет был умственным и нравственным центром для всей русской молодежи, находившейся за границей. С. Ан-ский, бывший в последние годы жизни Лаврова его секретарем, пишет:

«К нему прибегали и за советом и за помощью, и по общественным и по личным делам; к нему молодая

душа приносила свои первые порывы, свои колебания и сомнения; к нему приходили за решением трудных вопросов теории и практики жизни; у него искали облегчения при личном горе» («Русское Богатство», «Памяти Лаврова», Петербург, 1905 г., № 8).

Лавров умер 6 февраля 1900 года в Париже. Его похороны состоялись 11 февраля. В похоронной процессии приняло участие более восьми тысяч человек. Было очень много венков от различных эмигрантских организаций, от всех социалистических партий Европы, а также от многих студенческих групп разных городов России. Особое внимание к себе привлекли суровый терновый венок «От политических ссыльных и каторжан» из России, огромный венок из лавровых листьев от народовольцев, от группы русских писателей в России с надписью «Апостолу свободы и правды Петру Лаврову», и от многочисленных друзей покойного. Из них особенно замечательна была одна надпись: «Петру Лаврову от Германа Лопатина», который сидел тогда в Шлиссельбургской крепости. На кладбище говорили выдающиеся лидеры французского социализма, представители почти всех русских, польских, еврейских, латышских, литовских и армянских социалистических групп и течений. Было также получено много телеграмм и адресов из России, в том числе телеграмма от «Союза русских писателей» из Петербурга, следующего содержания: «Петербург, 8 февраля. Комитет Союза русских писателей, узнав тяжелую весть о смерти Петра Лаврова, выражает свою глубокую печаль по случаю утраты великого писателя, столь достойно служившего делу человечества и прогресса». Не только все социалистические и радикальные газеты всего мира, но и многие русские газеты в самой России поместили сочувственные некрологи и почтили память Лаврова.

В 1916 году, к пятидесятилетию со дня смерти Лаврова, его бывший близкий друг Лопатин писал в московском журнале «Минувшие годы»:

«Лавров стоял, как могучий кряжистый дуб, как светоч, возженный на верху горы, до самой своей смерти окруженный почтением и симпатиями русских и иностранных социалистов, шедших к нему за участием, советом и посильной помощью и никогда не встречавших отказа в этом со стороны этого несокрушимого человека долга и идеала».

Петербургский «Ежемесячный журнал» во втором номере от 1916 года писал:

«Как народничество, так и народовольческое движение прошли под непосредственным влиянием Лаврова... Он более чем кто бы то ни было из наших выдающихся писателей был учителем молодежи России в течение нескольких десятилетий... Большое значение в нашей общественности имело учение Лаврова о роли личности в истории. Перед всеми нами Лавров выдвигал активную борьбу личности на право своего всестороннего и целостного развития на основах общественной справедливости... Своей литературной деятельностью Лавров много содействовал развитию в России философии, этики и истории...»

К двадцатилетию со дня смерти Лаврова историк и социолог, профессор Н. Н. Кареев писал о нем:

«Энциклопедически-образованный в гуманитарных и социальных науках, сам он не был специалистом, производящим «исследования для всестороннего исчерпания предмета». Даже культурно-социальная эволюция вдвинута была им в более широкие рамки мировой эволюции с ее космическими, геологическими и биологическими процессам. И здесь сам он не был естествоиспытателем, как не был специалистом ни в психологии, ни в истории, ни в этнографии, ни в государствоведении, ни в политической экономии, ни в юриспруденции, но он не был и дилетантом. Большая эрудиция и самостоятельность мышления сделали его ученым... В России он был первым социологом. В общем развитии социологии Лаврову тоже принадлежит почетное место... То, что составляет объ-

ективную сущность его социологии, было результатом синтеза всего того, что сделано было научной и философской мыслью Запада в понимании как задач социологии, так и природы человеческого общества». (Сборник «Памяти П. Л. Лаврова», Петербург, 1922 г., изд. «Колос», стр. 246-248).

«Ежемесячный журнал» писал:

«В Париже на кладбище Монпарнасса есть могила, покрытая скромным памятником на дикой скале. Под ней лежит тот, чье громадное сердце медленно горело в горниле любви к людям, чей широкий ум неустанно искал пути к грядущей солидарности человечества...»

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВСКИЙ (1812-1904)

I

Николай Константинович Михайловский, выдающийся русский литературный критик, публицист и социолог, родился в Мещовске, Тамбовской губернии, в бедной дворянской семье. Учился он в горном корпусе, который не окончил, 18-ти лет Михайловский выступил на литературное поприще, стал журналистом, сотрудничал в разных журналах. С 1869 г. становится постоянным деятельным сотрудником журнала Некрасова «Отечественные записки», а после смерти Некрасова одним из трех редакторов журнала (другие два редактора были Салтыков-Щедрин и Г. Елисеев). В «Отечественных записках» 1869-1884 годов помещены были важнейшие социологические и литературно-критические его статьи. Михайловский до конца жизни оставался на «славном посту», развивая свое рано выработанное учение, но не изменяя ему. Об этом сам Михайловский писал: «Я был счастлив, что с тех пор, как стал сколько-нибудь определенным писателем, и, как

меня помнят читатели, ни разу не испытывал ломки своих коренных убеждений».

Михайловский был убежденным социалистом, но также горячим сторонником политической свободы и противником бунтарства. Он был одним из первых, который выступил против Бакунина. В начале 70-х годов он был даже против революционной деятельности. В 1873 году, когда Петр Лавров издавал за границей свой революционный журнал «Вперед», он звал Михайловского в эмиграцию. В ответ Михайловский ему писал:

«В горькую минуту, тянувшуюся, впрочем, не одну минуту, я решил было эмигрировать и пристроиться к вам окончательно и бесповоротно. Мысль эту я бросил по многим причинам... Я не революционер — всякому свое. Борьба со старыми богами меня не занимает, потому что их песня спета и падение их есть дело времени. Новые боги гораздо опаснее и в этом смысле хуже. Смотря так на дело, я могу до известной степени быть в дружбе со старыми богами и, следовательно, писать в России». «Скажите же мне ваше повелительное наклонение не в теоретической области, а в практической. В ожидании я вам скажу свое: сидите смирно и готовьтесь... Япония, Турция имеют конституцию, должен же притти и наш черед. Я, впрочем, не знаю, в какой форме придет момент действия, но знаю, что теперь его нет и что молодежь должна его встретить не с Молошоттом на устах и не с игрушечными коммунами, а с действительным знанием русского народа и с полным умением различить добро и зло европейской цивилизации. **Откровено говоря, я не так боюсь реакции, как революции.** Готовить людей к революции в России трудно, готовить к тому, чтобы они встретили революцию как следует, можно и, следовательно, должно».

Михайловский был последним «властителем дум» русской интеллигенции. Его девизом был идеал двуединой правды: правды-истины и правды-справедливости. Человеческую личность он ставил во главу угла. Знаме-

нитый русский философ Николай Бердяев, отнюдь не будучи народником, писал о Михайловском: «Под знаком двоединой правды Михайловский более сорока лет оказывал глубокое влияние на несколько поколений. Духовная сила и качество его идеалов выше некоторых формул, в которые он их облекал».

Еще в 60-ых годах прошлого столетия в петербургском журнале «Неделя» Михайловский писал:

«Все умственные, все политические процессы совершаются в личности и только в ней; только она ощущает, мыслит, страдает, наслаждается. Это азбучная истина... Всякие общественные союзы, какие бы громкие или предвзято-симпатичные для нас названия они ни носили, имеют только **относительную** цену. Они должны быть дороги постольку, поскольку они способствуют развитию личности».

В другой статье Михайловский опять подчеркивал значение личности: «В бесконечном потоке стремящихся ко все большей и большей сложности и самостоятельности индивидуальностей различных степеней, вечно борющихся между собой, есть одна волна, за судьбами которой человек не может не следить с известной тревогой. Это **человек, человеческая личность**, ибо только ее жизнь может он переживать, только ей сочувствовать, сострадать и радоваться. Именно борьбу за индивидуальность он должен поставить целью своей жизни. на ее победе построить свой идеал правды».

Михайловский также писал: «Если я люблю свое отечество, то люблю ли я и должен ли любить все, что в нем живет, летает и пресмыкается? Если я люблю отечество, то не могу ли в то же время любить некоторые вещи, не отечественные, правда, но и не стоящие в прямом противоречии с идеей отечества; те международные вещи, о которых, упоребляя слова Писания, следует сказать, что по отношению к ним «несть эллин, ни иудей»? Такие вещи бесспорно есть, они называются — **истина, справедливость, свобода, труд, совесть** и прочее... Любить

их не только позволительно, а даже обязательно для истинного сына отечества. Мало того, быть может, вся задача истинного патриота исчерпывается посильным водворением этих прекрасных вещей в своем отечестве... Видеть свою родину, хотя бы в будущем, облеченной в броню истины и справедливости — называют это «космополитическими грезами». Так ли, полно? По-моему, это не грезы, а если грезы, то во всяком случае патристические».

Еще в 1872 году Михайловский предупреждал: «Бойтесь прежде всего такого общественного строя, который отделит собственность от труда. Он именно лишит народ личной инициативы, независимости, свободы».

Михайловский в те годы был виднейшим теоретиком народничества. В конце 70-х годов и начале 80-х годов он поддерживал народовольцев и редактировал их издания, писал в их нелегальном журнале «Народная Воля». Собрания редакции «Народной Воли» часто происходили в кабинете Михайловского. Михайловский принимал активное участие в составлении знаменитого «Открытого письма Александру III» Исполнительного комитета Народной Воли, и он окончательно его редактировал. В этом письме было указано, что «революционеров создают обстоятельства, всеобщее недовольство народа, стремление к новым общественным формам. Весь народ истребить нельзя, нельзя и уничтожить его недовольство посредством репрессии, неудовольствие напротив, растет от этого».

Далее авторы Письма, во главе с Михайловским, пророчески предсказывали:

«Общее количество недовольных в стране все будет увеличиваться; доверие к правительству в народе должно все более падать, мысль о революции, о ее возможности и неизбежности — все прочнее будет развиваться в России. Страшный взрыв, кровавая перетасовка, судорожное революционное потрясение всей России завершит этот процесс разрушения старого порядка»...

«Из такого положения, — писали авторы Письма, — есть только два выхода: или революция совершенно неизбежна, которую нельзя предотвратить никакими казнями, или введение правового строя, замена самодержавия царя самодержавием народа. Условия, которые необходимы для того, чтобы предупредить кровавую революцию и чтобы революционное движение заменилось мирной работой — два: 1) общая амнистия по всем политическим преступлениям прошлого времени, так как это были не преступления, но исполнение гражданского долга, и 2) созыв представителей от всего русского народа для пересмотра существующих форм государственной и общественной жизни и переделки их сообразно с народными желаниями... Выборы должны быть всеобщими, никаких ограничений ни для избирателей, ни для депутатов не должно быть. Избирательная агитация и самые выборы должны быть произведены совершенно **свободно при полной свободе печати, полной свободе слова, полной свободе сходов, полной свободе избирательных программ...** Вот единственное средство к возвращению России на путь правильного и мирного развития».

Теперь ясно, что если бы голос Михайловского и его друзей и единомышленников был бы своевременно услышан царской властью, все страшные бедствия и огромнейшие несчастья, которые обрушились на Россию и населяющие ее народы были бы предотвращены.

II

В 1892 г. Михайловский стал редактором петербургского ежемесячного журнала «Русское Богатство». Вскоре он привлек к участию в нем Владимира Галактионовича Короленко, с которым он раньше вместе сотрудничал в петербургском журнале «Северный Вестник». Михайловский звал его, в целях ближайшего сотрудничества, переехать из Нижнего Новгорода в Петербург. Переезд этот состоялся в начале 1896 года, и с этого времени Короленко стал соредактором и официальным из-

дателем «Русского Богатства». В 1896 году Короленко вынужден был оставить Петербург и поселиться в Полтаве, но он продолжал участвовать в редактировании журнала и часто приезжал в Петербург, иногда оставаясь там подолгу для участия в редакционных делах.

Ленин в своей статье «Народники о Михайловском», написанной им в 1914 году, признал в качестве великой заслуги Михайловского то, что он горячо сочувствовал угнетенному положению русского крестьянства и энергично боролся против всех и всяких проявлений крепостного гнета. Но Ленин упрекал Михайловского в том, что ему были присущи колебания в сторону буржуазного либерализма и что он, начиная с 90-х годов и до смерти, вел ожесточенную полемику с марксистами.

Что Михайловский вел ожесточенную борьбу против марксизма — это несомненный факт, но делал он это не потому, что он якобы был «буржуазный» демократ и интересы и стремления рабочего народа ему были чужды, как это утверждают коммунистические писатели, а как раз наоборот: именно потому, что ему чрезвычайно дороги были интересы трудящихся масс и всего народа. Он жил и действовал не один десяток лет. И в его литературной деятельности были моменты, когда его влияние на общество достигло очень больших размеров. Как были и такие моменты, когда, в силу тех или иных исторических обстоятельств, оно текло по более узкому руслу.

В 1896 г. в предисловии к первому тому своих сочинений Михайловский писал: «Всякий раз, как мне приходит в голову слово «правда», я не могу не восхищаться его поразительной красотой. Такого слова нет, кажется, ни в одном европейском языке. Кажется, только по-русски истина и справедливость называются одним и тем же словом и как бы сливаются в одно великое целое. **Правда**, в этом огромном смысле слова, всегда составляла цель моих исканий. Правда-истина, разлученная с правдой-справедливостью, правда теоретического неба, отрезанная от правды практической земли, всегда оскорб-

ляла меня, а не только не удовлетворяла. И наоборот, благородная житейская практика, самые высокие нравственные и общественные идеалы представлялись мне всегда обидно-бессильными, если они отворачивались от истины, от науки. Я никогда не мог поверить, и теперь не верю, чтобы нельзя было найти такую точку зрения, с которой правда-истина и правда-справедливость являлись бы рука об руку, одна за другой пополняя. Во всяком случае, выработка такой точки зрения есть высшая из задач, какие могут представиться человеческому уму, и нет усилий, которых жалко было бы потратить на нее. Безбоязненно смотреть в глаза действительности и ее отражению — правде-истине, правде объективной, и в то же время охранять правду-справедливость, правду субъективную — такова задача всей моей жизни. Не легкая это задача. Слишком часто мудрым змеям не хватает голубиной чистоты, а чистым голубям — змеиной мудрости. Слишком часто люди, полагая спасти нравственный или общественный идеал, отворачиваются от неприятной истины, и, наоборот, другие люди, люди объективного знания слишком норовят поднять голый факт на степень незыблемого принципа».

Еще в 1894 г. Михайловский о рождении марксистов в России писал: «Они снисходительно или презрительно смотрят... на нас, профанов, ищущих ответы на вопросы жизни в их плоть и кровь одетой форме, в идеальной постановке их жгучей и сложной реальной действительности: из-за чего, дескать, бьются эти неведущие и непонимающие люди, когда истина давно открыта и находится у нас в кармане. И они вытаскивают из кармана Марксову схему, тщательно переписанную из сочинений самого Маркса или Энгельса, а, может быть, из какой-нибудь социал-демократической брошюры... Ясно, просто, логично, в четверть часа можно целую философию истории усвоить с гарантированной научностью».

В другой своей статье, сочувственно цитируя одного

немецкого философа, Михайловский писал по адресу русских марксистов: «Старое стремление всякой новой партии создать себе свое собственное летосчисление, новый календарь с новыми святыми снова выступает перед нами. Насколько нелепа кажется новая оценка верующим старого строя, настолько же внушающей доверие представляется она своим собственным верующим; только одному они не хотят верить: именно тому, что то, на чем покоится их воззрение на вещи, есть **вера, а не знание**. Ведь мы же, говорят они, совершенно ясно видим, что история движется в направлении к нашей цели. Но то, что поставило вас на этот пункт, есть не наука, а любовь и ненависть, желание и отвращение — не рассудок, а воля. Кто не разделяет вашей любви и вашей ненависти, ваших надежд и идеалов, тому вы не сможете доказать истинность вашего воззрения. Вы можете только сослаться на будущее, а в том-то и дело, что будущее открыто только **вере, а не знанию**».

К этому Михайловский прибавляет:

«Научный прогноз экономического материализма в действительности есть дело не знания, а веры... Если марксист говорит: **я знаю**, что целесообразный естественный ход вещей ведет к такому-то благу результату, — то ведь и дикарь думает: я знаю, что бог грома поражает людей, переступающих его веления».

Дальше Михайловский говорит: «Марксистская идеология — это не миропонимание, не мироразумение или мирозерцание. Это только тесная клетка, которая могла иметь свои достоинства, как известный уголок мирозерцания, но в которой нечего искать ответов на все вопросы, волнующие душу современного человека».

Так Михайловский вскрывал ненаучность марксизма. Он показывал, что марксисты как бы создали себе идола, которому поклоняются. Михайловский писал:

«Наши противники, марксисты, преклонялись перед единоспасающим идиолом «экономического фактора»,

они издевались над правом нравственного суда над явлениями общественной жизни, они выбрасывали за борт истории многомиллионную массу крестьянства ради его «деревенского идиотизма», они третировали интеллигенцию, как ничтожную или состоящую «на содержании» величину... и так далее. При этом гордые своим «новым словом», они не находили достаточно сильных слов для изображения глупости, невежества и «реакционных стремлений» своих предшественников».

Михайловский признавал факт существования классовых противоречий в современном обществе, но, в противоположность марксистам, он не видел в этом «двигателя прогресса», а идею классовой борьбы называл «школой озверения». Михайловский писал:

«В нашей и в европейской литературе давно уже было указано, что рядом с борьбой классов, и часто совершенно искажая ее, существует борьба рас, племен, наций. Если, например, калифорнийские рабочие всячески гонят иммигрирующих китайцев, принадлежащих к рабочему классу, или если французские рабочие недовольны конкуренцией более дешевых итальянских рабочих и тому подобное, то это, конечно, не классовая борьба. Далее, по признанию самих марксистов, было время, когда общество не делилось на классы, и будет время, когда деление это исчезнет. И, однако, история не останавливала и не остановит своего течения, но она не была и не будет борьбой классов за их отсутствием... Один итальянский писатель, Бенедетто Кроче, остроумно замечает, что история есть, несомненно, борьба классов, когда, во-первых, классы есть, во-вторых, когда их интересы враждебны, и, в-третьих, когда они сознают свой антагонизм. А это, — прибавляет он, — приводит нас в конце концов к тому юмористическому выводу, что история есть борьба классов... когда есть борьба классов».

Михайловский вел ожесточенную полемику с марксистами, но он был страстным защитником свободы сло-

ва для всех своих идейных противников. Об этом говорит такой случай. В конце 1897 года правительство закрыло первый легальный марксистский журнал «Новое слово». В это время парижский корреспондент журнала «Русское Богатство», редактором которого был Михайловский, прислал Михайловскому критическую статью о марксизме. Так как у марксистов не было своего журнала и им негде было бы ответить на эту статью, Михайловский послал Петру Струве, бывшему редактору «Нового слова», рукопись статьи своего парижского корреспондента с предложением ответить на нее на страницах «Русского Богатства». Парижским корреспондентом «Русского Богатства» был тогда известный писатель-народник Николай Рusanов. Позже об этом эпизоде Рusanов писал:

«Я упомянул об этом эпизоде из истории нашей идейной борьбы потому, что он рисует Михайловского последовательным защитником свободы печати, который не только на словах, а на деле верит в великое значение откровенной борьбы мнений и, несмотря на цельность своего мировоззрения, соглашается в известных случаях сделать из своего органа свободную трибуну, лишь бы не была удушена грубой силой мысль противника».

III

Владимир Короленко в своих воспоминаниях о Михайловском пишет:

«Михайловский недаром писал не только о совести, но и о чести, которую считал обязательным атрибутом личности. Сам он был олицетворением личного достоинства, и его видимая холодность была своего рода броней, которая служила ему защитой с разных сторон... Его кабинет с бюстом Белинского и его книгами был его храмом. В этом храме суровый человек, не признававший никаких классовых кумиров, преклонялся лишь перед живой мыслью, искавшей правды, то есть познания истины и осуществления справедливости в человеческих отношениях».

А сам Михайловский в одной из своих последних статей писал:

«Если мы в самом деле находимся накануне новой эры, то нужен прежде всего свет, а свет есть безусловная свобода слова, а безусловная свобода мысли и слова невозможны без личной неприкосновенности, а личная неприкосновенность требует гарантий. Надо только помнить, что новая эра очень скоро обветшает, если народу от нее не будет ни тепло, ни холодно».

Короленко также отмечает тот факт, что «горячий и разносторонний ум Михайловского был гораздо выше и шире той арены, на которой происходили схватки между ним и марксистами. Он также был выше и шире того, что в то время называлось «народничеством». Михайловский, пишет Короленко, — «не создавал себе кумира ни из деревни, ни из мистических особенностей русского народного духа». В одном месте, приводя мнение противника, что если нам суждено услышать настоящее слово, то его скажут только люди деревни и никто другой, Михайловский говорит:

«Если вы хотите ждать, что скажут вам люди деревни, так и ждите, а я и здесь остаюсь «профаном»... У меня на столе стоит бюст Белинского, который мне очень дорог, вот шкаф с книгами, за которыми я провел много ночей. Если в мою комнату вломится «русская жизнь со всеми ее бытовыми особенностями» и разобьет бюст Белинского и сожжет мои книги, — я не покорюсь людям деревни. Я буду драться, если у меня, разумеется, не будут связаны руки. И если бы даже меня осенил дух величайшей красоты и самоотвержения, я все-таки сказал бы по меньшей мере: прости им, Боже истины и справедливости, они не знают, что творят! Я все-таки, значит, протестовал бы. Я и сам сумею разбить бюст Белинского и сжечь свои книги, если когда-нибудь дойду до мысли, что их надо бить и жечь. И не только не поступлюсь, а всю душу свою положу на то, чтобы дорогое для меня

стало и другим дорого, вопреки, если случится, их «бытовым особенностям».

В 1897 г. Михайловский писал:

«Если я «в смысле г. Струве» народник, то один из столпов народничества, покойный Юзов утверждал, что я «один из вреднейших марксистов». И это перекидывание меня из одного враждебного лагеря в другой, тогда как я заведомо не имею чести принадлежать ни к тому, ни к другому, кажется мне очень интересным, как частный случай вышеупомянутого тяготения к упрощению действительности». («Русское Богатство» 1897 г., книга 11-я, стр. 119).

В ноябре 1900 г. праздновалось сорокалетие литературной деятельности Михайловского. Министр внутренних дел Сипягин запретил газетам сообщать о предстоящем юбилее, полиция перехватывала и задерживала при ответственные адреса, и тем не менее чествование Михайловского приняло небывалые размеры. В письме от 14 ноября 1900 г. Короленко писал жене в Полтаву из Петербурга:

«Завтра торжества в честь Михайловского... Телеграмм, писем, адресов бесчисленное множество, самых разнообразных от разнообразнейших кружков, лиц и учреждений. Из самых отдаленных мест — Сибири, Кавказа, из самых глухих углов, группы и одиночки шлют письма, прозу, стихи. Трудно было ждать такой огромной волны общественного внимания. И главным образом — провинция! Что-то будет завтра».

В следующем письме, от 17 ноября, Короленко пишет:

«Юбилей Михайловского принял размеры просто целого события — и, кажется, можно сказать, что ни один еще литературный юбилей так широко не захватывал читателей. В Союзе писателей было набито битком и пришлось отказывать очень многим за недостатком места... Читались не все адреса, а только те, с которыми прибыли депутации или представители... Целую массу телеграмм не было никакой возможности даже прочесть,

и только перечислялись места, откуда получены, и частью фамилии. Некоторые адреса были очень хороши... Среди адресов было немало марксистских, в которых заявлялось о разногласиях, но и о глубоком уважении ко всей деятельности Михайловского. В этом же смысле очень недурно сказал Струве — умно и искренне. От молодежи множество адресов... На следующий день все еще приходила масса телеграмм, преимущественно из-за границы. Вообще — все соглашались, что ничего подобного по размерам в области литературных юбилеев еще не бывало».

Михайловский прожил после этого только четыре года. Он умер 26 февраля 1904 г., на пороге новой трагической эпохи в истории России, за день до начала русско-японской войны.

Михайловский называл идею классовой борьбы «школой озверения». Это определение оказалось пророческим. Михайловский считал, что только борясь за политическую и социальную свободу каждого отдельного человека, страна может добиться свободы для всего народа и процветания страны. «Личность, — писал Михайловский, — не должна быть принесена в жертву — она свята и неприкосновенна, и все усилия нашего ума должны быть направлены на то, чтобы самым тщательным образом следить за ее судьбами и становиться на ту сторону, где она может восторжествовать». (Михайловский. Сочинения. Том 4-й, стр. 451).

Его слова и сегодня злободневны. Именно поэтому кремлевская диктатура еще при Ленине изъяла из советских библиотек сочинения Михайловского. Его научные и публицистические статьи больше не переиздаются Госиздатом. Но никакой цензуре не подавить того, что навеки вошло в историю русской культуры.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Русские предтечи Ленина

1. ПЕТР ЗАИЧНЕВСКИЙ

1

В мае 1862 года, в Москве появилась нелегальная прокламация под названием «Молодая Россия», вызвавшая большую тревогу в рядах не только правительства, но и русских либералов и даже выдающихся социалистов того времени. Прокламация «Молодая Россия» была издана от имени таинственного Центрального Революционного Комитета, но такого Комитета тогда вовсе не существовало. Ее автором был молодой революционер Петр Григорьевич Заичневский, и издана она была его кружком. В прокламации «Молодая Россия» было сказано:

«Россия вступает в революционный период своего существования. Проследите жизнь всех сословий, и вы увидите, что общество разделяется в настоящее время на две части, интересы которых диаметрально противоположны и которые следовательно, стоят враждебно одна к другой. Снизу слышится глухой и затаенный ропот народа, угнетаемого и ограбляемого всеми, у кого в руках есть хоть доля власти, — народа, который грабят чиновники и помещики, грабит и царь... Сверху над народом стоит небольшая кучка людей довольных, счастливых... Между этими двумя партиями издавна идет спор — спор,

почти всегда кончавшийся не в пользу народа... Выход из этого гнетущего, страшного положения, губящего современного человека и на борьбу с которым тратятся его лучшие силы один — революция, революция кровавая и неумолимая, революция, которая должна изменить радикально все, без исключения, основы современного общества и погубить сторонников нынешнего порядка. Мы не страшимся ее, хотя и знаем, что прольется река крови, что погибнут, может быть, и невинные жертвы. Мы предвидим все это и все-таки приветствуем ее наступление; мы готовы жертвовать лично своими головами, только пришла бы поскорее она, давно желанная».

Дальше в прокламации «Молодая Россия» говорилось:

«Мы требуем изменения современного деспотического правления в республиканский — федеративный союз областей, причем вся власть должна перейти в руки Национального собрания и Областных собраний. Национальное собрание должно состоять из выборных от всех областей, и Областные — из представителей каждой области... Каждой области предоставляется право по большинству голосов решить вопрос о том, желает ли она войти в состав федеративной республики или нет. Что касается Польши и Литвы, то они получают полную самостоятельность».

«Молодая Россия» считала, что царствующая династия не только должна быть лишена власти, но и подвергнуться поголовному истреблению. «Молодая Россия» писала:

«Скоро, скоро наступит день, когда мы распустим великое знамя будущего, знамя красное, и с громким криком: «Да здравствует социальная и демократическая республика России!» — двинемся на Зимний дворец истребить живущих там.

Может случиться, что дело кончится одним истреблением императорской фамилии, то есть какой-нибудь сотни, другой людей, но может случиться и что, вернее

— что вся императорская партия, как один человек, встанет за государя, потому что здесь будет идти вопрос о том, существовать ей самой или нет. В этом последнем случае с полной верою в себя, в свои силы, в сочувствие к нам народа, в славное будущее России, которой выпало на долю первой осуществить великое дело социализма, мы издадим крик: «В топоры!» и тогда... тогда бейте императорскую партию не жалея, как не жалеет она нас теперь, бей на площадях, бей в домах, бей в тесных переулках городов, бей на широких улицах столиц, бей по деревням и селам. Помни, что кто будет не с нами, тот будет против; кто против, тот наш враг, а врагов следует уничтожать всеми способами».

Автор «Молодой России» считал террор и диктатуру лучшим средством обеспечить окончательную победу революции. «Молодая Россия» писала:

«Мы изучили историю Запада, и это изучение не прошло для нас даром: мы будем последовательнее не только жалких французских революционеров 1848 года, но и великих террористов 1792 года, мы не испугаемся, если увидим, что для ниспровержения современного порядка приходится пролить втрое больше крови, чем пролито французскими якобинцами в 90-ых годах восемнадцатого столетия... Мы твердо убеждены, что революционная партия, которая станет во главе правительства, если только движение будет удачно, должна захватить диктатуру в свои руки и не останавливаться ни перед чем. Выборы в Национальное собрание должны происходить под влиянием правительства, которое тотчас же позаботится, чтобы в состав его не вошли сторонники современного порядка (если только таковые останутся живы)».

Петр Заичневский — автор прокламации «Молодая Россия» был первым русским предшественником Ленина и большевики осуществили программу «Молодой России». Авторитетнейший большевистский историк М. И. Покровский в статье «Корни большевизма в русской истории» еще в 1922 г., когда жил Ленин, писал:

«В прокламации «Молодой России» с ее заключительным возгласом: «Да здравствует социальная и демократическая республика русская!»... на нас глядит тот же большевизм, в шестидесятых годах еще более «утопический», чем в 1905 году. А прошло шестьдесят лет, и то, что предвидели авторы «Молодой России» ...стало обычным жизненным явлением». («25 лет РКП/большевиков»). издательство «Октябрь», Тверь, 1923 г. стр. 23-24).

**

Петр Григорьевич Заичневский родился в 1842 г. в имении его родителей в Орловской губ. Он учился в Орловской гимназии, которую окончил с серебряной медалью в 1858 г., затем поступил на физико-математический факультет Московского университета. Еще в гимназии Заичневский начал интересоваться общественными вопросами. В университете он прочел некоторые сочинения Герцена и, встречая там слово «социализм», стал изучать произведения западно-европейских социалистов на французском языке — Прудона, Луи Блана, Пьера Леру, Огюста Бланки и других. Одновременно он усиленно изучал историю французских революций.

В университете Заичневский встретился с студентом, который не менее, чем он, интересовался социализмом. Это был Перикл Эммануилович Аргиропуло, который был старше его на три года. Отец Аргиропуло, статский советник, был грек, турецкий подданный, который в 1850 г. перешел в русское подданство. Молодой Аргиропуло в 1857 г. в Харькове окончил гимназию с золотой медалью и поступил на юридический факультет Московского университета. Здесь он, как и Заичневский, познакомился с произведениями Герцена и западно-европейских социалистов и стал одним из первых пропагандистов социалистических идей среди московской учащейся молодежи. По свидетельству лиц, примыкавших к их кружку и хорошо знавших Заичневского и Аргиропуло, Заичневский в спорах был резок и прямолинеен. Аргиропуло, наоборот,

был мягок и деликатен. Если Аргиропуло страдал за всех угнетенных, то Заичневский ненавидел всех угнетателей. Одно только сближало этих совершенно противоположных людей, — это одинаковая преданность их идеалам социализма.

22 июля 1861 г. Аргиропуло по высочайшему повелению был арестован в Москве. В этот же день Заичневский был арестован в Орле. Оба были немедленно отправлены в Петербург. Им обоим вменялось в вину распространение сочинений революционного содержания и продажа портретов Герцена, Огарева и других революционных деятелей. На допросах Аргиропуло и Заичневский отказались отвечать, от кого они получали для продажи эти портреты и сочинения революционного содержания, которые они распространяли.

В течение всего времени, пока продолжалось расследование их дела, Заичневский и его друзья находились в заключении. Условия заключения были до того мягкими, что к ним был свободный доступ всем желавшим повидаться с ними. Бывший участник их кружка В. Н. Линд в своих воспоминаниях, напечатанных в 1911 г. в московском журнале «Русская мысль», пишет: «Как это ни странно представить себе теперь, но место их заключения сделалось настоящим студенческим клубом. Посещать их позволялось, можно сказать, всем и во всякое время». А другая участница кружка Заичневского А. Можайская в своих воспоминаниях, напечатанных в 1909 г. в петербургском сборнике «О минувшем» пишет, что «маленькая одиночная камера Заичневского всегда была полна народа. Посещала Заичневского не только молодежь. Не раз мы заставляли в его маленькой камере разодетых дам со шлейфами, приезжавших в каретах с ливрейными лакеями послушать Петра Григорьевича, как они сами заявляли. Они привозили ему цветы, фрукты, вино, конфеты. Обычно время проходило в оживленных спорах».

Летом 1862 г. дело Заичневского и других слушалось в Сенате. Известный писатель, князь В. Ф. Одоевский,

будучи тогда сенатором, принимал участие в суде над Заичневским и его товарищами. 5 июля 1862 г. Одоевский в первый раз присутствовал в Сенате на заседании по делу студентов, и он записал в свой «Дневник»: «Что за полоумные мальчишки». На следующий день, однако, он занес в свой «Дневник» следующую запись:

«В Сенате. — Замечательная личность Петра Заичневского, принадлежащего к так называемым **исповедникам социализма**, слово, которого значение весьма для них смутно, но за которое они, тем не менее, готовы идти в мученики и чего именно добивается Заичневский, стараясь не уменьшить, а преувеличить свои действия».

Сенат нашел Заичневского виновным в произнесении речей, направленных к ниспровержению существующего образа правления и против верховной власти, а также в распространении запрещенных сочинений и приговорил Заичневского к «лишению всех прав состояния и сослать в каторжные работы на заводы на два года и 8 месяцев, а по прекращении сих работ, поселить в Сибири навсегда».

Аргиропуло Сенат нашел виновным в распространении запрещенных сочинений и в недонесении о произнесении Заичневским в Подольске речи возмутительного содержания, и он был приговорен к «лишению некоторых прав и преимуществ и к заключению его в смиренный дом» на два с половиной года. Двух других товарищей их Сенат присудил к заключению в смиренном доме на три месяца. Двое других, привлеченных по тому же делу, были оправданы.

10 января 1863 г. Петра Заичневского на почтовых лошадях под конвоем двух жандармов отправили в Сибирь, и лишь 18 апреля он был доставлен в Красноярск, где он был сдан в Усть-Кут на завод для отбытия каторжных работ.

Прокламация «Молодая Россия» появилась в мае 1862 г. Кто были авторами этой прокламации, вызвавшей страшную тревогу в рядах правительства и возму-

шение либералов и многих социалистов, правительству так и не удалось узнать. Представителям власти и в голову не могло придти, что автором «Молодой России», изданной от имени таинственного Центрального Революционного Комитета, является студент Петр Заичневский, который уже год сидит под арестом. Через много лет сам Заичневский рассказал, что прокламация была написана им, проредактирована его товарищами по заключению и через часового была отправлена в Москву для напечатания.

2

Прокламация «Молодая Россия», призывавшая к революции, к беспощадному террору, к диктатуре и к уничтожению не только всех членов династии Романовых, но и всех вообще противников революционной партии, была резко осуждена не только всей либеральной печатью того времени, но и Герценом, и даже Бакуниным, и единомышленниками Чернышевского. Знаменитый петербургский радикальный журнал «Отечественные записки» в ноябрьском номере от 1862 года писал:

«Никто не сомневается..., что неизвестный автор «Молодой России» принес нашему правительству столько пользы, сколько не могло принести ему в совокупности усердие всей полиции. Они (реакционеры) владеют теперь страшным пугалом... «Молодой Россией». У них теперь каждый прогрессист — поклонник теории «Молодой России».

Герцен в своем лондонском «Колоколе» посвятил прокламации «Молодая Россия» две статьи: «Молодая и старая Россия» и «Журналисты и террористы». В статье «Молодая и старая Россия» Герцен 15 июля 1862 года писал в «Колоколе»:

«Мы прочли ее раз, два, три раза... со многим очень несогласны. «Молодая Россия» нам кажется двойной ошибкой. Во-первых, **она вовсе не русская**, это одна из вариаций на тему западного социализма, метафизика

французской революции... Вторая ошибка — ее неуместность. Ясно, что молодые люди, писавшее ее, больше жили в мире товарищей и книг, чем в мире фактов... В ней нет внутренней сдержанности, которую даст или свой опыт, или **строй организованной партии**».

Во второй статье 15 августа 1862 года Герцен писал: «Молодая Россия» думает, что мы потеряли веру в насильственные перевороты. Не веру в них мы потеряли, а **любовь к ним...** Насильственные перевороты бывают неизбежны; может, будут и у нас, это отчаянное средство *ultima ratio* народов, как и царей, на них надо быть готовым, но выкликать их в начале рабочего дня, не сделав ни одного усилия, не истощив никаких средств, останавливаться на них с предпочтением, нам кажется молодо и незрело, как **нерасчетливо** и **вредно** пугать ими... Террор революции с своей грозной обстановкой и эшафотами нравится юношам так, как террор сказок с своими чародеями и чудовищами нравится детям... Мы давно разлюбили обе чаши, полные крови, штатскую и военную, и равно не хотим ни пить из черепа наших боевых врагов, ни видеть голову герцогини Ламбаль на пике. **какая бы кровь ни текла, где-нибудь текут слезы**, и если иногда следует перешагнуть их, то без кровожадного глумления, а с печальным трепетным чувством страшного долга и трагической необходимости... Террор девяностых годов (18-го столетия во Франции) имел в себе чистоту неведения, безусловную веру в правоту и успех, которых последующие терроры не могут иметь. Он развивался, как тучи развиваются, и разразился, когда был слишком переполнен электричеством. И при всем этом террор нанес революции страшнейший удар».

Приблизительно такого же мнения о прокламации «Молодая Россия» был и Михаил Бакунин. В своей брошюре «Народное дело. Романов, Пугачев или Пестель», вышедшей в свет в 1862 году, Бакунин писал:

«Прокламация «Молодая Россия» доказывает, что в некоторых молодых людях существует еще страшное са-

мообольщение и совершенное непонимание нашего критического положения. Они кричат и решают, как будто за ними стоял целый народ. А народ-то еще по ту сторону пропасти, и не только вас слушать не хочет, но даже готов избить вас по первому мановению царя. Редакторов «Молодой России» я упрекаю в двух серьезных преступлениях. Во-первых, в безумном и в истинно-доктринерском пренебрежении к народу, а, во-вторых, в нецеремонном, бестактном и легкомысленном обращении с великим делом освобождения. Появление «Молодой России» причинило положительный вред общему делу, и виновниками вреда были люди, желавшие служить ему.

Прокламация «Молодая Россия» глубоко возмутила и расстроила также и Достоевского. На фоне пожаров, как раз в те дни охвативших Петербург, слова прокламации «Молодая Россия» прозвучали тогда для Достоевского зловеще, и он решил поговорить с Чернышевским. Позже, в «Дневнике писателя», Достоевский так писал об этой встрече:

«Я застал Николая Гавриловича совсем одного, даже прислуги не было дома, и он сам отворил мне дверь «Николай Гаврилович, что это такое?» — вынул я прокламацию. Он взял ее как совсем не знакомую ему вещь и прочел.

«Неужели вы предполагаете, — сказал он, — что я солидарен с ними, и думаете, что я мог участвовать в составлении этой бумажки?»

— Именно не предполагал, — ответил я, — и даже считаю не нужным вас в том уверять. Но, во всяком случае, их надо остановить во что бы то ни стало. Ваше слово для них веско, и уж, конечно, они боятся вашего мнения.

— Я никого из них не знаю.

— Уверен и в этом. Но вовсе и не нужно их знать и говорить с ними лично. Вам стоит только вслух где-нибудь заявить ваше порицание, и это дойдет до них.

— Может, и не произведет действия. Да и явления эти, как сторонние факты, неизбежны.

— И, однако, всем и всему вредят.

Тут позвонил другой гость, не помню кто. Я уехал».

Об этой встрече вспоминал в 1888 году и Н. Г. Чернышевский. По его рассказу, Достоевский просил его повлиять на поджигателей, так как допускал, что пожары в Петербурге вызваны революционерами. Можно предположить, что в беседе Ф. М. Достоевского и Н. Г. Чернышевского речь шла и о пожарах и о прокламациях.

Известный публицист Л. Ф. Пантелеев, член первого революционного общества «Земля и Воля», к которому примыкал Чернышевский, в своих воспоминаниях, опубликованных еще задолго до революции, рассказывает, что по выходе «Молодой России» московский кружок, ее выпустивший, отправил к Чернышевскому со специальным посланным несколько экземпляров этой прокламации для распространения. Чернышевский отказался принять доставленные экземпляры и вообще сухо встретил посланного и решил выпустить прокламацию «К нашим лучшим друзьям», в которой он имел в виду подвергнуть критике высказывания авторов «Молодой России», но его скорый арест помешал ему выполнить его намерение. Гольц-Миллер, один из членов Центрального Революционного Комитета, от имени которого выпущена была прокламация, рассказывал, что Чернышевский прислал к ним в Москву видного революционного деятеля той эпохи, одного из основателей общества «Земля и Воля», писателя Слепцова, уговорить Комитет сгладить как-нибудь крайне неблагоприятное впечатление, произведенное «Молодой Россией».

3

Интересна дальнейшая судьба Петра Заичневского. Его ближайший друг и единомышленник Аргиропуло умер вскоре после освобождения его из «смирительного дома». Сам Заичневский прожил долгую жизнь и до кон-

ца дней своих продолжал называть себя «якобинцем-бланкистом». Большим событием в каторжной жизни Заичневского было свидание его с Чернышевским. В 1864 г. Заичневский вышел на поселение в один из самых северных и отдаленных пунктов Иркутской губ. — в Витим. Там он прожил до 1869 г., когда ему дано было разрешение вернуться в Европейскую Россию. Местом для жительства ему была назначена Пензенская губерния. В 1872 г. отец Заичневского возбудил ходатайство об отдалении ему сына на поруки с разрешением жить на родине, в Орле. 27 декабря 1872 г. по высочайшему повелению Заичневскому разрешено было, под личную ответственность его отца, переехать в отцовское имение в Орловской губ. с тем, чтобы и там он находился под полицейским надзором. Так как имение это находилось всего в 27 верстах от Орла, то Заичневский почти все время проводил в Орле. В годы своего пребывания в Орле Заичневский был центром, вокруг которого группировалась орловская революционно настроенная молодежь. К Заичневскому в Орел приезжали за советами и указаниями даже молодые люди и из других городов. По словам Веры Фигнер, Заичневский «в течение ряда лет был магнитом, который привлекал учащуюся молодежь». Другой современник Заичневского, известный народнический писатель Н. С. Русанов, впоследствии редактор заграничного «Вестника Русской Революции», а потом один из редакторов петербургского журнала «Русское Богатство», в своих воспоминаниях («На родине», Москва, 1931 г.) дает такую характеристику Заичневского 70 годов:

«Заичневский представлял собою яркую, цветную фигуру. Когда я познакомился с ним, то это был высокий, плотный, но не толстый, прекрасно сложенный мужчина лет 35-40, могучую черную шевелюру которого и черную же окладистую бороду прорезали еще редкие, но все же заметные пряди седых волос. Под большим, широким лбом светились, и слегка иронией, очень выпуклые, страшно близорукые глаза, которые забавно вы-

глядывали немножко вкось из-под густых бровей, когда он читал что-нибудь, совсем близко приставив книгу или газету к лицу... Заичневский был прирожденным оратором. Он не только складно говорил, но прекрасно управлял своим звучным баритоном, выходявшим легко и свободно из мощной груди. Когда он воодушевлялся — а с ним это случалось нередко — то его речь, может быть, немного напыщенная и не совсем по-русски торжественная, приводила в волнение молодых слушателей, и даже те из нас, которые враждебно относились к якобинизму, оставались некоторое время под его влиянием».

Из орловской молодежи Заичневский образовал ряд кружков. Из его кружков вышло немало женщин, игравших потом видную роль в революционном движении. В рядах Исполнительного комитета партии «Народной Воли» были две бывшие ученицы Заичневского — Мария Оловейникова-Ошанина и Екатерина Дмитриевна Сергеева, жена Льва Тихомирова. Революционная деятельность Заичневского в Орле была обставлена очень конспиративно. Однако в августе 1877 г. он, по распоряжению министра внутренних дел, был выслан в г. Повенец, Олонецкой губернии. Жизнь в этом городке, с населением всего в 500 человек, была для Заичневского очень тяжелой. Но и в этом захолустье он успел создать довольно большую библиотеку, которая сделалась центром не только ссыльных, но и местной интеллигентной молодежи. В конце 1880 г. Заичневскому разрешено было переехать в Кострому. Там он вскоре успел сгруппировать вокруг себя кружок революционно настроенной молодежи. К деятельности «Земли и Воли» и «Народной Воли» Заичневский относился отрицательно. Он по-прежнему продолжал считать, что задачей революционеров является организация заговора с целью захвата государственной власти и установления диктатуры.

Во второй половине 80 годов Заичневскому разрешено было опять вернуться в Орел. Там он вновь ушел в революционную работу. Жандармы в своих донесениях

отмечали, что «Орел делается мало-помалу центром скопления значительного числа неблагонадежных лиц» и что Заичневский по прибытии в Орел «тотчас же приобрел ввиду своего революционного прошлого особое влияние на молодежь». Заичневский не только организовал довольно значительный революционный кружок, но он тайно от жандармов неоднократно ездил в Москву, Курск и Смоленск, чтобы наладить и там революционную работу. В марте 1889 г. Заичневский вновь был арестован. Около двух лет он просидел в тюрьме в ожидании приговора, после чего был отправлен в ссылку в Восточную Сибирь на 5 лет. Большую часть этого срока он прожил в Иркутске. Там он сотрудничал в газете «Восточное Обозрение». В конце 1895 г. истек срок ссылки, и он получил возможность вернуться в Европейскую Россию. Он поселился в Смоленске и там продолжал свою пропагандистскую деятельность. 2 февраля 1896 г. он умер. Его бывшая последовательница М. П. Голубева, на руках которой он умер, в своих воспоминаниях о нем пишет:

«Заичневский жил и умер революционером, для него ничего, кроме революции, не существовало; даже в бреду, на смертном одре, он все спорил с Лавровым, кому-то все доказывал, что недалеко то время, когда человечество одной ногой шагнет в светлое царство социализма». Сама Голубева потом примкнула к большевикам.

4

Советский историк Б. П. Козьмин в своей работе о Заичневском и «Молодой России» пишет: «Политические воззрения Заичневского и его товарищей, принимавших участие в составлении, печатании и распространении «Молодой России», носили бланкистский характер. Огюст Бланки, как и Заичневский, представлял себе революцию, как захват государственной власти революционным меньшинством при поддержке народных масс. Но Бланки не довольствовался этим; он проповедывал необходимость после захвата власти революционерами установление дик-

татуры революционной партии. Задача этой диктатуры сводится к тому, чтобы, опираясь на аппарат государственной власти, провести в жизнь свою программу социальных и политических преобразований. Точно так же смотрел на задачи революционной партии и Заичневский». Точно так же, прибавим мы от себя, смотрел на задачи революционной партии и Ленин.

Б. Козьмин, в общем положительно относящийся к Заичневскому и его прокламации «Молодая Россия», все же вынужден признать, что Чернышевский не был сторонником заговорщицкой тактики, «принципы которой были развиты в прокламации Заичневского». Козьмин также признает, что «явные и тайные друзья «Молодой России», сколько бы их ни было, составляли все же меньшинство в рядах революционеров того времени. Большинство же было настроено отрицательно, а подчас даже враждебно к идеям и тактике этой прокламации».

Так же враждебно относилось большинство русских революционеров и социалистов, как и огромное большинство всего народа после октябрьского переворота 1917 г., к идеям и тактике Ленина и его соратников, осуществивших программу «Молодой России».

II. ПЕТР ТКАЧЕВ

Петр Никитич Ткачев родился в 1844 г. в небогатой помещицкой семье. Он был еще в 60-х годах известным публицистом и критиком, и одним из самых ярых максималистов, которые когда либо существовали в России. За участие в петербургских студенческих беспорядках он в 1861 г. сидел в Кронштадтской крепости.

По выходе из крепости он, по рассказу его родной сестры Анны Аненской, известной писательницы детских рассказов, говорил, что он тогда для успеха революции проповедовал, что революция могла произойти скоро, предлагал срубить головы всем без исключения жителям

Российской Империи старше 25-ти лет. Позже он отказался от этой идеи*). В 1862 г. он вновь был арестован за хранение революционной прокламации и был приговорен к заключению в крепость на три года. Еще до того, началась его литературная деятельность. По выходе из Петропавловской крепости в 1865 г. он стал одним из ближайших сотрудников радикального журнала «Русское слово», а после закрытия этого журнала правительством — созданного на смену «Русского слова» — журнала «Дело». В 1867-1868 г.г. он был связан с различными нелегальными революционными кружками. В 1868 г. он сблизился с Нечаевым и позже вместе с Нечаевым составил «Программу революционных действий». В марте 1869 г. Ткачев вновь был арестован и в июле 1871 г. за составление революционной прокламации был приговорен к тюремному заключению на один год и четыре месяца. По отбытии этого наказания, Ткачеву предстояла ссылка в Сибирь, но благодаря хлопотам его матери, она была заменена ему высылкой на родину. В 1873 г. он бежал за границу. В конце 1875 г. он начал издавать революционный журнал «Набат», который с перерывами выходил до 1881 г. В своем журнале «Набат» Ткачев проповедывал захват власти меньшинством и диктатуру революционного меньшинства для перестройки общества на коммунистических началах.

«Народ, — писал Ткачев, в своей статье «Народ и революция», — не может себя спасти, сам себе предоставленный, не может устроить свою судьбу сообразно своим реальным потребностям, не может провести и осуществить в жизни идею социальной революции».

Только революционное меньшинство может, по мнению Ткачева, «положить основание новому разумному порядку общежития». Народ в революции явится только в качестве «разрушительной силы», действие которой направляется революционным меньшинством.

«Отношение революционного меньшинства к народу

*) А. Аненская. Из прошлых лет, «Русское богатство», за 1913 г. Книга 1, стр. 63.

и участие последнего в революции, — писал Ткачев, — может быть определено следующим образом: революционное меньшинство, освободив народ из-под ига гнетущего его страха и ужаса перед властью предержащей, открывает ему возможность проявить свою разрушительно-революционную силу и, опираясь на эту силу, искусно направляя ее к уничтожению врагов революции, оно разрушает охраняющие их твердыни и лишает их всяких средств к сопротивлению и противодействию. Затем пользуясь своей силой и своим авторитетом, оно вводит новые прогрессивно коммунистические элементы в условия народной жизни».

Только овладев государственным аппаратом, революционная партия сможет приступить к выполнению своих реформаторских планов, в результате которых будет создано коммунистическое общество.

«Захват власти, — писал Ткачев, — это только предлюдия революции». Овладение государственным аппаратом является первым и необходимым условием, без достижения которого революционная партия не может приступить к выполнению своих задач по перестройке общества на коммунистических началах.

«Революция, — пишет Ткачев, — осуществляется революционным государством, которое с одной стороны борется и уничтожает консервативные элементы общества, упраздняет все те учреждения, которые препятствуют установлению равенства и братства; с другой — вводит в жизнь учреждения, благоприятствующие их развитию. Таким образом, захватив власть, революционная партия ведет деятельность двоякого рода — «революционно-разрушительную» с одной стороны, и «революционно-устроительную» — с другой. «Насильственным переворотом не оканчивается дело революционеров. Захватив в свои руки власть, они должны суметь удержать ее и воспользоваться ею для осуществления своих идеалов». Ткачев также проповедывал создание строго цен-

трализованной и дисциплинированной революционной организации для захвата власти.

«Успех революции — писал он, — возможен только при создании организации, сплачивающей разрозненные революционные элементы в одно живое тело, действующее по одному общему плану, подчиняющееся одному руководству — организации, основанной на централизации власти и децентрализации функций». («Набат». 1875 г. Глинский, том 1, стр. 506-510).

Только такая организация способна, по мнению Ткачева, подготовить и осуществить государственный переворот.

«Для захвата власти — говорит Ткачев, нужен заговор. Для заговора — организация и дисциплина: Если ближайшая, практически-достижимая задача революционеров сводится к насильственному нападению на существующую политическую власть с целью захвата этой власти в свои руки, то отсюда само собой следует, что к осуществлению именно этой-то задачи и должны быть направлены все усилия истинно-революционной партии. Осуществить ее всего легче и удобнее посредством государственного заговора...

Организация, как средство дезорганизации и уничтожения существующей правительственной власти, как ближайшая, насущнейшая цель — такова должна быть в настоящее время единственная программа деятельности всех революционеров».

По свидетельству Льва Дейча, идеи Ткачева «приводили не только в крайнее негодование, но прямо в ужас тогдашних революционеров».

С 1882 г. у Ткачева появились признаки психического заболевания. Болезнь (паралич мозга) быстро прогрессировала. Он умер в Париже в больнице для душевно-больных в начале 1886 г.

Известный философ Н. А. Бердяев пишет о Ткачеве: — «Наибольший идеологический интерес, как теоретик революции, представлял Ткачев, которого нужно при-

знать предшественником Ленина... Он государственник, сторонник диктатуры власти, враг демократии и анархизма. Революция для него есть насилие меньшинства над большинством... Нельзя допустить превращения государства в конституционное и буржуазное... Ткачев, подобно большевикам, проповедует захват власти революционным меньшинством и использование государственного аппарата для своих целей. Он сторонник сильной организации. Ткачев один из первых говорил в России о Марксе. Он пишет в 1875 г. письмо к Энгельсу, в котором говорит, что пути русской революции особые, и что к России неприменимы принципы марксизма... Ткачев более предшественник большевизма, чем Маркс и Энгельс. Он интересен, как теоретик русской революции и предшественник большевизма. Мысли его острые. Но культурный уровень его очень не высок. Он... признал «Войну и Мир» бездарным и вредным произведением».

Ленин о Ткачеве отзывался весьма одобрительно. В своей брошюре «Что делать?» Ленин писал: — «Подготовленная проповедь Ткачева и осуществленная посредством «устрашающего» и действительно «устрашавшего» террора попытка захватить власть — была **величественна**».

А большевистский историк профессор Михаил Покровский в статье «Корни большевизма в русской истории» в 1923 г. писал:

«В пророческом предвидении Ткачева на нас глядит большевизм... То, что предвидели авторы «Молодой России», каракозовцы и Ткачев, через 60 лет стало обычным жизненным явлением».

Наконец, об отношении Ленина к Ткачеву у нас есть свидетельство Владимира Бонч-Бруевича, долголетнего друга и соратника Ленина, бывшего управляющего делами первого Совнаркома. В статье «Ленин о художественной литературе», напечатанной в московском журнале «Тридцать дней» за 1934 г., Бонч-Бруевич писал:

«Чернышевский — особенно был близок Владимиру

Ильичу... Вслед за Чернышевским Владимир Ильич придавал **очень большое значение Ткачеву, которого он предлагал всем и каждому читать, изучать».**

— III. МИХАИЛ БАКУНИН И СЕРГЕЙ НЕЧАЕВ

Если Ленин свою теорию о грядущей русской революции позаимствовал, главным образом, у Заичневского и Ткачева, то свой план организации строго централизованной партии и тактику партии он в значительной степени позаимствовал у Сергея Нечаева и отчасти у Бакунина.

Михаил Александрович Бакунин — сын тверского помещика родился в 1814 г., воспитывался в артиллерийском училище, произведен был в артиллерийские прапорщики, но скоро вышел в отставку. В знаменитом московском кружке Станкевича, в который входили Белинский, Грановский, Константин Аксаков, Бакунин познакомился с немецкой философией и в 1841 году уехал в Берлин для завершения своего философского образования. В Германии он сошелся с немецкими радикалами. В 1843 году он уехал в Париж, затем в Швейцарию. В Париже он подружился с французскими и польскими революционерами и стал коммунистом (коммунистами тогда называли себя социалисты).

В своей речи 29 ноября 1847 года на международном банкете в Париже в годовщину польского восстания 1831 года, Бакунин сказал:

«Я знаю, в Европе вообще думают, что мы с нашим правительством составляем нераздельное целое, что мы чувствуем себя очень счастливыми, что система принудительная внутри и наступательная вне, прекрасно выражают наш национальный дух. Все это неправда.

Нет, народ русский не чувствует себя счастливым!... Лишенные политических прав, мы не имеем даже той свободы натуральной, которой пользуются народы наименее цивилизованные... Никакое свободное движение

нам не дозволено. Нам почти запрещено жить, потому что всякая жизнь предполагает известную независимость, а мы только бездушные колеса в этой чудовищной машине притеснения и завоевания. Но предположите, что у машины есть душа, и, быть может, вы тогда составите себе понятие об огромности наших страданий».

За речь на польском банкете в Париже, Бакунин был выслан из Франции, куда вернулся после революции 1848 года. Оттуда Бакунин отправился в Германию, участвовал на славянском съезде в Праге, затем руководил обороной Дрездена от прусских войск в мае 1849 года. Был там арестован и приговорен к смертной казни, но выдан был саксонским правительством Австрии, которая выдала его России. В Петербурге он был посажен в Петропавловскую крепость, где он просидел до 1857 года, а затем был сослан в Восточную Сибирь, откуда он через несколько лет бежал через Японию и Америку в Лондон, где его старые друзья Герцен и Огарев издавали «Колокол».

Герцен в своих знаменитых мемуарах «Былое и думы» рассказывает, что как только Бакунин огляделся и учредился в Лондоне, то есть перезнакомился со всеми поляками и русскими, которые были налицо, он принялся за дело.

«К страсти проповедывания, агитации, пожалуй, демагогии, к непрерывным усилиям учреждать, устраивать комплоты, переговоры, заводить сношения и придавать им огромное значение, — пишет Герцен, — у Бакунина прибавляется готовность первому идти на исполнение, готовность погибнуть, отвага принять все последствия».

Далее Герцен дает следующую замечательную характеристику Бакунина: «Это натура героическая, оставленная историей не у дел. Он тратил свои силы иногда на вздор так, как лев тратит шаги в клетке, все думая, что выйдет из нее. Но он не ритор, боящийся исполнения своих слов или уклоняющийся от осуществления своих общих теорий».

Теорий Бакунина Герцен, как известно, не разделял, что, однако, не мешало ему писать о нем: «Бакунин имел много недостатков, но недостатки его были мелки, а сильные качества крупны... В пятьдесят лет он был решительно тот же кочующий студент с Маросейки, тот же бездомный богема, без заботы о завтрашнем дне, пренебрегая деньгами, бросая их, когда есть, занимая их без разбора направо и налево, когда их нет, с той простотой, с которой дети берут у родителей — без заботы об уплате, с той простотой, с которой он сам готов отдать всякому последние деньги, отделив от них, что следует на сигареты и чай. Его этот образ жизни не теснил; он родился быть великим бродягой, великим бездомником... В нем было что-то детское, беззлобное и простое, и это придавало ему необычайную прелесть и влекло к нему слабых и сильных, отталкивая одних чопорных мещан».

По прибытии в Лондон Бакунин проповедывал революционный панславизм и выражал крайнюю ненависть к немцам, как к насадителям «казарменной культуры» в Европе.

В своей речи на «Конгрессе Лиги Мира и Свободы» в 1867 Бакунин сказал:

«Если мы в самом деле желаем мира между нациями, мы должны желать международной справедливости. Стало быть каждый из нас должен возвыситься над узким мелким патриотизмом, для которого своя страна — центр мира, который свое величие полагает в том, чтобы быть страшным соседям. Мы должны поставить человеческую всемирную справедливость выше всех национальных интересов. Мы должны раз навсегда покинуть ложный принцип национальности, изобретенный в последнее время деспотиями Франции, России и Пруссии, для вернейшего подавления верховного принципа — **свободы**. Национальность не принцип; это законный факт, как индивидуальность. Всякая национальность, большая или малая имеет несомненное право быть сама собой, жить по своей соб-

ственной натуре. Это право есть лишь вывод из общего принципа свободы. Всякий, искренне желающий мира и международной справедливости, должен раз навсегда отказаться от всего, что называется славой, могуществом, величием отечества, от всех экономических и тщеславных интересов национализма. Пора желать абсолютного царства свободы внутренней и внешней».

Закончил он свою речь следующими словами: «Всеобщий мир будет невозможен, пока существуют нынешние централизованные государства. Мы должны, стало быть, желать их разложения, чтобы на развалинах этих единств, организованных сверху вниз деспотизмом и завоеванием, могли развиваться единства свободные, организованные снизу вверх, свободной федерацией общин в провинцию, провинций в нацию, наций в Соединенные Штаты Европы».

Через год на «Конгрессе Лиги Мира и Свободы» в 1868 году Бакунин в своей речи сказал:

«Я желаю, чтобы Финляндия была свободна и имела полную возможность организоваться, как желает и соединяться с кем захочет. Я говорю то же самое, совершенно искренне и относительно Балтийских провинций. Я прибавлю только маленькое замечание, которое мне кажется необходимым, потому что многие из немецких патриотов, республиканцев и социалистов имеют повидимому две мерки, когда дело доходит до международной справедливости — одну для них самих, а другую для всех остальных наций, так что нередко то, что им кажется справедливым и законным, когда оно касается германской Империи, принимает в их же глазах вид отвратительного насилия, если совершается другой какой-нибудь державой».

Бакунин не раз высказывался за свободу Польши и даже, не ограничиваясь платоническим сочувствием полякам, сам принял участие в польском восстании 1863 года. Бакунин писал:

«Я требую только одного, чтобы всякому народу,

чтобы всякому племени, великому и малому, были вполне предоставлены возможность и право по воле, хочет он слиться с Россией или с Польшей, пусть сливается. Хочет быть самостоятельным членом польской или русской, или общеславянской федерации, пусть будет им. Наконец, хочет ли он вполне от всех отделиться и жить на основаниях совсем отдельного государства, Бог с ним, пусть отделяется... Где народам жить привольнее, туда они и пойдут».

Одно время Бакунин был другом Карла Маркса, но потом сделался его резким противником. Он стал анархистом. Вступил в Международное товарищество рабочих (Интернационал) одним из основателей которого был Карл Маркс. Бакунин начал организовывать всюду свои анархические кружки с целью захвата руководства в Интернационале. Борьба между Марксом и Бакуниным закончилась исключением Бакунина из Интернационала в 1872 года.

Бакунин был первым революционером в Европе, который предостерегал против «диктатуры пролетариата», которую проповедывал Маркс и его последователи.

Вот что Бакунин об этом писал:

«Мнимое «народное государство» будет не что иное как деспотическое управление народных масс новой и немногочисленной аристократией действительных или мнимых ученых... опекунов и учителей, начальников коммунистической партии... Они сосредоточат бразды правления в сильной руке... создадут единый Государственный банк, сосредоточивающий в своих руках все торгово-промышленное, земледельческое и даже научное производство, а массы, народ, они разделят на две армии: промышленную и землепашескую, под непосредственной командой государственных инженеров, которые составят новое привилегированное сословие».

Так, возражая Марксу, писал Бакунин о так называемой диктатуре пролетариата. На возражение марксистов, что это руководящее меньшинство будет состоять

не из капиталистов и богатых землевладельцев, а из рабочих, Бакунин отвечал:

«Да, пожалуй, из **бывших** работников которые станут смотреть на весь чернорабочий мир с высоты государственной: будут представлять уже не народ, а себя и свои притязания на управление народом».

И дальше Бакунин писал:

«Марксисты утешают мыслью, что эта диктатура будет временной и короткой... Мы отвечаем: никакая диктатура не может иметь другой цели, кроме увековечения себя, и она способна породить, воспитать в народе, сносящем ее, только рабство: свобода может быть создана только свободой, то есть вольною организацией рабочих масс снизу вверх...».

«Революция — писал Бакунин — перестает быть революцией, когда она действует деспотически и когда вместо того, чтобы вызвать в массах свободу, вызывает... реакцию».

В сентябре 1870 года во время франко-прусской войны Бакунин писал: «Я уверен, что поражение и подчинение Франции и торжество Германии, поработанной пруссаками, отбросит Европу в мрак и нищету, в рабство минувших веков. Я до того убежден в этом, что мне представляется, как священная обязанность для всякого, кто любит свободу, кто желает торжества человечности над зверством какой бы национальности он ни был — англичанин, испанец, поляк, русский и даже немец — обязанность принять участие в демократической борьбе французского народа против вторжения немецкого деспотизма».

Бакунин вначале оказывал энергичное содействие знаменитому русскому фанатику-революционеру Сергею Нечаеву, не брезгавшему никакими средствами для достижения своей цели.

**
*

Сергей Нечаев родился в 1847-ом году в селе Иваново, Владимирской губернии. Он был сыном крепостного

крестьянина, который потом стал мещанином-ремесленником. Сначала он учился в сельской школе, а потом сдал экзамен на звание учителя и, по приезде в Петербург, поступил вольнослушателем в университет. Ему был 21 год, когда он вступил в нелегальный революционный кружок. Одним из членов этого кружка был Петр Ткачев. В конце 60-х годов Нечаевым, Ткачевым и другими членами кружка была создана революционная организация под названием: «Комитет русской революционной партии». В «Программе революционных действий», выпущенной этим «Комитетом», говорилось, что целью организации является уничтожение существующего строя, как основанного на эксплуатации и угнетении. Экономический переворот невозможен без политического. Единственный выход — это политическая «революция и истребление гнезда существующей власти». Полиции очень скоро стало известно о деятельности Нечаева, и во избежание ареста, Нечаев бежал за границу, предварительно распространив слух, что он арестован и заключен в Петропавловскую крепость. А затем из за границы он написал товарищам, что ему при отправке из Петропавловской крепости в Сибирь удалось бежать. Этим он хотел, во-первых, поднять свой революционный престиж среди студентов, надеть на себя корону героя и мученика, а, во-вторых, вызвать этим возмущение против правительства. Нечаев собирался вскоре вернуться в Россию и стать там лидером революционного движения. Попав в эмиграцию, Нечаев стал искать поддержку у эмигрантов-революционеров, имена которых были широко известны в России и любимы молодежью. Особенно Нечаев надеялся на помощь Михаила Бакунина, и он не ошибся в своем расчете. Бакунин, которому тогда было уже 56 лет, принял 22-летнего Нечаева с распростертыми объятиями и сразу подружился с ним. С большим воодушевлением Бакунин выслушал живой рассказ Нечаева об его аресте и побеге. И еще больше Бакунин воодушевился, когда Нечаев поведал ему тайну, что он стоит во

главе большой революционной организации, которая послала его за границу заручиться моральной поддержкой эмигрантов-революционеров, и в особенности его, Бакунина, которого они считают своим учителем.

Вся эта умелая ложь произвела на Бакунина сильное впечатление, и он сразу оказал Нечаеву свою, «моральную поддержку», выдав ему мандат от «Русского отдела Всемирного революционного Альянса», за номером 2771. На мандате была печать «Альянса» и подпись Бакунина. Так Нечаев, глава несуществующей революционной организации в России, получил от Бакунина мандат быть представителем «Всемирного революционного Альянса», который также существовал только на бумаге. Бакунин помог Нечаеву достать средства для издания брошюры, помог ему в выработке «Программы революционных действий» и в составлении «Катехизиса революционера». Через несколько месяцев Нечаев, снабженный мандатом, выданным ему Бакуниным, и «Катехизисом революционера», вернулся в Россию. «Катехизис революционера» состоял из 26 параграфов. Первый параграф гласил:

«Революционер — человек обреченный: у него нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, или даже имени. Все в нем поглощено единственным исключительным интересом, единой мыслью, единой страстью — революцией».

Параграф четвертый «Катехизиса революционера» гласил:

«Революционер презирает общественное мнение. Он презирает и ненавидит во всех ее побуждениях и проявлениях нынешнюю общественную нравственность. Нравственно для него все то, что способствует торжеству революции. Безнравственно и преступно все то, что мешает ему».

Параграф седьмой гласил:

«Природа настоящего революционера исключает всякий романтизм, всякую чувствительность, восторженность и увлечение. Она исключает даже личную ненависть

и мщение. Страсть революционера, став в нем обыденностью, ежеминутностью, должна соединиться с холодным расчетом. Всегда и везде он должен быть не то, к чему его побуждают влечения личные, а то, что предписывает ему общий интерес революции».

Параграф двадцать третий гласил:

«Под революцией народную товарищество разумеет не регламентированное движение по западному классическому образцу — движение, которое, всегда останавливаясь с уважением перед собственностью и перед традициями общественных порядков так называемой цивилизации и нравственности, до сих пор ограничивалось везде низвержением одной политической формы для замещения ее другой и стремилось создать так называемое революционное государство. Спасительной для народа может быть только та революция, которая уничтожит в корне всякую государственность и истребит все государственные традиции, порядки и классы в России».

По возвращении на родину Нечаев поселился в Москве и сразу же приступил к осуществлению своего плана: создания строго централизованной тайной революционной организации, построенной на принципе строжайшей дисциплины и возглавляемой всеильным Центральным Комитетом из нескольких лиц. Члены Центрального Комитета должны быть диктаторами организации и обладать абсолютной властью. А остальные члены организации слепо исполняют все постановления Центрального Комитета. Вожди должны крепко держать в своих руках всех членов организации и не останавливаться ни перед чем для достижения своей цели.

В России Нечаев везде выдавал себя за агента всеильного Центрального Комитета. На самом деле всеильный Центральный Комитет — это был он сам, других лидеров в ЦК не было. Но ему удалось создать ряд революционных кружков, которые были всецело подчинены его диктатуре. И если кто-нибудь из членов кружка не хотел выполнять какое либо из его распоряжений,

Нечаев грозил ему, что выдаст его Третьему Отделению, то есть царской Охране, указав на него как на опасного революционера. Для Нечаева все средства были хороши. Он пользовался ложью, мистификацией и не останавливался даже перед убийством. Когда один член кружка, студент Иванов, не захотел слепо подчиниться Нечаеву, Нечаев организовал его убийство. Это повело к раскрытию организации. Сам Нечаев успел бежать за границу, но другие участники убийства Иванова были арестованы, судимы и приговорены к каторжным работам на разные сроки. (Как известно, революционная организация Нечаева и убийство Иванова послужили Достоевскому сюжетом для его романа «Бесы»).

На этот раз в кругах русской революционной эмиграции в Швейцарии отнеслись к Нечаеву с крайним недоверием, а когда стало известно об убийстве им Иванова, то его прямо обвинили в провокации. В конце концов, и Бакунин порвал с ним.

Нечаев вскоре был арестован в Цюрихе и выдан швейцарским правительством русскому правительству с тем, чтобы его судили только как уголовного преступника (за убийство Иванова). В 1873 году Московский окружной суд приговорил Нечаева к 20 годам каторжных работ. Нечаев был посажен в Алексеевский равелин Петропавловской крепости, где умер около 1882 года.

IV. БАКУНИН, НЕЧАЕВ И ЛЕНИН

1

Известно, что Достоевский долго не переиздавался в Советской России. Его романы «Бесы», «Братья Карамазовы», как и все публицистические произведения, считались контрреволюционными и были изъяты из библиотек. После смерти Сталина Достоевского отчасти реабилитировали, и Госиздат приступил к изданию его художественных произведений. Считавшийся наиболее

контрреволюционным роман «Бесы» вышел без сокращений, но с обширными редакционными примечаниями. В примечаниях сказано:

«Сюжет ‘Бесов’ тесно связан с конкретным фактом — с происшедшим 21-го ноября 1869 года под Москвой убийством слушателя Петровской земледельческой академии Иванова, члена тайного общества ‘Народная расправа’, С. Г. Нечаевым, при участии членов ее — П. Успенского, А. Кузнецова, И. Прыжова, Н. Николаева».

Далее о Нечаеве говорится:

«Нечаев — вольнослушатель Петербургского университета, один из активных деятелей студенческого движения в Петербурге. Весной 1869 года, бежав за границу, он сблизился в Женеве с Михаилом Бакуниным и усвоил его анархистскую заговорщическую тактику. Вернувшись в Россию, Нечаев в сентябре 1869 года явился в Москву с планами создания подпольной противоправительственной организации, имея при себе подписанный Бакуниным мандат «Русского отдела всемирного революционного союза». Нечаеву удалось организовать ряд подпольных кружков («пятерок»), которые и составили так называемую «Народную расправу».

О знаменитом «Катехизисе революционера» в «Примечаниях» говорится, что его автором был Бакунин. «В своем ‘Катехизисе’ — пишут авторы «Примечаний» — Бакунин требовал, чтобы революционер ‘задавил’ в себе ‘единой холодной страстью революционного дела’ даже чувство чести. Провозглашая необходимость террора, ‘Катехизис’ рекомендовал временно даровать ‘некоторым представителям господствующей верхушки жизнь’ — ‘чтобы они рядом зверских поступков довели народ до неотвратимого бунта’. Других обладателей власти и богатства предлагалось ‘опутать’, сбить с толку и, овладев по возможности их грязными тайнами, сделать их своими рабами. Те же приемы шантажа и провокации Бакунин навязывал своим последователям и в отношении либералов, ‘государственных честолубцев’, женщин из господ-

ствующих классов. Революционерам предлагалось 'соединиться с лихим разбойничьим миром'. В одном из пунктов 'Катехизиса' говорилось: 'Наше дело — страшное, полное, повсеместное и беспощадное разрушение'».

Далее о Нечаеве и его деятельности в «Примечаниях» сказано следующее:

«Нечаев действовал авантюристическими методами. Он прибегал к обману, рассказывая членам создаваемых кружков о якобы уже имеющейся в России широко разветвленной подпольной сети; практиковал угрозы и запугивания, прикрывая свои действия авторитетом таинственного (не существовавшего в действительности) центра противоправительственной организации... Нечаев исходил из того, что цель оправдывает средства, и поэтому можно не считаться с какими бы то ни было моральными нормами: можно и даже должно использовать уголовные элементы, применять метод провокации и т. д. Иванов отказал Нечаеву в повиновении и заявил о своем намерении выйти из подпольного общества, что и послужило причиной убийства Иванова. Действуя методами демагогии, обмана и запугивания, Нечаев заставил группу членов «Народной расправы» принять участие в убийстве Иванова, ссылаясь на то, что Иванов якобы может выдать тайную организацию властям».

В «Примечаниях» также указано, что Маркс и Энгельс и Международное товарищество рабочих, то есть Первый Социалистический Интернационал, во главе которого стоял Маркс, в 1873 году, «сурово и беспощадно осудили 'нечаевщину'». Авторы «Примечаний» пишут:

«Эту накипь революционного движения Достоевский в своем романе стремится представить чем-то характерным для освободительной борьбы против царизма... Провокационные авантюристические приемы Нечаева представлены Достоевским с его антиреволюционными убеждениями, как что-то типическое для революционной среды... Применение методов, подобных нечаевским, противоречило самой природе освободительного движения.

Поэтому тактика Нечаева вызвала решительный отпор со стороны ряда участников революционного движения уже во время организации им 'Народной расправы'».

Так пишут о Нечаеве и «нечаевщине» авторы «Примечаний» к роману «Бесы». Совершенно верно, что Маркс, Энгельс и Интернационал «сурово и беспощадно осудили 'нечаевщину'»; больше того, тактика Нечаева вызвала решительный отпор и со стороны ряда участников революционного движения уже во время организации им «Народной расправы»; верно, и то что «применение методов, подобных нечаевским, противоречило самой природе освободительного движения», но неверно, что, якобы, Бакунин «развратил» Нечаева.

Такой знаток истории русского революционного движения, как Л. Г. Дейч, в 1924 году в статье «Был ли Нечаев гениален?» писал:

«Из несомненного факта, что Бакунин был автором 'Катехизиса революционера', мне кажется, не следует делать вывод, будто на Нечаева и принятую им тактику главным образом оказал влияние апостол всеобщего разрушения (Бакунин): Нечаев совершенно самостоятельно, ввиду собственного склада ума и характера, пришел к убеждению о необходимости действовать путем лжи, мистификации, насилия. Да и ни в каких других отношениях на него решительно никто не мог оказать влияния».¹

Из письма Бакунина к его другу Таландье видно, что Бакунин вовсе не разделял всей тактики Нечаева, а, наоборот, ее осуждал. 24-го июля 1870 года Бакунин писал:

«Нечаев один из деятельнейших и энергичнейших людей, каких я когда-либо встречал. Когда надо служить тому, что он называет **делом**, он не колеблется и не останавливается ни перед чем и показывается так же беспощадным к себе, как и ко всем другим. Вот главное качество, которое привлекло вменя и долго побуждало меня

¹ «Группа Освобождение Труда». Сборник № 2, Москва, 1924 г., стр. 76.

искать его сообщества... Это фанатик, преданный, но в то же время фанатик очень опасный и сообщничество с которым может быть только гибелью для всех... способ действия его отвратительный. Живо пораженный катастрофой, которая разрушила тайную организацию в России, он пришел мало по малу к убеждению, что для того, чтобы создать общество серьезное и неразрушимое, надо взять за основу политику Макиавелли и вполне усвоить систему иезуитов: — для тела одно насилие, для души — ложь.

Истина, взаимное доверие, солидарность серьезная и строгая — существуют только между десятком лиц, которые образуют внутреннее святилище общества. Все остальное должно служить слепым орудием и как бы материей для пользования в руках этого десятка людей, действительно солидарных. Дозволительно и даже простительно их обманывать, компрометировать, обкрадывать и, по нужде, даже губить их; это мясо для заговоров... во имя дела он должен завладеть вашей личностью, без вашего ведома. Для этого он будет вас шпионить и постарается овладеть всеми вашими секретами и для этого, в вашем отсутствии, оставшись один в вашей комнате, он откроет все ваши ящики, прочитает всю вашу корреспонденцию, и когда какое либо письмо покажется ему интересным, т.е. компрометирующим с какой бы то ни было точки, для вас или одного из ваших друзей, он его украдет и спрячет старательно, как документ против вас или вашего друга. Он это делал с О., со мною, с Татою² и с другими друзьями, — и когда, собравшись вместе, мы его уличили, он осмелился сказать нам: 'Ну да! это наша система, — мы считаем как бы врагами и мы ставим себе в обязанность обманывать, компрометировать всех, кто не идет с нами **вполне**', — т.е. всех тех, кто не убежден в прелести этой системы и не обещали прилагать ее, как и сами эти господа. Если вы его представите вашему

² Т. е. с Н. П. Огаревым и дочерью А. И. Герцена Натальей.

приятелю, первую его заботою станет посеять между вами несогласие, дразги, интриги, — словом, поссорить вас. Если ваш приятель имеет жену, дочь, — он постарается ее соблазнить, сделать ей дитя, чтобы вырвать ее из пределов официальной морали и чтобы бросить ее в вынужденный революционный протест против общества... Увидев, что маска с него сброшена, этот бедный Нечаев был настолько наивен, был настолько дитя, несмотря на свою систематическую испорченность, что считал возможным обратиться ко мне; он дошел даже до того, что упрасивал меня изложить эту теорию в русском журнале, который он предлагал мне основать. Он обманул доверенность всех нас, он покрал наши письма, он страшно скомпрометировал нас, — словом, вел себя, как плут. Единственное ему извинение это его фанатизм! Он страшный честолобец, сам того не зная, потому что он кончил тем, что отождествовал свое революционное дело с своею собственной персоной; — но это не эгоист в банальном смысле слова, потому что он страшно рискует и ведет мученическую жизнь лишений и неслыханного труда. Это фанатик, а фанатизм его увлекает быть совершенным иезуитом. Большая часть его лжей шиты белыми нитками. Он играет в иезуитизм, как другие играют в революцию. Несмотря на эту относительную наивность, он очень опасен, так как он совершает **ежедневно** поступки нарушения доверия, измены, от которых тем труднее уберечься, что едва можно подозревать их возможность. Вместе с этим Нечаев — сила, потому что это огромная энергия. ...Последний замысел его был ни больше, ни меньше, как образовать банду воров и разбойников в Швейцарии, натурально с целью составить революционный капитал...

...Разве они не осмелились признаться мне откровенно, в присутствии свидетеля, что доносить тайной полиции на члена, не преданного обществу, или преданного наполовину, — один из способов, употребление которого они признают законным и полезным иногда? Овладевать

секретами лица, семьи, чтоб держать ее в своих руках, — это их главное средство...»³

Бакунин, правда, тоже не прочь был воспользоваться мистификациями, и, несомненно, что «Катехизис» написан Бакуниным. «Катехизис» содержит много хорошо знакомых бакунинских мыслей и революционных фраз, но также несомненно, что многие «правила» «Катехизиса», вошедшие в понятие «нечаевщины», были продиктованы Бакунину Нечаевым, как это видно из вышеприведенного письма Бакунина к Таландье. Это подтверждает и Ю. Стеклов в своей четырехтомной биографии Бакунина. «Мысль об издании 'революционного катехизиса', устанавливающего правила для членов организации, — пишет Стеклов, — возникла в **России до встречи Нечаева с Бакуниным**. Встреча Нечаева с Бакуниным состоялась в конце марта 1869 г. в Женеве... Нечаев увлек Бакунина своим темпераментом, непреклонностью своей воли и преданностью революционному делу... Нечаев одно время овладел волей рыхлого и, несмотря на свою революционную фразеологию, благодушного Бакунина... Нечаев явился к Бакунину с основательными задатками авантюриста и мистификатора».⁴

«У самого Нечаева, — пишет далее Стеклов, — мы определенных анархических заявлений нигде не встречаем. Возможно, впрочем, что после своего знакомства с Бакуниным Нечаев стал временно поддаваться анархическому учению, но если это и было так, то во всяком случае, это увлечение анархическими воззрениями не было у него глубоким и оказалось скоропреходящим».⁵

Согласно Стеклову, Нечаев, по существу, был бланкистом. Бланкистом был и Ленин. Еще в 1906 г. Г. В. Плеханов писал: «Ленин с самого начала был скорее блан-

³ Письма М. А. Бакунина, под ред. и с объяснительными примечаниями М. П. Драгоманова. Женева, 1896 г., стр. 291-294.

⁴ Ю. Стеклов. М. Бакунин. Его жизнь и деятельность. Том третий. Москва 1927 г., стр. 430, 436, 474.

⁵ Там же, стр. 426.

кистом, чем марксистом. Свою бланкистскую контрабанду он проносил под флагом самой строгой марксистской ортодоксии». ⁶ Ленин не только ценил Нечаева и считал его «титаном революции», но многое воспринял от Нечаева в вопросах тактики и методов борьбы с противниками. Он действовал по рецепту и примеру Нечаева, как мы увидим ниже.

2

В 1926 г. в Москве, в издательстве «Московский рабочий» вышла книга Александра Гамбарова: «В спорах о Нечаеве». В ней большевистский историк пишет: «О Нечаеве слишком много писали. Но все, что писалось о нем, это сплошной поток мемуарной хулы, а нередко и злобы его классово-политических противников, сознательно искажавших подлинный облик исторического Нечаева (стр. 3). Не поняли Нечаева и современные ему революционеры, в то время народнического толка, не говоря об их позднейших 'эпигонах'. В силу своей мелкобуржуазной сущности народники не могли принять Нечаева. В борьбе с Нечаевым или в борьбе с 'нечаевщиной' народническая интеллигенция не останавливалась ни перед какими средствами. Возмущаясь нечаевским лозунгом 'во имя революции и борьбы с самодержавием цель оправдывает средства', они сами нередко прибегали к далеко не безупречным средствам — к злобной хуле и явному искажению исторической сущности нечаевского движения».

Никаких доказательств этому большевистский историк не приводит, но интересно его заявление, что Нечаев был одним из самых крупных предшественников большевизма и Октябрьского переворота 1917-1918 гг.

«Между современным движением большевизма и тем, что дано было в нечаевском движении, гораздо более точек соприкосновения, — пишет Гамбаров, — чем меж-

⁶ Г. Плеханов. Заметки публициста. «Современная жизнь». (Москва), декабрь 1906 г.

ду другими этапами революционной борьбы» (стр. 107).

«К торжеству социальной революции Нечаев шел верными средствами, и то, что в свое время не удалось ему, то удалось через много лет большевикам, сумевшим **воплотить в жизнь не одно тактическое положение, впервые выдвинутое Нечаевым**». (стр. 123, курсив мой).

Далее Гамбаров пишет: «В лице Нечаева история имела первого и при том крупного партийного организатора». (Стр. 116).

По мнению Гамбарова, Нечаев был не только большевиком, но и «**ленинцем**». Установив, в чем заключается нечаевский «ленинизм», Гамбаров пишет: «Революция одинаково освящает все средства в политической борьбе. За эту основную максиму на Нечаева набрасывались все его политические враги и противники от Каткова до народников и целой плеяды буржуазных историков, считая 'отвратительным' присущий Нечаеву 'макиавеллизм'. Предвидя это, Нечаев неоднократно заявлял о своем 'презрении к общественному мнению' и даже гордился подобными выпадами против него. Отсюда положение, служившее Нечаеву девизом: **'Кто не за нас, тот против нас'** (курсив подлинника). А разве, — спрашивает Гамбаров, — не этим девизом руководились массы в октябре 1917 года, когда они шли против твердыни капитала, против вчерашних лжедрузей революции?» (Стр. 121).

Не массы, конечно, а большевистские вожди.

В результате своих сопоставлений Гамбаров нашел у Нечаева все основные положения, которыми характеризуется большевистский коммунизм. В своей известной брошюре «Что делать», вышедшей в 1902 г., Ленин писал: «Дайте нам организацию революционеров и мы перевернем Россию». Гамбаров утверждает, что это «нечаевская максима».

По этому поводу противники Гамбарова (Стеклов и др.) указывают, что Ленин в своей брошюре нигде не упоминает Нечаева. Он неоднократно высказывает пожелание, чтобы у русской социал-демократии явились

свои **Желябовы**, но нигде не говорит, что желает ей своих социал-демократических **Нечаевых**. Следовательно, не Нечаев, а народовольцы — идеал «профессиональных революционеров» в брошюре Ленина. Но, как известно, Ленин часто публично говорил и писал одно, а думал другое. Ленин прекрасно знал, как дискредитирован был Нечаев, а главное «нечаевщина» в глазах русской революционной общественности, и он не хотел открыто брать на себя ответственность за его взгляды и за его тактические приемы, вообще за то, что связано с «нечаевщиной». Но в кругу его ближайших соратников он восторгался Нечаевым, называя его «титаном революции» и проповедывал чисто нечаевские идеи.

При создании своей партии и позднее Ленин всегда применял чисто нечаевские методы. И только в свете «нечаевщины» таинственные пути и методы большевистской партии и большевистской революции становятся понятны.

Нечаев стремился создать строго централизованную революционную организацию, построенную по принципу строжайшей дисциплины и возглавляемую всесильным Центральным Комитетом из нескольких лиц. По Нечаеву, члены Комитета должны были обладать абсолютной властью, а рядовые организации должны были слепо исполнять все постановления Центрального Комитета. Именно этому плану и следовал Ленин.

После второго съезда РСДРП, в 1903 году, на котором произошел раскол партии на большевиков и меньшевиков, Роза Люксембург — левая социалистка — так писала в газете «Искра» от 10 июля 1904 года, об организационном «плане» Ленина.

«Точка зрения Ленина — есть точка зрения беспощадного централизма... По этому взгляду, ЦК, например, имеет право организовывать все местные комитеты партии и, следовательно, определять личный состав каждой отдельной местной организации, давать им готовый устав, безапелляционно распускать их и вновь создавать и в

результате, таким образом, косвенно влиять на состав самой высшей партийной инстанции — съезда. Таким образом, ЦК является единственным, действительно активным ядром партии, все же остальные организации — только его исполнительными органами... Раздавленное русским абсолютизмом человеческое «я» берет реванш тем, что «я» русского революционера поспешно объявляет себя всемогущим вершителем истории — в лице Его Величества Центрального Комитета социал-демократического движения».

Через месяц после появления этой статьи Розы Люксембург, Троцкий о том же опубликовал свою брошюру «Наши политические задачи». В ней он так писал об организационном «плане» и методах Ленина:

«Во внутренней партийной политике эти методы Ленина приводят к тому что... Цека замещает партийную организацию и, наконец, диктатор заменяет собой ЦК... Он, Ленин, знает абсолютную организационную «истину», он имеет «план» и стремится к его воплощению. Партия достигла бы цветущего состояния, если бы он, Ленин, не был окружен со всех сторон кознями, интригами, ловушками. Все как бы сговорилось против него и его плана... И Ленин пришел к энергичному выводу: для того, чтобы «сделать работу успешнее, **необходимо удалить тормозящие элементы и поставить их в положение, при котором они не могли бы портить партию**». Другими словами, для блага партии оказалось необходимым установить режим «осадного положения», во главе которого стал бы диктатор... Добрые граждане это те, которых политическое сознание, развитое или неразвитое, все равно, поворачивается сегодня стороной к моему «плану»... Злые граждане это те, которых политическое сознание сегодня отвращается от тех или других деталей моего плана. Их нужно... воспитать? Нет! подавить, обессилить, уничтожить, устранить».

Так в 1904 году писал Троцкий о плане Ленина. Это

буквально то что проповедывал и стремился провести в жизнь Нечаев.

Бонч-Бруевич, один из ближайших соратников Ленина со дня основания большевистской партии, заведывавший в 1904-1905 гг. архивом и библиотекой большевистского ЦК в Женеве, в 1917 году активный участник октябрьского переворота, а потом управляющий делами Совнаркома, в 1934 г. писал в московском журнале «Тридцать дней» следующее:

«До сих пор не изучен нами Нечаев, над листовками которого Владимир Ильич часто задумывался, и когда в то время слова 'нечаевщина' и 'нечаевцы' даже среди эмиграции были почти бранными словами, когда этот термин хотели навязать тем, кто стремился к пропаганде захвата власти пролетариатом, к вооруженному восстанию и к неумолимому стремлению к диктатуре пролетариата, когда Нечаева называли, как будто бы это особенно плохо, 'русским бланкистом', — Владимир Ильич нередко заявлял о том, что какой ловкий трюк проделали реакционеры с Нечаевым с легкой руки Достоевского и его омерзительного, но гениального романа «Бесы», когда даже революционная среда стала относиться отрицательно к Нечаеву, совершенно забывая, что этот титан революции обладал такой силой воли, таким энтузиазмом, что и в Петропавловской крепости, сидя в невероятных условиях, сумел повлиять даже на окружающих его солдат таким образом, что они всецело ему подчинялись. Владимир Ильич говорил:

‘Совершенно забывают, что Нечаев обладал особым талантом организатора, умением всюду устанавливать особые навыки конспиративной работы, умел свои мысли облачать в такие потрясающие формулировки, которые оставались памятны на всю жизнь. Достаточно вспомнить его ответ в одной листовке, когда на вопрос ‘кого же надо уничтожить из царствующего дома?’ Нечаев дает точный ответ: ‘всю большую ектению’. Ведь это сформулировано так просто и ясно, что понятно для каждого

человека, жившего в то время в России, когда православие господствовало, когда огромное большинство так или иначе, по тем или другим причинам, бывали в церквях и все знали, что на великой, на большой ектении вспоминается весь царствующий дом Романовых. Кого же уничтожить из них? — спросит себя самый простой читатель. Да весь дом Романовых! — должен он был дать себе ответ. Ведь это просто до гениальности. Нечаев должен быть весь издан. Необходимо изучить, дознаться, что он писал, где он писал, расшифровать все его псевдонимы, собрать воедино и все напечатать'. Так неоднократно говорил Владимир Ильич».⁷

На публичных собраниях и в партийной печати Ленин выступал, как правоверный социал-демократ и противник террора и всяких «вспышко-пускательств», а в конспиративном письме из Женевы к членам Боевого комитета большевиков в Петербурге от 3 (16) октября 1905 г. он писал:

«Я с ужасом, ей-Богу, с ужасом вижу, что о бомбах говорят больше полгода и ни одной не сделали!.. Идите к молодежи. Основывайте тотчас боевые дружины везде и повсюду и у студентов и у рабочих особенно и т.д. Пусть тотчас же вооружаются они сами, кто как может, кто револьвером, кто ножом, кто тряпкой с керосином для поджога и т.д. ...Не требуйте никаких формальностей, наплюйте, Христа ради, на все схемы, пошлите вы, Бога ради, все 'функции, права и привилегии' ко всем чертям... Отряды должны **тотчас** же начать военное обучение на немедленных операциях, тотчас же. Одни сейчас же предпримут убийство шпика, взрыв полицейского участка, другие — нападение на банк для конфискации средств для восстания... Пусть каждый отряд сам учится хотя бы на избиении городских: десятки жертв окупятся с лихвой тем, что дадут сотни опытных борцов, которые **завтра поведут за собой сотни тысяч**».⁸

⁷ Вл. Бонч-Бруевич. Ленин о художественной литературе. «Тридцать дней» (Москва), январь 1934 г., стр. 18.

⁸ Сочинения Ленина. Изд. 1929 г. Том 8, стр. 326.

В октябре девятьсот шестого года Ленин писал:

«Когда я вижу социал-демократов, горделиво и самодовольно заявляющих: мы не анархисты, не воры, не грабители, мы выше этого, мы отвергаем партизанскую войну, тогда я спрашиваю себя: понимают ли эти люди, что они говорят? ...Когда я вижу у теоретика или публициста горделивое самодовольное и нарцисско-восхищенное повторение заученных в ранней молодости фраз об анархизме, бланкизме, терроризме, тогда мне становится обидно за унижение самой революционной в мире доктрины».⁹

В 1907 г. среди деятелей петербургского нелегального Совета безработных, в котором преобладали анархисты и большевики, возникла мысль бросить бомбу в заседание петербургской Городской Думы с расчетом, чтобы взорвать и перебить главных врагов общественных работ на глазах остальных гласных. У Владимира Войтинского, бывшего в то время видным большевиком и членом Исполнительного комитета Совета безработных, были большие сомнения насчет допустимости такой тактики, и он решил обратиться за разъяснением этих сомнений к Ленину. «Поехал к нему в Куокала, — пишет в своих воспоминаниях Войтинский, — и рассказал о настроениях среди безработных, о 'мстителях', о их намерении бросить бомбу в заседание Городской Думы. Ленин слушал чрезвычайно внимательно, вставляя время от времени: 'Вот как? Это крайне интересно!' Затем начал расспрашивать:

— Вы думаете, люди у них найдутся?

— Несомненно.

— Надежные?

— Вполне.

Тогда Ленин сказал раздумчиво:

— А может быть, это было бы недурно. Встряхнуло бы'...¹⁰

⁹ Сочинения Ленина. 2-ое издание. Том 10, стр. 86.

¹⁰ Вл. Войтинский. Годы побед и поражений. Книга вторая. Берлин 1924 г., стр. 227.

Любимой темой агитации в тесном товарищеском кругу была для Ленина — рассказывает Войтинский, — борьба с предрассудками, остатками 'либеральных благоглупостей', которые он подозревал у новичков. ...Это была неуклонная, чрезвычайно ловкая, талантливая проповедь революционного нигилизма», — пишет Войтинский. «Это смешно! — говорил Ленин. — Если на эту точку зрения становиться, то мы должны все бежать в полицию и заявить: мы, мол, такие-то, арестуйте нас, дайте нам пострадать за народное дело!.. Революция дело тяжелое. В беленьких перчатках, чистенькими ручками ее не сделаешь... Партия не пансион для благородных девиц. Нельзя к оценке партийных работников подходить с узенькой меркой мещанской морали. Иной мерзавец может быть для нас именно тем полезен, что он мерзавец».

Когда при Ленине подымался разговор о том, что такой-то большевик ведет себя недопустимым образом, — рассказывает Войтинский, — он иронически замечал: — «У нас хозяйство большое, а в большом хозяйстве всякая дрянь пригодится».

Проф. историк Николай Рожков, бывший в те годы одним из лидеров большевистской фракции, рассказывал, что однажды он обратил внимание Ленина на подвиги московского большевика Виктора (Таратугы), которого характеризовал, как прожженного негодяя. Ленин ему ответил со смехом: «Тем-то он и хорош, что ни перед чем не остановится. Вот вы, скажите прямо, могли бы за деньги пойти на содержание к богатой купчихе? Нет? И я не пошел бы, не мог бы себя пересилить, а Виктор пошел. Это человек незаменимый».

«Ленин, — пишет Войтинский, — был снисходителен не только к таким 'слабостям', как пьянство, разврат, но и к уголовщине. Не только в 'идейных' экспроприаторах, но и в обыкновенных уголовных преступниках он видел революционный элемент».¹¹

¹¹ Вл. Войтинский, Годы побед и поражений. Часть вторая. Берлин 1924 г., стр. 102-103.

Другой бывший видный большевистский деятель, Станислав Вольский (А. В. Соколов) в 1907 г. делегат от Москвы на Лондонском съезде РСДРП, выразил Ленину свое недоумение по поводу того, что Ленин предложил в будущий ЦК партии кандидатуру некоего Х. (Виктора), который по словам Вольского, имел очень плохую репутацию. Ленин ему ответил: «Очень просто! Центральный Комитет для того, чтобы быть работоспособным, должен состоять из талантливых журналистов, способных организаторов и нескольких интеллигентных негодяев. Я рекомендовал т. Х, как интеллигентного негодяя».¹²

Летом 1905 г. в своей брошюре «Две тактики» Ленин писал:

«Удастся решительная победа революции, тогда мы разделаемся с царизмом по-якобински, или, если хотите, 'по-плебейски'... Якобинцы современной социал-демократии — большевики хотят, чтобы народ, т.е. пролетариат и крестьянство, разделался с монархией и аристократией 'по-плебейски', беспощадно уничтожая врагов свободы, подавляя силой их сопротивление, не делая никаких уступок проклятому наследию крепостничества, азиатчины, надругательству над человеком».¹³

А в декабре 1911 г. Ленин писал в газете «Социал-демократ»:

«Если в такой культурной стране, как Англия, не знавшей никогда ни монгольского ига, ни гнета бюрократии, ни разгула военщины, — если в такой стране понадобилось отрубить голову одному коронованному разбойнику, чтобы обучить королей быть 'конституционными' монархами, то в России надо отрубить головы по меньшей мере сотне Романовых, чтобы отучить их приемников от организации черносотенных убийств и еврейских погромов».¹⁴ Что Ленин, согласно заветам Нечаева,

¹² Vol'sky Stanislav. Dans le Royaume de la Famine et de la Haine. La Russie Bolcheviste. Paris, 1920, p. 26.

¹³ Сочинения Ленина. Второе издание. Том. 8, стр. 64.

¹⁴ Сочинения Ленина. Издание 1929 г. Том 15, стр. 285.

в 1918 г. и осуществил, уничтожив самым зверским образом не только всех членов дома Романовых, но также множество лиц, их окружавших.

Невозможно себе представить, чтобы какой-либо другой выдающийся деятель русской социалистической или революционной партии, кроме Нечаева, мог сказать, что того или другого его политического противника «надо убить», как сказал Ленин о Струве, который, кстати сказать, был тогда одним из главных идеологов либерально-демократического движения в России.¹⁵

В своем «Катехизисе революционера» Нечаев писал: «Революционер презирает общественное мнение. Он презирает и ненавидит во всех ее побуждениях и проявлениях нынешнюю общественную нравственность. Нравственно для него все, что способствует торжеству революции. Безнравственно и преступно все, что мешает ему».

А Ленин в речи, произнесенной 4 октября 1920 года в Москве, сказал:

«Всякую нравственность внеклассового понятия мы отрицаем. Мы говорим, что это обман. Мы говорим: нравственно то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества».

«Морали в политике нет. Есть только целесообразность», поучал Ленин своих учеников.

Нечаев считал, что нужно действовать путем лжи, мистификации, обмана и насилия. Когда Бакунин, старшая дочь Герцена — Наталия и их друзья, собравшись вместе, уличили Нечаева во лжи, он им ответил: «Ну да! Это наша система — мы ставим себе в обязанность обманывать, компрометировать всех, кто не идет с нами вполне».

В начале 1907 г. ЦК Российской Социал-Демократической Рабочей партии привлек Ленина к партийному суду за то, что он в брошюре «Выборы в СПб и лицемерие 31 меньшевика» обвинял меньшевиков, что они

¹⁵ К. Тахтарев. Ленин и социал-демократическое движение (по личным воспоминаниям). «Былое». (Ленинград) № 24, 1924 г., стр. 22.

вступили в переговоры с кадетской партией «для продажи кадетам голосов рабочих». На суде Ленин в своей речи сказал:

«То, что недопустимо между членами единой партии, то допустимо и обязательно между частями расколовшейся партии. Нельзя писать про товарищей по партии таким языком, который систематически сеет в рабочих ненависть, отвращение, презрение и т.п. к несогласнымыслящим. **Можно и должно** писать именно таким языком про отколовшуюся организацию.

Почему должно? Потому что раскол обязывает **вырывать** массы из-под руководства отколовшихся. Мне говорят: вы вносите смуту в ряды пролетариата. Я отвечаю: я умышленно и рассчитанно вношу смуту в ряды той части петербургского пролетариата, которая шла за отколовшимися накануне выборов меньшевиками, **и я всегда буду поступать таким образом при расколе.** (Курсив Ленина).¹⁶

Восторгаясь произведением прусского генерала Клаузевица, Ленин тут же в заметках на полях книги высказал свою собственную мысль: **«Хороший вождь и... недоверие к людям».**

Своими главными союзниками Ленин считал не сознательный пролетариат, а, подобно Нечаеву, людское отчаяние и озверение. Подстрекая к дерзанию членов своего ЦК, не веривших в успех восстания, он накануне Октября писал им: «За нами **верная победа**, ибо народ уже близок к **отчаянию и ‘озверению’**». (Подчеркнуто и кавычки в подлиннике).

Г. В. Плеханов был совершенно прав, когда он в своей последней статье, написанной им в январе 1918 г. вскоре после разгона Учредительного Собрания, писал:

«Тактика большевиков есть тактика Бакунина, а во многих случаях просто-напросто тактика Нечаева. Курьезное совпадение. По свидетельству М. П. Драгоманова,

¹⁶ Сочинения Ленина. Второе издание. Том 11, стр. 221.

который сам пережил эпоху нечаевщины, Нечаев распространял среди учащейся молодежи весть, что в Западной Европе 2 миллиона интернационалистов готовы восстать и поддержать революцию в России. Читателю известно, что теперь у нас распространяется в рабочей среде столь же мало основательная весть о готовности западно-европейского пролетариата поддержать русскую социальную революцию. Это все та же метода, только применяемая в гораздо более широких размерах».¹⁷

Мартов, в течение многих лет ближайший друг и товарищ Ленина, в 1903 году порвавший с ним, в 1911 году в своей брошюре «Спасители или упразднители?» писал о ленинской «нечаевщине».

Ленин не был «нечаевцем», он был **вторым Нечаевым**. От первого Нечаева он отличался не только своей образованностью и интеллектуальным превосходством. Сергей Нечаев был совершенно искренний, отчаяннейший фанатик. Он готов был ради торжества своей идеи поджечь мир, но согласен был в любой момент и сам сгореть, что он доказал своим мужественным поведением на суде, а потом за все годы своего заключения в Алексеевском равелине Петропавловской крепости. О Ленине этого нельзя сказать, хотя фанатик он был, может быть не меньший, чем Нечаев. То, о чем мечтал Нечаев, Ленин провел в жизнь. Но пожертвовать своей собственной жизнью ради торжества своей идеи он не был способен.

В ноябре 1872 г. под влиянием вести об аресте в Цюрихе Нечаева и выдачи его русскому правительству, Бакунин писал Н. П. Огареву:

«Несчастливого Нечаева республика выдала. Что грустнее всего, это то, что по этому случаю наше правительство, без сомнения, возобновит Нечаевский процесс и будут новые жертвы. Впрочем, какой-то внутренний голос мне говорит, что Нечаев, который погиб безвозвратно и без сомнения знает, что он погиб, на этот раз вызовет

¹⁷ Г. В. Плеханов, Год на родине, Париж 1921. Т. 2-й, стр. 267.

из глубины своего существа, запутавшегося, загрязнившегося, но далеко не пошлого, всю свою первобытную энергию и доблесть. Он погибнет героем и на этот раз ничему и никому не изменит. Такова моя вера! Увидим скоро, прав ли я».¹⁸

Бакунин оказался прав. Нечаев ничему не изменил. История, по замечанию Е. Е. Колосова, «реабилитировала Нечаева ценой **дискредитации** 'нечаевщины'». Сам Бакунин с 1873 года почти устранился от практической деятельности и поселился в Локарно. Умер он в Берне в 1876 году от водянки.

Марксист Ю. Стеклов, ярый противник анархизма все же в третьем томе своего труда о Бакунине пишет:

«Можно по-разному оценивать деятельность Бакунина, в частности, его работу в Интернационале. Можно даже оспаривать за нею всякое положительное значение — точка зрения, с которой мы лично не согласны. Но никто не станет отрицать того, что Бакунин был глубоко предан интересам трудящихся, что он горячо желал освобождения угнетенного человечества, что он страстно стремился к социальной революции и готов был для дела свободы сложить свою голову».

Свой трехтомный труд о Бакунине Стеклов заканчивает так:

«Вся жизнь Бакунина была своего рода героической эпопеей, которая до сих пор сохраняет свое величие и способна пробуждать в новых поколениях лучшие чувства и звать их к подражанию во имя неустанной борьбы с миром угнетения и эксплуатации».

¹⁸ Письма Бакунина, стр. 443-444.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Г. В. Плеханов и большевики до 1914 г.

I

Георгий Валентинович Плеханов был выдающимся представителем русского, да и международного марксизма. Н. А. Бердяев говорит о нем: «После Маркса и Энгельса, Плеханов был одним из наиболее значительных среди признанных теоретиков марксизма... Он стал человеком Запада, рационалистического склада... В его книгах находили умственную пищу несколько поколений русских марксистов, в том числе Ленин и вожаки коммунизма».

Бердяев пишет: «В 80-х годах, Плеханов основатель русского марксизма и социал-демократии, ведет ожесточенную полемику против идей Ткачева... Poleмика эта представляет большой интерес, т.к., поистине, можно поверить, что Плеханов дискутирует против Ленина и большевиков в эпоху, когда они еще не существовали... Плеханов также — против бакунизма и бунта».

Еще в 1883 году Плеханов в своем первом марксистском сочинении «Социализм и политическая борьба» предупреждал, что попытка какой-либо революционной партии, представляющей меньшинство населения, захватить власть с целью установления в России социализма окончится тем, что производством будет заведывать «социалистическая каста». Плеханов писал:

«При такой опеке над народом народ не только не воспитался бы для социализма, но или окончательно утратил бы всякую способность к дальнейшему прогрессу, или сохранил бы эту способность, лишь благодаря возникновению того самого неравенства, устранение которого было бы непосредственной целью революционного правительства».

Так писал Плеханов в 1883 году в своем первом марксистском произведении «Социализм и политическая борьба». А через год в своем следующем произведении «Наши разногласия» Плеханов предостерегал лидеров тогдашней революционной партии против попытки с их стороны силой вводить социализм в России. Плеханов писал:

«Если бы у нас действительно установилось народоправление, — то... народ на вопрос — нужна ли ему земля и следовало ли отобрать ее у помещиков, — ответил бы: «Да, нужна и отобрать ее следовало»... На вопрос же — нужно ли ему «начало социалистической организации», — сначала ответил бы, что он не понимает, о чем его спрашивают, а затем, с большим трудом поняв, в чем дело, ответил бы: «нет, мне этого не нужно»... Если же правительство, образованное захватившими власть революционерами, станет, тем не менее, вводить социализм, то решить эту задачу оно должно будет или в духе современного социализма, чему помешает как его собственная непрактичность, так и современная степень развития национального труда и привычки самих трудящихся; или же оно должно будет искать спасения в идеалах «патриархального и авторитарного коммунизма», внося в эти идеалы лишь то видоизменение, что вместо перувианских «сынов солнца» и их чиновников национальным производством будет заведывать социалистическая каста».

Так писал Плеханов в 1883 и 1884 годах. И с этой позиции он за всю жизнь никогда не сходил. Плеханов

был основоположником русского марксизма и правоверным последователем диалектического материализма, но его марксизм был совершенно иной, чем так называемый «марксизм-ленинизм».

В своей, вышедшей в 1950 г. в Париже, «Истории русской философии» профессор В. Зеньковский пишет:

«В общем надо сказать, что, оставаясь правоверным последователем диалектического материализма, как его строили Маркс и Энгельс, Плеханов всегда оставался все же **внутренне свободным**. Большой литературный талант, тонкое критическое чутье делали Плеханова живым и интересным писателем, в котором верность марксизму никогда не заглушала ни подлинного морального благородства, ни интереса к истине и ее прогрессу... Плеханов был лично благородным и этически глубоким человеком... В основе всей его идейной эволюции лежали именно моральные мотивы».

Так пишет в своей «Истории русской философии» беспристрастный русский ученый профессор Василий Зеньковский. И именно потому, что Плеханов был лично благородным и этически глубоким человеком и что верность марксизму никогда не заглушала в нем ни подлинного морального благородства, ни интересов к истине и ее прогрессу, он еще задолго до революции окончательно разошелся с Лениным. Плеханов сурово осуждал политику и тактику большевиков, а в 1917 году был одним из самых ярых противников Октября и считал его величайшим историческим несчастьем.

Еще в 1901 году Плеханов писал в журнале «Заря»:

«Самоотверженная защита всех угнетенных и энергическая поддержка всех несправедливо обиженных принадлежит к числу насущнейших интересов пролетариата... Пролетариат должен бороться за **общие интересы истины, культуры, справедливости и человечности**».

7 ноября 1903 года Плеханов писал в газете «Искра»: «Наши приемы деятельности не могут оставаться без перемен. Чеховский «человек в футляре» был замечателен

тем, что всегда, даже в очень хорошую погоду, выходил в калошах и с зонтиком и непременно в теплом пальто на вате. Нам футляры не к лицу, и было бы очень смешно и очень плохо, если бы мы не сообразовались с требованием политической погоды. Последовательные марксисты не могут быть и, конечно, **не будут утопистами централизма!**».

Так Плеханов еще до окончательного разрыва с Лениным проповедывал совсем не то, что теперешние правители СССР выдают за «истинный марксизм».

В 1904 году Плеханов в своей речи на Амстердамском международном Социалистическом конгрессе сказал:

«Иностранная политика царского правительства издавна была политикой хищничества и захвата. Это правительство стремилось подчинить себе все те из окружающих нас народов, которые не были достаточно сильны, чтобы дать ему грозный отпор, и оно окружило собственно-русскую землю целым ожерельем из побежденных народностей, возвращавших ему, в виде ненависти, то, что они получили от него в виде угнетения... От такой политики само русское государство страдало не меньше, если не больше всех, потому что **ни один народ не может быть свободен, служа орудием угнетения своих соседей**, и потому что «порядок», который благодаря нашему правительству царствовал в Варшаве, в Гельсингфорсе и в Тифлисе, с такой же силой, с какой смерть «царствует» на кладбище, царствовал также в Петербурге, в Москве, в Киеве, в Одессе, словом, во всей России».

В заключение Плеханов сказал: — «Преследуя в нашей несчастной стране все талантливое, все живое и независимое, правительство видит себя теперь изолированным, окруженным жалкими и жадными бездарностями, которые думают только о своей собственной карьере и не могут обеспечить ему ничего, кроме целого ряда постыднейших поражений, и когда я говорю все это, я

сознаю, что я выражаю мысли и чувства огромной массы русских людей».

Так говорил Плеханов во время русско-японской войны в 1904 году на международном социалистическом конгрессе в Амстердаме от имени тогда еще единой Российской Социал-демократической Рабочей Партии.

За десять лет до этого, 14 мая 1894 года, на праздновании столетия руководителя польского восстания Косцюшко в Цюрихе, Плеханов в своей речи сказал:

«Есть два способа любить свою страну. Один — это способ каннибала, думающего, что величие и слава его племени находятся в прямом соотношении к числу соседей, которые могут быть уничтожены или поработены. Это способ наших шовинистов, наших Муравьевых». (Михаил Муравьев в 1863 году был назначен генерал-губернатором Северо-Западного края и при подавлении польского восстания в 1863 году проявил столько жестокости, что получил прозвище «Вешателя». — Д. Ш.).

«Я не принадлежу к числу русских, которые **вешают**, я имею честь принадлежать к той фаланге русских, которых считают заслуживающими виселицы или, по крайней мере, изгнания. Эти русские твердо убеждены, что чем больше русский деспотизм распространяется на соседние страны, тем больше он укореняется в самой России. Эти русские убеждены, что **борясь за освобождение Польши, они защищают дело русской свободы**».

Московский Госиздат в 1962 г. выпустил новое издание избранных произведений Плеханова в четырех томах. Там перепечатаны многие статьи, брошюры и письма основоположника русского марксизма к разным лицам, но в этих четырех томах нет ни одной статьи Плеханова о Ленине, о его последователях и о политике и тактике большевицкой партии. А между тем обо всем этом Плеханов в последние пятнадцать лет своей жизни очень много писал. Вот, что например, в августе 1904 г., Плеханов писал в «Искре»:

«Ленин объявил социалистическую интеллигенцию

демиургом (т.е. верховным разумом) социалистической революции, а самого себя и своих верных беспрекословных последователей — социалистической интеллигенцией по преимуществу, так сказать, **сверх** интеллигенцией. Всех «несогласно-мыслящих» он обвиняет в анархическом индивидуализме и в борьбе с ними он апеллирует к той самой массе, которая в его теории играет роль пассивной материи... У Ленина народная масса служит, главным образом, для того, чтобы пугать и «покорять под ножи» всякого — внутреннего или внешнего врага и супостата».

В «Искре» от 1-го мая 1904 г. Плеханов указывал, что, если централизм Ленина восторжествует в социал-демократической партии, если ЦК партии будет наделен диктаторскими полномочиями, как того требовал Ленин, то тогда перед каждым съездом ЦК всюду раскассирует все недовольные им элементы, всюду посадит своих креатур и, наполнив этими креатурами все комитеты, без труда обеспечит себе вполне покорное большинство на съезде.

Съезд, составленный из креатур ЦК, дружно кричит ему «Ура!», одобряет все его удачные и неудачные действия и рукоплещет всем его планам и начинаниям. Тогда у нас, действительно, не будет ни большинства, ни меньшинства, потому что тогда у нас осуществится идеал персидского шаха... Это просто-напросто была бы мертвая петля, туго затянутая на шее партии, это бонапартизм, если не абсолютная монархия старой дореволюционной «манеры».

А в своем «Дневнике социал-демократа» Плеханов в 1911 г. писал: — «Мышам всегда надо грызть чтонибудь, потому что иначе у них слишком отрастают зубы. Ленину и его единомышленникам всегда надо кого-нибудь отлучать от церкви приблизительно по той же причине: иначе у них слишком отросли бы зубы..., которых, очевидно, нельзя назвать зубами политической мудрости.

Сегодня Ленин отлучает «ликвидаторов», и ему в этом помогают киевские и бакинские меньшевики-партийцы. А завтра очередь дойдет до киевских и бакинских меньшевиков-партийцев, причем Ленин не будет нуждаться даже в чьей-либо помощи, так как его новые противники ослаблены своей собственной ошибкой. И заметьте, что для исключения у него всегда найдется достаточный повод... Но предположим, что Ленин повременит с объявлением вне закона меньшевиков. Он оставит право на жизнь меньшевистской организации. Но его терпимость не пойдет дальше Щедринаского принципа: «Оппозиция не вредна, если она не вредит».

В 1905 году Плеханов писал в газете «Искра»: «У Ленина марксистская **терминология**. Но что касается отношения профессиональных революционеров к **массе**, то Ленин не расходился в его понимании с Бакуниным. О Бакунине Маркс сказал, что у него профессиональный революционер является тем святым духом, который один только способен сообщить революционную жизнь мертвой массе. Совершенно таким же святым духом, оживляющим мертвую массу пролетариев являются профессиональные революционеры в концепции Ленина. И совершенно так же, как у Бакунина, у Ленина профессиональные революционеры создают «союзы», по своему усмотрению распоряжающиеся судьбой рабочего движения».

А в 1906 году Плеханов писал в московском журнале «Современная Жизнь»: «Ленин с самого начала был скорее бланкистом, чем марксистом.

Ленинский бланкизм обнаружился во всей своей полноте далеко не сразу. В течение долгого времени он имел вид марксизма — правда, весьма одностороннего, но все же подающего надежды на дальнейшее развитие в надлежащую сторону. И в течение всего этого времени люди, видевшие его слабые стороны, нравственно **обязаны были** не воевать с ним, а по мере возможности способствовать такому его развитию. Тут приходилось следо-

вать пословице: «Худой мир лучше доброй ссоры». Когда всякая надежда на благотельные последствия «худого мира», была потеряна, когда Ленин и его ближайшие единомышленники оказались неисправимыми заговорщиками, тогда «добрая ссора» сделалась, в свою очередь, обязательной. Но тогда дала себя почувствовать та истина, которую высказал Маркс, кажется, в одном из своих писем к Зорге: при массовом движении программа передовых представителей рабочего класса определяется положением этого класса; там же где движение имеет кружковой характер, всегда есть возможность сгруппировать известное количество лиц вокруг какой угодно программы. Для Ленина такая группировка облегчалась двумя очень важными обстоятельствами. Во-первых, он оставлял в стороне собственные программные вопросы, выражая свою природу заговорщика лишь в своих тактических построениях. Свою бланкистскую контрабанду он проносил под флагом самой строгой «марксистской ортодоксии». Это успокаивало марксистскую совесть тех его сторонников, которые, плохо разбираясь в вопросе о том, какой именно должна быть тактика марксистов, в то же время хотели остаться верными Марксу. Во-вторых, пульс нашей общественной жизни бился все сильнее и сильнее, вследствие чего начинают кружиться даже и такие головы, в которых было несравненно более света, нежели в ограниченных головах энергичных, но очень мало развитых людей, **подобранных** Лениным к своей тактике».*)

**
*

В своей заметке по поводу моей статьи «Г. В. Плеханов и большевики» Е. Ананьин (Чарский) счел нужным в парижской «Русской Мысли» от 31 августа 1963 г. напомнить два эпизода из деятельности Плеханова, о которых я не

*) Г. Плеханов. Заметки публициста. «Современная Жизнь», Москва, декабрь 1906 г.

упомянул. Первый, что Плеханов на одном из съездов русской социал-демократии воскликнул: «Если бы в парламенте оказалось враждебное нам большинство, мы были бы обязаны сломить его», и что при этом протестовал с места против заявления Плеханова только д-р Мандельберг». Второй случай грехопадения Г. В. Плеханова — когда он из-за личной обиды на редакцию пятитомника «Общественное движение в России в конце 19-го и в начале 20-го века», и, в частности, на статью А. Н. Потресова, придававшего слишком большое значение легальному марксизму (П. Б. Струве и его группа) в ущерб его, Плеханова, деятельности, опубликовал статью «Под градом пуль» в «Правде» Ленина, где «он жарко и несправедливо нападал на «ликвидаторов».

«Этим своим выступлением, — пишет Ананьин-Чарский, — Плеханов оказал, без сомнения, хорошую услугу якобинскому большевизму».

Последнее совершенно верно. Помню, что и меня в свое время сильно огорчила упомянутая статья Плеханова в ленинской «Правде». Я об этом не писал в своей статье потому именно, что это был незначительный эпизод в деятельности Г. В. Плеханова. Даже А. Н. Потресов, против которого тогда, главным образом, были направлены ядовитые стрелы Плеханова, в своих статьях о Плеханове, написанных им после смерти Плеханова (в петроградском журнале «Былое» и в газете «День») не счел нужным упомянуть этот эпизод.

Что же касается первого эпизода, то тут Ананьину-Чарскому явно изменила память. Упоминаемую им речь Плеханов произнес на втором съезде Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, состоявшемся в Лондоне в 1903 году и не д-р Мандельберг (на том съезде он фигурировал под именем Посадовского) протестовал с места против этого выпада Плеханова, а Плеханов, именно, выступил в защиту Посадовского, который произнес весьма антидемократическую речь.

Мандельберг-Посадовский в своей речи на съезде сказал: «Несомненно, что мы не сходимся по следующему основному вопросу: нужно ли подчинить нашу будущую политику тем или другим основным демократическим принципам, признать за ними абсолютную ценность или же все демократические принципы должны быть подчинены исключительно выгодам нашей партии. Я решительно высказываюсь за последнее. Нет ничего такого, что мы не должны были бы подчинить выгодам нашей партии (восклицания с места: «и неприкосновенность личности?») Да! и неприкосновенность личности! Как партия революционная, стремящаяся к своей конечной цели — социальной революции — мы исключительно с точки зрения скорейшего осуществления этой цели, с точки зрения выгоды нашей партии, должны относиться к демократическим принципам. Если то или другое требование будет невыгодно нам, мы его не будем вводить» (Протоколы второго съезда Р.С.Д.Р.П., Женева, 1904 г. стр. 169).

Вслед за Мандельбергом-Посадовским выступил Плеханов. Он сказал: «Вполне присоединяюсь к словам товарища Посадовского. Каждый данный демократический принцип должен быть рассматриваем не сам по себе в своей отвлеченности, а в его отношении к тому принципу, который может быть назван основным принципом демократии, именно, к принципу, что *salus populi suprema lex* — в переводе на язык революционера — это значит, что успех революции — высший закон. И если бы для успеха революции потребовалось бы временно ограничить действие того или другого демократического принципа, то перед таким ограничением преступно было бы остановиться. Как личное свое мнение, я скажу, что даже на принцип всеобщего избирательного права надо смотреть с точки зрения указанного мною основного принципа демократии. Гипотетически мыслим случай, когда мы, социал-демократы, высказались бы против

всеобщего избирательного права. Революционный пролетариат мог бы ограничить политические права высших классов, подобно тому, как высшие классы ограничивали когда-то его политические права. О пригодности такой меры можно было бы судить лишь с точки зрения правила *salus revolutia suprema lex*. И на эту же точку зрения мы должны были стать и в вопросе о продолжительности парламентов. Если бы в порыве революционного энтузиазма народ выбрал очень хороший парламент, то нам следовало бы стараться сделать его долгим парламентом. А если бы выборы оказались неудачными, то нам нужно было бы стараться разогнать его не через два года, а если можно, через две недели».

В Протоколах отмечено: «Рукоплескания, на некоторых скамьях — шикание, голоса: «вы не должны шикать!» Плеханов: «Почему же нет? Я очень прошу товарищей не стесняться!» Егоров встает и говорит; «Раз такие речи вызывают рукоплескания, то я обязан шикать. Товарищ Плеханов не принял во внимание, что законы войны одни, а законы конституции — другие. Мы пишем свою программу на случай конституции». Далее в Протоколах отмечено: «Гольдблат находит слова Плеханова подражанием буржуазной тактике. Если быть логичным, то, исходя из слов Плеханова, требование всеобщего избирательного права надо вычеркнуть из нашей программы». (Протоколы, стр. 169-170).

Егоров — это был Ефрем Яковлевич Левин, позже отошедший от социал-демократии, в 1917 году — народный социалист, в годы гражданской войны был расстрелян большевиками, кажется в Крыму. Гольдблат — это псевдоним известного деятеля еврейского социал-демократического «Бунда» Владимира Медема, который до конца дней своих был противником большевиков (он умер в 1923 году в Нью-Йорке). Да и д-р Мандельберг всю свою жизнь был меньшевиком, противником большевизма. Он умер в Палестине.

Для меня совершенно несомненно, что Плеханов в последние годы своей жизни отказался от своего **ортодоксального** марксизма и, в частности, от своих взглядов на демократию и диктатуру, которые он проповедывал до 1905 года, но по тактическим соображениям в годы войны и революции он не считал для себя возможным об этом открыто говорить. Подорбнее об этом в следующих главах.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Либерализм в России

«Отныне для меня либерал и человек одно и то же; абсолютист и кнутовой — одно и то же. Идея либерализма в высшей степени разумная и христианская, ибо его задачи — возвращение прав личного человека, восстановление человеческого достоинства».

(В. Г. Белинский, «Письмо к Боткину» от 4 октября 1840 г.)

На Западе уже почти забыли, а молодое поколение в СССР никогда и не знало, что в России когда-то было либеральное движение, которое сыграло большую роль в борьбе за народную свободу и права человека и гражданина. В большинстве «Историй русской революции» о русском либерализме упоминается лишь вскользь. Не только большевистские историки, но и большинство иностранных историков русской революции представляют дело так, будто всю борьбу против абсолютизма, борьбу за торжество идей свободы и права, в России вели социалистические партии. Согласно большевистским историкам, главную роль в этой борьбе играли «рабочие и крестьяне под руководством большевистской партии». Другие социалистические партии, эсэры, народные социалисты, трудовики и даже социалдемократы-меньшевики только и делали, что «вредили» и мешали «героической борьбе большевиков против царизма и всего старого прогнившего строя».

На самом деле в подготовке обеих революций, 1905

года и февральской революции 1917 года, превратившей Россию «в самую свободную страну в мире» (как это в апреле 1917 года признал «сам» Ленин), большевики играли очень незначительную роль. А либералы в подготовке обеих революций играли не меньшую роль, чем все социалистические партии, вместе взятые.

Русский либерализм гораздо старше русского социализма. Русский либерализм имеет за собой более, чем столетнюю историю. Первыми либералами в России были отдельные просвещенные представители русской аристократии. Они боролись главным образом за освобождение крестьян. Это были в первую очередь писатели Новиков и Радищев. После Отечественной войны в России образовались тайные кружки образованных офицеров из высшей аристократии, которые поставили себе задачей добиться конституции для страны. В декабре 1825 года в Петербурге произошло известное восстание «Декабристов», — им руководили офицеры, большинство которых принадлежало к высшей русской аристократии. После подавления восстания либеральное движение в России на время замерло. Но через 10-15 лет оно ожило вновь.

Настоящее либеральное движение возникло в России вскоре после восшествия на престол Александра II, в так называемую эпоху «великих реформ». Если вначале носителями русского либерализма были просвещенные представители русской аристократии и высшего дворянства, то в 60-х годах и позже в русском либеральном движении, чем дальше, тем все большую роль начала играть интеллигенция: профессора высших учебных заведений, писатели, журналисты, адвокаты, врачи, инженеры и т.д. А позже — служащие земств и городских самоуправлений.

Настоящей истории русского либерализма до сих пор не написано ни на одном языке. Этот пробел отчасти заполнен вышедшей в 1958 году в Соединенных Штатах на английском языке книгой молодого американского историка Джорджа Фишера: “Russian Liberalism — From

Gentry to Intelligentsia” («Русский либерализм — от дворянства к интеллигенции»). Джордж Фишер, сотрудник исследовательского института Гарвардского университета, учился в Москве и прекрасно владеет русским языком.

Но его книга «Русский либерализм» — далеко не полная история российского либерализма. Она обнимает лишь эпоху от начала 60-х годов до революции 1905 года. Почему автор довел историю русского либерализма только до 1905 года, непонятно. Ведь самую существенную роль в политической, культурной и общественной жизни России либерализм играл уже в нашем веке, в течение одиннадцати лет — с 1906 по 1917 года, во время четырех Государственных Дум. Однако, в качестве истории эволюции русского либерализма от эпохи «великих реформ» до революции 1905 года книга Фишера представляет известную ценность. Автор основательно изучил всю богатую литературу по этому вопросу, имеющуюся на русском языке, и книга его хорошо документирована.

Она дает нам картину истории земства, которое было колыбелью русского либерального движения, в борьбе за свободный конституционный строй. Фишер особенно подчеркивает роль, которую в этом движении играли либералы Тверского земства. Они еще в 1862 году требовали отмены сословных привилегий и введения представительного образа правления. При этом он уделяет несколько страниц Ивану Ильичу Петрункевичу, который может быть назван Нестором русского либерального движения.

И. И. Петрункевич первый, еще в конце семидесятых годов, в нелегальной брошюре, выдвинул требование созыва Учредительного Собрания, для выработки конституции. Позже Петрункевич был одним из основателей и главных лидеров Конституционно-демократической партии (кадетов) — партии Народной Свободы. В 1906 году Петрункевич, как старейший депутат, открыл первое заседание Государственной Думы первого созыва. Он же был одним из основателей петербургской ли-

беральной газеты «Речь», редакторами которой со дня ее основания в 1905 году и до ее закрытия большевиками в 1917 году были П. Н. Милюков и И. В. Гессен.

Петрункевич, как Милюков и как большинство лидеров кадетской партии, были социальными либералами, подобно Ллойд Джорджу в Англии, Вудро Вильсону и Франклину Рузвельту в Соединенных Штатах. В своих мемуарах, опубликованных уже после большевистского переворота, Петрункевич пишет о себе: «Идеи Герцена остались близки моему сердцу в течение всей моей жизни. Более того. Они определили мое направление в политических и социалистических вопросах. С тех пор прошло более шестидесяти лет и я все еще считаю его моим путеводителем».

До 1906 года в России, как известно, никаких легальных партий не было. Политические партии в настоящем смысле слова до конца 1905 года, как и политические собрания и съезды, были запрещены. Вследствие этого борьба российских людей за свободный строй сосредоточилась в печати, в различных научных и культурных организациях и в земствах. В западноевропейских странах борьбу за политическую свободу вели, главным образом, представители буржуазии и средних классов. В России буржуазия до 1904 года не играла никакой роли в либеральном движении и место буржуазии в России заняли сначала просвещенные представители поместного дворянства, а потом профессиональная интеллигенция.

Согласно всероссийской переписи 1896 года, в России уже тогда было полмиллиона людей, занятых в различных либеральных профессиях; число их быстро росло.

Большую роль в истории русского либерализма сыграла московская газета «Русские Ведомости», которую редактировала группа выдающихся профессоров московского университета, и «толстые» ежемесячные журналы «Вестник Европы» в Петербурге и «Русская Мысль» в Москве. Особенно большим влиянием в Москве пользовался профессор Сергей Муромцев, который в 1906 году

был единогласно избран председателем Первой Государственной Думы. Муромцев еще в 1880 году, вместе с двумя другими известными московскими либералами, составил меморандум, подписанный двадцатью пятью московскими профессорами, адвокатами и представителями профессиональной интеллигенции, который был представлен тогда министру Александра II Лорис-Меликову. В этом меморандуме было указано, что единственное средство для того, чтобы избежать беспорядков в стране, остановить революционное террористическое движение и вывести Россию на путь мирного прогрессивного развития — это «гарантировать права каждого отдельного человека, свободу мысли и слова и созыва независимого Собрания представителей земств, и предоставить этому Собранию участие в контроле национальной жизни».

После убийства Александра II, когда на престол взошел его сын Александр III, либеральное движение в России подверглось давлению сверху. Права земств были значительно урезаны, а цензура стала гораздо более строгой. Несмотря на это, либералы не прекратили своей борьбы. За 13 лет царствования Александра III выросло новое поколение, которое добивалось свободы и обеспечения прав личности.

В 90-х годах начали играть выдающуюся роль в русском либеральном движении Федор Измайлович Родичев и князь Дмитрий Шаховской, оба активные земские деятели. Родичев позже был депутатом всех четырех Государственных Дум и получил всероссийскую известность, как один из самых выдающихся ораторов в Думе и неутомимый борец за права человека и свободу населения России. Князь Дмитрий Шаховской в молодости был народником толстовского толка. Позже он стал одним из главных организаторов либерального движения в России.

В 1899 году в Москве создалась группа умеренных либералов «Беседа». Это был своего рода нелегальный симпозиум для обсуждения всевозможных политических

вопросов. Члены «Беседы» собирались несколько раз в год. Среди них были выдающиеся славянофилы Михаил Стахович, Хомяков и Дмитрий Шипов, а также сторонники демократической конституции, вышеупомянутый князь Дмитрий Шаховской и князья братья Павел и Петр Долгоруковы. Оба Долгоруковы потом были в числе основателей партии Народной Свободы и принимали самое активное участие в борьбе за свободную Россию (Впоследствии оба они погибли от рук большевиков). Секретарем «Беседы» был московский адвокат Василий Алексеевич Маклаков, который потом выдвинулся, как лучший оратор в третьей и четвертой Государственных Думах.

Еще в 90-ые годы Петрункевич и другие члены его кружков в Москве и в других городах собирались издавать за границей журнал, который вел бы систематическую пропаганду за введение свободного конституционного строя в России. В 1900 году им удалось осуществить свой план. Богатый либеральный помещик Евгений Жуковский дал для этой цели первые сто тысяч рублей. В качестве редактора журнала намечался популярный тогда радикальный профессор истории Павел Николаевич Милюков, который впоследствии стал главным лидером партии Народной Свободы. Но в 1900 году Милюков не пожелал оставить свою академическую карьеру. Редактором намеченного журнала был поэтому избран Петр Бернгардович Струве, известный тогда экономист и публицист, который раньше был социал-демократом и одним из виднейших теоретиков марксизма в России. Когда Струве дал свое согласие на то, чтобы ехать за границу редактировать там нелегальный либеральный журнал, который они называли «Освобождение», он по его словам, все еще был социал-демократом, но критикующим марксизм. Однако, в российской социал-демократии не было места для критиков марксизма и Струве окончательно порвал с социал-демократами.

«Освобождение» было с самого начала задумано,

как орган объединенной оппозиции, то-есть либеральных земцев и демократической интеллигенции, которая не примыкала ни к одной из социалистических партий. В этой среде был целый ряд бывших марксистских писателей и журналистов, которые стали «ревизионистами» или «реформистскими» социалистами и считали, что ближайшей целью всех русских социалистов, как и демократов и либералов, должно быть завоевание политической свободы в стране, для чего необходимо было объединение всех революционных и оппозиционных элементов. В числе этих социалистов, кроме Струве, были тогда С. Н. Булгаков, В. Я. Богучарский, С. Н. Прокопович, Е. Д. Кускова, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк и другие.

Первый номер «Освобождения» вышел в 1902 году. Журнал печатался в Штуттгарте (позднее в Париже) и оттуда нелегальным путем переправлялся в Россию. Большинство сотрудников журнала были либералы и реформистские социалисты, которые жили в самой России. Одним из главных сотрудников стал Милюков, писавший, конечно, под псевдонимом. С первого же номера редактор «Освобождения», П. Б. Струве, призывал к созданию единого фронта между либералами и революционными и социалистическими партиями, его в этом поддерживали И. И. Петрункевич, П. Н. Милюков и другие вожди либералов.

В июле 1903 года на тайной конференции русских либералов и радикалов, состоявшейся в Швейцарии, решено было создать «Союз Освобождения». Среди делегатов, представляющих либеральных земцев, были вышеупомянутые Петрункевич, Родичев, князь Дмитрий Шаховской, Петр Долгоруков и другие. Радикальную интеллигенцию представляли Струве, Бердяев, Булгаков, Прокопович, Кускова, Франк, Богдан Кистяковский — все бывшие марксисты, а также ряд либеральных и радикальных профессоров и журналистов. Через шесть месяцев в Петербурге состоялся первый нелегальный съезд «Союза Освобождения». Союз не был политической партией,

а коалицией либералов и умеренных реформистских социалистов. На съезде, в котором участвовали более пятидесяти делегатов из 22-х городов, была выработана программа Союза и избран был Совет Союза.

«Таким образом, — писал в 1907 году в петербургском историческом журнале «Былое» историк освободительного движения И. П. Белоконский, — в начале 1904 года в Петербурге образована была замечательная, единственная в своем роде тайная организация, объединившая все оппозиционные силы населения, направленные к одной цели: уничтожению самодержавия и замене его демократической конституцией. Эта организация сыграла громадную роль в освободительном движении вообще и в земском, в частности».

В октябре 1904 года совет «Союза Освобождения» принял, в целях агитации за введение в России конституционного режима, следующие решения, которые он провел в жизнь:

Первое: принять самое деятельное участие в предстоящем съезде земских и городских деятелей и употребить все силы, чтобы направить его на путь открытого заявления конституционных требований.

Второе: имея в виду, что 20-го ноября того же года исполняется сорокалетие Судебных Уставов, организовать в этот день через своих членов в Петербурге, в Москве и возможно в большем количестве других городов банкеты, на которых должны быть приняты конституционные и демократические резолюции.

Третье: поднять через своих членов земцев на предстоящих уездных и губернских земских собраниях вопрос о введении в России конституционного строя и о необходимости созыва для этой цели народного представительства на широкой демократической основе.

Четвертое: начать агитацию за образование свободных союзов адвокатов, инженеров, профессоров, писателей, врачей, учителей и других лиц либеральных про-

фессий, за организацию их съездов, выборы ими постоянных бюро и объединение этих бюро, как между собой, так и с бюро земских и городских деятелей, в единый Союз Союзов.

Все эти постановления совета «Союза Освобождения» были проведены в жизнь с весьма значительным успехом. При энергичном участии членов совета, 1 ноября 1904 года в Петербурге стала выходить первая ежедневная демократическая газета «Наша жизнь», которая сразу завоевала себе большую аудиторию по всей стране, благодаря, главным образом, энергии «Союза Освобождения».

6-9 ноября 1904 года в Петербурге под председательством известного земского деятеля Дмитрия Шипова состоялся не разрешенный официально съезд земских и городских деятелей. На нем подавляющим большинством была принята резолюция, в которой впервые было открыто сказано, что без коренного изменения всего государственного строя, без постоянного участия свободно избранных народных представителей в законодательстве и управлении страной совершенно невозможно ни умственное, ни нравственное, ни материальное развитие населения, что дальнейшее существование порядка, основанного на бесправии личности и общества, должно вести страну к застою и гибели. Пожелания, высказанные земскими деятелями, вызвали громадное сочувствие в печати и обществе. Петербургский еженедельный журнал «Право» писал, что «исторические дни 6-9 ноября, словно вечевой колокол, встряхнули русское общество».

«Союз Освобождения», через свои отделы, быстро оповестив общество о постановлениях Земского съезда, предложил устраивать повсеместно банкеты, и на них открыто, во всеуслышание, присоединяться к постановлениям Земского съезда.

«Съезд», — читаем мы в марксистском сборнике «Общественное движение в России в конце 19-го и в начале 20-го века», вышедшем в Петербурге в 1909 году, — «на

все русское общество произвел огромное впечатление. Съезд был запрещен, однако, он состоялся на глазах правительства, вынес конституционные резолюции — и никто не был ни арестован, ни сослан, ни побит. Народ осмелел. Сначала откликнулись на земский призыв Петербург, Москва и другие крупные культурные центры страны, а потом волны достигли и самых отдаленных углов».

«Без преувеличения можно сказать, — писал в 1907 году в петербургском «Историческом сборнике» историк освободительного движения И. П. Белоконский, — что после Земского съезда вдруг открыто заговорила вся страна, сотни лет до тех пор молчавшая и работавшая для своего освобождения лишь в подполье. Явление было грандиозное, неповторяемое, которое бывает только в моменты весны свободы, когда еще нет партийной вражды и все, как один человек, объединяются для достижения единой цели».

Первый грандиозный банкет — невиданное для России явление — состоялся 20 ноября в Петербурге, в зале Павловой под председательством известного писателя Владимира Короленко. Участвовало около шестисот пятидесяти литераторов, ученых, адвокатов, врачей и других представителей либеральных профессий. После целого ряда речей, в которых охарактеризовано было положение в стране, единогласно была принята и всеми подписана следующая резолюция:

«Мы, представители интеллигентных профессий, в числе шестисот пятидесяти человек, собравшись 20 ноября 1904 года, считаем своим долгом выразить наше глубокое, непоколебимое убеждение, что вывести страну из теперешних затруднений может только сам народ в лице свободно избранных им, на основании всеобщего, прямого, тайного и равного для всех избирательного права, представителей. Самые неотложные сейчас нужды страны — это мир и свобода».

18 декабря 1904 года в Петербурге состоялось такое же собрание-банкет врачей в числе трехсот человек, под

председательством известного писателя-врача С. Елпатьевского, на котором была принята следующая резолюция:

«Примыкая к положениям 10 съезда Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова, установившего, что правильное осуществление задач общественной медицинской деятельности невозможно при существующем полицейско-бюрократическом режиме, мы твердо убеждены, что никакие частичные поправки в этом режиме не выведут Россию на путь культурного развития. Непременным условием этого последнего является неприкосновенность личности и жилища, свобода совести, слова, печати, собраний и союзов, обеспечение представительного образа правления на широких демократических началах. В виду этого мы признаем неотложным:

Первое: немедленную амнистию по всем политическим и религиозным делам.

Второе: созыв Учредительного Собрания народных представителей, свободно избранных гражданами обоого пола без различия вероисповедания и национальностей на основе всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосов».

Московская Городская Дума единогласно постановила указать правительству, что, по мнению Городской Думы, неотложно необходимо: во-первых, обеспечить свободу совести и вероисповедания, свободу слова и печати, свободу собраний и союзов. Во-вторых, провести вышеуказанные начала в жизнь на обеспечивающих их незыблемых основах, выработанных при участии свободно избранных представителей населения».

Такого же рода резолюции были приняты на многочисленных съездах и собраниях во многих городах.

В марте 1905 года в Москве состоялся третий съезд «Союза Освобождения», на котором было принято и разослано во все отделы Союза следующее заявление:

«Союз Освобождения» требует немедленного созыва Учредительного Собрания на началах всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосов для выработки

русской конституции... Общей и непосредственной целью своей деятельности «Союз Освобождения» ставит коренное преобразование государственного строя в России на началах политической свободы и демократии. Для осуществления провозглашенных Союзом начал политической свободы и демократизма, мы требуем признания в основном государственном законе прав человека и гражданина. В состав их прежде всего входит равенство всех перед законом, без различия пола, вероисповедания и национальности.

Далее сюда относится неприкосновенность личности и жилища. Никто не может быть ни обыскан, ни арестован, ни наказан иначе, как в порядке общего судопроизводства, предоставляющего подозреваемому и обвиняемому все средства защиты на всех стадиях судебного разбирательства. Каждому гражданину должна быть предоставлена свобода передвижения. Паспортная система должна быть упразднена. Затем необходимо обеспечение свободы совести. Равным образом, необходима свобода печатного слова. Свобода печати подразумевает полную отмену цензуры и право издавать и распространять всевозможные произведения печати, как периодической, так и не периодической, на всех языках, без всяких разрешений. Наконец, мы требуем свободы устного слова, публичных собраний и союзов. Все граждане должны иметь право произносить речи, читать лекции, устраивать собрания, как в закрытом помещении, так и под открытым небом. Они должны иметь право образовывать союзы для всевозможных целей... Необходимо, чтобы законодательная власть принадлежала народному представительству, организованному на началах всеобщей, прямой и тайной подачи голосов. Министры должны быть ответственны перед народным собранием. Государственное устройство преобразованной России должно быть утверждено на широком местном и областном самоуправлении. Освобожденная Россия должна сознательно и решительно порвать с угнетением окраин и бюрократической цен-

трализацией... Суд должен быть равным для всех. Учреждение исключительных судов по каким бы то ни было поводам недопустимо. Смертная казнь подлежит безусловной отмене».

Далее «Союз» требовал наделения малоземельных крестьян землей, восьмичасового рабочего дня для рабочих, государственного страхования на случай смерти, старости, болезни и неспособности к труду, развития охраны труда женщин и детей и проведения других реформ.

Одновременно в России происходили легальные и полуполегалынные съезды земств, на которых члены «Союза Освобождения» играли большую роль: благодаря им на этих съездах принимались резолюции с требованиями введения конституции и гражданских свобод в стране, а также равноправия всех национальностей, населяющих Россию. Журнал «Освобождение» пользовался большим успехом не только среди интеллигенции и земских деятелей, но даже и в кругах высшей царской бюрократии. «Союз Освобождения» продолжал мобилизовать общественное мнение страны. В 1904-1905 годах члены «Союза Освобождения» организовали союзы различных интеллигентных профессий: писателей и журналистов, адвокатов, инженеров, врачей, учителей, агрономов и т.д. Они также основали несколько новых радикальных газет в Петербурге и в других городах. 3 июня 1905 года Ленин писал в своей нелегальной газете «Пролетарий»:

«Образованные представители имущих классов давно выкинули знамя свободы. Революционная интеллигенция, происходящая главным образом из этих классов, героически боролась за свободу... Теперь политическая борьба страны разразилась, революция охватила всю страну, самые умеренные либералы стали «крайними»... Такие лозунги, как Учредительное Собрание, всеобщее, прямое и равное избирательное право с тайной подачей голосов (выставленные давно и раньше всех социал-демократами в их программе) стали общим достоянием,

принятым нелегальным «Освобождением», вошли в программу «Союза Освобождения», стали лозунгами земцев и повторяются на все лады легальной печатью».

В 1905 году все союзы, созданные «Союзом Освобождения», образовали Союз Союзов под председательством П. Н. Милюкова. Союз Союзов, в который среди других входил также Союз железнодорожных служащих, фактически подготовил всеобщую забастовку в октябре 1905 года, заставившую царя издать манифест о даровании конституции и предоставлении народу политической свободы.

Вскоре после Манифеста 17 октября «Союз Освобождения» раскололся. Либеральные члены его образовали партию Народной Свободы. Большинство реформистских социалистов в новую партию не вошли. Основателями и главными деятелями партии Народной Свободы были: Милюков, Петрункевич, Струве, Родичев, Муромцев, профессор Федор Кокошкин, Дмитрий Шаховской, братья Долгоруковы, юрист Максим Винавер, редактор журнала «Право» Владимир Набоков и другие.

Программа партии Народной Свободы заключала в себе следующие главнейшие требования: равенство всех перед законом; обеспечение свободы совести, слова и печати, свобода союза и собраний, неприкосновенность личности и жилища; всеобщее равное, прямое и тайное голосование как при общих государственных выборах, так и при местных. Однопалатная или двухпалатная система и ответственность министров перед палатой; местное самоуправление и автономия Польши и Финляндии; реформа суда на началах отделения его от администрации; суд присяжных; выборность мировых судей; отмена смертной казни. В области экономической: постепенная отмена косвенных налогов и развитие прямого прогрессивного обложения и налога на наследство; увеличение площади крестьянского землевладения путем отчуждения государственных, удельных, кабинетских, монастырских земель и земель частных владельцев по справедливости.

вой оценке, поступающих в особый государственный фонд; распространение рабочего законодательства на сельскохозяйственных рабочих; свобода союзов и стачек; введение восьмичасового рабочего дня там, где это окажется возможным по техническим условиям производства в настоящее время и постепенное введение его в остальных производствах; страхование рабочих; всеобщее бесплатное начальное образование; автономия университетов, и другие требования.

На вопросы социалистических партий, с кем партия Народной Свободы: с революцией или против революции, с народом или с правительством, лидер партии профессор Павел Николаевич Милюков писал в конце декабря 1905 года в петербургской газете «Свободный народ»:

«Да, мы за революцию, поскольку она служит целям политического освобождения и социальной реформы, но мы против тех, кто объявляет революцию «непрерывной», потому что полагаем, что непрерывная революция «во что бы то ни стало» — служит лишь целям реакции и укрепляет контрреволюционные замыслы правительства. Да, мы с народом, но мы отвергаем претензии тех, кто один хочет говорить от имени народа и ограничивает понятие народа книжным понятием «сознательного пролетариата»... Мы говорим правительству: если вы не умеете выполнить народных требований, то уходите и очистите место для настоящих представителей народа... Нашим крайним партиям мы говорим: не забывайте, что у нас общие цели с вами, и тогда вы будете иметь нас на своей стороне. Но вы себя изолируете и сами роете себе яму, ставя революции недостижимые цели, разнуздывая ее стихийные силы и объявляя революцию непрерывной... Мы, наконец, обращаемся ко всем сознательным элементам и говорим: не ждите, пока анархия в стране вызовет беспощадную реакцию. Не оставайтесь пассивными и как можно скорее организуйтесь, чтобы успеть сохранить завоевания революционного времени от контр-

революционных попыток, которые неминуемо последуют, если дела будут идти так, как идут сейчас...»

Это именно и случилось!

«Партия Народной Свободы, — писал в 1906 году П. Б. Струве, бывший тогда одним из главных идеологов этой партии, — есть партия либеральная: она ставит выше всего свободу личности, гражданские права и широчайшее самоуправление. Она есть партия демократической конституции и демократических социальных реформ... Существенное отличие нашей партии от известного типа партий, стоящих налево и направо от нас, заключается в том, что наша партия есть партия не классовая. Это не значит, что наша партия отрицает всякое значение классового деления, классовой борьбы, классового самосознания, но поверх классовых делений, над ними и в глубине под ними она находит интересы и идеалы общечеловеческие. Носительницей этих общечеловеческих идеалов в исторически данных условиях жизни отдельных народов, по идее нашей партии, должна и может явиться целая нация. Таким образом, классовым партиям наша партия противопоставляет себя, как партию национальную. Партия национальная не в смысле отстаивания интересов одной привилегированной народности, хотя бы и той народности, которая заложила основы самому бытию нашего государства, а в смысле идейно-государственном, в смысле признания того, что интересы отдельных лиц и классов необходимо объединяются в одном высшем идеальном интересе, интересе государства.

Наша партия либеральная. Истинный либерализм требует всестороннего развития личности в самом широком ее своеобразии, во всех ее проявлениях.

Наша партия отстаивает начала свободы личности, для всякой личности, и потому она демократична.

Никакая идея воспитания не может оправдывать примирения с насилием и насильничеством, откуда бы оно не исходило. Никогда мы не должны забывать, что во имя высших начал и целей, которыми живет и долж-

на жить наша партия — мы обязаны оставаться непримиримыми врагами насильничества. Но также мы обязаны быть непримиримыми врагами трусливых и бесчестных компромиссов с ложью, в какие бы соблазнительные одежды она не облекалась. Честная политика, основанная на правде и справедливости, есть в своем существе ни что иное, как воспитание общественного человека».

27 апреля (10 мая по новому стилю) 1906 года в Петербурге состоялось торжественное открытие Первой Государственной Думы, в которой партия Народной Свободы имела большинство. Петербургская либеральная газета «Речь» по этому поводу писала:

«История сохранит светлое воспоминание об этом светлом часе в истории русского народа. Это будет первый час новой эры в жизни страны».

А представитель правительства, статс-секретарь Фриш, открывая первое заседание, между прочим, сказал, обращаясь к народным представителям:

«Вам, призванным к широкому участию в законодательной деятельности, выпала счастливая доля работать при полном свете публичности и гласности и при полной свободе слова. Каждый шаг, вами сделанный по новому пути, каждая высказанная в ваших собраниях мысль, немедленно делается достоянием всего народа, который при помощи печати будет зорко следить за всеми действиями и начинаниями вашими».

Так оно на само деле и было.

ПЕРВАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ДУМА

27 Апреля (10 мая по новому стилю) 1906 года в Петербурге состоялось открытие Первой Государственной Думы. Царь Николай II под давлением революции 1905 года вынужден был обещать народу политические свободы и скорейший созыв Государственной Думы из свободно-избранных представителей всего народа для участия в законодательстве и в управлении страной. В

силу царского Манифеста от 30 октября (17 октября по старому стилю) 1905 года и по Основным Законам, опубликованным через полгода, Россия юридически превратилась в конституционную монархию. Русская конституция, правда, была наименее либеральной из всех существовавших в то время европейских конституций. Но учреждение Государственной Думы явилось крупнейшим историческим этапом в деле ликвидации старого режима в России. Вместе с тем в лице Думы создан новый фактор первостепенной важности на пути дальнейшего переустройства России на началах политической и гражданской свободы.

Избирательный закон в Первую Государственную Думу давал возможность участвовать в выборах почти всему населению. Согласно закону, депутаты Думы имели полную возможность с трибуны Думы открыто критиковать действия правительства, предъявлять ему запросы, на которые министры обязаны были давать объяснения и никакой новый закон не мог вступить в силу, без одобрения его Государственной Думой. Все прогрессивные и либеральные партии и группы, и, в частности, Плеханов и меньшевики с самого начала объявления о выборах в Государственную Думу высказались за участие демократии в выборах. Большевики же, во главе с Лениным, решительно выступили за бойкот выборов. Надежды на прогрессивную роль Думы, утверждал Ленин, неосновательны.

Ленин писал: «Правительство сделает выборы так, чтобы в лучшем случае допустить в качестве крайней левой кучку конституционных демократов. Поэтому участию в выборах должен быть социал-демократией противопоставлен бойкот их, имеющий целью вырыть пропасть между лженародным представительством и народными массами, отделить контрреволюционные «соглашательские» элементы буржуазного либерализма от демократии, способной к дальнейшему движению и сплотить последнюю вокруг пролетариата».

Так писал Ленин во втором номере «Партийных известий», изданных Объединенным Комитетом большевиков и меньшевиков незадолго до выборов в Думу. И точка зрения Ленина тогда восторжествовала не только в социал-демократической партии, но и в партии социалистов-революционеров. Все революционные партии призывали своих сторонников к бойкоту выборов в Думу. Ленин предсказывал, что Дума будет черносотенной, то есть, что огромное большинство депутатов Думы будут крайние реакционеры. Но Ленин глубоко ошибся. Народ, включая и огромное большинство рабочих принял живое участие в выборах. Даже многие рабочие социал-демократы, по словам историка Российской социал-демократии Ю. Мартова, соглашались быть выборщиками там, где массы желали участвовать в выборах. В первую Думу было избрано четыреста семьдесят восемь депутатов. Среди них не было **ни одного** черносотенца.

По своему составу Первая Государственная Дума оказалась чуть ли не самым демократическим парламентом в мире. Из 478 депутатов 111 были крестьяне-земледельцы, 25 — рабочие от станка, 24 — торговцы, 2 промышленника, 65 землевладельцев. Остальные депутаты были из представителей свободных профессий и земских и городских служащих. Большинство депутатов Первой Государственной Думы были великороссы, украинцы, белоруссы, но в Думе также были хорошо представлены почти **все** народы, населявшие в то время Россию: поляки, евреи, грузины, армяне, башкиры, татары, киргизы и другие. Выдающуюся роль в первой Государственной Думе играла партия «Народной Свободы», или Конституционно-Демократическая партия; ее называли сокращенно — кадетская партия. Кадетов в Думе было меньше половины, но эта партия была представлена здесь целым рядом выдающихся общественных деятелей из среды

профессоров, ученых, литераторов, адвокатов, врачей и земских деятелей.

Второй по влиянию и по численности фракцией в Думе была «Трудовая Группа», которая образовалась уже в самой Думе из депутатов разных умеренных социалистических направлений. Из 107 членов «Трудовой Группы» 42 были крестьяне земледельцы, 19 — рабочие от станка, остальные — учителя, городские служащие и представители интеллигентных профессий. У социал-демократов в Первой Думе было 18 депутатов. У консервативного «Союза 17 октября» — 16. Была еще в Думе группа беспартийных в 105 человек. Из них 66 были крестьяне. Эта группа потом голосовала по преимуществу с представителями партии «Народной Свободы».

Сам Ленин впоследствии вынужден был признать, что бойкот выборов в Первую Государственную Думу «был ошибкой».

27 апреля (10 мая по новому стилю) в Таврическом дворце, состоялось торжественное открытие Думы.

Государственная Дума была трибуной, с которой депутаты — представители всех партий и всех национальностей, населяющих Россию, могли вполне свободно говорить, обращаясь не только к самой Думе и к представителям правительства, но и ко всей стране. Речи депутатов печатались во всех больших газетах. В ответ на тронную речь царя, Дума единогласно приняла Адрес, обращенный к царю, в котором выражены были, как все главные нужды страны, так и все основные требования ее в истинно-демократическом духе. В этом Адресе было сказано: «Государственная Дума, исполняя долг, определенно возложенный на нее народом, почитает неотложно необходимым обеспечить страну точным законом о неприкосновенности личности, свободе совести, свободе слова и печати, свободе союзов, собраний и стачек, — убежденная в том, что без точного установления и строгого проведения этих начал никакая реформа общественных отношений неосуществима...».

«...Стремясь к освобождению страны от связывающих ее пут административной опеки и предоставляя право ограничения свободы единственно лишь независимой судебной власти, Государственная Дума считает однако недопустимым применение даже и по судебному приговору наказание смертью. **Смертная казнь никогда и ни при каких условиях не может быть назначаемая».**

В своем Адресе, принятом единогласно, Дума не была ни общеполитических гарантий, ни свободного развития всех национальностей, ни гарантий свободы личности, ни экономических и гражданских условий улучшения быта многомиллионного крестьянства, рабочих, армии и всего остального населения.

Об этом историческом Адресе Думы венская социалистическая газета «Арбайтер Цейтунг» («Рабочая газета») писала: «Более независимым и смелым языком, чем язык Думы в ответ на тронную речь, редко приходится говорить народным представителям... В настоящее время русский парламент — Дума — **самое демократическое, наиболее преданное идеям свободы представительное учреждение**».

Известный русский историк и социолог, депутат Первой Государственной Думы, Максим Ковалевский, в день открытия Думы писал в петербургской газете «Страна»:

«В русской истории со времени отпущения крестьян на свободу не было большего свободного народного праздника, как открытие Государственной Думы. Да не омрачится же он тяжелой мыслью, что сотни и тысячи людей, жертвовавших собой для блага родины и объединенных с нами любовью к свободе, томятся в тюрьмах, в изгнании. Да будет же первый день русской свободы и днем амнистии для всех политических заключенных, для всех отправляемых в административную ссылку, для всех, кто словом или пером нарушил букву закона, храня в сердце желание служить правде. «Амнистия! Амнистия!».

И действительно, в первом же заседании Думы, после избрания члена партии «Народной Свободы» москов-

ского профессора Сергея Муромцева председателем Государственной Думы, — по предложению депутата Федора Родичева, члена партии «Народной Свободы», **единогласно** была принята резолюция о необходимости объявления амнистии по всем делам политическим, религиозным и аграрным.

**
*

Сразу же после выработки Адреса в ответ на речь царя, в Думу был внесен законопроект об обеспечении действительной неприкосновенности личности.

25 мая был внесен законопроект о свободе совести.

28 мая — основные законные положения о гражданском равенстве.

В следующие дни были внесены законопроекты об отмене смертной казни, о свободе стачек и собраний, о бесплатных школах и бесплатных народных библиотеках.

26 мая председатель Совета министров Горемыкин прочел в Думе ответ правительства на требования Думы. Главные требования, выставленные Думой, правительство отклонило. На эту декларацию правительства в том же заседании ответил целый ряд депутатов, представители всех партий и беспартийные. После дебатов, Дума большинством голосов — **всех** против одиннадцати — приняла следующее постановление, предложенное лидером «Трудовой Группы» Иваном Жилкиным:

«Усматривая в заявлении председателя Совета министров решительное указание на то, что правительство совершенно не желает удовлетворить народные требования и ожидания земли, права и свободы, изложенные в Адресе Думы, и выражая перед лицом страны полное недоверие безответственному перед народным представительством министерству и признавая необходимейшим условием умиротворения государства и плодотворной работы народного представительства немедленный выход в отставку настоящего министерства и замену его мини-

стерством, пользующимся доверием Государственной Думы, — Дума переходит к очередным делам».

Вот каким языком свободно избранные представители всего народа, депутаты Первой Государственной Думы, говорили с правительством.

19 июня 1906 года после доклада либерального депутата профессора Кузьмина-Караваева и последовавших за ним дебатов, Государственная Дума единогласно приняла законопроект, гласивший: **смертная казнь отменяется**. Вся Дума аплодировала докладчику Кузьмину-Караваеву. Когда же на трибуну взошел главный военный прокурор Павлов, чтобы защищать смертную казнь, со всех скамей депутатов послышались негодующие крики. Павлову не дали говорить. Председатель вынужден был прервать заседание.

21 мая в Думу был внесен земельный законопроект. Во время дебатов в Думе по земельному вопросу лидер крестьянской «Трудовой Группы», депутат Аникин, в своей речи сказал:

«Перед нами великая задача русской истории, тот решительный шаг, который неизбежно будет сделан русским народом. Я говорю о переходе всей земли в руки трудящихся... Мы, трудовой народ, говорим: как в свое время кончилась барщина, как в свое время народ порешил с крепостным правом, угрожая разрешить его снизу, так падут и цепи, сковывающие матушку кормилицу землю».

Либералы, партия «Народной Свободы» и партия Демократических реформ, которую в Первой Думе возглавлял профессор Максим Ковалевский, были за передачу малоземельным крестьянам не только всех государственных и церковных земель, но и значительной части земель, принадлежавших помещикам, — «по справедливой оценке», — но они были против идеи национализации земли. Депутат кадетской партии Николай Львов в своей речи говорил об опасности сосредоточения всей или даже части земли в руках государства. Он сказал: «Какая

страшная сила будет сосредоточена в руках государства, когда все благосостояние населения, каждого арендатора казенной земли, будет зависеть от приказа центральной власти!.. Я думаю, что этим не свобода будет добыта для русского народа, а прежняя кабала, которая уравнивает всех в общей нищете и приниженности. Бойтесь деспотизма, бойтесь самого худшего из них, деспотизма голых формул и отвлеченных построений!».

Народные избранники, депутаты Первой Государственной Думы хотели, чтобы переход земли к крестьянам был связан с хозяйственной и политической свободой крестьянства, как и остальных слоев населения. Тот же лидер «Трудовой Гуппы» Аникин, в своей речи говорил: «Такое важное дело, как решение земельного вопроса в России должно быть решено **всем организованным народом** и только такому решению весь народ подчинится».

II

После первых заседаний Государственной Думы знаменитый французский социалист Жан Жорес писал в своей парижской газете «Юманите»:

«Что поражает в Думе, это ее почти полное единодушие. Правда, в ней имеется и правая группа, но, кажется, и она увлечена общим настроением... Когда в Думу внесли предложение об амнистии, всего каких-нибудь два или три депутата продолжали хранить молчание, все остальные приветствовали предложение аплодисментами».

Венская социалистическая газета «Арбайтер Цейтунг» тогда же писала: «Парламентарии Государственной Думы, среди которых находятся и представители крупного землевладения, выставили радикальную аграрную программу и ясное требование об удовлетворении социальных нужд рабочего класса и об обеспечении за ними свободы организации. Эта Дума не будет глуха к воле народа».

Таковой действительно и была Первая Государствен-

ная Дума. Ее идеалом была свобода личности, равноправие всех народов, населявших Россию, и также широкое социальное законодательство в пользу крестьян и рабочих. Выдающуюся роль в Первой Государственной Думе играла Конституционно-Демократическая или Кадетская партия, хотя кадетов было в Думе меньше половины. Но Кадетская партия или партия «Народной Свободы», как она также называлась, была представлена в Думе целым рядом выдающихся общественных деятелей из земской среды и из среды профессоров, литераторов и адвокатуры. Имена Муромцева, Петрункевича, Родичева, Набокова, Долгоруковых, Винавера, Герценштейна, Маклакова были известны всей России.

Выставив требования всех демократических партий о земле и воле, Дума вступила в борьбу с правительством. В этой борьбе от лица **всех своих партий** — кадетов, трудовиков, социал-демократов и других, — Дума потребовала ответственного министерства, то есть перехода власти из рук бюрократии в руки народного представительства.

Первая Государственная Дума привлекла к себе симпатии всего цивилизованного мира. Даже такой левый социалист, как известный германский ортодоксальный марксист Франц Меринг, без всякой особой симпатии относившийся к русским либералам, писал тогда о Думе в газете левых германских социалистов «Лейпцигер Фольксцейтунг»: «Поведение Думы способно возбудить к ней симпатии в демократических и революционных кругах. Не надо, конечно, быть согласным со всеми речами и постановлениями Думы, но дух, проникающий во все эти речи и постановления, бодр и соответствует революционным стремлениям народа».

А петербургская рабочая социал-демократическая газета «Голос Труда» тогда писала: «Мы должны самым решительным образом поддержать Думу; мы должны помочь ей вырвать исполнительную власть из рук камарильи и передать ее в руки министерства, ответственного

перед Думой. Это будет огромная принципиальная победа парламентаризма над бюрократией...».

Большевики же в это время распространяли на митингах и на фабриках резолюцию, написанную Лениным, гласившую, что требование о назначении министерства, ответственного перед Государственной Думой, служит лишь укреплению конституционных иллюзий и развращению революционного сознания народа, порождая надежды на мирный переход власти к народу и затемняя коренные задачи борьбы за свободу».

Петербургская либеральная газета «Речь» от 24 мая 1906 года (11 мая по старому стилю) по этому поводу писала: «На последних столичных митингах Дума подверглась нападкам, грубым и не заслуженным... Дискредитировать всеми средствами Думу — таков новый партийный лозунг большевиков... В одно и то же время они упрекают Думу в бессилии, добиваются от нее актов политического могущества и делают все, что могут, чтобы лишить Думу силы...»

Далее газета «Речь» обвиняла большевиков, что их резолюции против Думы совершенно совпадают с черносотенными телеграммами «Союза русского народа». Газета «Речь» писала, что черносотенцы посылают своих эмиссаров бунтовать против Думы в ту самую провинцию, куда с той же целью едут большевистские агитаторы.

Другая петербургская газета «Наша жизнь», орган беспартийных социалистов и демократов, тогда же писала: «Большевистская агитация против Думы находит неожиданное поощрение в петербургском градоначальнике — большевики фактически действуют «параллельно с действиями дворцовой камарильи и черной сотни».

В борьбе **всей** Думы за землю, волю и политические права для всего народа большевики тогда были не с народом, а фактически заодно с черной сотней, подготовляя почву для разгона Государственной Думы, чего добивалось царское правительство.

**
**

Коммунистические партийные историки до сих пор продолжают утверждать, что Кадетская партия была контрреволюционная партия, проводившая политику неизменного соглашения буржуазии и монархии против рабочего класса».

Это явная ложь.

Прежде всего основатели и главные деятели партии «Народной Свободы» никогда не были представителями буржуазии. Это были — профессор Павел Милюков, профессор Сергей Муромцев, профессор Федор Кокошкин, экономист и публицист Петр Струве, адвокат Максим Винавер, адвокат Василий Маклаков, либеральные деятели земства — Иван Петрункевич, Федор Родичев, братья Павел и Петр Долгоруковы и другие.

Далее. Главнейшие требования партии «Народной Свободы» были таковы: равенство всех перед законом, обеспечение свободы совести, слова, печати, свободы союзов и собраний, неприкосновенности личности и жилища, всеобщее равное прямое и тайное голосование как в общегосударственных выборах, так и в местных. В области экономической увеличение крестьянского землевладения путем отчуждения государственных и помещичьих земель; введение восьмичасового рабочего дня; распространение рабочего законодательства на сельскохозяйственных рабочих; свобода рабочих союзов и стачек; страхование рабочих; всеобщее бесплатное начальное образование.

Такой беспристрастный свидетель истории, как знаменитый немецкий социал-демократ Эдуард Бернштейн, в течение многих лет состоявший сотрудником русских газет и журналов и всю свою жизнь внимательно следивший за событиями в России, в мае 1906 года писал в немецком журнале «Социалистише Монатсхефте»: «Партия русских кадет столь далека от классовой партии буржуазии, сколь далеки были от последней якобинцы во французском Конвенте 1789 года... Достойны не смеха, а самого серьезного осуждения попытки (большевиков)

объяснить те или другие шаги кадетов, как начавшуюся измену пролетариату».

Ленин, однако, продолжал гнуть свою линию. 22 июня 1906 года он в своей петербургской газете «Эхо» писал: «Государственная Дума есть непригодное учреждение для осуществления и закрепления победы революции. Только созванное революционным путем всенародное Учредительное Собрание, избранное всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием всех граждан без различия пола, религии и национальности и обладающее всей полнотой государственной власти, — только оно в состоянии будет провести в жизнь полную свободу. Только оно создаст в России демократическую республику, заменит постоянную армию всеобщим вооружением народа, уничтожит невыборное и неответственное перед народом чиновничество, введет полную и неограниченную политическую свободу».

Так писал Ленин в июне 1906 года. По поводу этих статей Ленина и большевистских резолюций, клеймивших Государственную Думу, отец русского марксизма Г. В. Плеханов в своем обращении к российским рабочим писал в петербургской социал-демократической газете «Курьер»: «Наше правительство, организующее черносотенные погромы и неуклонно подавляющее всякое проявление свободной мысли, не препятствует самой резкой критике Государственной Думы. Как вы думаете, почему оно так поступает? **Потому что оно хочет сделать из вас орудие реакции.** Революционеры нападают на Государственную Думу, — говорит себе министр Горемыкин, — это очень хорошо теперь когда наш отказ исполнить требования Думы приведет к столкновению между нами и ею. Чем ниже падет Дума в глазах народа, тем слабее станет он поддерживать ее и тем легче будет зажать ей рот, а, если понадобится, и вовсе разогнать ее».

Плеханов далее писал: «Товарищи рабочие, вы непременно должны расстроить план Горемыкина. Не потому ненавидит Думу Горемыкин, что в ней преобладает

буржуазия, а потому, что преобладающая в ней буржуазия трсбует **свободы для всех и земли для крестьян**. Не против буржуазии направлен отказ господина Горемыкина, а против **всего народа** и **весь народ должен поддерживать Думу**. Для успешной борьбы за социализм **нужна политическая свобода**. Горе будет вам, горе будет всей стране, если вы не сосредоточите теперь на этом всех ваших усилий, всего вашего внимания. Реакция воспользуется вашими роковыми ошибками и нанесет страшный удар делу свободы».

Так писал в июне 1906 года Г. В. Плеханов.

**
*

К величайшему несчастью, агитация большевиков против Думы тогда возымела свое действие. Революционное движение в стране начало постепенно затихать. Убедившись, что рабочий класс обеих столиц активно не выступит в защиту Думы, правительство 24 июля 1906 года Думу распустило. Большевистские вожди тогда значительно способствовали торжеству реакции на долгие годы.

Историк Первой Государственной Думы Василий Голубев, в 1907 году писал о ней в петербургском историческом журнале «Былое»: «Первая Дума отражала политическое мнение и настроения страны, в особенности ее народных масс. **Менее всего отражала Дума политические настроения и настроения привилегированных классов — дворянства и крупной буржуазии**. Представительство партий, опирающихся на эти классы, в Думе было и совершенно ничтожно и совершенно бесцветно... По своему партийно-политическому составу Дума несомненно была демократической... Она отражала страну в ее полном виде... Она была резко оппозиционной и, что особенно замечательно, она была широко национальной, а не классовой, и была проникнута глубокими моральными побуждениями, на что указывают единогласно принятый ее первый закон об отмене смертной казни, едино-

душное требование амнистии и наделения крестьян земель, ее многочисленные протесты по поводу произвола властей. Дума горела страстным стремлением к переустройству страны на широких демократических началах».

Знаменитый русский историк В. О. Ключевский, человек довольно умеренных взглядов в письме к А. Ф. Кони тогда писал: «Я вынужден признать два факта, которых не ожидал. Это — быстрота с какой сложился в народе взгляд на Думу, как на самый надежный орган законодательной власти, и потом — бесспорная умеренность, господствующего настроения, ею проявленного. Это настроение авторитетного в народе умереннее той революционной волны, которая начинает нас заливать и существование Думы — это самая меньшая цена, какую может быть достигнуто бескровное успокоение страны». А после роспуска Думы тот же В. О. Ключевский сделал из случившегося пророческий вывод: **«Династия прекратится: Алексей (сын Николая II — Д. Ш.) царствовать не будет»**. П. Н. Милюков в своих воспоминаниях, приведя эти слова Ключевского пишет: «Трудно было тогда поверить правильности провидения историка. А так оно и случилось, всего спустя 11-12 лет после описанных событий.*)

Тогда же после роспуска Думы известный философ и публицист князь Евгений Трубецкой, умеренный либерал, «землевладелец и монархист», как он сам себя рекомендовал, писал царю Николаю II: «Государь, стремление крестьян к земле имеет неудержимую силу... Всякий, кто будет против принудительного отчуждения, будет сметен с лица земли. Надвигающаяся революция угрожает нам конфискацией, подвергает опасности самую нашу жизнь... Гражданская война... не более, как вопрос времени... Быть может, правительству удастся **теперь** репрессивными мерами подавить революционное движение... Тем ужаснее будет тот последующий и **последний** взрыв, который

*) П. Н. Милюков. Воспоминания (1859-1917). Том 1 стр. 407-408. Издательство имени Чехова, Нью Йорк, 1955.

ниспровергнет существующий строй и сравниет с землей русскую культуру... И вы сами будете погребены под развалинами».*)

**

За все двенадцать лет своего существования, со дня ее образования в октябре 1905 года и до октябрьского переворота 1917 года, партия Народной Свободы никаких сделок с буржуазией и монархией против рабочего класса и крестьянства, как пишет коммунистическая печать, не заключала. Она неизменно оставалась партией демократической конституции и демократических и социальных реформ и все время вела политику, основанную на правде и справедливости и непримиримой вражде ко всякому насильничеству.

Программа русского либерализма была полностью осуществлена в феврале 1917 года Временным Правительством. Октябрьская, так называемая «социалистическая» революция, отняла у народа все завоеванные им свободы и права. Партийная диктатура сначала объявила лидеров партии Народной Свободы «вне закона», потом подавила все свободы и разогнала демократически избранное Всероссийское Учредительное Собрание, за которое боролись в течение почти столетия российские либералы и социалисты, и окончательно закабалила весь народ.

Из основателей, лидеров и наиболее выдающихся деятелей партии Народной Свободы профессор М. Я. Герценштейн и журналист Г. Б. Иоллос были убиты в 1906-1907 годах черносотенцами. Ф. Ф. Кокошкин и А. И. Шингарев, бывшие министры Временного Правительства и члены Всероссийского Учредительного Собрания, были ночью 6 (19) января 1918 года убиты в Мариинской больнице в Петрограде озверевшими большевиками. Князя Петр и Павел Долгоруковы, Н. Н. Щепкин, К.

*) Цитирую по статье М. В. Вишняка: «19-ое февраля 1861 г.» в 2-3 номере «Соц. Вестника», за 1960 г.

К. Черносвитов, В. И. Астров, П. В. Герасимов, Н. И. Лазаревский, В. И. Добровольский, Э. А. Дубосарский и многие другие менее известные активные деятели партии были расстреляны большевиками. Многие другие погибли в большевистских тюрьмах и концлагерях. Один из наиболее блестящих и выдающихся членов Центрального Комитета партии Народной Свободы Владимир Дмитриевич Набоков был в 1922 году убит русским монархистом в Берлине. И. И. Петрункевич, Ф. И. Родичев, М. М. Винавер, П. П. Гронский, Н. В. Тесленко, Н. Астров, А. А. Кизеветтер, П. Н. Милюков, П. Б. Струве, И. В. Гессен, В. А. Оболенский, графиня С. Панина и В. А. Маклаков умерли в эмиграции. Все вместе они на разных поприщах всю свою сознательную жизнь боролись за право и свободу, служили культуре и прогрессу своей родины.

Для всякого мыслящего человека теперь ясно стало, что при отсутствии политической свободы и настоящего свободно избранного всем народом парламента и ответственного перед таким парламентом правительства, невозможно нормальное развитие страны и невозможно человеку в ней жить и дышать свободно.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Социалисты Запада и России в первой мировой войне

Плеханов и Ленин — Циммервальд

I

Война 1914 года не была полной неожиданностью для социалистов Запада и России. Начиная с 1907 года многие выдающиеся деятели социалистического Интернационала предвидели возможность войны и считали это страшной катастрофой для всего мира. Один только Ленин в письме к М. Горькому в 1913 году мог написать: «Война Австрии с Россией была бы очень полезной для революции (во всей Восточной Европе) порукой, но мало вероятно, чтобы Франц-Иозеф и Николаша доставили нам сие удовольствие».¹ Все же остальные выдающиеся социалисты России и Запада считали необходимым всеми силами предотвратить войну. Вопрос о том, каково должно быть поведение социалистов в случае войны, обсуждался на многих конгрессах социалистического Интернационала еще задолго до 1907 года.

Как известно, в «Коммунистическом манифесте» Маркса и Энгельса говорилось, что «у пролетариев нет отечества» и в течение десятков лет многие европейские социалисты это повторяли. Но с ростом рабочего дви-

¹ Ленин. Сочинения, том 35-ый, 4-ое издание, стр. 43.

жения и с созданием массовых социалистических партий во всех передовых странах Европы социалисты постепенно отказались от этого лозунга. Так, в августе 1893 года на международном конгрессе социалистического Интернационала в Цюрихе представитель русских социал-демократов Г. В. Плеханов выступил резко против тех социалистов, которые предлагали, чтобы на объявление войны правительствами ответить всеобщей забастовкой во всех странах, где рабочие могут оказать влияние на войну, а в остальных — ответить на войну отказом от военной службы. Такое предложение было внесено Домела Ньювенгейсом, основателем голландской социал-демократической партии, впоследствии ставшим анархистом. В своей речи Плеханов сказал:

«Решение в духе голландского предложения останется пустой фразой, лишенной какого бы то ни было практического значения. Более того, успехи социализма не везде одинаковы. Так, в Германии уже имеется очень сильная, великолепно организованная и дисциплинированная социал-демократическая партия, тогда, как в России социалистическое движение находится еще в зачатке. Предположим, что в случае войны с этой страной нашим германским друзьям удалось организовать у себя военную забастовку, что получилось бы? Русская армия покорила бы Центральную Европу и вместо близкого торжества социализма, мы имели бы торжество казаков».

На международных социалистических конгрессах в Амстердаме в 1904 году, в Штутгарте в 1907 году, в Копенгагене в 1910 году и почти накануне войны — в 1912 году в Базеле много говорилось о том, что рабочие, которые больше всех пострадают от войны, должны стараться предотвратить ее. Но как это можно было осуществить? Сначала это казалось просто: без рабочего класса невозможна никакая работа. Значит, стоит рабочим договориться между собой не поддерживать войну и даже помешать войне, и войны не будет. А если какое-нибудь правительство начнет войну, — надо всем рабочим

восстать и объявить войну всем капиталистам. Тогда начнется классовая война вместо войны международной. Эту мысль особенно горячо отстаивал француз Густав Эрве. Он стоял за первоначальную формулу «Коммунистического манифеста»: «у пролетариев нет отечества». «Мне всё равно, — говорил он, — победят ли французы немцев или Вильгельм II возьмет Париж. Я всё равно буду бороться только с капиталистами моей страны».

Но он был в меньшинстве. Подавляющее большинство социалистов не отказывалось от отечества. Так, вождь германских социалистов Август Бебель однажды произнес в германском Рейхстаге замечательную речь на эту тему. В этой речи он резко нападал на германские правящие классы за их захватнические стремления, за усиленное вооружение, за угрозу всеобщему миру. Когда же он сказал, что немецкие рабочие должны помешать немецкому правительству напасть на Россию или на Францию, то ему крикнули со скамей:

— Это измена отечеству!

Бебель ответил:

— Нет, мы не изменники! Мы не хотим только, чтобы наше отечество начало войну, как грабитель и разбойник. Но если какой-нибудь другой народ нападет на Германию, то я первый возьму свою старую рушницу (*meine alte Flinte*) и пойду защищать свою страну.

Чем Бебель был для Германии, тем Жан Жорес был для Франции: Жорес был совестью не только своей партии, но может быть и совестью большинства своего народа. Он тоже боролся с шовинистами своей страны. Но и он говорил, как Бебель: «Если бы случилось, что какой-нибудь другой народ напал бы на Францию, то мы, социалисты, умерли бы в первых рядах ее защитников».

И оба эти вождя социалистов повторяли это на многих съездах, в том числе (за семь лет до войны) на международном социалистическом конгрессе в Штутгарте. Оба они здесь доказывали, что у социалистов не может **не быть** отечества. Бебель сказал: «Эрве говорит,

что отечество это лишь отечество господствующих классов, и что рабочему классу до него нет дела... Но еще вопрос, кому принадлежит отечество... Почему же всякий народ, терпящий иноземное владычество, — если даже в некоторых случаях оно благотельно, — восстает всей массой для борьбы за свободу, отбрасывая ради этой цели всё остальное на задний план? Мысль Эрве, что пролетариату всё равно, — принадлежит ли Франция Германии или Германия Франции, — это нелепость». И свою речь Бебель закончил так: «Если бы вы, Эрве, захотели провести эту мысль на практике, то ваши соотечественники растоптали бы вас ногами».

И огромное большинство социалистов шло за Бебелем и Жоресом, а не за Эрве. На этом съезде Жорес сказал: «Да, мы знаем, что на совести наших отечеств много несправедливости; что родина бывает для многих мачехой; мы боремся с ее грехами, но мы любим ее и не дадим в обиду в случае нужды».

На слова Эрве и его сторонников, что любовь к родине — неразумный инстинкт и зоологическое чувство, представители большинства ему отвечали: «Нет, любовь к отечеству не только слепой инстинкт. Любить родину — разумно и полезно». Так, германский социал-демократ Фольмар на конгрессе в Штутгарте сказал: «Неправда, будто бы интернационализм враждебен национальным отечествам... Любовь к человечеству не мешает немцу быть добрым немцем. Нельзя прекратить существование наций и обратить их в безразличную народную кашу».

Бебель и немецкие социалисты предостерегали против восстаний и всеобщих забастовок в случае объявления войны. «Мы не хотим ослаблять свои силы для чего-то еще не существующего, чего мы, может быть, в нужный момент и не в силах будем выполнить». «В самом деле, — говорили другие, — Интернационал еще не настолько силен, чтобы обеспечить единство действий всего пролетариата. В одних странах, более культурных, рабочие

более организованы. Допустим, что они, повинаясь Интернационалу, обезоружат своих соотечественников. А в это время другим это не удастся, и наиболее сознательный народ будет поработен и задавлен менее сознательным. Не скажет ли тогда побежденный народ, что свои же братья, социалисты, связали ему руки и сделали беззащитным в общей международной свалке? И это было бы сделано во имя призрачного еще Интернационала, который оказался бессильным его защитить!»

От имени французов Жорес предложил даже внести в постановление штуртартского съезда, что защита независимости всякой страны, которой угрожает иноземное нашествие, **составляет настоящий долг социалистов угрожаемой нации.** «Отечество — это сокровищница человеческого гения, — сказал другой французский социалист, Вальян, при общем одобрении, — и не подобает пролетариату разбивать эти драгоценные сосуды человеческой культуры!» А швед Брантинг, обобщая эти мнения, сказал: «Мы должны быть благодарны Эрве: он дал нам возможность обнаружить полное единодушие в том, что интернационализм и национальность не только не противоположны друг другу, а, наоборот, взаимно друг друга дополняют». И, наконец, докладчик съезда бельгиец Вандервельде почти повторил слова Бебеля: — «Существование свободных наций является ступенью для самой интернациональности, так как только **из союза свободных народов** возникнет будущее единое человечество!»

Между тем на Балканском полуострове уже нарастала угроза войны. Европа разделилась на враждебные лагери. Россия и Франция — с одной стороны, Германия и Австрия — с другой. Многие другие державы вели расчеты: куда им будет выгоднее примкнуть? Дипломаты зондировали почву, государственные деятели собирались на тайные совещания, заключались и расстраивались союзы. Европа жила в беспокойстве, перед бурей. Ввиду этого социалисты решили созвать внеочередной международный съезд, чтобы обсудить угрожающее положение.

II

В октябре 1912 года Черногория объявила войну Турции и очень скоро почти весь Балканский полуостров оказался в огне. Опасность, что искрами этого столкновения Европа может быть взорвана, как пороховой погреб, стала очевидной и Международное социалистическое бюро организовало антивоенные массовые собрания в большинстве европейских стран и постановило созвать экстренный международный социалистический съезд на 24-25 ноября в Базеле. Базельский конгресс был скорее торжественной, очень внушительной демонстрацией против войны, чем собранием для обсуждения определенных международных проблем. Жан Жорес в своей приветственной речи указал, что международный социалистический конгресс собрался, чтобы оплакивать уже погибших на Балканах в войне, и чтоб призвать живых к миру и рассеять надвигающуюся на Европу грозу. Но что для этого нужно делать? Уже предыдущие съезды выяснили, что социалисты могут призывать к миру своих соотечественников, но настоящей международной силы у них нет.

Поэтому и базельский съезд, как и предыдущий копенгагенский съезд, только повторил резолюцию штутгартского съезда 1907 года: «Социалисты должны помешать возникновению войны. А если война всё-таки начнется, они должны постараться скорее прекратить ее и воспользоваться кризисом для того, чтобы ускорить падение капиталистического строя». Но какими средствами этого достигнуть Интернационал не говорил. Выбор средств пердоставлялся «на усмотрение отдельных наций», при чем Базельский съезд впервые провозгласил, что период национальных войн в Европе кончился и начался период войн империалистических.

Российские социалистические партии были представлены в Базеле тридцатью шестью делегатами. Среди них был Г. В. Плеханов. Центральный комитет большевиков имел там шесть представителей. Большевистскую делега-

цию возглавлял Лев Каменев, тогда официальный представитель большевиков в Международном социалистическом бюро.

Чувства, возбужденные базельским конгрессом, были смутны и неопределенны. Социалисты возвращались в свои страны не с определенным решением, а с общим настроением: надо мешать нападению. Но несмотря на то, что все социал-демократические партии Европы были решительными противниками милитаризма, социалистический Интернационал занял позицию, что единственное средство, при помощи которого можно остановить войну, — это помешать ее возникновению. Вожди европейских социалистических партий говорили: «После того, как война уже вспыхнула, всеобщая забастовка могла бы повредить только наиболее передовым странам, в то время, как остальные, реакционные режимы меньше всего пострадали бы, ибо отсталый рабочий класс их стран не присоединился бы к забастовке».

Следующий конгресс социалистического Интернационала должен был собраться 23 августа 1914 года в Вене. Но после выстрела в Сараеве, где 28 июня 1914 года сербским националистом был убит наследник австро-венгерского престола Франц-Фердинанд и его жена, уже не могло быть речи о съезде, ибо это убийство было использовано австро-германскими милитаристами как повод для нападения на Сербию, в результате чего и была развязана первая мировая война.

Поэтому решено было созвать экстренное расширенное совещание Международного социалистического бюро в Брюсселе на 28 июля. Совещание открылось 28 июля и продолжалось 29 и 30 июля. В Брюсселе никто из выступавших ораторов уже не говорил о всеобщей забастовке, как средстве предотвращения мировой войны. Не говорила даже крайне-левая тогда Роза Люксембург, принимавшая участие в дебатах по вопросу о мерах, которые должно предпринять социалистическим партиям для предотвращения войны. Никто и из других левых

ораторов тоже ни единым словом не обмолвился о массовом отказе от военной службы или о восстаниях, как средстве предотвращения войны. Всем участникам совещаний в Брюсселе была уже ясна невозможность всех таких мер. По словам Карла Каутского, присутствовавшего на совещаниях в Брюсселе, все выступавшие там ораторы одинаково резко осуждали Австро-Венгрию и высказывали свое недоверие к России. Они также резко выступали против Германии, которая, как указал Жорес, своей поддержкой Австро-Венгрии ставит под угрозу европейский мир. По этому вопросу ему не возражали, как не возражали и против его заявления, что Франция и Англия искренне стремятся сохранить мир. В резолюции, принятой единогласно представителями всех социалистических партий, рабочие всех стран, которым грозила опасность войны, призывались продолжать и усиливать свои массовые выступления против войны, за мир и за разрешение австро-сербского конфликта путем арбитража. Социалистам Германии и Франции вменялось в обязанность оказывать совместное давление на свои правительства в пользу мира.

30 июля вечером Жорес вернулся из Брюсселя в Париж. Назавтра, во главе социалистической делегации, Жорес поехал в Министерство иностранных дел с заявлением, чтобы французское правительство повлияло на русское, дабы оно не объявляло всеобщую мобилизацию. Но после того, как социалистическая делегация покинула здание Министерства иностранных дел, было получено сообщение, что Вильгельм II объявил **военное положение**. И в тот же вечер Жорес был убит полупомешанным французским националистом. Плеханов из Брюсселя уехал в Лондон, где в Британском музее он работал над своим трудом «История общественной мысли в России». Когда 31 июля он прочитал в газетах об убийстве Жореса, по словам его жены, он «мертвецки побледнел». «Мне показалось, — писала она, — что он потеряет сознание. «Что с тобой?» — спросила я. Он ответил: «Ты не можешь

себе представить что за война это будет. Это будет избивание народов, которое своей жестокостью превзойдет всё, что человечество до сих пор испытало».

На следующий день Германия объявила войну России, а через два дня — Франции. Рабочие и социалисты всех стран были единодушны пока казалось возможным предотвратить войну, но когда война разразилась, Интернационал распался. Плеханов немедленно уехал в Париж. Там на собрании русских эмигрантов-социалистов он выступил с докладом: «Каково должно быть отношение социалистов к войне?»

В своем докладе Плеханов доказывал, что обязанность социалистов всего мира помогать союзникам (Франции, Англии и России) в защите их стран против немецкой агрессии. Войну, говорил Плеханов, начала Германия. Она — нападающая сторона. Германия полудеспотическая страна, Бельгия, Франция и Англия — демократические страны. Наша обязанность поэтому их защищать. Если победит Германия, она заберет у России территории, расположенные у моря, которые являются воротами России в Европу. Россия будет превращена в германскую колонию, в рынок для сбыта германских товаров. Российский рабочий класс сильно ослабеет, и политическое, экономическое и социальное развитие России будет отброшено на многие десятилетия назад. Так говорил Плеханов в своем первом докладе о войне в Париже. Приблизительно то же самое он повторил и в своем напутственном слове уходящим на фронт русским добровольцам во Франции. Среди этих добровольцев были большевики, меньшевики, социалисты-революционеры и анархисты. В «Письме к руским социал-демократам», опубликованном им вскоре после его напутственного слова русским добровольцам, Плеханов писал:

«Со времени нашей революции 1905-1906 г.г. Вильгельм II был сильнейшей опорой своему «брату» Николаю II. Не во имя свободы объявила Германия войну. Нет, товарищи, Германия воюет во имя завоевания ею

экономического превосходства. Такова ее империалистическая программа, которую она старается осуществить. И поскольку это касается нашей страны, захваченной Германией, то она станет экономическим вассалом. Германия навяжет России такие условия, которые до нельзя затруднят ее дальнейшее экономическое развитие. А так как это экономическое развитие является предпосылкой социального и политического развития, то Россия потеряет, полностью или почти полностью, шанс покончить с царизмом... Победа Германии это — удар по прогрессу Западной Европы и полный, или почти полный, триумф русского деспотизма».

Так писал Плеханов в начале войны в «Письме к русским социал-демократам». Когда так называемые «интернационалисты» возражали ему, что причина войны это не только злая воля Германии, то Плеханов ответил им: — «Кто отказывается от решения вопроса о том, какая сторона нападает и какая защищается, тот тем самым признает себя неспособным обсуждать вопрос о войне».

III

В брошюре «О войне», выпущенной Плехановым в Париже в 1914 году, отвечая какому-то иностранному социалисту, Плеханов писал: «До вас дошел слух о том, что я смотрю на возможную победу Германии, как на большое несчастье для всей Европы и вы, зная, что я был горячим сторонником освободительного движения российского пролетариата, с беспокойством спрашиваете себя: неужели он начинает мириться с русским царизмом? Неужели же он переходит в ряды панславистов? Нет, дорогой товарищ, я как был так и остаюсь непримиримым врагом русского царизма. К панславизму не тянуло и не тянет. И тем не менее меня в самом деле очень пугают последствия победы Германии над Россией... Такое поражение России, которое замедлит ее экономическое развитие, будет вредно для дела русской на-

родной свободы и полезно для нашего старого порядка, то есть того самого царизма, к низвержению которого мы стремимся. Всё, что замедляет наше экономическое развитие, поддерживает наш царизм. представляющий собой своеобразное политическое следствие экономической отсталости страны».

Так в начале войны писал Плеханов. Ленин летом 1914 года жил в горной деревушке Поронин, в Галиции, которая тогда была частью Австро-Венгрии. 28 июля Австрия объявила войну Сербии, Германия объявила войну России 1 августа. По чисто техническим причинам Австрия объявила войну России только 6 августа. Как раз в это время Ленин получил деньги из России и местная галицийская полиция заподозрила, что Ленин является агентом русского правительства. 7 августа под вечер Ленин пришел к Якову Ганецкому, который тоже проживал в Поронине, и рассказал ему, что у него был обыск и что жандармский вахмистр приказал утром явиться к поезду и ехать вместе с ним в Новый Тарг, к старосте. «Как вы думаете, — спросил Ленин у Ганецкого, — арестуют завтра в Новом Тарге или отпускают?». «Глупый жандарм подозревает вас в шпионаже, — ответил Ганецкий. — Пожалуй, арестуют».

Они решили действовать. Ганецкий дал телеграмму социал-демократическому депутату австрийского парламента доктору Мареку, который еще в 1912 году содействовал переезду Ленина из Парижа в Краков. Сам Ленин послал следующую телеграмму директору краковской полиции: «Здесьняя полиция подозревает меня в шпионаже. Живу два года в Кракове, в Звежинце (предместье Кракова), 51 улица Любомирского. Лично давал сведения комиссару полиции в Звежинце. Я эмигрант, социал-демократ. Прошу телеграфировать в Поронин и старосте в Новый Тарг во избежание недоразумений. **Ульянов**».

Жандармский вахмистр на следующий день поехал с Лениным в Новый Тарг к старосте. В это время, в ответ на телеграмму Ленина, жандарм получил такую телеграм-

му от краковской полиции: «Жандармерия. Поронин. Против Ульянова не имеется здесь ничего предосудительного в области шпионажа. Краков, 17 августа 1914 года». Эту телеграмму в копии получил и староста в Новом Тарге. Однако, он всё же арестовал Ленина.

«Надежда Константиновна Крупская, — пишет Ганецкий, — ездила к Владимиру Ильичу в тюрьму ежедневно». 11 августа Ганецкий помог Крупской послать Виктору Адлеру, лидеру австрийской социал-демократической партии, телеграмму, в которой она писала: «Очень прошу вас, уважаемый товарищ, помочь моему мужу. Вы знаете его лично: он был, как вы знаете, долгое время членом Международного бюро и хорошо известен Интернационалу. Я просила бы вас отправить настоящую телеграмму прокурору в Ней-Зандец, что хорошо знаете моего мужа, причем можете уверить его, что это недоумение... Я уверена, что вы и еще другие австрийские товарищи сделают всё возможное, чтобы содействовать освобождению моего мужа. С партийным приветом, **Надежда Ульянова**».

Адлер немедленно предпринял соответствующие шаги, после чего австрийское министерство внутренних дел послало в краковскую полицию такую телеграмму: «По мнению доктора Адлера, **Ульянов смог бы оказать большие услуги при настоящих условиях**. Дирекции полиции предлагается также сообщить об этом военному суду, за которым числится Ульянов».

Ленин был освобожден. И через несколько дней вместе с Крупской и ее матерью, через Краков и Вену, отправился в Швейцарию. 5 сентября Ленин послал Виктору Адлеру из Цюриха открытку следующего содержания: «Уважаемый товарищ! Благополучно прибыл со всем семейством. Документы требовали только в Инсбруке и Фельдкирхе. Ваша помощь, таким образом, была для меня очень полезна. Для въезда в Швейцарию требуют паспорта, но меня впустили без паспорта, когда я назвал

Грейлиха. Привет и благодарность. С партийным приветом, **Ленин (В. Ульянов)**».²

К этому надо добавить, что Виктор Адлер с первого же дня объявления войны стал на сторону австро-германской коалиции и всецело поддерживал войну против России. Ленин это, конечно, прекрасно знал.

Н. Бухарин, бывший тогда в Швейцарии и очень близко стоявший к Ленину, в 1934 году в московских «Известиях» рассказал, что первым лозунгом Ленина, по прибытии в Швейцарию, был лозунг к солдатам всех армий: «Стреляйте своих офицеров!» Этот лозунг не был напечатан. Ильич изобрел более общую формулу: **«Превращение империалистической войны в войну гражданскую»**. Как говорит Бухарин, Ленин всех расспрашивал о позиции Плеханова. «Ильич, — писал Бухарин, — волновался, бесился, страшно хотел встречи с ним, чтобы такой случай скоро представился. Наконец, эта встреча состоялась. Через десять лет, вспоминая об этой «исторической встрече» Ленина с Плехановым и об их словесном турнире, Крупская писала в «Правде» 11 апреля 1924 г.: «Плеханова Владимир Ильич (Ленин) любил страстно. Плеханов сыграл крупную роль в развитии Владимира Ильича, помог ему найти правильный революционный путь, и потому Плеханов был долгое время окружен для него ореолом: всякое самое незначительное расхождение с Плехановым он переживал крайне болезненно. И после раскола партии он внимательно прислушивался к тому, что говорил Плеханов... Даже в 1914 году, когда разразилась война, Владимир Ильич страшно волновался, готовясь к выступлению против войны на митинге в Лозанне, где должен был говорить Плеханов». В 1934 году об этой последней встрече Ленина и Плеханова Бухарин писал в московских Известиях: «Мы узнали, что Плеханов в Лозанне выступает 11 октября с докладом в Народном доме и вызвали Ильича телеграммой из Берна. Ильич

² Я. Ганецкий. «Арест В. И. Ленина в Австрии в 1914 г.». «Ленинский Сборник» № 2, стр. 173-186.

прилетел, как на крыльях. Битком набитая аудитория. Маленькая группа большевиков. На трибуне Плеханов, со сверкающими из-под густых посеребренных бровей глазами. Скрестив руки, театрально поглядывая по сторонам, он начинает говорить».

В своей статье Бухарин не передал речь Плеханова, но она вкратце была передана парижской русской газетой «Голос» в №№ от 18, 19 и 20 окт. 1914 г., в отчете о реферате Плеханова и о последовавшем за ним реферате Ленина. Газету эту редактировал лидер меньшевиков Мартов, который по отношению к войне тогда занимал позицию очень близкую к ленинской.

Согласно отчету корреспондента «Голоса», Плеханов в своей речи в Лозанне повторил то, что говорил на собраниях в Париже, но к этому еще добавил: «Социализм отнюдь не исключает любви к отечеству. Но между тем как люди, державшиеся точки зрения эксплуатирующих классов, находят позволительным и даже обязательным ставить интересы своей страны выше интересов всего остального мира, социалист должен иметь мужество пойти против своего отечества, когда оно в своей иностранной политике поступает несправедливо, нарушает простые законы нравственности и права. Только тот социалист, который способен на это и может называться международным социалистом. Только тот социалист, который способен на это — имеет право сказать о себе, что в его любви к отечеству нет шовинизма».

Далее Бухарин рассказывает: «Плеханов, заприметя Ленина, шутит, что его поймали в 'заманиловку'. И вот подымается Ильич. Лицо его бело, как гипсовая маска. Мне никогда ни до этого ни после не случалось видеть такого смертельно-бледного лица у Ильича. Только глаза его горели, и, сухо картавя, отчетливо и энергично ударами неслыханной силы и неслыханного напряжения, Ильич стал рубить противника. Мы все сидели, как замороженные».

«Ленин сказал: — Нынешняя война не случайность,

зависевшая от того или иного нападения, а подготовлена всеми условиями развития буржуазного общества. Она была предсказана давно и именно в такой комбинации и такой линии... Социал-демократы только тогда исполняют свой долг, когда **борются с шовинистическим угаром своей страны...** И, не забывая слов Маркса, что «рабочие не имеют отечества», пролетариат должен принимать участие не в том, чтобы отстаивать старые рамки буржуазных государств, а создавать новые рамки социалистических республик... Наша задача заключается не в том, чтобы плыть вместе с течением, а в том, чтобы превращать национальную, лже-национальную войну в решительное столкновение пролетариата с правящими классами».

В своем заключительном слове Плеханов, отвечая, Ленину, сказал: «Если Ленин прав, то прав окажется бывший Эрве и тогда надо ссылаться не на Маркса, а на Эрве старой манеры. Маркс говорит, что каждый народ имеет право на существование, на автономию, но ведь это право предполагает право защиты; когда на него нападают, он должен защищаться. Иначе будет не интернациональная политика, а вненациональная, то есть утопическая, а не международная. Конечно, каждый обязан бороться прежде всего с шовинизмом своей страны, но в случае объявления войны нужно решить, кто нападает и со всей силой обрушиться на него».

И Плеханов закончил свое слово ссылкой на Бебеля, который на штутгартском конгрессе в 1907 году говорил, что дело рабочего класса было бы безнадежно, если бы он был бессилён найти в каждом отдельном случае виновника вооруженного конфликта.

IV

Крупская несколько иначе описывает этот словесный турнир между Лениным и Плехановым. Она пишет: «Когда 10 октября пришла телеграмма из Лозанны о том, что реферат Плеханова назначен на завтра, на 11 октября,

Ильич засел за подготовку к реферату. Приехав на собрание вместе с Зиновьевым, Ильич сел и целиком весь ушел в слушание того, что говорил Плеханов. С первой частью реферата, где Плеханов крыл немцев, Ильич был согласен и аплодировал Плеханову. Во второй части Плеханов развивал оборонческую точку зрения. Уж не могло быть места никаким сомнениям. Записался говорить один Ильич. С кружкой пива в руках подошел он к столу. Говорил он спокойно и только бледность лица выдавала его волнение. У Ильича было только десять минут. Он сказал лишь основное. Плеханов с обычными остротами возражал ему. Меньшевики — их было подавляющее большинство — аплодировали Плеханову. Совершенно впечатление, что Плеханов победил. 14 октября, через три дня, в том же помещении, где читал доклад Плеханов, был назначен доклад Ильича. Зал был битком набит. Доклад вышел очень удачным. Ильич был в приподнятом, боевом настроении. Он развил полностью свой взгляд на войну, как на войну империалистическую... Реферат Ильича имел громадный успех...»

Основные пункты позиции Ленина сжато и точно формулированы в его письме к Шляпникову от 17 октября 1914 года. Там он, между прочим, писал: «В России шовинизм прячется за фразы о *belle France* (о прекрасной Франции) и о несчастной Бельгии (а Украина и т. д.?) или за «народную» ненависть к немцам (и к «кайзеризму»). Поэтому наша безусловная обязанность — борьба с этими софизмами. А чтобы борьба шла по точной и ясной линии, нужен обобщающий лозунг. Этот лозунг: для нас, **русских**, с точки зрения интересов трудящихся масс и рабочего класса **России**, не может подлежать ни малейшему, абсолютно никакому сомнению, что наименьшим злом было бы теперь и тотчас — **поражение** царизма в данной войне. Ибо царизм сто раз хуже кайзеризма... Лозунг мира, — по-моему, неправильный в данный момент. Это обывательский, поповский лозунг. Пролетарский лозунг должен быть: **гражданская война...** Мы не

можем ни «обещать» гражданской войны, ни «декретировать» ее, но вести работу — при надобности очень долгую — **в этом направлении** мы обязаны».

Это Ленин писал **в частном** письме к Шляпникову, это повторил он и в письме к нему от 31 октября.

В декларации же, опубликованной Лениным в его газете «Социал-демократ» от 1 ноября от имени Центрального Комитета большевистской партии под заглавием «Война и российская социал-демократия», Ленин писал: «Превращение империалистической войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг... вытекающий из условий империалистической войны между высоко развитыми буржуазными странами. Как бы ни казались велики трудности такого превращения в ту или иную минуту, социалисты никогда не откажутся от систематической, настойчивой, неуклонной подготовительной работы в этом направлении».

Как известно, этот лозунг Ленина не был принят ни одной социалистической партией Европы и никем из более или менее видных лидеров социалистических партий в России и за границей. Не был согласен с этим даже Лев Каменев, в то время единственный член ЦК большевиков и заместитель Ленина в Петербурге. Когда Каменева арестовали и предали суду, он на суде заявил, что не разделяет «тезисов» Ленина, отказывается превратить войну внешнюю в войну гражданскую и также отказывается от лозунга, что «поражение России в войне было бы меньшим злом». Что касается П. Б. Аксельрода, одного из основоположников российской социал-демократии, то он сначала одобрил позицию, занятую Плехановым в войне. Но вскоре повернул в сторону так называемых «интернационалистов». И то, что он оказался в лагере противников Плеханова было для него нелегко. Аксельрод и Плеханов в течение десятков лет работали вместе; трудно выразить, как эти два человека были внутренне связаны. Но несмотря на их расхождение по вопросу об отношении к войне, они всё же не прервали дружбы.

Плеханов в письмах и при редких личных встречах (Плеханов жил в Женеве, Аксельрод — в Цюрихе) старался влиять на Аксельрода, переубедить его. Аксельрод делал то же самое. По словам известного деятеля еврейского социал-демократического «Бунда» А. Литвака, тогда в Цюрихе близко стоявшего к Аксельроду, Аксельрод в то время редко говорил о Плеханове. Но когда другие в его присутствии отпускали резкое слово по адресу Плеханова, видно было, как Аксельрод от этого страдал. Лозунг Аксельрода был: **«мир и восстановление социалистического Интернационала»**. Но хоть и был он интернационалистом, он глубоко болел за Францию и Бельгию, и боялся победы Вильгельма II. В начале войны, когда германские армии шли от победы к победе, а французам урожала величайшая военная катастрофа, английский флот потопил германское военное судно, — Аксельрод сказал тогда Литваку: «Вот что война может сделать с человеком! Немецкое судно потоплено, много людей погибло. Это должно ведь было бы меня огорчать, а я в душе этому даже немного обрадовался. Пусть это уменьшит их победу, пусть это уменьшит поражение союзников. Я сам себя поймал на этой мысли и хотел ее подавить, но она не дает подавить себя. Вот во что война превращает всех нас».

Когда русские взяли Лемберг (Львов), Аксельрод сказал тому же Литваку: «Я знаю, что население Лемберга пострадает, и русскому народу от этого легче не станет, и всё же: Германия одерживает столько побед, пусть к моменту мирных переговоров будет хотя бы равновесие. Впрочем, это, по всей вероятности, только предлог для оправдания чувства. Вы знаете, где-то в глубине души ведь все мы националисты».

Другой тогдашний лидер меньшевиков — Ю. О. Мартов занимал позицию более близкую к ленинской. О его парижской газете «Голос» Ленин писал: «'Голос' является сейчас лучшей социалистической газетой в Европе. Чем

чаще и сильнее я расходился с Мартовым, тем определенной я должен сказать, что этот писатель делает теперь именно то, что должен делать социал-демократ».

Основным лозунгом Мартова был — **мир**. Статья его в № 190 «Голоса» была озаглавлена «Мир», и он требовал «возможно скорейшего окончания войны». Вначале Ленин как будто не возражал против этого, но уже в ноябре 1914 года в письме к Шляпникову Ленин писал: «Умные буржуа передовой страны за мир... А мы не должны давать смешивать себя с мелкими буржуа, сантиментальными либералами и так далее. Эпоха **штыка** наступила. Это — факт, значит и **таким оружием** надо бороться... Объективно, кому теперь сыграет на руку лозунг мира? Во всяком случае не пропаганде идей революционного пролетариата, не идее **использовать** войну для ускорения краха капитализма».

А в своей статье «Положение и задачи социалистического Интернационала», напечатанной в «Социал-демократе» от 1 ноября 1914 года, Ленин писал: «Долой поповски-сантиментальные и глупенькие вздыхания о мире во что бы то ни стало! Поднимем знамя гражданской войны!»

И естественно, что Ленин назвал «социал-шовинистическими» не только взгляды Аксельрода, ибо они, согласно ему, «как две капли воды похожи на патриотические выступления Плеханова, но более трусливы». Он вскоре ополчился и на Мартова, который в своем докладе в Берне не отгородился от Аксельрода и так же, как Аксельрод, проповедовал «скорейшее окончание войны — и мир». В это время почти всех лидеров социалистических партий Европы Ленин уже называл «подлецами», «лицемерами», «изменниками», «полуидиотами», «дураками», «сволочью». Но Ленин, надо сказать, в своих взглядах был почти одинок. Так продолжалось до Циммервальдской конференции 1915 года.

В 10-ом томе «Малой советской энциклопедии» (3-е изд.) о Циммервальдской конференции сказано: «Циммервальдская конференция состоялась 5-8 сентября 1915 года. В ней участвовало тридцать восемь делегатов одиннадцати стран (Россия, Польша, Италия, Болгария, Румыния, Германия, Франция, Швейцария, Голландия, Швеция и Норвегия). Принятый конференцией Манифест признал войну империалистической, осудил поведение социалистов, которые голосовали за военные бюджеты и принимали участие в буржуазных правительствах, призывал рабочих Европы развернуть борьбу против войны, за мир без аннексий и контрибуций».

Дальше «Малая советская энциклопедия» пишет: «Левая группа (то есть группа, возглавляемая Лениным) голосовала за Манифест, критикуя его непоследовательность, подчеркивая, что он не содержит призыва к борьбе за свержение капитализма, не разоблачает социалистов-шовинистов и каутскианцев, как изменников социализма».

Но, что же в действительности представляла собой Циммервальдская конференция? Прежде всего о ее составе. Единственная значительная социалистическая партия, которая послала делегатов на эту конференцию, была итальянская социалистическая партия. Остальные участники конференции представляли либо самих себя, либо осколки социалистических групп некоторых социалистов-эмигрантов. Ленин и Зиновьев — от большевиков, Мартов и Аксельрод — от меньшевиков-«интернационалистов», Троцкий от своей группки, Виктор Чернов и Бобров-Натансон — от социалистов-революционеров-«интернационалистов». Польшу представляли Радек и Ганецкий, которые раньше были связаны с «социал-демократией Польши и Литвы». Швейцарская социалистическая партия даже не была извещена о предстоящей конференции. Швейцарию лично представляли Роберт Гримм,

Фриц Платен и Нэн. Из Голландии была Роланд-Гольст; Дания, Испания, Америка, Португалия совсем не были представлены. От Швеции были только представители юношеских организаций. Из Болгарии был представитель так называемых «тесняков». Раковский представлял румынскую партию. Германская Независимая Социалистическая партия, которую тогда возглавляли Гаазе, Карл Каутский и Эдуард Бернштейн, тоже не была извещена о конференции. В общем, это была конференция штаба без армии.

Карл Каутский, который тогда вместе с Э. Бернштейном и Г. Гаазе возглавлял антивоенную оппозицию в Германии, пишет в своей последней большой работе «Социалисты и война», вышедшей в 1937 году в Праге, что организаторы Циммервальдской конференции никого из вождей меньшинства германской социал-демократии, которые были противниками войны и военной политики кайзера, не пригласили на конференцию. Они пригласили только маленькую группку «спартакистов» (будущих коммунистов). Каутский пишет: «Бернштейн и я, и насколько я могу вспомнить, и Гаазе узнали о Циммервальдской конференции лишь после ее закрытия. Большинство делегатов конференции было заинтересовано главным образом в том, чтобы привести к скорейшему миру. Они были за то, чтобы социалисты больше не поддерживали своих правительств и силой заставляли бы их закончить войну. Ленин же и его последователи меньше всего заботились о мире. Они были заинтересованы в превращении мировой войны в гражданскую войну».³

Накануне Циммервальдской конференции в Берне состоялось совещание группы делегатов. Как впоследствии рассказал Мергейм, один из французских левых синдикалистов, участвовавших в этом совещании, Ленин тогда требовал, чтобы конференция выпустила воззвание к рабочим массам и солдатам всех стран, чтобы они

³ Karl Kautsky, *Sozialisten und Krieg*, Prague, 1937, pp. 542, 547.

объявили всеобщую забастовку против войны. Мергейм тогда указал Ленину, что такое воззвание не будет иметь никакого влияния при том настроении, которое господствует в народных массах всех стран. Однако, Ленин и его друзья продолжали настаивать на своем. Дискуссия по этому вопросу длилась целых восемь часов. Та же сцена повторилась после и в резолюционной комиссии Циммервальдской конференции. Там произошло резкое столкновение между представителем крайне левых социалистов Германии Ледебуром и Лениным. Как и Мергейм, Ледебур указал Ленину, что его предложение бесцельно, к тому же, он прибавил, что для делегатов, которые должны после конференции вернуться в свои страны, принятие такой резолюции было бы бесцельным самопожертвованием, ибо по возвращении домой они немедленно были бы преданы военному суду и расстреляны, при чем своей смертью ничего бы не достигли.

В своих воспоминаниях Мергейм пишет: «Ленин, который за всё время этой дискуссии сидел развалившись на мягком диване, не обнаружил ни малейшего интереса к аргументам его противников. Каждый раз, когда он отвечал на речь его противника, он говорил всё более оскорбительным и саркастическим тоном, и если бы не вмешательство болгаро-румынского социалиста Раковского, Циммервальдская конференция вовсе не состоялась бы, ибо как французские, так и германские делегаты решительно отказались принять безумный план Ленина. Принята была компромиссная резолюция. Но Ленин как в резолюционной комиссии, так и на самой конференции голосовал против этой резолюции. В разгар словесной битвы между Лениным и Ледебуром последний, отвечая на саркастическое замечание Ленина, воскликнул, что он, Ледебур, не требует от Ленина, чтобы он после конференции поехал в Россию и выступал там в духе предложенной им резолюции, ибо это означало бы для него верный расстрел. Ленин же требует от него, чтобы он,

Ледебур, пожертвовал своей жизнью в то время, как он, Ленин, останется спокойно жить в Швейцарии».

Приведя эту цитату из воспоминаний Мергейма, Эдуард Бернштейн в 1921 году писал: — «Ленин действительно остался в Швейцарии и вернулся в Россию вместе со своими единомышленниками только после того, как революция окончательно победила».⁴

Циммервальдская конференция создала так называемое «Циммервальдское объединение», которое формально просуществовало до 1919 года. В апреле 1916 года в швейцарской деревне Кинтале состоялась конференция Циммервальдского объединения. На этой конференции крайне левое крыло, во главе которого стоял Ленин, было сильнее представлено, чем на первой Циммервальдской конференции. Но и Кинтальская конференция не приняла основных положений большевиков: **превращение империалистической войны в войну гражданскую.**

Аксельрод и Мартов, вместе с большинством конференции, считали, что задачей «интернационалистов»-циммервальдистов является борьба за скорейшее окончание войны и за мир без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов. Ленин же вместе с небольшим кружком крайне-левых отстаивал позицию борьбы не за мир, а за «скорейшее превращение империалистической войны в войну гражданскую», во имя которой интернационалисты должны стремиться «к поражению своего правительства, своей страны». Ленин настаивал, что отказываться от лозунга поражения своей страны — значит превратить свою революционность в пустую фразу — в одно лицемерие. В № 43 своей газеты «Социал-демократ» от 26 июля 1915 года Ленин писал: — «Кто стоит за лозунг — «ни побед, ни поражений», тот сознательный или бессознательный шовинист; тот в лучшем случае примирительный мелкий буржуа, но во всех случаях враг пролетарской политики, сторонник тепереш-

⁴ Eduard Bernstein, Ein Dunkles Kapitel, "Vorwärts" (Berlin), Januar 14, 1921.

них правительств, теперешних господствующих классов».

Огромное большинство социалистов как воюющих, так и нейтральных стран были против Циммервальда. Их точку зрения тогда развил известный эльзасский, а потом французский социалист Соломон Грумбах в докладе «Ошибки Циммервальда и Кинталя», прочитанном в Берне 3 июня 1916 года.⁵ Грумбах доказывал, что принципы, провозглашенные в Циммервальде и Кинтале повели бы пролетариат по ложному пути и что они противоречат принципам социалистического Интернационала, а главное, что устроители Циммервальда не остановились перед тем, чтобы обмануть общественное мнение насчет состава Циммервальдской конференции. Грумбах сказал: «Они не остановились перед тем, чтобы нарочно печатать под Манифестом, опубликованным ими 18 сентября, слова: ‘За германскую делегацию’, ‘за французскую делегацию’, ‘за голландскую делегацию’. В Манифесте жирным шрифтом также было напечатано: ‘Мы, представители социалистических партий, профессиональных союзов и их меньшинств, мы, германские, французские и т.д.’ На самом деле ни германские, ни французские социалистические партии, ни синдикаты (профсоюзы) на Циммервальдской конференции не присутствовали. За голландскую партию Манифест подписала Роланд-Гольст, хотя она сама составляла всю ‘делегацию’. Организация, которую она действительно представляла, насчитывала **около со-рока членов**, и в то время она уже успела расколоться, а очень скоро и окончательно распалась. Сама Роланд-Гольст давно перестала быть членом голландской социал-демократической партии. Из присутствовавших на конференции немцев и французов **никто** не имел права называть себя делегатом германской социал-демократии или фран-

⁵ Доклад Грумбаха был потом напечатан в виде брошюры под названием “Der Irrtum Zimmerwald-Kiental, Bern 1915.” Все цитаты из нее позаимствованы мною из книги *The Bolsheviks and The World War. The Origin of the Third International*, by Olga Hess Gankin & H. H. Fisher, Stanford University Press, pp. 454-462.

цузской социалистической партии. Были ли хоть меньшинства этих партий или профессиональных союзов правильно представлены на конференции? Ни в коем случае! Те, кто знают правду прямо поражены легкомыслием, с которым эта фраза написана, и попыткой обмана».

Далее Грумбах говорит: «Правда, на конференции присутствовали два француза — Бордерон и Мергейм. Первый был членом французской социалистической партии, но вся его предыдущая деятельность не давала ему права называть себя 'представителем партии'. Он скорее мог назвать себя синдикалистом. Мергейм же никогда не принадлежал к социалистической партии и ничего общего не имел с социалистическим Интернационалом. Он был только членом Генеральной Федерации Труда, официальным делегатом синдиката (профсоюза) металлистов и официальным делегатом меньшинства Генеральной Федерации Труда. Самая влиятельная группа германской оппозиции — группа Гаазе-Каутского-Бернштейна отсутствовала».*)

*) Эдуард Бернштейн и Карл Каутский, еще во время войны утверждали, что виновниками мировой войны были не Англия, не Франция и не Россия, а властители Австро-Венгрии и германские милитаристы и империалисты. А после германской революции Каутский, специально исследовавший вопрос о виновниках войны по архивам германского министерства иностранных дел, опубликовал книгу, в которой установил полную ответственность Германии за возникновение мировой войны. И в своем последнем труде «Социалисты и война», опубликованном Каутским на немецком языке в Праге в 1947-ом году, за год до его смерти, он пишет: — «Мировую войну 1914-го года Германия хотела и планомерно ее подготавливала, но объявила ту войну превентивной войной. Мировая война не была продуктом капитализма или империализма».

Это именно то, что утверждал и Плеханов в годы войны и с чем теперь согласны все европейские и американские серьезные, беспристрастные историки. В этой же книге Каутский, между прочим, также указывает, что Плеханов пришел к своей позиции в войне, не потому, что он якобы стал русским националистом, а благодаря, именно, своему интернационализму, потому что он сознавал необходимость безусловной защиты европейской демократии. «Как интернациональный демократ, — пишет Каутский, — Плеханов счи-

Говоря о Троцком, как участнике и Циммервальдской и Кинтальской конференций, Грумбах указал, что в своей немецкой брошюре «Война и Интернационал», опубликованной им в начале войны в Цюрихе, Троцкий писал: «Только тот, кто закрывает глаза, не видит, что политика немецкого юнкерства требовала уничтожения Франции. Франция — это враг». А Роберт Грим, председатель Циммервальдской конференции, цитируя эту фразу Троцкого, писал тогда в своей газете «Бернер Тагвахт»: «Товарищ Троцкий прав, сказав это». Победа Германии над Францией — достойная сожаления стратегическая необходимость — согласно анализу германской социал-демократии, была бы победой феодально-монархического режима над демократически-республиканским режимом. Теперь же циммервальдист Троцкий отказывается разбирать вопрос об ответственности за войну и различать между войнами агрессивными и защитительными и резко нападает на всех, кто с ним не согласен, зная прекрасно, что уничтожение Франции было целью прусского юнкерства, зная очень хорошо, что Франция подверглась нападению, что она защищает себя и «что теперь ее задача защищать свою территорию и свою независимость» (слова Троцкого на странице 19-й его брошюры «Война и Интернационал»).

После анализа Грумбахом французской брошюры Раковского и обвинения ее автора в подобном же отсутствии логики, Грумбах пишет: «Ленин и Зиновьев поступают легче для себя, чем это делает Раковский. Оба они представляли большевиков в Циммервальде и Кинтале. Говоря о них, мы имеем дело с Великими Инквизиторами Интернационала, которые, к счастью, не обладают силой провести в жизнь свои идеи, ибо в этом случае очень

стал необходимым защиту европейской демократии, которой грозила большая опасность со стороны германского империализма, чем со стороны русского абсолютизма».

многих из нас сжигали бы на медленном огне под аккомпанимент ленинских гимнов о 'единственном истинном ленинском социализме' и были бы брошены в ад для социалистических предателей, как потерянные грязные буржуазно - шовинистически - националистически - социал-патриотические души. И при всем этом Ленин добродушный человек, как он это доказал в брошюре, которую он вместе с Зиновьевым опубликовал в 1915 году. На странице 4 этой брошюры, в главе об оборонительных и агрессивных войнах, Ленин писал: «Если, например, завтра Марокко объявило бы войну Франции, Индия — Англии, Персия и Китай — России, то это были бы законные оборонительные войны, независимо от того, кто начал войну». Тут безумие превращается в метод!.. Ленин и его друзья играли важную роль в Циммервальде и **решающую** роль в Кинтале».

Еще резче против решений Циммервальдской и Кинтальской конференций выступил Г. В. Плеханов. В № 43 парижского русского журнала «Призыв» от 22 июля 1916 года Плеханов писал: «Немцы захватили Люксембург, захватили Бельгию, захватили Польшу, захватили Литву, значительную часть Белой и Малой Руси (Белоруссии и Украины), захватили Сербию, захватили Черногорию, а мы, социалисты этих многочисленных стран, должны уверять наших немецких товарищей, что мы не желаем захватывать их территорию. Нужно быть **донельзя** **пристрастным в пользу немцев**, чтобы **предъявить нам такое требование**. По здравому рассуждению выходит, что уместнее было бы нам добиваться подобных заявлений от немецких социал-демократов. Но мы их не добиваемся, во-первых, потому что мы не поверим никаким заявлениям, идущим со стороны большинства немецкой партии, а, во-вторых, если бы мы и имели детскую наивность верить этим эгоистическим циникам, то мы всё-таки, надеюсь, не забыли бы, что судьба захваченных немцами областей зависит не от социал-демократов, хотя бы и крайне оппортунистического направления. Она зависит

от Вильгельма: она зависит от крупных немецких капиталистов. Она зависит от тех социальных элементов, которые давно уже сказали устами железного канцлера (Бисмарка): 'побежденным нужно оставить только глаза, чтобы они могли оплакивать свое несчастье'. Что касается этих элементов, то даже слепому должно быть ясно, что с ними невозможны никакие объяснения, кроме объяснений с помощью штыков, сабель и пушек».

За полгода до революции, в июне 1916 года, в интервью с редактором петербургского марксистского журнала «Современный мир», Ник. Иорданским, Плеханов сказал: «Речи и голосование в Думе социал-демократов Николая Чхеидзе и других возбуждают просто недоумение. В особенности странными представляются поклоны Чхеидзе в сторону Цимервальда. Чхеидзе обнаружил несомненную утопичность своих взглядов и полную неосведомленность о положении дел в Европе. Циммервальдская конференция, которая так увлекает Чхеидзе, в действительности была не выражением международных стремлений социалистического пролетариата, а, наоборот, восстанием против этих стремлений, закрепленных в постановлениях интернациональных конгрессов. В Циммервальде восторжествовали анархические идеи Домелы Ньювенгейса, осужденные, при одобрении Энгельса, еще Цюрихским конгрессом Интернационала...»

Дальше Плеханов сказал: «Аннексий мы тоже не желаем, но мы желаем освобождения угнетенных национальностей, например, в Армении. Кроме того, будучи против новых аннексий, мы вовсе не считаем необходимым поддерживать старые; но все эти вопросы дело будущего. Пока же надо очистить собственную территорию от неприятеля, надо защищать с оружием в руках самих себя. Я знаю, насколько трудна эта задача. Я горячо желаю победы русскому народу, но я вижу, что путь к победе загроможден многочисленными препятствиями... Мы будем тем ближе к победе, чем удачнее справимся с темны-

ми силами, которые мешают народной самодеятельности, необходимой для успешной самообороны».

Через месяц Плеханов в «Призыве» от 5 августа 1916 года опять писал: «Господа пораженцы уверяют, что победа Германии нанесет большой удар нашему нынешнему правительству. Но это уверение, крайне выгодное для главного штаба германской армии, не имеет под собой никакого серьезного основания. Совсем напротив: победа Германии очень значительно отдалит час нашего политического освобождения. Если бы мы думали, что Наполеон благоприятнее нашим интересам, мы посадили бы его вам», — прямо сказал в 1870 году представитель победоносной Германии Бисмарк представителю побежденной Франции Жюлю Фавру. Победив Россию в нынешней войне, Германия всеми своими громадными силами станет поддерживать у нас то правительство, которое будет наиболее благоприятно ее интересам. А какое же правительство может быть им благоприятнее, чем правительство черной сотни? Ведь черносотенцы давно уже показали себя верными вассалами Вильгельма. И ведь им Россия обязана своими поражениями».

Многие социалисты, которые тогда были против Германии и поддерживали союзников, утверждали, что за спиной организаторов Циммервальдской конференции стояло германское правительство и высшее германское командование. Германия тогда очень хотела мира. Германия и Австрия тогда были почти победителями. Они заняли всю Бельгию, значительную часть Франции, всю Польшу и Литву, Сербию, Черногорию и так далее. Союзники же терпели поражения, и естественно, что Германия желала скорее заключить мир. Мир тогда означал бы полную победу Германии. Поэтому германский штаб не мог не относиться с большой симпатией к такому движению, которое ставило себе целью заставить союзные правительства заключить мир с Германией и Австрией. С другой стороны, Ганецкого и Радека уже тогда обвиняли в том, что они связаны с Парвусом и с германским

и австрийским правительствами. Парвус был тогда главным агентом германского правительства. Ленин и его группа открыто агитировали за поражение России в войне, что, конечно, было очень выгодно Германии и Австро-Венгрии. Ганецкий в своей статье «Арест В. И. Ленина в Австрии в 1914 году», напечатанной во втором «Ленинском сборнике», называет Ленина «создателем Циммервальда», что, конечно, сильное преувеличение. Но несомненно, что Ленин, Ганецкий, Радек и Раковский, который тогда тоже был в связи с представителями германского правительства, были среди главных организаторов и закулисных «мастеров» Циммервальда. Поэтому неудивительно, что подавляющее большинство социалистов Запада и такие выдающиеся русские социалисты как Плеханов резко отрицательно отнеслись к Циммервальду, в то время как немецкий журнал Парвуса «Ди Глоке» приветствовал Циммервальд.

VII

Парвус в первую мировую войну был главным агентом германского правительства и журнал его «Ди Глоке» агитировал за победу Германии и за расчленение России. В октябре 1915 года «Ди Глоке» писал: «Конференция некоторых социалистов, из воюющих и нейтральных стран, которая состоялась в Циммервальде, в Швейцарии, для обсуждения положения, создавшегося в результате войны, заслуживает величайшего внимания, как первая с успехом проведенная попытка соединить разорванные нити пролетарского Интернационала. В конференции приняли участие известные социал-демократы Германии, Франци, Италии, России, Польши, Румынии, Болгарии, Швеции, Норвегии, Голландии и Швейцарии».

Критикуя некоторые решения конференции, журнал Парвуса «Ди Глоке» в заключение писал: «Несмотря на это, мы повторяем: конференция была важным событием. Пролетарская точка зрения несомненно пробьет се-

бе дороги, как только пролетариат будет действовать опять интернационально».⁶

В циркуляре бывшего царского Департамента Полиции от 22 декабря 1915 года за номером 1176816, в связи с Циммервальдской конференцией, сообщалось: «15 и 18 сентября в Берне состоялось совещание русских социалистов, участников конференции: Мартова, Мартынова, Рязанова, Боброва и Аксельрода. На этом совещании обсуждался вопрос о распространении в России означенного (Циммервальдского) манифеста. Совещание признало необходимым отпечатать этот манифест в Болгарии при посредстве румынского социалиста Раковского и, затем, переправить манифест в Россию... По полученным в настоящее время сведениям, выработанный план не удался, ибо Раковский был вскоре арестован в Румынии за оскорбление властей, а выступление Болгарии (на стороне Германии) лишило возможности печатать манифест в ее пределах. Ввиду приведенных обстоятельств, приверженцы 'пораженческого' толка избрали другой путь, а именно: в октябре месяце женевская группа содействия издававшейся в Париже газеты 'Наше Слово', органа российских социал-демократов, напечатала двадцать тысяч экземпляров манифеста и переслала его в Цюрих на имя русского социалиста Биска, который послал их в трех деревянных ящиках **через Германию** в Копенгаген, причем Биск получил от **немецкого консула в Цюрихе** рекомендательное письмо, дабы эта посылка не была **задержана в Германии**». (Этот документ из загр. архива департамента полиции находится в Институте Имени Гувера, в Калифорнии. Копию цитируемого документа автору этой статьи предоставил А. Ф. Керенский. Д. Ш.)

Газета «Наше Слово» была органом циммервальдистов — Троцкого, Луначарского, Покровского, Мануильского, Антонова-Овсеенко, Чичерина, Павловича, Колонтай, Рязанова. В ней также сотрудничал Мартов. Депар-

⁶ "Die Glocke," 1915, Heft 3, Oktober 1, SS. 143-144.

тамент Полиции в Петрограде был прекрасно осведомлен о делах русских эмигрантов-революционеров через своих агентов-провокаторов, работавших в социалистических партиях. Циммервальдский манифест был отправлен через Германию в Копенгаген для распространения его в России, и германское правительство обязалось не задерживать в Германии эту посылку.

По поводу Циммервальдской конференции Плеханов писал в «Призыве» 19 февраля 1916 года: «Если хочешь доброго мира, то води хорошую войну пока не опустился от бессилия бронированный кулак германского завоевателя». Парижская газета циммервальдистов «Наше Слово» в номере от 25 августа 1916 года писала: «Плехановских групп 'призывцев' в России нет. Но идеи их широко развились среди партийной интеллигенции и рабочих. Пропагандисты и носители этих идей в рабочей среде — ликвидаторы» (то есть правые меньшевики с Потресовым во главе. — Д. Ш.). А Ленин в письме к Шляпникову из Цюриха в Стокгольм в сентябре 1916 года писал: «Самое печальное в слабом контакте между нами и рабочими вожжами в России. Совершенно нет корреспонденций. Никого, кроме Джеймса, а теперь и его нет. Так не может продолжаться. Никаких изданий, листовок, нет транспорта, никаких прокламаций, резолюций и так далее».

Таково было положение большевизма в России почти накануне революции.

VIII

В первые же дни революции 17 года Максим Горький послал Временному правительству и Исполнительному Комитету Совета Рабочих и Солдатских Депутатов приветствие, в котором призывал правительство увенчать освободительное дело заключением мира. Горький писал: «Это не должен быть мир во что бы то ни стало. Это должен быть такой мир, который бы дал возможность России с честью существовать перед другими народами земли. Довольно уже истекало человечество кро-

вью; новое правительство снискало бы величайшую заслугу не только перед Россией, но и перед всем человечеством, если бы ему, новому правительству, удалось быстро заключить мир».

В своих «Письмах из далека» Ленин резко обрушился на Горького за это обращение к Временному правительству с призывом о необходимости быстрого заключения мира. Ленин писал: «На мой взгляд, письмо Горького выражает чрезвычайно распространенные предрассудки не только мелкой буржуазии, но и частью находящихся под ее влиянием рабочих. **Все** силы нашей партии, все усилия сознательных рабочих должны быть направлены на упорную, настойчивую, всестороннюю борьбу с этими предрассудками».

А 5 мая (22 апреля) 1917 года, как бы в ответ на это, в газете Плеханова «Единство» на первой странице жирным шрифтом было напечатано воззвание: «Гражданки и граждане! Отечество в опасности! Не надо гражданской войны! Она погубит нашу молодую свободу. Необходимо соглашение Совета Рабочих и Солдатских Депутатов с Временным правительством. Нам не надо завоеваний, но мы не должны дать немцам подчинить себе Россию. Каждый народ имеет право свободно располагать своей судьбой. Вильгельм германский и Карл австрийский никогда не согласятся на это. Ведя войну с ними, мы защищаем свою и чужую свободу. Россия не может изменить своим союзникам. Это покрывало бы ее позором и навлекло бы на нее справедливый гнев и презрение всей демократической Европы. **Г. В. Плеханов, Л. Г. Дейч, В. И. Засулич**».

Когда в мае 1917 года Временное правительство вместе с Советом Рабочих и Солдатских Депутатов начали кампанию по подготовке наступательных военных операций на фронте, большевики и другие левые циммервальдисты повели агитацию против наступления. Но, как рассказывает Церетели, руководители Совета получили тогда конспиративным путем через Стокгольм кол-

лективное письмо от Гаазе, Каутского и Бернштейна, т.е. от лидеров антивоенного меньшинства германской социал-демократии,⁷ в котором они давали знать руководителям Совета о своем полном сочувствии кампании Временного правительства и Совета. «Не смущайтесь упреками, — писали они, — которые направлены против вас справа и слева противниками наступления революционной русской армии. Бездействие на русском фронте только укрепляет воинствующие настроения в Германии. Германское правительство и поддерживающее его социалистическое большинство вселяют в народе надежду на сепаратный мир с Россией, который должен способствовать их окончательной победе над западными державами. Разрушение этой надежды в результате русского наступления только облегчит борьбу с воинствующей политикой германских правящих кругов».⁸

Ленин, в своей речи на Всероссийском съезде Советов Рабочих и Солдатских Депутатов 9 (22) июня 1917 года, сказал: «Когда говорят, что мы стремимся к сепаратному миру, то это неправда. Мы говорим: **никакого сепаратного мира ни с какими капиталистами, прежде всего с русскими.** А у Временного правительства есть сепаратный мир с русскими капиталистами. Долой этот сепаратный мир. **Никакого сепаратного мира с немецкими капиталистами мы не признаем и ни в какие переговоры с ними не**

⁷ Уже в 1915 году в германской социал-демократии возникла оппозиция. В середине июня 1915 года Гуго Гаазе, Карл Каутский и Эдуард Бернштейн опубликовали в лево-социалистической газете «Лейпцигер Фольксцейтунг» манифест под заглавием «Der Gebot der Stunde», в котором резко осуждали всех германских аннексионистов и не менее резко критиковали военную политику своей социал-демократической партии. Подпись председателя партии под манифестом, враждебным принятой партией политике, была событием не имевшем прецедентов. Подпись Бернштейна говорила, что оппозиционное движение не ограничивается только ортодоксальными марксистами.

⁸ И. Г. Церетели, Воспоминания о февральской революции, книга 1-ая, стр. 233.

вступим». И в той же речи Ленин сказал следующее: «Мы не толстовцы. Если революционный класс возьмет власть, если не будет власти у банков и у крупного капитала, то такой класс будет вести революционную войну не на словах, а на деле».

Как известно, в ноябре 1917 года большевики захватили власть и уничтожили власть банков и не только крупных капиталистов, но даже и самых мелких. Однако, никакой революционной войны Ленин не объявил германским капиталистам, а, наоборот, заключил с ними сепаратный мир, так называемый Брест-Литовский договор. По Брест-Литовскому договору, Россия была расчленена. И большевики обязались уплатить Германии огромную контрибуцию.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Парвус, Ленин и Вильгельм II

Германо-большевистский заговор 1917 г.

I

24-го ноября 1914 г. парижская группа левых русских социалистов, издававшая тогда газетку «Голос», опубликовала за подписью Троцкого следующую заметку под заглавием «Верно ли это?»:

«Верно ли, что так называемый ‘Союз Освобождения Украины’, в состав которого входят кое-какие бывшие русские революционеры, состоит на содержании королевско-императорского габсбургского генерального штаба?

«Верно ли, что ‘Вестник’ этого Союза, воспроизводящий прокламации со словами: ‘Хай живе соціяльна революція’ оплачивается из того же габсбургского источника?

«Верно ли, что бывший русский революционер г. Микола Троцкий, адрес которого обозначается на немецких бюллетенях Союза, состоит на службе при венской полиции?

«Верно ли, что эмиссары этого Союза, в оправдание габсбургского доверия и габсбургских ассигновок, разъезжают по Европе в поисках за такими русскими, и в частности кавказскими, революционерами, которые согласились бы свою ненависть к царизму сочетать с любовью к габсбургской короне и особенно к габсбургским кронам?»

14-го февраля 1915 г. в парижской русской газетке «Наше Слово», которая начала выходить вместо «Голоса», закрытого французским правительством, появилась статья того же Троцкого, специально посвященная Парвусу. Статья начиналась следующими словами:

«В Константинополе русский социалист с интернациональным именем выпустил прокламацию, в которой провозглашает Турцию и ее среднеевропейских союзников оплотом демократии. В Софии немецкий социал-демократ на русском языке перед болгарской аудиторией защищал маладотурецкую идею. Это — Парвус, которого мы в течение ряда лет считали другом, которого теперь вынуждены занести в список политических покойников».

Через две недели после этой статьи в том же «Нашем Слове» (в номере от 28-го февраля 1915 г.) появилась статья под заглавием «Голос Украинской соц.-дем. партии». Эта статья посвящена была номеру (№ 1) газеты «Боротьба». И вот такая характеристика «Союза Визволення України» дается в этой статье «Нашего Слова», вполне солидаризирующейся с «Боротьбой» в оценке «Союза»:

«Союз состоит из бывших членов Украинской С.-Д. Р. П. Донцова, Дорошенко, Меленевского, Скоропись-Иолтуховского и Жука. Союз называется российской организацией, а по существу является организацией австрийской. Большинство членов союза долгие годы жили в Галиции, забыли свое социалистическое прошлое, залезли в болото буржуазной украинской националистической идеологии австрийского типа, за что и были исключены из украинской социал-демократической партии; их организация является агентурой австрийского правительства, которое проявило к ним великую ласку и внимательность, пополнив приличной суммой крон их кассу.

Один из них, Меленевский, есть не кто иной, как бывший тов. Басок, статьи и имя которого изредка встре-

чались на страницах русских социалистических зарубежных изданий.

Считая их темными аферистами 'Боротьба' объявляет им бойкот.»

2-го апреля 1915 г. в швейцарской соц.-дем. газете «Volkstimme», издававшейся в Сан-Галлене, опубликовано было «Открытое письмо Парвусу в Константинополь» за подписью социал-демократа доктора Я. Фридмана. В нем рассказано было, что русско-немецкий социалист Александр Гельфанд, писавший в русской и немецкой социал-демократической печати под псевдонимом Парвус после начала войны издал воззвание под заглавием «Против царизма» и подписался своим именем. В этом воззвании он утверждал, что «вся вина за войну падает на русское правительство». Германия и Австро-Венгрия, наоборот, представлены настоящими сиротами, которые борются за всеобщую свободу против русского варварства. Это воззвание Парвус поручил распространять не существовавшим русским соц.-дем. организациям, а «Союзу Вызvolення Украйны».

В Австрии, писал д-р Фридман, всем известно, что этот «Союз Вызvolення Украйны», во главе которого стоят Басок, Скоропись и др. ни в коем случае не революционная организация. Он создан немецкими и австрийскими официальными и полуофициальными кругами и существует благодаря тем деньгам, которые в изобилии притекают через Вену и Берлин. «Что вы находитесь в прямых сношениях с Союзом, — писал д-р Фридман, — мне достоверно известно, так как завербованный работником в эту организацию получает рекомендацию к вам, если он отправляется в Турцию. Недавно вы выпустили также брошюру. Издателем ее объявляется Украинская соц.-дем. Дело идет, насколько я знаю, о «Спилке», которая в действительности не существует и имя которой себе присвоил опять-таки г. Басок... Несмотря на то, что вы русский соц.-дем. и, следовательно, русский подданный, вы как таковой разъезжаете открыто и свободно

из Турции на Балканы и оттуда в Вену и Берлин и обратно... Считаете ли вы совместимым с честью и долгом социал-демократии иметь сношения прямо или косвенно с правительствами чужих держав и против своего государства и своего народа?»

«Открытое письмо» д-ра Я. Фридмана было перепечатано во втором номере журнала «Россия и Свобода», выходившего в Париже под редакцией Григория Алексинского.¹

В середине 1915 г. Алексинский в другом номере журнала «Россия и Свобода» выступил с разоблачением копенгагенской деятельности Парвуса, основавшего там «Институт для изучения причин и последствий мировой войны». Алексинский утверждал, что парвусовский институт основан на деньги германского правительства и что его задачей является распространение пораженческой пропаганды в союзных странах, главным образом в России. Изобличение деятельности парвусовского института вызвало печатный отпор со стороны некоторых участников Института (А. Зурабов, В. Перазич и др.), протестовавших против «клеветнических выпадов» Алексинского. Разоблачения Алексинского многим тогда показались мало убедительными. Довольно известный социал-демократический публицист Евг. Смирнов (Гуревич) в 1917 г. рассказал, что в декабре 1915 г. он был заграницей (в Стокгольме и Копенгагене) по делам Всероссийского Союза городов и что там он имел возможность ознакомиться с статьями Алексинского, в которых тот обвинял Парвуса и некоторых его товарищей, что они состояли агентами Германии, а также с коллективным протестом против Алексинского группы эмигрантов, среди которых

¹ Григорий Алексинский, бывший лидер большевиков во Второй Государственной Думе, в течение ряда лет был одним из ближайших соратников Ленина. В 1909 г. он порвал с Лениным, но оставался левым большевиком. Когда вспыхнула война, Алексинский занял ярко оборонческую позицию, окончательно порвал с большевизмом, сблизился с Г. В. Плехановым и тесно сотрудничал с ним все годы войны и весь период февральской революции.

были «старые видные деятели социал-демократической партии, люди несомненно честные и беззаветно преданные нашему общему делу. Кроме того, некоторые другие эмигранты, отрицательно относившиеся к коммерческой деятельности Парвуса, с негодованием отвергали обвинения Алексинского, которые называли «клеветническими и преступными».² Далее Е. Смирнов писал:

«Летом 1915 г. присяжный поверенный М. Ю. Козловский, с которым я до того времени несколько раз встречался в Петербурге в квартире своего хорошего знакомого, известного присяжного поверенного (Н. Д. Соколова), попросил у меня по телефону разрешения явиться ко мне по очень важному делу... Он заявил мне, что Парвус, которого он незадолго до того видел в Стокгольме, поручил ему разыскать меня и предложить мне от его, Парвуса, имени взять на себя постановку и редактирование большого марксистского ежемесячника, на который Парвус может ассигновать несколько сот тысяч рублей. Я выразил удивление, откуда у Парвуса, которого я знал с 1889 года и который жил всегда, насколько мне известно было, исключительно литературным заработком, такие крупные средства. На это Козловский мне ответил, что Парвус нажил большое состояние на поставке хлеба младотурецкому правительству и теперь продолжает увеличивать свои средства другими коммерческими предприятиями. Повторяю, я знал Парвуса давно и в его личной порядочности никогда не сомневался. Разоблачениям Амфитеатрова, которые незадолго до того появились в русской печати, я не придавал никакого значения. Но во время революции 1905 года Парвус в течение своей кратковременной деятельности в Петербурге обнаружил некоторую склонность к политическим авантюрам, и многие из нас, его товарищей, с тех пор относились к нему с некоторой осторожностью. Поэтому я попросил Козловского передать Парвусу, которого он, по его словам, дол-

² «Власть Народа» Москва, 7 (20) июля 1917 г.

жен был вскоре снова увидеть в Стокгольме, что я, к сожалению, слишком занят и взять на себя редактирование большого журнала не могу». В конце года, как указывалось уже, Евг. Смирнов попал в Стокгольм. Здесь его посетил оказавшийся в Стокгольме Козловский — посетил в сопровождении товарища, которого назвал Фюрстенбергом.³ Посетители передали просьбу Парвуса повидаться. Смирнов «наотрез отказался». Через два дня Фюрстенберг и Козловский снова повторили просьбу Парвуса о свидании, и снова Смирнов «отказался от этой чести». На следующий день перед самым отъездом Смирнова в Россию его еще раз посетил Фюрстенберг, обратившийся к нему с просьбой относительно Козловского. Последний-де был юрис-консультom какой-то группы русских промышленников, ведших переговоры с Парвусом о покупке пароходного дела. Конкуренты той группы, интересы которой представлял Козловский, послали на него донос в Департамент полиции, что он якобы является германским шпионом. Департамент полиции запросил посольство в Копенгагене, но, несмотря на благоприятный отзыв последнего, Козловский опасался ехать в Россию. У Смирнова почему-то спрашивали совета, как поступить, и просили повидать в Петербурге Соколова и передать ему просьбу Козловского приехать в Стокгольм. Смирнов просьбу выполнил. «На присяжного поверенного (Н. Д. Соколова), — закончил Смирнов, — рассказ этот, видимо, произвел такое же тягостное впечатление, как и на меня». В Стокгольм он не поехал.⁴

В июле 1917 г. Временное Правительство, как известно, предъявило Ленину, Зиновьеву, Ганецкому, Парвусу

³ Только в 1917 г. Смирнов узнал, что Фюрстенберг и Ганецкий одно лицо.

⁴ С Козловским всё же Соколов продолжал поддерживать столь тесные сношения, что в 1917 г. Козловский, состоявший от большевиков в Исполкоме Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, жил у него на квартире.

и др. обвинение в государственной измене и в сношениях с Германией, с которой Россия тогда была в войне, а также в получении денег от правительства Вильгельма II на разложение русской армии и подготовку восстания против Временного Правительства с тем, чтобы Россия вынуждена была заключить сепаратный мир с Германией на выгодных для Германии условиях.

В ответ на напечатанное 22-го июля 1917 г. сообщение прокурора о привлечении их к суду, Ленин в газете «Рабочий и солдат» от 26-го июля, выходявшей вместо закрытой «Правды», писал:

«Прокурор играет на том, что Парвус связан с Ганецким, а Ганецкий связан с Лениным. Но это прямо мошеннический прием, ибо все знают, что у Ганецкого были денежные дела с Парвусом, а у нас с Ганецким никаких. Ганецкий, как торговец, служил у Парвуса, ибо они торговали вместе, и целый ряд русских эмигрантов, назвавших себя в печати, служил в предприятиях и учреждениях Парвуса»...

«Мы не только никогда ни прямого, ни косвенного участия в коммерческих делах Ганецкого и Козловского не принимали, но и вообще ни копейки денег ни от одного из названных товарищей ни на себя лично, ни на партию не получили» — утверждали в своем коллективном письме 11-го (24-го) июля Ленин и Зиновьев. И вот член партии Ганецкий, торгующий контрабандным товаром во время войны не только вместе с «ренегатом», но и «агентом» германского генерального штаба, не дающий ни одной копейки партии, почему-то пользуется, как утверждали Ленин и Зиновьев в своем ответе на обвинительный акт, «уважением во всех фракциях, как член Главного Управления социал-демократической партии Польши и Литвы и член объединенного ЦК русских социал-демократов». (Подробнее о Парвусе речь будет впереди.)

II

Через четыре года после большевистского переворота, знаменитый немецкий социал-демократ Эдуард Бернштейн опубликовал в берлинской газете «Форвертс», центральном органе германской социал-демократии, большую статью, в которой утверждал, что он может с документами в руках доказать, что после падения царского режима в России Ленин получил от правительства Вильгельма II огромную сумму денег на ведение большевистской пропаганды в русской армии и на организацию большевистского восстания.

«Известно, — писал Бернштейн, — и лишь недавно это вновь было подтверждено генералом Гофманом (бывшим тогда главнокомандующим германской армии на Восточном фронте и ведшим в 1918 году переговоры о мире с большевиками в Брест-Литовске — Д. Ш.), что это правительство кайзера, по требованию немецкого генерального штаба, разрешило Ленину и его товарищам проезд через Германию в Россию в запломбированных салон-вагонах с тем, чтобы они могли в России вести свою агитацию. Могут быть различные мнения насчет того, допустимо ли для социалистов принимать такие услуги из таких источников. Но с этим событием связано еще другое событие, которое должно быть еще выяснено.

Ленин и его товарищи получили от правительства кайзера огромные суммы денег на ведение своей разрушительной агитации. Я об этом узнал еще в декабре 1917 г. Через одного моего приятеля я запросил об этом одно лицо, которое, благодаря тому посту, который оно занимало, должно было быть осведомлено, верно ли это? И я получил утвердительный ответ. Но я тогда не мог узнать, как велики были эти суммы денег и кто был или кто были посредником или посредниками (между правительством кайзера и Лениным). Теперь я из абсолютно достоверных источников выяснил, что речь шла об очень большой, почти невероятной сумме, несомненно больше пятидесяти миллионов золотых марок, о такой громадной

сумме, что у Ленина и его товарищей не могло быть никакого сомнения насчет того, из каких источников эти деньги шли.

Одним из результатов этого был Брест-Литовский договор. Генерал Гофман, который там вел переговоры с Троцким и другими членами большевистской делегации о мире, в двояком смысле держал большевиков в своих руках, и он это сильно давал им чувствовать».⁵

В другой статье, которая была напечатана в том же «Форвертсе» 20-го января 1921 г., Бернштейн предлагал большевикам или немецким коммунистам, чтобы они привлекли его к германскому суду или к суду Социалистического Интернационала, если они находят, что он оклеветал Ленина. Коммунисты, конечно, Бернштейна ни к какому суду не привлекли. В моей английской книге о Ленине (*Lenin — A biography*, Doubleday & Co), вышедшей в Нью-Йорке в 1948 году и переведенной потом на многие языки, в том числе и на немецкий, я перепечатал почти полностью обе статьи Бернштейна и привел целый ряд прямых и косвенных доказательств, подтверждающих утверждения Бернштейна. В своей «Истории русской революции» Троцкий посвятил целую главу «навету», который «Керенский и др. контрреволюционеры» возвели на Ленина и большевиков, что они получали деньги от правительства Вильгельма II. Троцкий там много говорит о французской революции, об антисемитизме, о Христе, о Ньютоне, Маркони и о Распутине. Но ни единым словом он не упоминает статей Бернштейна. Советский историк М. Покровский в своей книге «Интеллигенция в революции» также подробно обсуждает этот вопрос, но и он, как и Троцкий, не упоминает статей Бернштейна, которые в 1921 г. обошли всю мировую прессу.

В конце второй мировой войны американской оккупационной армией в Германии были найдены в пяти

⁵ Eduard Bernstein. Ein Dunkles Kapitel. Vorwärts (Berlin), Januar 14, 1921.

замках, расположенных в горах Гарца, архивы германского министерства иностранных дел, в которых хранились документы об иностранной политике Германии с 1867 до 1920 г. Среди этих документов есть тысячи отчетов, писем и телеграмм, касающихся отношений между большевиками и правительством Вильгельма II. Некоторые из этих документов были в 1956 г. напечатаны в лондонском журнале *International Affairs*, потом в 1957 г. в немецкой социал-демократической газете «Форвертс», издававшиеся в Бонне и в гамбургской демократической беспартийной газете «Die Welt». В том же году в Лейдене, Голландия, вышел под редакцией и с предисловием Вернера Халвега (Halweg) сборник под заглавием *Lenin's Rückkehr nach Russland, 1917* (Возвращение Ленина в Россию в 1917 г.), содержащий целый ряд документов из архива германского министерства иностранных дел, касающихся организации и устройства поездки Ленина в запломбированных вагонах через Германию. Далее, в начале 1958 г. в Лондоне, в издательстве Оксфорд Пресс, вышел на английском языке и с предисловием З. А. Б. Земана сборник германских документов под названием *Germany and the Revolution in Russia, 1915-1918* (Германия и революция в России 1915-1918 г.г.); а в сентябрьской книжке 1958 г. берлинского журнала «Der Monat» была напечатана пространная статья того же З. А. Б. Земана на ту же тему. Опубликованные документы германского министерства иностранных дел всецело подтверждают, что то, что писали в 1915 г. Алексинский и др. об украинских сепаратистах, о Парвусе и о его копенгагенском институте, о его роли как главного агента германского генерального штаба, как и все обвинения Временного Правительства по адресу Ленина и его ближайших соратников в получении немецких денег на разложение русской армии, свержение Временного Правительства и подготовку сепаратного мира с Германией, вполне соответствовало действительности.

III

В редакционной статье от 7-го ноября 1957 г. немецкая «Die Welt» писала: «После первой мировой войны ген. Людендорф, бывший глава германского генерального штаба, писал в своей книге «Военные воспоминания»: «Посылкой Ленина в Россию наше правительство взяло на себя особую ответственность. С военной точки зрения поездка (Ленина) была оправдана. Россия должна была пасть».

«Кроме того, — писала «Die Welt», — в продолжение десятков лет циркулировали слухи, что германское правительство оказывало финансовую помощь большевикам. Теперь мы впервые в состоянии опубликовать выдержки из документов германского министерства иностранных дел, которые подтверждают этот факт. С германской стороны актерами этого странного спектакля, которые выступали как его организаторы или соучастники, были: кайзер Вильгельм II, ген. Людендорф, канцлеры фон Бетман-Гольвег и граф фон Гертлинг, статс-секретарь министерства иностранных дел Рихард фон Кюльман, германский посол в Берне барон фон Ромберг, первый германский посол в Москве граф фон Мирбах (убитый 3-го июля 1918 г. в Москве левым с.-р.), его преемник Карл Гельферих и секретарь германского казначейства граф Зигфрид фон Редерн». Газета также сообщала, что архивы германского министерства иностранных дел в начале второй мировой войны были перевезены из Берлина в пять замков в горах Гарца и они сохранились для будущих поколений только благодаря чувству ответственности д-ра Иогана Ульриха, чиновника германского министерства иностранных дел, который с 1938 г. был архивариусом министерства, а в настоящее время является директором архива министерства иностранных дел Западной Германской федеративной республики. В архивах Вильгельмштрассе (министерства иностранных дел) имеются все документы, относящиеся

к периоду царствования кайзера Вильгельма II, эпохи Веймарской республики и всех трех русских революций (1905 года, февральской революции 1917 г. и большевистской революции 1917-18 г.г.).

Наконец в 1966 г. в Англии, в издательстве Оксфордского университета, вышла подробная биография Парвуса. Авторы ее — Земан и Шарлау — известные историки; первый — профессор Оксфордского университета, второй — немецкий ученый.⁶) Они хорошо знакомы с историей германской социал-демократии и с историей русской революции. В своей работе — кроме других материалов — они пользовались неопубликованными мемуарами лидеров германской социал-демократии и многих выдающихся государственных деятелей Германии и Австро-Венгрии. Мемуары эти хранятся в разных архивах, главным образом в известном архиве Амстердамского института. Они также имели доступ к остаткам архива Парвуса. В результате тщательных исследований авторы издали хорошо документированную ценную книгу большого исторического значения.

В предисловии к книге «Купец революции» авторы указывают, что в мемуарах бывшего германского канцлера Бетман-Гольвега и других выдающихся деятелей Германии Вильгельма II-го, как Гельферих, Надольный, генерал Людендорф, министр иностранных дел фон-Кюльман, имя Парвуса совершенно нигде не упоминается. Но главные нацистские пропагандисты Розенберг и Геббельс, еще задолго до прихода Гитлера к власти, не переставали нападать на Парвуса как на «богатейшего еврея и марксистского революционера». Они включили его в список «ноябрьских преступников», врагов немецкого народа, «ответственных за поражение Германии в войне и за крушение Германской империи». На самом же деле Парвус делал все, чтобы Германия вышла победитель-

⁶ "The Merchant of Revolution." The Life of Alexander Israel Helfand (Parvus) 1867-1924, by Z. A. B. Zeman and W. B. Scharlau. Oxford University Press, London. 1966.

ницей из войны и чтобы Россия не только была побеждена, но и окончательно расчленена.

Легендарный Парвус, настоящее имя которого было Александр Лазаревич Гельфанд, родился в 1867 году, в семье еврейского ремесленника в местечке Березино, бывшей Минской губернии. Гимназию он окончил в Одессе, где примыкал к народовольческим кружкам.

19-летним юношей Парвус уехал в Цюрих, который был тогда центром русской революционной эмиграции. В Цюрихе Парвус познакомился с членами марксистской «Группы Освобождения Труда», во главе которой стояли Плеханов, Аксельрод и Вера Засулич. Под их влиянием Гельфанд-Парвус стал марксистом. В 1887-ом году Парвус поступил в Базельский университет, где изучал главным образом, политическую экономию. В 1891-ом он окончил университет и получил звание доктора философии. Ему было тогда 23 года. Через некоторое время Парвус перебрался в Германию и вступил в социал-демократическую партию. Русскую революционную интеллигенцию Парвус никогда особенно не любил. Но он, однако, не порвал окончательно и с русским социал-демократическим движением.

По прибыти в Германию Парвус поселился в Штутгарте, где тогда жили Карл Каутский и Клара Цеткин. Каутский был редактором теоретического журнала социал-демократической партии «Ди нойе цайт», а Клара Цеткин редактировала газету для женщин «Ди глейхайт». Каутский и Цеткин были лидерами штутгартской социал-демократической организации. Парвус часто бывал в доме Каутского и стал постоянным сотрудником его журнала. Он также писал и в журнале Клары Цеткин. Но в Штутгарте Парвусу было тесно, там он не мог развернуться, его тянуло в Берлин. Получив от Каутского надлежащие рекомендации и приехав в Берлин, Парвус сразу же стал сотрудником центрального органа социал-демократической партии, газеты «Форвертс». Но гонорары, которые Парвус получал за свои статьи в социал-демо-

кратических изданиях были недостаточны, чтобы жить более-менее сносно, хотя Парвус и показал себя первоклассным журналистом. Вскоре Парвус должен был покинуть Берлин. Прусская полиция заинтересовалась Гельфандом еще до того, как он стал известен среди немецких социал-демократов, и вынудила его оставить столицу. В течение двух лет Парвус переезжал из одного города в другой. Он жил то в Дрездене, то в Мюнхене, то в Лейпциге, то в Штутгарте. Разъезжал он как бедняк, в третьем классе. Каутский был очень высокого мнения о своем молодом друге и рекомендовал австрийским социал-демократам сделать его кореспондентом своего центрального органа, венской «Арбайтер цейтунг». Каутский также запросил лидера австрийской социал-демократии Виктора Адлера, не может ли он помочь Гельфанду стать австрийским гражданином. «Он буквально жаждет стать гражданином какой-нибудь немецкой страны», — писал Каутский. Еще до того, как Парвус перебрался в Штутгарт, он писал Вильгельму Либкнехту в Берлин: «Я ищу государство, где человек может дешево получить отечество».

Живя в Германии, Парвус не порывал связей и с русской революционной эмиграцией. Он даже был членом российской социал-демократической делегации на Международном социалистическом конгрессе в Лондоне в 1896-ом году.

В 1897 году Парвус стал главным редактором саксонской «Арбайтер цейтунг», выходившей в Дрездене, и, как только он стал редактором, из Швейцарии в Дрезден приехал его польский друг Юлиан Мархлевский, став его помощником. Парвус пригласил сотрудничать и Розу Люксембург. Ее первые статьи появились именно в дрезденской «Арбайтер цейтунг». Дрезденские социал-демократы, однако, не были согласны с направлением «Арбайтер цейтунг» под редакцией Парвуса. Между Парвусом и лидерами партии происходили серьезные столкновения. Так, Парвус называл Бернштейна анти-социалистом, пре-

дателем, который «саботирует социальную революцию». На конгрессе германской социал-демократической партии в 1898 году в Штутгарте «Тезисы» Бернштейна были отвергнуты, но ему лично конгресс выразил величайшее уважение и полное доверие. Конгресс просил Бернштейна, чтобы он сам пересмотрел свои идеи и потом опубликовал их в форме книги. Парвуса же все лидеры партии резко осудили за его методы полемики и указали, что его аргументы не верны. Но если Парвус не пользовался большим успехом у немецких социалистов, то его статьи против Бернштейна и других «ревизионистов» чрезвычайно понравились лидерам русских социал-демократов. Г. В. Плеханов, как и более молодые социал-демократические лидеры — Мартов, Потресов и Ленин — с большим интересом следили за выступлениями Парвуса против Бернштейна и были от них в восторге. Плеханов, который лично Парвуса недолюбливал, публично благодарил его за статьи в дрезденской «Арбайтер цайтунг», а Ленин в письме из Сибири к своей матери просил ее присылать ему статьи Парвуса из дрезденской «Арбайтер цайтунг».

В 1893 году Парвуса выслали из Пруссии, а в 1898 его, вместе с его другом Мархлевским, выслали и из Дрездена. Но они заблаговременно позаботились, чтобы Роза Люксембург заняла их место редактора. Парвус переехал тогда в Мюнхен и оттуда продолжал писать статьи для дрезденской «Арбайтер цайтунг». В Мюнхене Парвус материально уже не нуждался. Его дом был открыт для всех видных русских и немецких социал-демократов. Есть основания полагать, что именно Парвус уговорил Ленина устроить редакцию «Искры» в Мюнхене. Ленин и его жена Крупская часто гостили у Парвуса. Там, между прочим, Роза Люксембург впервые встретилась с Лениным. Парвус был сотрудником «Искры», когда она выходила в Мюнхене, и когда, после раскола партии, она выходила в Женеве, как орган меньшевиков.

Вскоре после вспыхнувшей русско-японской войны в начале 1904-го года Парвус поместил в «Искре» ряд

статей под общим заглавием «Война и революция». Сатиры эти привлекли к себе внимание не только русских социалистов, но и либералов. В этих статьях Парвус предсказывал неминуемое поражение России в Японской войне и в результате поражения — революцию. В этих статьях он выступил за единый фронт всех революционных и оппозиционных элементов в борьбе против царизма. Одновременно Парвус писал, что грядущая русская революция будет иметь большое влияние на другие страны. «Русская революция, писал Парвус, расшатает основы всего капиталистического мира, и русскому рабочему классу суждено сыграть роль авангарда в мировой социальной революции». Приблизительно тогда же Парвус впервые встретился с Троцким, и то короткое время, которое Троцкий и его жена провели в доме Парвуса в Мюнхене, было одним из важнейших событий в бурной жизни Троцкого. Об этом сам Троцкий потом писал в своей автобиографии. Троцкий был на 12 лет моложе Парвуса, и Парвус несомненно имел на него большое влияние.

Когда за границу пришли известия о событиях 9-го января 1905 г. в Петербурге, Троцкий был в Женеве. Он решил немедленно вернуться нелегально в Россию. По дороге он остановился в Мюнхене, чтобы посоветоваться с Парвусом о революционной работе в России. Троцкий пробыл в доме Парвуса несколько дней. Обсуждая события в России, Троцкий оставил у Парвуса рукопись своей брошюры, озаглавленной «До 9-го января», с тем, чтобы Парвус написал к ней предисловие. Парвусу брошюра Троцкого понравилась и он написал предисловие и отправил брошюру меньшевистским лидерам в Женеву, чтобы они ее скорее издали. В своем предисловии Парвус старался доказать, что так как буржуазия в России еще крайне слаба, крестьяне невежественны и неорганизованы, а рабочие — единственный класс, который политически сравнительно сознателен и отчасти организован, то победа народа над царизмом закончится тем, что власть

перейдет в руки рабочего класса под водительством социал-демократов. В брошюре Парвуса и Троцкого говорилось, что после падения царского самодержавия пролетариат использует свою власть не только для того, чтобы установить в России демократический строй, но и для того, чтобы политическую революцию в России превратить в пролог к социалистической революции в Европе. И эта революция не остановится до тех пор, пока не будет и в Европе осуществлена диктатура пролетариата. Эта теория, получившая позднее название «теории перманентной революции», — была в полном противоречии с тем, что до тех пор проповедывали не только меньшевики, но и большевики во главе с Лениным.

Когда в октябре 1905-го года вспыхнула первая русская революция, Парвус вскоре приехал из Германии в Петербург и прямо с вокзала отправился к своему другу и ученику Троцкому. Оба сразу договорились насчет дальнейшей политики и тактики. Парвус сразу же вошел в Исполнительный комитет организовавшегося тогда Совета Рабочих Депутатов. Троцкий и Парвус первым делом откупили маленькую газетку «Русская газета», которую читали, главным образом, рабочие. Они превратили ее в живую революционную газету. Оба, Парвус и Троцкий, почти в каждом номере давали короткие статьи, проповедуя свои идеи. Еще недавно тираж «Русской газеты» доходил до 30-ти тысяч, а через 2-3 недели после перехода газеты в руки Парвуса и Троцкого тираж ее перевалил за 100 тысяч.

Все выдающиеся лидеры РСДРП — меньшевики и большевики, — которые тогда жили за границей, приехали в Петербург, когда Парвус и Троцкий уже не только задавали тон в Совете Рабочих Депутатов, но имели также большое влияние на революционно настроенных петербургских рабочих. И когда меньшевистские лидеры — Мартов, Потресов, Мартынов, Дан и другие — основали большую ежедневную социал-демократическую газету «Начало», они привлекли в редакцию Парвуса и

Троцкого. И в этой газете Парвус и Троцкий стали главными идеологами, проповедуя и там свою «теорию перманентной революции». Троцкий и Парвус не довольствовались тем, что писали революционные статьи, они старались провести свою теорию и в жизнь. Они сделали все, чтобы изолировать рабочий класс от остальных классов. Они не переставали нападать не только на умеренных либералов, но и на левых либералов и демократов. Они провозгласили введение явочным порядком 8-часового рабочего дня, объявили вторую всеобщую забастовку. В результате их слишком поспешной деятельности царское правительство почувствовало себя достаточно сильным, чтобы арестовать сначала председателя Совета Хрусталева-Носаря, а потом и весь Исполнительный комитет Совета во главе с Троцким.

После этих арестов случайно оставшиеся на свободе члены Исполнительного комитета Совета Рабочих Депутатов основали нелегальный Совет с Парвусом в качестве председателя. Под руководством Парвуса новый Совет объявил третью всеобщую забастовку, требуя немедленного освобождения всех арестованных членов Совета. Но на этот раз забастовка была уже полным провалом и вскоре все члены нелегального Совета с Парвусом во главе были арестованы и заключены в Петропавловскую крепость. Там Парвус просидел несколько месяцев. Затем правительство административным порядком сослало его на несколько лет в Сибирь, но по дороге Парвус бежал и вернулся в Петербург, а оттуда — дальше в Германию.

За время пребывания Парвуса в России, благодаря той роли, которую он играл в революционных событиях, престиж его среди немецких социал-демократов сильно поднялся. Каутский заказал ему серию статей о России для журнала «Нойе цайт». В Дрездене вскоре вышла книга Парвуса под заглавием «В русской Бастилии во время революции» и даже берлинский «Форвертс», центральный орган германской социал-демократии, который еще

недавно не хотел Парвуса знать, теперь открыл ему свои страницы. Однако Парвус вскоре был вынужден покинуть Германию из-за весьма неприятных для него обстоятельств. Дело в том, что после возвращения Парвуса в Германию русские большевики привлекли его к немецкому партийному суду. Они обвиняли Парвуса в том, что он, будучи литературным представителем Максима Горького в Германии, присвоил себе больше ста тысяч марок. Эти деньги он получал от германских театров, в которых с большим успехом шла пьеса Горького «На дне». Через два с лишним десятка лет Горький рассказал об этом поступке Парвуса в своей статье о Ленине. Горький писал: — «Парвус имел от «Знания» доверенность на сбор гонораров с театров за пьесу «На дне». Он получил эту доверенность в 1902-ом году в Севастополе, на вокзале, приехав туда нелегально. Собранные им деньги распределялись так: 20 процентов со всей суммы получал он, остальные делились так: четверть мне, три четверти в кассу социал-демократической партии. Парвус это условие, конечно, знал, и оно даже восхищало его. За четыре года пьеса обошла все театры в Германии. В одном только Берлине она была поставлена свыше пятисот раз. У Парвуса собралось, кажется, 100 тысяч марок. Но вместо денег он прислал в «Знание» Пятницкому письмо, в котором добродушно сообщил, что все эти деньги он потратил на путешествие с одной барышней по Италии. Так как это, наверно очень приятное, путешествие лично меня касалось только на четверть, то я счел себя вправе указать ЦК немецкой партии на остальные три четверти его. ЦК отнесся к путешествию Парвуса равнодушно. Позднее я слышал, что Парвуса лишили за это каких-то партийных чинов. Говоря по совести, я предпочел бы, чтобы ему надрали уши».

Для разбора этого дела была назначена не то специальная «партийная комиссия», не то «партийный суд». Заседания этого суда происходили в глубокой тайне в конце 1907 г. в Германии. Членами «суда» были герман-

ские и русские социал-демократы. Август Бебель, Карл Каутский и Лев Дейч. Все эти подробности рассказал автору этих строк в 1913 г. Л. Г. Дейч, который тогда жил в Нью-Йорке. С Дейчем я познакомился еще в 1905 году в Женеве. Я тогда был меньшевиком, а Дейч был «министром финансов» меньшевистской фракции. Он устроил меня на работу в экспедицию «Искры» и между прочим познакомил меня тогда и с Парвусом. Когда Дейч в 1912 г. приехал в Нью-Йорк для редактирования ежедневной социал-демократической газеты «Новый Мир», мы встретились тут как старые знакомые и вскоре близко подружились. О суде над Парвусом в печати никогда ничего не было сообщено.

Из книги «Купец революции», мы узнаем, что после суда Парвус уже долго не мог оставаться в Германии. В 1910-ом году он уехал в Вену, но и там не мог устроиться. Тогда Парвус решил предпринять путешествие по Ближнему Востоку и прежде всего поехал в Турцию. Троцкий устроил, чтобы он оттуда писал корреспонденции для радикальной газеты «Киевская мысль», сотрудником которой Троцкий состоял. Розе Люксембург Парвус писал, что он едет в Константинополь на 4-р месяцев. Прожил же он там почти пять лет, и именно там началась самая сенсационная глава в жизни этого человека.

IV

В Турции Парвус, по словам Дейча, скоро стал политическим и финансовым советником младотурков и главным передовиком их газеты. Слухи о том, что Парвус, благодаря своим связям с Германией и Турцией, якобы заработал миллионы на поставках хлеба из балканских стран для германской армии, распространялись главным образом теми российскими революционерами, которые состояли в тайных сношениях с ним и через него получали от германского правительства субсидии на свою пораженческую пропаганду. Все «торговые дела», кото-

рыми Парвус в течение войны занимался, в действительности были скрытыми предприятиями германского правительства. Вполне возможно, что в самом начале Парвус действительно из революционных соображений стал пораженцем для России, надеясь, что поражение русских армий в войне приведет к русской революции, которой он всю сознательную жизнь так жаждал. Близко стоявший к Парвусу немецкий социал-демократический журналист К. Хениш (Haenisch) так передавал аргумент Парвуса: «союз между прусскими штыками и российским пролетариатом приведет к падению царского самодержавия, но одновременно исчезнет и прусский полу-абсолютизм, как только он лишится тыла русского абсолютизма, служившего ему защитой».

«Я желал победы центральным державам, — писал Парвус в декабре 1919 г. — потому что я хотел предотвратить реакцию победоносного царизма и союзнического империализма и потому, что я считал, что в победоносной Германии социал-демократия будет достаточно сильна, чтобы изменить режим».⁷

В начале войны Парвус действовал в согласии с программой большинства германской социал-демократии. Но так как он всегда любил деньги и никогда не был слишком разборчив в средствах, то он вскоре сделался платным агентом германского правительства.

Из опубликованных документов германского министерства иностранных дел мы знаем, что уже 8-го августа 1914 г. Вильгельм II приказал ассигновать большую сумму на революционную пропаганду в России. Вскоре после этого в Вене и в Львове группа украинских социалистов на деньги австрийского правительства создала «Союз вызволения Украины». Целью его было оторвать Украину от России и создать самостоятельное украинское государство. От австро-венгерского правительства Союз получил большие деньги для ведения пропаганды среди

⁷ Z. A. B. Zeman. Verbündete wider Willen, "Der Monat" (Berlin), September 1958.

русских военнопленных в Австрии и в Германии, а также в самой Украине.

Как это точно установлено из тайных документов германского министерства иностранных дел, которые после второй мировой войны попали в руки американцев и англичан, а также из документов австро-венгерского министерства иностранных дел, Ленин в самом начале войны получил от «Союза вызволения Украины» 5 тысяч долларов на возобновление своей газеты «Социал-демократ», которую он издавал в Швейцарии. Газета печаталась в незначительном количестве экземпляров и на дешевой бумаге. Отдельные экземпляры ее потом пересылались в Германию. Там фотографическим способом перепечатывались на папиросной бумаге в типографии германского морского министерства уже в большом количестве экземпляров. Потом отпечатанные экземпляры через германского агента и бывшего большевика — эстонца Александра Кёскюла — отправлялись в Копенгаген и в Стокгольм и пересылались в Россию.

Лидер «Союза вызволения Украины» Меленевский-Басок еще в самом начале войны в Константинополе встретился с Парвусом. Парвус выразил свою готовность всячески помогать Союзу. Меленевский познакомил Парвуса с неким доктором Циммером, ставленником германской и австро-венгерской дипломатических миссий, руководившим всей деятельностью украинского Союза, и Парвус с тех пор работал рука об руку с доктором Циммером. В первых числах января 1915 года Парвус просил Циммера устроить ему встречу с германским послом в Константинополе. 7-го января 1915-го года германский посол фон Вангенхайм принял Парвуса, и Парвус изложил ему свой план. В чем состоял план Парвуса? Об этом в книге «Купец революции» рассказано следующее:

«Интересы германского правительства, — говорил Парвус германскому послу, — вполне совпадают с интересами русских революционеров. Русские социал-демократы могут достигнуть своей цели только в резуль-

тате полного уничтожения царизма. С другой стороны, Германия не сможет выйти победительницей из этой войны, если до этого не вызовет революцию в России. Но и после революции Россия будет представлять большую опасность для Германии, если она не будет расчленена на ряд самостоятельных государств. Отдельные группы русских революционеров уже работают в этом направлении. Но между ними нет пока тесной связи и единства. Меньшевики, например, еще не объединились с большевиками. Для успеха дела, говорил Парвус, необходимо в первую очередь созвать, если возможно в Женеве, съезд всех революционных лидеров, как первый шаг к установлению единства между ними. Но для этого потребуются значительные деньги. Таков был план Парвуса. 8-го января фон Вангенхайм, в подробной телеграмме министерству иностранных дел в Берлине, сообщил о своей беседе с Парвусом. Фон Вангенхайм при этом подчеркнул, что позиция этого хорошо известного русского социалиста и публициста была с самого начала войны «определенно прогерманской». Фон Вангенхайм также передал просьбу Парвуса изложить весь его план министерству иностранных дел в Берлине. После беседы с фон Вангенхаймом, Парвус был уверен, что ответ министерства иностранных дел будет положительный. И он не ошибся».

Встреча Парвуса с германскими дипломатами произошла в конце февраля 1915 года. Ввиду того, что переговоры носили строго секретный характер, никаких документов о них не сохранилось, но в архивах германского министерства иностранных дел сохранился меморандум, который Парвус представил германскому министерству иностранных дел через несколько дней, 9-го марта 1915-го года. В меморандуме Парвус доказывал германским дипломатам, что только русские социал-демократы в состоянии подготовить новую всеобщую забастовку в России, под позунгом «Свобода и мир», и при этом подчеркивал, что большевики под руководством Ленина являются самой влиятельной организацией. Пар-

вус считал, что все социалистические группы, которые будут поддерживать Германию, создадут единый фронт. Меньшевики и большевики должны сговориться. Еврейский Бунд, украинская «Спилка», обе социалистические партии Польши, латышская и финляндская социалистические партии также должны быть включены в этот единый фронт. Созыв объединительного съезда лидеров всех российских социал-демократических партий Парвус считал лучшим путем для достижения этой цели. Но вместе с этим в самой России и за границей должна быть развернута широкая пропаганда мира. Для этого нужна усиленная финансовая поддержка эмигрантской русской печати антивоенного и пораженческого направления. Парвус упомянул в своем меморандуме парижскую русскую газету «Голос», которую редактировали Мартов и Троцкий, и которая позже была заменена газетой «Наше слово», главным редактором которой был Троцкий.

В специальном приложении к своему первоначальному меморандуму Парвус так сформулировал свою программу, состоявшую из одиннадцати пунктов. Первый пункт программы гласил: — «Финансовая поддержка большевистской фракции Российской Социал-демократической Рабочей Партии, которая борется против царского правительства всеми доступными ей средствами. Ее вожди находятся в Швейцарии. Ленинская группа опытных профессиональных революционеров является лучшей гарантией успеха будущей «Всероссийской массовой забастовки».

Властители Германии в то время мечтали о сепаратном мире либо с Францией, либо с Россией, который дал бы им возможность свести счеты с Великобританией. Авторы книги «Купец революции», основываясь на документах архива германского министерства иностранных дел, пишут: — «Сепаратный мир с Россией в 1915 году был единственным выходом из германского военного тупика. Правительство Вильгельма II-го решило предпринять шаги к примирению с Россией. До конца июля 1915-

го года сепаратный мир с Россией казался Берлину вполне достижимым. Мартовский меморандум Парвуса, поэтому, приходился как раз кстати в их общем плане. Германские дипломаты, конечно, не верили в свержение династии в России, что должно было проложить путь к социализму. Но они были заинтересованы в усилении внутренних неурядиц в России, которые могли бы вынудить царя заключить мир. Германское министерство иностранных дел считало поддержку русских революционеров только средством для оказания давления на царя, чтобы ускорить дипломатические переговоры».

Но Парвус думал совсем иначе. Для Парвуса сепаратный мир Германии с Россией означал бы полнейший крах всего его плана. Заключение мира дало бы царскому правительству возможность подавить революцию, как это было в 1906-ом году. По этой же причине и Ленин был тогда решительным противником заключения какого бы то ни было мира.

Начиная с середины марта 1915 года, Парвус стал главным советником германского правительства по революционным делам в России. Ему была поручена организация единого фронта европейского социализма против царского режима в России. Он должен был помочь социалистическим организациям в России при помощи пораженческой пропаганды, забастовок и саботажа привести к крушению существующий режим.

В конце марта 1915-го года Парвус получил от министерства иностранных дел первый миллион марок для этих целей. По его просьбе деньги в иностранной валюте были переведены в Бухарест, Цюрих и Копенгаген. Авторы книги «Купец революции» пишут: «Первые встречи Парвуса с немецкими товарищами в Берлине были не особенно дружественны. Даже те социал-демократы, которые вполне поддерживали военную политику германского правительства, о Парвусе не могли сказать хорошего слова, хотя его политическая позиция почти совпадала с позицией германского правительства. Гуго Гаазе,

председатель партии, дошел до того, что предостерег своих товарищей от какого-либо контакта с Парвусом. Гаазе высказал подозрение, что Парвус — агент русского правительства. А когда Парвус пришел к редактору газеты «Форвертс» Штребелю, тот принял его с нескрываемым недоверием. Не лучше отнеслись к нему и его бывшие близкие друзья из левого крыла партии. Когда Парвус явился к Розе Люксембург, она не дала ему даже говорить, а сразу указала на дверь. Карл Либкнехт, Клара Цеткин и Лев Иогихес-Тышко тоже приняли его очень холодно. Клара Цеткин назвала его — «сутенер империализма, который продан германскому правительству», — и все они окончательно порвали сношения с Парвусом.

Но в мае 1915 года Парвус прибыл в Швейцарию, где произвел большое впечатление на русских политических эмигрантов. Он остановился в одной из самых роскошных гостиниц Цюриха, жил там, как азиатский монарх, всегда окруженный красивыми блондинками, с которыми пил «самое дорогое шампанское». Екатерина Громан, с которой Парвус был близок, когда она еще работала в петербургской социал-демократической организации, взяла на себя миссию оповестить русскую колонию о прибытии Парвуса. Парвус дал ей значительную сумму для распределения среди нуждающихся эмигрантов. Этот жест еще более усилил слухи о фантастическом богатстве Парвуса. Но самой неотложной задачей Парвуса была встреча с Лениным. Об этой встрече авторы книги «Купец революции» пишут: «Встреча с Лениным была главной задачей Парвуса. Парвус знал, что из всех фракций социал-демократической партии у большевиков самая лучшая организация. Ленин уже высказался против победы царского правительства в войне. Ленин хотел немедленной революции, — международной революции во всех воюющих странах, путем превращения империалистической войны в ряд гражданских войн, по прежде всего он хотел — революции в России. Поэтому, если Парвусу удалось бы сговориться с Лениным, то ему

было бы нетрудно перетянуть на свою сторону и представителей всех остальных фракций. В плане Парвуса Ленин был ключем к успеху. К концу мая Парвус в сопровождении Екатерины Громан появился в ресторане, где обычно обедали русские политические эмигранты. Один из русских подвел Парвуса к столу, за которым сидел Ленин с Крупской, с ближайшей приятельницей Ленина Инессой Арманд и другом Ленина Каспаровым. После краткой беседы Ленин и Крупская ушли из ресторана с Парвусом и пригласили его к себе в их скромную квартиру. Сам Парвус в своей немецкой брошюре 'В борьбе за правду' так описал их беседу на квартире Ленина: — 'Я изложил Ленину свои взгляды на социально-революционные последствия войны и в то же время обратил его внимание на то, что пока война продолжается, никакой революции в Германии не будет, революция возможна только в России, которая вспыхнет в результате германских побед. Он, Ленин, однако мечтал об издании международного социалистического журнала, при помощи которого он надеялся толкнуть весь европейский пролетариат на путь немедленной революции'».

Ленин и Парвус тогда не пришли ни к какому определенному соглашению. Ленин недолюбливал Парвуса, и не исключена возможность, что он видел в Парвусе некоего опасного конкурента. Ленин знал, что если план Парвуса удастся, то он со временем приобретет большое влияние в русских социалистических организациях и, благодаря своим финансовым ресурсам и интеллектуальным способностям, может обойти остальных партийных лидеров.

Авторы книги «Купец революции» пишут: — «Мы знаем, что эта мысль мелькнула и у самого Парвуса. Ленин, однако, к этим переговорам отнесся чрезвычайно осторожно. В своих публичных заявлениях Ленин никогда не упоминал о своей встрече с Парвусом в 1915 году. Он также не поносил Парвуса, как это делали тогда многие социалисты. Возможно, что Ленин хотел держать

открытой запасную дверь, которой он позже, как мы это дальше увидим, и воспользовался. Но тогда, в мае 1915 года, Парвусу не удалось добиться сотрудничества Ленина, и в использовании им нелегальной большевистской организации ему было отказано. Без Ленина Парвус не был в состоянии ни создать 'единый социалистический фронт', ни работать в этом направлении с какой-либо надеждой на успех внутри России».

Однако Парвус в конце концов нашел выход. Перед своим отъездом из Цюриха, он поручил Екатерине Громан оповестить русских эмигрантов, что он хочет собрать группу исследователей для научно-исследовательского Института: изучать причины и последствия мировой войны. Институт этот он собирался открыть в Копенгагене. Обещание Парвуса, что работники Института смогут поехать в Копенгаген через Германию по легальным паспортам вызвало подозрение у многих русских эмигрантов — не является ли «парвусовский институт» учреждением, созданным на деньги германского правительства для пропаганды в пользу победы Германии? Парвусу удалось тогда завербовать только четырех русских эмигрантов: — Екатерина Громан, Владимир Перазич, Георгий Чудновский и бывший социал-демократический депутат Второй Государственной Думы Аршак Зурабов. Журнал социалистов-оборонцев «Свобода и Россия», выходивший тогда в Париже под редакцией Григория Алексинского, утверждал, что парвусовский институт основан на деньги германского правительства, и его задачей является распространение пораженческой пропаганды в союзных странах, главным образом, в России. По документам германского министерства иностранных дел, опубликованным в Америке и в Англии, точно установлено, что парвусовский Институт был основан на деньги германского правительства и именно с той целью, о которой писал Алексинский.

Позже в Институт вступил Моисей Урицкий, игравший видную роль в большевистской революции, а также

— Яков Ганецкий. В 1916 году Н. Бухарин очутился в Копенгагене и хотел вступить в парвусовский Институт. Но Ленин посоветовал ему держаться подальше от Парвуса. Ленин также запретил и своему представителю в Скандинавии Александру Шляпникову вступать в какой-либо контакт с Ганецким. Но Ганецкий, именно, **по поручению Ленина** вступил в парвусовский Институт. Авторы книги «Купец революции» объясняют, как это произошло: — «Ганецкий был скрытный, вполне надежный конспиратор, способный действовать одновременно в двух и более ролях. Он часто брал на себя, по поручению Ленина, разные деликатные миссии, и так как Ленин хотел иметь своего человека в парвусовской организации, то Ганецкий был самый подходящий для этого человек. Мы имеем все основания утверждать, что Ганецкий примкнул к Парвусу с одобрения Ленина. Когда Ленин в 1915 году одобрил работу Ганецкого в парвусовской организации, то обе стороны от этого выиграли. Ленин был хорошо осведомлен о работе Института, а Парвус через Ганецкого имел прекрасную связь с большевистским главным штабом».

Доктор Циммер, представитель германского правительства, бывший в постоянном контакте с Парвусом, сообщал в Берлин: — «В организации, созданной Парвусом, работает восемь человек и около десяти разъезжают по России, так как это необходимо для поддержания постоянного контакте между различными организациями. Центр в Копенгагене ведет непрерывную переписку с лицами, с которыми агенты установили контакт. Работа так хорошо поставлена, что часто даже люди, работающие в организации, не знают, что за всем этим стоит германское правительство».

В сентябре 1915 года Парвус начал издавать в Германии свой журнал «Ди Глоке». В одном из первых номеров Парвус выступил с защитой тех германских социалистов, которые поддерживали правительство, когда война была объявлена. Он считал германский генераль-

ный штаб защитником интересов пролетариата против царизма. Появление журнала Парвуса и его статьи заставили Ленина выступить открыто в своей газете «Социал-демократ» с заявлением о Парвусе и его журнале «Ди Глоке». Авторы книги «Купец революции» пишут: — «Статья Ленина против «Ди Глоке» была использована большевистскими публицистами как доказательство, что между их партией и Парвусом не было никакой связи. Но Ленин в своей статье воздержался от того, чтобы назвать Парвуса агентом германского правительства. Ленин ни одним словом не обмолвился об их встрече в мае 1915 года. Ленин считал политически целесообразным открыто отмежеваться от Парвуса, не порвав, однако, с ним окончательно. Молчаливое соглашение насчет роли Ганецкого, как помощника Парвуса и одновременно конфиденциального агента Ленина, ни в коем случае не могло быть расторгнуто из-за критики Лениным журнала «Ди Глоке».

30 ноября 1915 года Парвус представил германскому послу в Копенгагене Брокдорф-Ранцау меморандум, в котором обсуждал проблему мира и делал ряд новых предложений насчет того, каким образом можно усилить революционное брожение в России. Парвус предостерегал германское правительство от сепаратного мира с царским правительством. Если царь заключит мир с Германией, утверждал Парвус, можно ожидать, что к власти придет реакционное ультра-националистическое правительство, которое не будет чувствовать себя связанным обещаниями царя. Германия, таким образом, будет лишена политических результатов своих побед на фронте. Мир с царем может закончить войну, но не может привести к миру. Россия, писал Парвус, уже достигла такой степени политического развития, когда мир с этой страной невозможен до тех пор, пока там у власти не будет правительство, пользующееся доверием народа. Если же, наоборот, Германия не заключит мира с царем, мир снова станет всеобщим лозунгом революционного движения.

Жажда мира и крайнее расстройство в стране немедленно приведут к революции. Революционное правительство, которое придет на смену царскому, вынуждено будет в первую очередь закончить войну и предложить немедленный мир.

Брокдорф-Ранцау послал меморандум Парвуса канцлеру Бетман-Гольвегу вместе со своим письмом, в котором подчеркивал, что меморандум Парвуса написан им на основании тайных сообщений его конфиденциального агента, прибывшего на-днях из Петербурга в Копенгаген. Германское министерство иностранных дел немедленно вызвало Парвуса в Берлин. Между 10 и 20 декабря Парвус провел несколько дней в Берлине, где обсуждал свои планы в министерстве иностранных дел и в министерстве финансов. Парвус получил обещание, что германское правительство ассигнует еще один миллион марок специально на пропаганду в русской армии. Германский канцлер не принял тогда Парвуса, но Брокдорф-Ранцау сделал для Парвуса больше чем мог бы сделать сам Парвус. В своем докладе министерству иностранных дел Брокдорф-Ранцау писал, что царь Николай II сам возложил на себя страшную историческую вину, вызвав войну, и не заслуживает никакого снисхождения со стороны Германии. Традиционной дружбе с Романовыми должен быть положен конец. Брокдорф-Ранцау писал:

«Победа и ее вознаграждение — занятие первого места в мире — будут обеспечены за Германией, если нам удастся своевременно вызвать революцию в России, разрушив этим Антанту. После заключения мира внутренний развал в России для нас не будет иметь никакой цены, возможно, что даже будет нежелательным. Несомненно верно, что доктор Гельфанд (Парвус) не святоша и не желанный гость. Он, однако, верит в свою миссию и его компетентность выдержала испытание в революции 1905 г. после русско-японской войны. Я думаю поэтому, что мы должны использовать его, пока еще не поздно».

29-го декабря 1915 года Парвус получил новый мил-

лион марок на поддержку революционного движения в России.

3 января 1916 года Парвус телеграфировал Брокдорфу-Ранцау из Стокгольма: «Все идет, как надо. Жду ответов из Петербурга». В Петрограде и в некоторых других городах в январе 1916 года произошли рабочие забастовки. Забастовки эти были стихийные и не привели к революции, вопреки ожиданиям и предсказанию Парвуса. Недоверие германского министра иностранных дел к Парвусу после этого усилилось. Он выразил подозрение, что фонды, предназначенные германским правительством на революцию в России, текут в карманы самого Парвуса.

V

В марте 1917 года революция в России вспыхнула, царский строй пал и у власти стало Временное Правительство. 22 марта 1917 года Парвус писал своему приятелю, что хотел бы видеть в России проведение следующих мер: вооружение пролетариата, публичный суд над царем, раздел помещичьей земли между крестьянами, введение восьмичасового рабочего дня на всех фабриках и заводах, созыв Учредительного Собрания и заключение мира. Эта программа в общем соответствовала большевистским идеям. 1-го апреля произошел длительный обмен мнениями между Парвусом и Брокдорф-Ранцау. Парвус выразил глубокое убеждение в том, что Россия устала от войны и жажда мира вскоре охватит всю страну. Поэтому германская армия должна во что бы то ни стало пока воздержаться от наступления на Россию. Парвус боялся, что такое наступление может вызвать среди русских масс настроение в пользу защиты завоеванных свобод. Российская революция должна быть предоставлена самой себе, говорил Парвус, чтобы логически развить последствия столкновения классовых интересов, вызванных ею. В результате, все основы русского государства будут сильно расшатаны. Крестьяне силой захва-

тят землю помещиков, солдаты бросят окопы, перебьют своих командиров. Украинцы, кавказцы и другие национальные меньшинства освободятся от Петрограда и разрушат централизованную организацию российского государства. Голод будет продолжаться, и в результате терпению масс наступит конец. В течение двух-трех месяцев, предсказывал Парвус, самая худшая анархия наступит в России. Германская политика по отношению к революционной России, говорил Парвус, может следовать по одному из двух путей. Германия может начать широкую оккупацию российских территорий с целью сломить централизованную империю или же может заключить сепаратный мир с Временным Правительством. Для реализации первого варианта Парвус рекомендовал сильное военное наступление **на русском фронте**, которое должно быть предпринято месяца через три. Такое наступление, при анархии в стране, приведет к покорению германской армией Южной России и сделает беззащитной остальную Россию. В этом случае германское правительство должно быть готово безжалостно использовать свою победу до конца: разоружение русской армии, разрушение ее крепостей, уничтожение ее флота, запрещение производства военных орудий и амуниции и расширенная оккупация России. Если это не произойдет, то нет никакого сомнения, что русская империя быстро вновь станет могучей и опасной для Германии. Для того, чтобы подготовить почву для такого радикального разрешения русского вопроса, необходимо «поддержать крайнее революционное движение в России, с целью усиления там анархии». Если же Германия не готова для такого решения русского вопроса, или же считает такое предприятие непрочным, говорил Парвус графу Брокдорфу-Ранцау, то оно должно сделать усилие, чтобы заключить сепаратный мир с Россией, но такой мир, который был бы более или менее приемлем для обеих сторон. В противном случае Парвус боялся «повторения того, что случилось с нашими отношениями с Францией» в 1870-ом году, с той лишь разни-

цей, что Франция не переросла нас ни экономически, ни политически, в то время как Россия несомненно со временем вырастет в могучую экономическую и политическую силу, которая превзойдет территориально-ограниченную Германию. Но Парвус считал, что шансы на заключение немедленного мира с Временным Правительством очень невелики. Поэтому он склонялся к тому, чтобы Германия оказала полную поддержку «крайне-левому революционному движению» в России, то-есть Ленину и большевистской партии. Брокдорф-Ранцау протокол своей беседы с Парвусом немедленно послал германскому канцлеру Бетман-Гольвегу и уже в начале апреля канцлер уполномочил германского посла в Берне фон Ромберга войти в контакт с русскими политическими эмигрантами и предложить им проезд в Россию через Германию.

Авторы книги «Купец-революции» пишут: — «Пока технические и легальные средства проезда русских революционных эмигрантов в Россию через Германию обсуждались в германском министерстве иностранных дел, Парвус уже предпринял первые практические шаги. Так как отправка большого числа русских революционеров была довольно сложным делом, то он считал, что в первую очередь надо немедленно переправить в Россию через Германию Ленина и Зиновьева — двух главных большевистских лидеров. Тут связь между Парвусом и Лениным через Ганцкого оказалась очень ценной. Парвус получил сначала согласие на это германского Генерального штаба, а не Министерства иностранных дел, и тогда попросил Ганецкого известить Ленина, что поездка его и Зиновьева через Германию организована, но не говорить ему ясно из какого источника оказана помощь. Германский агент Георг Скларц немедленно отправился в Цюрих сопровождать Ленина и Зиновьева в их поездке через Германию. Но Парвус ошибся, предполагая, что Ленин немедленно примет предложение. 24-го марта по старому стилю, Ленин просил Зиновьева послать Ганецкому сле-

дующую телеграмму: «Письмо отправлено. Дядя (то есть Ленин) хочет знать более подробно. Официальный проезд только нескольких лиц — неприемлемо». Телеграмма Зиновьева была потом напечатана в «Ленинском сборнике» № 13.

Но Георг Скларц выехал из Копенгагена до получения Ганецким телеграммы Зиновьева и он еще более осложнил дело в Цюрихе тем, что предложил покрыть все расходы по поездке двух большевистских лидеров. Ленин немедленно прервал переговоры. Парвус сделал большую ошибку. Без всякого намерения он как-бы устроил западню двум большевистским лидерам. Если бы Ленин принял предложение, поехать в Россию только вдвоем с Зиновьевым, он бы так скомпрометировал себя, что не мог бы принести никакой пользы ни большевикам, ни немцам. Когда Парвус узнал обо всем, он немедленно отправился в Берлин для обсуждения хода событий в России с немецкими дипломатами и одновременно с социал-демократическими лидерами. Лидер германской социал-демократии Филипп Шейдеман, который во время войны поддерживал политику германского правительства, в первом томе своих воспоминаний вышедших в 1928 году, писал: — «Я впоследствии узнал, что поездка Ленина и его друзей через Германию в Россию была организована доктором Гельфандом-Парвусом, который об этом информировал только нескольких лиц. Нам (то есть социал-демократическим лидерам) он об этом ни слова не сказал».

Авторы книги «Купец революции» пишут: — «Лидеры германской социал-демократической партии ничего не знали с связях Парвуса с министерством иностранных дел и о его деятельности по поощрению хаоса в России... И они снабдили его письмом, в котором уполномочили вести переговоры с русскими изгнанниками, то-есть, с Лениным и другими, официально от имени Центрального комитета социал-демократической партии».

Ленин, по приезде своем в Стокгольм, как известно,

отверг предложение Парвуса встретиться лично с ним, но Ганецкий продолжал быть тайным посредником между ними. Вместе с Лениным в Стокгольм приехал Карл Радек. Авторы книги «Купец революции» пишут: — «Фюрстенберг-Ганецкий еще продолжал играть роль посредника между Лениным и Парвусом, но теперь на сцену появился Карл Радек. Он, как известно, был австрийским подданным. Именно с ним Парвус 13 апреля провел большую часть дня. Это была решающая и совершенно секретная встреча». Мы никогда не узнаем точно, что эти два человека говорили друг другу. Мало вероятно, чтобы они потратили много времени, обсуждая марксистские теории. Парвус в состоянии был обещать большевикам большую финансовую поддержку в будущей борьбе их за завоевание власти в России. А Радек был уполномочен Лениным принять это предложение. События последующих месяцев в России дают достаточно доказательств, что именно эта договоренность произошла в Стокгольме 13 апреля 1917 года.

Авторы книги «Купец революции» далее отмечают то, что Радек, как австрийский подданный, тогда не имел возможности ехать с Лениным и другими товарищами в Петроград. Он остался в Стокгольме. Парвус через три дня вернулся в Копенгаген и немедленно отправился к германскому послу Брокдорфу-Ранцау. Он подробно рассказал ему о своих переговорах с Радеком и о том, что Ленин уполномочил Радека принять предложения Парвуса, сделанные им от имени германского правительства. Брокдорф-Ранцау обо всем этом немедленно телеграфировал министру иностранных дел и сообщил, что сам Парвус 18 апреля прибудет в Берлин и будет ждать приглашения на аудиенцию с Циммерманом, главой германского министерства иностранных дел. Через несколько дней Парвус получил такое приглашение. Аудиенция эта была весьма секретной, никаких свидетелей не было, и протокол об этой длительной беседе Парвуса с Циммер-

маном не сохранился. Авторы книги «Купец революции» пишут:

«Нет никакого сомнения, что Парвус доказывал Циммерману необходимость поддержки Германией большевистской партии. Большевикам нужны были деньги для расширения своей пропаганды мира в русском тылу, а также среди солдат на фронте, которая уже велась в течение многих месяцев. Эта пропаганда должна теперь значительно усилиться и быть связанной с политикой большевиков. Опасность, что германское военное наступление на восточном фронте поведет к объединению всех патриотических элементов в России и парализует пропаганду мира — все еще существует. От этого больше всех пострадают большевики. Парвус вновь настаивал, чтобы никакого наступления на русском фронте не было в течение нескольких месяцев. Еще раньше министерство иностранных дел просило государственное казначейство о новой ассигновке пяти миллионов марок для политических целей в России, и 3 апреля просьба эта была удовлетворена».

Закончив все свои дела в Берлине, Парвус отправился в Копенгаген, а затем в Стокгольм. Последующие недели он провел в разъездах между этими двумя скандинавскими столицами. Авторы книги «Купец революции» пишут: — «В Стокгольме Парвус большую часть своего времени проводил с лидерами Заграничной делегации ЦК большевистской партии. Похоже было, что он сам, как будто, один из них. Это было единственное заграничное представительство центрального комитета большевиков, который тогда уже находился в Петрограде. Он также был и пропагандным бюро, которое издавало два большевистских органа на немецком языке 'Вестник русской революции' и 'Корреспонденции Правда'. Заведывали этими изданиями Ганецкий, Радек и Вацлав Воровский, который также был известен под псевдонимом П. Орловский... Из всех членов большевистского Бюро Радек был самый деятельный и доминирующий... Кроме Парвуса Ра-

дек общался также с неким Гольдбергом, который был агентом депутата германского рейхстага Эрцбергера, а также и с Карлом Моор, швейцарским социалистом, который тогда одновременно работал для швейцарского, австрийского и германского правительств. Через этих людей Радек давал знать германскому правительству, что победа большевиков над Временным Правительством — вопрос только времени. И он говорил всем, кто только хотел его слушать, что он не ищет квартиру на зиму в Стокгольме, так как отправится в Петроград немедленно после победы большевиков».

VI

Все три члена Заграничного бюро ЦК большевистской партии — Ганецкий, Радек и Воровский — были опытными подпольщиками, которые продолжали бороться против Временного Правительства теми же средствами, какие они употребляли в борьбе против царского самодержавия. Но теперь они были в более выгодном положении. Немцы предоставили в их распоряжение весь свой аппарат дипломатических сношений. Кроме этого еще существовали хорошо испытанные связи между Россией и Скандинавскими странами, которые были установлены экспортной компанией Парвуса в Копенгагене. Директором этой компании был Ганецкий. Слухи о том, что Парвус, благодаря своим связям с Германией и Турцией заработал миллионы, якобы, на поставках хлеба из Балканских стран для германской армии, как уже указано было нами, распространялись, главным образом, теми российскими революционерами, которые состояли в тайных сношениях с ним и через него получали от германского правительства субсидии для своей пораженческой пропаганды. Авторы книги «Купец революции» приводят следующий рассказ члена австро-венгерского посольства в Стокгольме Гребинга о тогдашних торговых делах Парвуса: — «Несомненно, что Парвус и Фюрстенберг-Ганецкий могли и действительно вели, с помощью Германии, экспортную

торговлю через Скандинавию с Россией. Этот экспорт германских товаров в Россию шел регулярно и в значительных количествах через фирму Парвуса-Ганецкого следующим образом: Парвус получал из Германии некоторые товары, как хирургические инструменты, медикаменты и химические продукты, в которых Россия очень нуждалась, а потом Ганецкий, как русский агент, отправлял их в Россию. Но за эти товары они Германии ничего не платили, все вырученные ими деньги от продажи германских товаров, с первого же дня революции в России, были использованы, главным образом, для финансирования ленинской пропаганды в России».

«Ленин — пишут авторы книги, — всецело доверял своему политическому Бюро в Стокгольме. Между Петроградом и Стокгольмом все время шел обмен многочисленными письмами. В переписке Ленина с Ганецким с самого начала вопрос о деньгах для большевистской партии занимал первое место. В своем первом письме к Ганецкому, написанном Лениным через несколько дней после его прибытия в Петроград, он жаловался, что «до сих пор не получили никаких денег». 12 апреля по старому стилю Ленин писал Ганецкому: «Дорогие друзья, до сих пор ничего, ровно ничего, ни писем, ни пакетов, ни денег от вас не получили. Только две телеграммы от Ганецкого... Пишите чаще. Будьте архиосторожны в сношениях. Ваш В. Ульянов». В письме от 22-23 апреля старого стиля Ленин писал: — «Деньги (две тысячи) от Козловского получены. Пакеты до сих пор не получены... С курьерами дело наладить нелегко, но все же примем все меры. Сейчас едет специальный человек для организации всего дела. Надеемся, ему удастся все наладить... Радеку шлем привет». Эти письма Ленина впервые были опубликованы Ганецким, через пять лет, в московском коммунистическом журнале «Пролетарская революция», № 9, 1922 г.

В июле Парвус был в Берлине. Там он уверял представителей германского министерства иностранных дел в неминущей победе большевиков. 22-го июля он уехал

в Швейцарию. Как раз в эти дни в Петрограде вспыхнуло восстание большевиков. Авторы книги «Купец революции» пишут: — «16 и 17 июля по новому стилю, в то время как Гельфанд-Парвус уверял дипломатов в Берлине о предстоящей победе большевиков, Ленин и его партия организовали восстание против Временного Правительства в Петрограде. Оно было подавлено с некоторыми трудностями, и правительство Керенского решило расправиться с большевиками. 18 июля министерство юстиции Временного Правительства опубликовало ряд документов, которые имели целью доказать, что Ленин и большевистская партия виновны в государственной измене. Документы эти были воспроизведены, как доказательство, что большевики получали деньги от германского правительства. Среди опубликованных документов были деловые телеграммы от Ганецкого и Козловского к г-же Суменсон, петроградской представительнице фирмы Нестл и телеграммы Ленина Ганецкому и Александре Коллонтай. На следующий день, 19 июля, вся патриотическая русская печать большими заголовками оповестила население страны о предательстве Ленина. Руководители этой газетной кампании два журналиста — Григорий Алексинский, бывший лидер большевистской фракции во второй Государственной думе, и Владимир Бурцев, старый революционер и известный историк революционного движения. Оба они обвиняли большевиков в предательской деятельности еще в 1914 году и еще задолго до этого ненавидели Парвуса».

20 июля Бурцев писал в петроградской либеральной газете «Речь»: — «Парвус — не агент-provokator. Он — больше того, он агент Вильгельма II-го». Министерство юстиции Временного Правительства обвинило большевиков в государственной измене. В обвинительном акте говорилось, что Ганецкий и Александра Коллонтай переводили деньги, которые они получали от Парвуса из Стокгольмского Неа-Банк в Сибирский банк в Петрограде на специальный счет госпожи Суменсон, к которому боль-

шевики имели доступ. Главное обвинение против обвиняемых было сформулировано в следующих словах: — «Расследование установило, что Яков Ганецкий-Фюрстенберг, проживая в Копенгагене во время войны, имел тесные финансовые связи с Парвусом, агентом германского правительства. Деятельность Парвуса, как агента германского и австрийского правительств, была направлена на поражение России в войне и отделение Украины... Из многочисленных телеграмм, имеющих в руках представителей юстиции, установлено, что между госпожой Суменсон, Ульяновым-Лениным, Александрой Коллонтай и Козловским, проживающим в Петрограде, с одной стороны, и Ганецким и Парвусом, с другой — шла постоянная большая переписка. Хотя в этой переписке говорилось о чисто коммерческих делах, об отправке разного рода товаров и о денежных операциях, но она дает достаточно оснований, чтобы сделать заключение, что это было просто прикрытие для сношений шпионского характера».

На основе имевшихся доказательств прокурор Временного Правительства считал доказанным, что обвиняемые сотрудничали с Германией с целью ослабить боеспособность России. В обвинительном акте далее было сказано: — «Для этой цели и на деньги, полученные ими от Германии, они организовали пропаганду среди гражданского населения и в армии, с призывом к немедленному отказу от продолжения военных действий против врага, а также с той же целью к организации в Петрограде с 16-го до 18-го июля 1917 года вооруженного восстания против существующего строя».

Ленину и Зиновьеву, как известно, тогда, во избежание ареста, удалось своевременно бежать из Петрограда и скрыться сначала в деревне, недалеко от Петрограда, а потом Ленин перебрался в Финляндию. Козловский, Суменсон, а позже и Троцкий были арестованы. Вся большевистская партия опять ушла в подполье.

Теперь факт большевистско-германского заговора

подтвержден официальными документами германского министерства иностранных дел.

VII

Парвус был не единственный посредник между большевиками и правительством Вильгельма II. Некоторые большевики в своих воспоминаниях рассказали об этом немало фактов. Так напр., известный большевик А. Г. Шляпников в своей книге «Канун семнадцатого года» пишет:

«Нам, большевикам, международный военный и полицейский сыск и провокация не давали покоя и заграницей. Наши антивоенные лозунги, наша антицаристская революционная деятельность не могли не привлечь внимания правительств стран, воевавших с Россией, с Антантой. Германский империализм первый учел возможности использования в своих интересах нашей активной революционной работы в России. Мы эти намерения предвидели... Попытки проникновения в наши ряды германо-австрийской агентуры имели место уже в первые месяцы войны. И первыми агентами империалистов явились социал-демократы. Нам было известно желание немецкого социал-демократа и купца Парвуса «помочь» нашей революционной работе. Но одного намека на это было достаточно для того, чтобы наши заграничные товарищи прекратили всякие отношения со всеми, кто имел какое-нибудь отношение к Парвусу и ему подобным господам». (Выше мы видели, как заграничные товарищи Шляпникова «прекратили всякие отношения со всеми, кто имел какое-либо отношение к Парвусу»). «В том же Стокгольме, — рассказывает далее Шляпников, — к тов. А. М. Колонтай, а затем и ко мне явился соц.-дем. (эстонец) Кескула. При свидании он спекулировал своими связями и знакомством с товарищем Лениным, Зиновьевым и другими членами наших заграничных центров. Кескула вел себя чрезвычайно странно, высказывался в духе германской ориентации и, наконец, предложил свои услуги, если

нам потребуется его помощь в деле получения оружия, типографии и прочих средств борьбы с царизмом. Его образ мыслей и поведение показались нам очень подозрительными, и мы тотчас же почувствовали в нем агента германского генерального штаба и не только отвергли его предложение, но даже прекратили с ним всякие сношения. Связи в Швеции у него были большие. Он имел сношения с финскими «активистами», имел друзей в русском посольстве и в русских банковских страховых кругах. Наш отказ иметь дело с Кескулой не остановил его дальнейших попыток проникнуть при помощи других лиц в нашу среду. В конце 1915 г. мы обнаружили связь секретаря стокгольмской группы РСДРП(б) Богровского с Кескулой. Расследованием выяснили, что он получил от Кескулы деньги, но пользовался ими в личных целях. За нарушение постановления о недопустимости сношений с Кескулой Богровский был исключен из партии... Вскоре нам удалось напасть на новые следы шпионского окружения нашей стокгольмской группы большевиков. Нам удалось напасть на следы связи Кескулы с высланным из Норвегии левым социалистом датчанином Крузе. В 1915-16 гг. зимой я имел встречу с Крузе в Петербурге в датской гостинице «Дагмара». Его приезд в Россию, мне показался чрезвычайно подозрительным, а его объяснение путаное, только утвердило во мне закравшееся недоверие. Будучи в 1916 г. в Москве у Н. М. Бухариной, я получил еще ряд указаний и сведений, оправдывавших мои подозрения относительно роли и характера деятельности Крузе. Очевидно, не предполагая за собой никаких подозрений, Крузе в Москве предлагал все те средства, которые еще в 1914 г. навязывал нам сам Кескула. Одновременно он пытался использовать наши связи в частности, данный ему Бухариным адрес Н. М. Бухариной⁸ для

⁸ В другом месте Шляпников говорит, что Крузе появился у Бухариной, воспользовавшись «случайным знанием адреса». Сама же Бухарина свидетельствовала, что Крузе приехал к ней по поручению ЦК большевиков и что она «виделась с ним часто и долго разговаривала».

установления сношений с пребывавшими в Москве друзьями Кескулы.

Из опубликованных документов германского министерства иностранных дел мы узнаем, что уже в сентябре 1914 г. германский посол в Берне фон Ромберг через своего агента эстонца Александра Кескулу вошел в сношения с русскими революционерами, жившими в Швейцарии. Фон Ромберг поручил Кескуле представить ему доклад об организациях, идеях и деятельности русских революционеров в Швейцарии и тут вскоре впервые всплыло имя Ленина. Доклад Кескулы от 25-го марта 1915 г., который Ромберг немедленно переслал Бетману-Гольвегу, содержал данные о состоявшемся совещании «русских социалистов ленинского направления» и его решениях: превращение империалистической войны в гражданскую, создание нелегальных организаций повсюду, где правительство и буржуазия объявили военное положение и отменили конституционные свободы, поддержка братания солдат на фронтах, массовые пролетарские выступления, и в особенности приветствие поражения русской монархии. К этому фон Ромберг от себя прибавил, что для Германии важны в первую очередь решения об образовании «тайных нелегальных партийных организаций» и тезис, согласно которому «совещание высказалось за поражение России».⁹

В меморандуме от 15-го июля 1915 г., озаглавленном «Внутреннее положение России», Кескула указывал, что Ленин и энергичная деятельность революционных организаций «являются противовесом против опасности образования кадетского министерства».¹⁰ В сентябре 1915 г. Кескула вошел в контакт с Лениным. 30-го сентября он представил фон-Ромбергу подробный доклад о своих беседах с Лениным и о программе Ленина. По мнению Кескулы, писал фон Ромберг канцлеру Бетман-Гольвегу, — «необходимо, чтобы мы немедленно же оказали по-

⁹ Werner Halweg. Lenin's Rückkehr nach Russland 1917. S. 8.

¹⁰ Там же, стр. 9.

мощь революционерам ленинского движения в России. Он об этом лично доложит в Берлине... Мы должны действовать быстро, прежде чем социал-патриоты возьмут верх... Программа Ленина, конечно, не должна быть опубликована, во-первых, потому что ее опубликование раскрыло бы наш источник, но также и потому, что обсуждение ее в печати лишило бы ее ценности».¹¹

Весной 1915 г. Кескула имел в своем распоряжении фонд, равный приблизительно 50-60 тысячам американских долларов, который он получил от германского министерства иностранных дел для финансирования большевистских изданий, пока они агитируют за поражение России в войне. Газетка Ленина «Социалдемократ» печаталась в незначительном количестве экземпляров и на дешевой бумаге. Отдельные экземпляры пересылались в Германию и там фотографическим способом перепечатывались на гильзовой бумаге в типографии германского морского министерства в большом количестве экземпляров. Отпечатанные экземпляры через Кескулу отправлялись в Копенгаген и в Стокгольм, а оттуда пересылались в Россию.¹²

В феврале 1916 г. в длинном письме Кескула жаловался на осложнения, вызванные попыткой Парвуса в конце 1915 г. встретиться с Бухариным. Бухарин, повидимому, отказался видеть Парвуса. В то же время взволнованные русские эмигранты начали заподозривать Кескулу. Но к тому времени, когда он писал вышеупомянутое письмо, весь вред, согласно Кескулы, был уже поправлен. Кескула писал: «Как беспомощны эти русские, когда дело касается организации для какой-либо цели, можно видеть из того, что Бухарин поносил меня, собирая информацию обо мне, днем бегал по городу искать мой адрес, а ночью не мог спать. В то же самое время прилагаемая мною его брошюра была напечатана на мои деньги, без ведома Бухарина, к его, однако, большому удо-

¹¹ Germany and the Revolution in Russia 1915-1918, p. 7.

¹² Der Monat, September 1958.

вольствию». Приложенная к письму Кескулы брошюра Бухарина была озаглавлена «Война и рабочий класс». По мнению Кескулы, она была пригодна для распространения ее среди широких масс, и он рекомендовал Штейнвахсу (агенту германского генерального штаба) напечатать большое издание ее на рисовой бумаге. Кескула также сообщал, что его агент, который имел первоклассные связи и рекомендации, прибыл в Петроград. Самое интересное было, что этот агент Кескулы имел рекомендательное письмо от Бухарина к его жене в Москве.¹³ (Это и был тот Крузе, о котором пишет в своих воспоминаниях Шляпников).

8-го мая 1916 г. Штейнвахс в меморандуме министру Бергену сообщал:

«За последние несколько месяцев Кескула установил целый ряд новых связей в России, и он в разное время посылал скандинавских социалистов в Россию с рекомендациями к ведущим лицам, которые так тщательно его информировали о положении в России, что его отчеты, опубликованные после, вызвали восхищение в социалистических кругах северных стран. Он также продолжал поддерживать его исключительно полезный контакт с Лениным, и он передал нам содержание отчетов о положении, полученных Лениным от его конфиденциальных агентов в России. Кескула поэтому должен быть снабжен необходимыми средствами в будущем. Принимая во внимание исключительно неблагоприятные условия денежного обмена, 20 тысяч марок в месяц будет вполне достаточно».¹⁴

Летом 1916 г. сношения между Лениным и Кескулой и немцами были прерваны по причинам, которые до сих пор не выяснены. Получал ли Ленин финансовую поддержку от германского правительства через другого агента — неизвестно. Но как раз в этот период Ленин и Крупская в письмах к своим родным и друзьям впервые начали жа-

¹³ Germany and the Revolution in Russia 1915-1918, p. 14.

¹⁴ Там же, стр. 17.

ловаться на крайнюю нужду. Так Крупская уже 14-го декабря 1915 г. в письме к сестре Ленина Марии писала: «У нас скоро прекращаются все старые источники существования и вопрос о зарботке встает довольно остро».¹⁵ Сам Ленин в письме к Горькому от 11-го января 1916 г. писал: «В силу военного времени я крайне нуждаюсь в зарботке». А в сентябре 1916 г. в письме к Шляпникову он писал: «О себе лично скажу, что зарботок нужен. Иначе прямо поколевать ей-ей! Дороговизна дьявольская, а жить нечем».¹⁶

Получал ли тогда Ленин какие-либо деньги от германского правительства через Парвуса или кого-либо другого — неизвестно, но теперь точно установлено, что поездка Ленина в Россию в апреле 1917 г. в «запломбированном вагоне» через Германию была организована Парвусом.

VIII

21-го марта 1917 г. (8-го марта по старому стилю, т. е. ровно через неделю после падения самодержавия) германский посол в Копенгагене Брокдорф-Ранцау телеграфировал министерству иностранных дел в Берлине: «Доктор Гельфанд (Парвус), с кем я обсуждал события в России, объяснил, что, по его мнению, конфликт там в настоящее время главным образом между умеренными либералами и социалистическим крылом. Он не сомневается, что последние возьмут верх... Люди в настоящее время стоящие там у власти, повидимому, хотят дальше продолжать войну, и вождями фракции, одобряющей эту политику, являются Милюков и Гучков... Доктор Гельфанд верит, что как только амнистия для политических осужденных вступит в силу, явится возможность работать успешно против Милюкова и Гучкова через непосредственный контакт с социалистами».¹⁷

¹⁵ Ленин. Письма к родным. Государственное Издательство, 1931 г. стр. 411.

¹⁶ Ленин. Сочинения. 4-е изд. Том 35, стр. 187.

¹⁷ Germany and the Russian Revolution, p. 25.

2-го апреля 1917 г. Брокдорф-Ранцау телеграфировал из Копенгагена министерству иностранных дел: «По моему мнению, мы должны, с одной стороны, тайно употребить все усилия, чтобы углубить разногласия между умеренными и крайними партиями, ибо тогда станет неминуема сильная перемена, которая примет формы, неизбежно расшатывающие самое существование Российской империи. Но даже если умеренное крыло останется у власти, я не могу себе представить что переход к нормальным условиям возможен без крупных потрясений. Тем не менее, я думаю, что с нашей точки зрения было бы предпочтительнее поддерживать крайний элемент, так как это было бы более прямым путем для работы и скорее привело бы к какой-то развязке. Вернее всего мы в состоянии рассчитывать, что в течение трех месяцев распад достигнет той степени, при которой мы сможем военным наступлением сломить силу России».

Во время своего пребывания в Стокгольме Ленин пытался перед своими шведскими единомышленниками мотивировать свою поездку в запломбированном вагоне через воюющую Германию. Для этой цели под председательством левого шведского социалиста Карла Линдхагена в гостинице Регина состоялось закрытое собрание. На этом собрании Платтен и Карл Радек, приехавшие из Швейцарии вместе с Лениным, дали отчет о переговорах с представителями германской власти, а Ленин просил упомянутых ими имен не публиковать. По словам Пауля Ольберга, корреспондента германского социалдемократического «Форвертса», присутствовавшего на этом собрании, Ленин тогда в Стокгольме «старался создать впечатление, что он и его сторонники не имеют никаких денежных средств, чего на самом деле не могло быть. Независимо от того, имел ли он тогда в своем распоряжении германские деньги, в кругах швейцарской эмиграции было хорошо известно, что Ленин из других источников получал сравнительно большие денежные суммы для партийных целей. Ленин обратился за финансовой помощью

к «Стокгольмскому эмигрантскому комитету» для дальнейшего путешествия его самого и его товарищей. Комитет ассигновал ему требуемую сумму. Каково же было удивление членов Комитета, когда Ленин попросил ассигновать ему дополнительных 1000 крон. Это пожелание Ленина было передано Комитету через польского друга Ленина Фюрстенберга-Ганецкого. В Комитете вопрос о том, следует ли удовлетворить просьбу Ленина, вызвал разногласия, но в конце концов просьба была удовлетворена».¹⁸

В 1918 г. Парвус писал, что он был в Стокгольме, когда Ленин там находился, и Ленин отказался лично встретиться с ним. «Я передал ему через нашего общего друга, — писал Парвус, — что теперь прежде всего необходим мир, поэтому необходимо объявить условия мира. Что же он предполагает делать? Ленин ответил, что он не занимается дипломатией, его дело социал-революционная агитация. Я велел передать Ленину: он может агитировать. Но если государственная политика для него не существует, то он станет орудием в моих руках».¹⁹

Ленину тогда не было никакой надобности лично встречаться с Парвусом, которого все считали германским агентом. Он из предосторожности поручил Ганецкому и Радеку от его имени вести переговоры с Парвусом, как и с другими германскими агентами.

17-го апреля 1917 г. Брокдорф-Ранцау телеграфировал германскому министру иностранных дел Циммерману: «Доктор Гельфанд сегодня вернулся из Стокгольма, где он вел переговоры с русскими политическими эмигрантами из Швейцарии».²⁰ В тот же день Штайнвахс, представитель министерства иностранных дел в главной ставке, телеграфировал из Стокгольма в Берлин: «Приезд Ленина в Россию успешен. Он работает совершенно так,

¹⁸ P. Olberg. Lenins Transactionen mit Wilhelm II Regierung, Vorwärts, May 1, 1957.

¹⁹ Parvus, Im Kampf um die Wahrheit, Stockholm, 1918, S. 51.

²⁰ Germany and the Russian Revolution, P. 50.

как мы этого хотели».²¹ А 30-го апреля 1917 г. фон Ромберг из Берна сообщал канцлеру Бетман-Гольвегу: — «Сегодня меня посетил Платтен, который сопровождал русского революционера Ленина и его последователей в их поездке через Германию, чтобы от их имени поблагодарить меня за услуги, оказанные им. К сожалению, Платтену запрещено было сопровождать его попутчиков в Россию. Он на границе был задержан английским офицером, который приостановил его разрешение на въезд. Ленину, с другой стороны, по словам Платтена, его сторонники устроили блестящую встречу. Можно сказать, что он имеет за собой три четверти петроградских рабочих. Труднее обстоит дело с пропагандой среди солдат, у которых еще сильно распространено мнение, что мы собираемся атаковать русскую армию. Как пойдет дальше развитие революции, пока еще не ясно. Возможно, что достаточно будет заменить отдельных членов Временного Правительства как Милюкова и Гучкова социалистами. Во всяком случае, абсолютно необходимо притоком из-за границы увеличить число безусловных друзей мира... Из замечаний Платтена стало ясным, что у эмигрантов нет достаточных средств для ведения своей пропаганды, в то время как средства их врагов безграничны. Фонды, которые были собраны для них, попали главным образом в руки социал-патриотов. Я постараюсь при помощи агента расследовать деликатный вопрос, возможно ли будет предоставить им эти средства так, чтобы их не смутить. А пока я был бы благодарен за сообщение по телеграфу о том, получают ли уже революционеры финансовую поддержку какими-либо другими путями». На докладе фон Ромберга есть следующая заметка представителя канцелярии Пурталеса: «Я говорил с Ромбергом. Этим вопрос, поднятый последним предложением его отчета, исчерпан».²²

10-го мая товарищ министра иностранных дел Штумм

²¹ Там же, стр. 51.

²² *Germany and the Russian Revolution*, p.p. 52, 53.

телеграфировал германским послам в Берне и в Стокгольме: «Пожалуйста, обратите внимание возвращающихся в Россию эмигрантов, через подходящих агентов, чтобы они потребовали от своего правительства опубликования тайных договоров, заключенных между старым русским режимом и Англией и Францией».²³

Как известно, это требование наряду с требованием отставки Милюкова и Гучкова, вскоре стало одним из главнейших требований большевиков и тех групп, которые шли в их форватере. Немецкая агентура проникла и в круги, занятые тогда идеей созыва в Стокгольме конференции социалистических партий воюющих и нейтральных стран для выработки условий мира. В телеграмме германского министра Циммермана германскому посланнику в Стокгольме от 9-го мая 1917 г. сообщалось: «Доктору Гельфанду (Парвус) пожаловано прусское подданство. Он едет через Копенгаген в Стокгольм, куда он придет через несколько дней с целью работать в наших интересах на предстоящем социалистическом конгрессе».

29-го сентября 1917 г. новый германский министр иностранных дел фон Кюльман телеграфировал представителю министерства в главной ставке о подрывной работе министерства внутри России: «Наш главный интерес, — писал фон Кюльман, — это усилить, насколько возможно, националистические и сепаратистские стремления и оказывать сильную поддержку революционным элементам. Мы теперь заняты этой работой в полном согласии с политическим отделом генерального штаба в Берлине (капитан фон Хильзен). Наша совместная работа дала осязательные результаты. Без нашей непрерывной поддержки большевистское движение никогда не достигло бы такого размера и влияния, которое оно сейчас имеет. Всё говорит за то, что это движение будет расти и то же самое можно сказать о финляндском и украинском движениях независимости. Приготовления к восстанию в Финляндии идут усиленным темпом и, как известно

²³ Hahlweg, S.S. 123.

Верховному командованию армии, поддерживается нами (Германией) в значительной степени».²⁴

Интересно, что 9-го мая 1917 г. советник германского посольства в Берне от имени фон Ромберга запрашивал министерство иностранных дел в Берлине, имеют ли его агенты связи в России не только с Лениным и его группой, но также и с лидерами партии социалистов-революционеров, с Черновым и его товарищами? Ответ получился 12-го мая. Он гласил: «Я не имею никаких связей с ними».²⁵

IX

3-го декабря 1917 г. министр иностранных дел фон Кюльман сообщил представителю министерства при главной ставке: «Разрыв Антанты и последующее за тем создание политических комбинаций, благоприятных нам, продолжает быть самой главной целью нашей дипломатии. Россия оказалась самым слабым звеном во вражеской цепи. Нашей задачей поэтому было постепенно ослабить ее и, когда станет возможно, устранить ее. Это была цель той подрывной деятельности, которую мы могли вести в России за линией фронта — в первую очередь поощрение сепаратистских тенденций и поддержка большевиков. Лишь тогда, когда большевики начали получать от нас постоянный приток фондов через разные каналы и под различными ярлыками, они стали в состоянии поставить на ноги их главный орган «Правду», вести энергичную пропаганду и значительно расширить первоначально узкий базис своей партии. Большевики теперь пришли к власти. Как долго они ее удержат — невозможно предвидеть. Им необходим мир для того, чтобы укрепить свою собственную позицию. С другой стороны, это всецело в наших интересах использовать период, пока они у власти, который может быть коротким, для того, чтобы добиться прежде всего перемирия, а потом, если

²⁴ Germany and the Russian Revolution, p. 70.

²⁵ Там же, стр. 54.

возможно, мира. Заключение сепаратного мира означало бы достижение желанной военной цели, а именно — разрыв между Россией и ее союзниками».²⁶

Из опубликованных документов германского министерства иностранных дел мы узнаем, что и после прихода Ленина к власти Германия потратила десятки, а может быть и сотни миллионов марок на то, чтобы не допустить падения большевистской власти. Уже 28-го ноября 1917 г., т. е. через три недели после захвата власти большевиками, германский товарищ министра иностранных дел Буше телеграфировал министру в Берн: «Согласно информации, полученной здесь, правительству в Петрограде приходится бороться с большими затруднениями. Желательно поэтому, чтобы им были посланы деньги».²⁷ 17-го мая 1918 г. германский посол в Москве Мирбах в телеграмме министру иностранных дел сообщал: «Я всё еще стараюсь противодействовать усилиям союзников и поддерживаю большевиков. Я, однако, был бы признателен за получение инструкций насчет того, оправдывает ли общее положение трату больших сумм в наших интересах». На это 18-го мая последовал ответ фон Кюльмана: «Пожалуйста тратьте большие суммы, так как весьма в наших интересах, чтобы большевики остались у власти. Фонды Ритцлера в вашем распоряжении. Если нужны еще деньги, пожалуйста телеграфируйте, сколько».²⁸ Мирбах не верил в устойчивость большевистской власти. 30-го апреля 1918 г. он писал канцлеру Бетману-Гольвегу: «Власть большевиков в Москве поддерживается, главным образом латышскими батальонами, и к этому еще большим числом броневых машин, реквизированных правительством, которые беспрерывно летают по городу и могут немедленно доставить солдат на опасные места, если нужно».²⁹

²⁶ Там же, стр. 95.

²⁷ *Germany and the Russian Revolution*, p. 93.

²⁸ Там же, стр. 128.

²⁹ Там же, стр. 121.

3-го июня 1918 г. Мирбах телеграфировал министерству иностранных дел: «Из-за сильной конкуренции союзников нужны 3 миллиона марок в месяц». 5-го июня фон-Кюльман послал заведующему государственным казначейством графу Редерну меморандум, полученный им от советника посольства в Москве Траутмана, в котором, между прочим, сообщалось: «Из-за последних усилий союзников в России убедить Совет Рабочих Депутатов (Съезд Советов?) принять требования Антанты (что могло бы привести к ориентации России в сторону союзников), граф Мирбах вынужден истратить значительные суммы, чтобы предотвратить принятие какой-либо резолюции в этом направлении». (Иначе говоря, часть депутатов Совета или Съезда Советов была куплена немцами, чтобы они голосовали за непринятие предложений союзников. Д. Ш.). Далее в этом меморандуме Траутман сообщал: «Фонд, который мы до сих пор имели в своем распоряжении для распределения в России, весь исчерпан. Необходимо поэтому, чтобы секретарь имперского казначейства предоставил в наше распоряжение новый фонд. Принимая во внимание вышеуказанные обстоятельства, этот фонд должен быть, по крайней мере, не меньше 40 миллионов марок».³⁰

После того, как большевики уже крепко захватили государственную власть, они, естественно, больше не нуждались в посредничестве Парвуса, как не нуждались уже в этом и немцы. Обе стороны, германское правительство и лидеры большевиков, могли вести переговоры через своих официальных представителей. Но еще 14 ноября 1917 года, то-есть, через неделю после большевистского переворота в Петрограде, когда Парвус был в Вене, он получил телеграмму от членов заграничного бюро ЦК большевистской партии в Стокгольме — Радека и Ганецкого, чтобы он немедленно вернулся в Стокгольм. Парвус вернулся в Стокгольм 17 ноября и в тот же день

³⁰ Там же, стр. 133.

встретился с Радеком, Ганецким и Воровским. Авторы книги «Купец революции» пишут: —

«Парвус заявил, что он хочет иметь частную беседу с Радеком. К удивлению Радека, Парвус предложил свои услуги советскому правительству и выразил желание просить у Ленина разрешения вернуться в Россию. Ему хорошо известно, сказал Парвус, что в партийных кругах России относятся подозрительно к его военной политике. Поэтому он готов защищать свою политику перед пролетарским судом и готов подчиниться решению такого суда. Парвус просил Радека передать лично Ленину его просьбу и немедленно известить его о решении Ленина».

По словам самого Радека, обращение Парвуса произвело на него глубокое впечатление, и он немедленно отправился в Петроград. По дороге он встретился с Ганецким. Когда они 18 ноября достигли финляндской границы, они оттуда уже послали телеграмму Ленину: «Мы едем экстренным поездом в Петроград. Имеем очень важное поручение. Просим немедленно совещания». К 17 декабря Радек вернулся в Стокгольм. Согласно воспоминаниям Радека, ответ Ленина был не только большим разочарованием для Парвуса, но и глубоко оскорбительным. Радек сообщил Парвусу, что большевистский лидер не может разрешить ему вернуться в Россию и что, по выражению Ленина, «дело революции не должно быть запятнано грязными руками». Политические планы Парвуса окончательно рухнули.

Обе стороны — германское правительство и большевики использовали Парвуса, а потом бросили его. Парвус однако летом 18-го года был убежден, что Германия в состоянии будет продиктовать мир на Западе, как она это сделала на Востоке. Он мечтал об объединенной Европе под политическим руководством Берлина. Парвус сильно переоценил силу и выносливость Германии. Лишь в сентябре 18-го года Парвус увидел, что Германия войну проиграла. Он долгое время убеждал представителей большевиков в Стокгольме, что революция в Гер-

мании невозможна не только во время войны, но даже и немедленно после окончания войны. Когда же окончательное поражение германской армии на западном фронте и революция в Германии произошли в ноябре 18-го года, Парвус, вместо того, чтобы оставаться в Берлине, предпочел отправиться в Швейцарию в добровольное изгнание. В Швейцарии Парвуса заподозрили в том, что он тайный агент советского правительства и он был арестован. Германский посол в Берне Адольф Мюллер, старый приятель Парвуса, заявил швейцарскому правительству, что Парвус член германской социал-демократической партии большинства и политик, который энергично боролся против большевиков. Парвуса немедленно освободили. В ноябре 20-го года известный германский журналист Максимилиан Харден выступил в своем журнале «Цукунфт» с большой статьей, в которой разоблачал закулисную деятельность Парвуса во время войны. Совершенно случайно против Парвуса тогда резко выступил и его бывший старый друг Карл Каутский. В конце месяца Парвус был извещен, что он больше не может оставаться в Швейцарии. Парвус уехал в Германию и поселился в роскошной вилле на Ванзее.

12-го декабря 24-го года Парвус умер от сердечного припадка. Он пережил Ленина только на десять месяцев. Даже большинство германских социал-демократов после его смерти предпочли совершенно забыть его. Так бесславно кончил свои дни Александр Гельфанд-Парвус безусловно очень способный и очень талантливый человек, который сыграл роковую роль в истории России и всего мира.

Х

А. Литвак, один из лидеров еврейского социал-демократического «Бунда», который после объявления войны застрел в Цюрихе, рассказывает о Радеке в своих воспоминаниях (посмертное издание, вышедшее в Нью Йорке в 1949 году), что в августе 1914 г. туда же из Гер-

мании прибыл Карл Радек, который «имел очень плохую репутацию». Радек, с которым Литвак часто встречался, хвастался тогда, что у него есть связи с германскими генералами и австрийскими министралами. «Он говорил о тайнах высокой политики, — пишет Литвак, — как человек интимно посвященный в них». Радек тогда был «интернационалистом» толка Мартова и Троцкого. В то же время он очень любил Австрию. Из его слов было ясно, что он хочет победы Австрии в войне. Сам Литвак был тогда искренним интернационалистом и противником войны. «В Цюрихе был момент, — пишет он, — когда не только мне одному казалось, что Радек готов был активно содействовать официальной Австрии в осуществлении ее политических планов. Радек много рассказывал о Парвусе, по его словам очень способном человеке, но распушенном, нечистом на руку и нечестном с женщинами. Радек отлично знал его со всеми его недостатками, однако говорил о нем с большой теплотой. Даже о его недостатках он говорил добродушно, как говорят о недостатках человека, которого любят. Мне казалось, что причина этого теплого чувства к Парвусу была та, что в самом Радеке было много от Парвуса. Парвус состоял в близких сношениях с германским правительством. По словам Радека, даже с германской армией. Как служащий у Парвуса работал Ганецкий-Фюрстенберг, и я должен прибавить, что Радек близко стоял к обоим, к Парвусу и Ганецкому».³¹

В своей статье в берлинском журнале «Der Monat» Земан признает, что есть доказательства, что Радек и Ганецкий были тесно связаны не только с Парвусом, как агентом Германии, но что имели и другие такие связи. Но он тут же находит для них некоторое оправдание. «Теоретически, — говорит он, — они были гражданами Австро-Венгрии, которые не имели оснований заботливо избегать контакта с центральными державами». Тут,

³¹ А. Литвак, Собрание сочинений (на идиш). Нью Йорк, 1945, стр. 245, 252, 256.

во-первых, фактическая ошибка: Ганецкий, родом из русской Польши, был не австрийским, а русским подданным. Во-вторых, оба они ведь выдавали себя за революционных социалистов, за самых последовательных интернационалистов, оставшихся верными идеям Карла Маркса и Интернационала. Только совершенным незнанием истории большевистской партии и непониманием сущности большевизма можно объяснить следующее заявление авторов или автора «Введения» к книге «Германия и русская революция 1915-1918 г.»: «Среди документов министерства иностранных дел нет доказательств, что Ленин, человек осторожный, был в непосредственном контакте с какой-либо германской агентурой. Насколько он знал о деятельности людей окружавших его — трудно сказать». В своей статье в «Der Monat» Земан пишет, что сношения с немцами в 1917 г. переняли Платен, Радек, Ганецкий, Григорий Шкловский и другие «люди второго разряда, с ведома или без ведома Ленина». На этом основании большевизанствующие и мало осведомленные или просто политически невежественные рецензенты книги «Германия и русская революция 1915-1918 г.» в целом ряде серьезных английских и американских газет и журналов уже писали, что якобы не установлено, что Ленин и его партия были связаны с Германией и получали от нее огромные суммы. А один очень серьезный американец договорился даже до того, что если и доказано, что немцы дали большевикам большие суммы денег, то не доказано, что эти деньги попали в руки Ленина. Если это не попытка «обелить» Ленина, то это просто сверхъестественная глупость. Конечно, Ленин не встречался ни с Вильгельмом II, ни с Людендорфом и не договаривался лично с канцлером Бетманом-Гольвегом и не получал от них ящиков с золотыми германскими марками или с русскими государственными ассигнациями. Ленин лично ведь тоже не участвовал ни в «экспроприациях», которые большевистские «боевики» с ведома Ленина производили

в годы первой революции, пересылая ему награбленные деньги. Ленин тоже лично не участвовал и в вооруженном восстании, организованном по его настоянию, которое привело его к власти. Но большевистская партия **никогда ни одного шага не сделала без его ведома**, больше того, он всегда был инициатором всех решений и выступлений партии. Правительство Вильгельма II давало деньги не отдельным большевикам, «окружавшим» Ленина, но именно **партии**, а Ленин всегда был ее абсолютным диктатором. Никто никогда не действовал от его имени, не будучи заранее уполномоченным на это Лениным.

Имя Троцкого почти не упоминается ни в документах, опубликованных в книге «Германия и русская революция 1915-1918 г.», ни в статье Земана в журнале «Der Monat», ни в книге «Купец революции» а между тем Троцкий, по крайней мере в 1917-1918 гг. несомненно был соучастником германо-большевистского заговора. До войны Троцкий жил в Вене. Когда вспыхнула война, старый лидер австрийской социал-демократической партии, Виктор Адлер, помог Троцкому получить от австрийского правительства разрешение на выезд из Австрии для него самого и его семьи. Троцкий переехал в Цюрих. Там он опубликовал брошюру на немецком языке под заглавием «Война и Интернационал». В ней он резко критиковал, главным образом, немецких социал-демократов за их поддержку военной политики германского правительства. Но через несколько месяцев он переехал из Цюриха в Париж и там стал ближайшим сотрудником газетки «Голос», органа социалистов — противников войны. Позже, когда французское правительство закрыло «Голос», газета начала выходить под названием «Наше Слово» и Троцкий стал ее главным редактором. Ближайшими сотрудниками «Нашего Слова» были: Мартов, Луначарский, Покровский, Рязанов, Лозовский, Мануильский, Раковский, Антонов-Овсеенко и Павлович. Все они, за исключением Мартова, в 1917 г. примкнули

к Ленину. Если Троцкий в Цюрихе нападал, главным образом, на германских социалистов, то в Париже всё острие его пера было со всей резкостью направлено против Франции и ее союзников. Старый друг Троцкого Л. Г. Дейч, прочитав статью Троцкого в «Нашем Слове», глубоко возмущенный ею, воскликнул: «Если б я так хорошо не знал Троцкого, то я не сомневался бы, что он подкуплен германским правительством». В конце 1916 г. «Наше Слово» было закрыто французским правительством, а Троцкий был выслан из Франции. Он уехал в Испанию, но и оттуда его выслали. Он переселился в Нью Йорк и здесь, в редактируемой им и Бухариным русской газете «Новый Мир» и в социалистических газетах и журналах на других языках, продолжал гнуть ту же самую линию. В Нью Йорке Троцкий рассказывал, что «Наше Слово» издавалось на средства главным образом Раковского. Вполне возможно, что Троцкий тогда не знал, что Раковский получал эти деньги от Парвуса. Но в июле 1917 г. Троцкий уже вне всякого сомнения знал, что все большевистские «Правды» («Окопная», «Солдатская» и др.), и весь огромный аппарат большевистской партии, финансируются германским правительством. В своей книге о Ленине, вышедшей в Москве в 1924 г., Троцкий будучи тогда еще все- сильным военным комиссаром и членом Политбюро писал: «После июльского восстания Ленин мне сказал: ‘Теперь они нас перестреляют. Самый для них подходящий момент’». К счастью, — пишет Троцкий, — «нашим врагам не хватало еще ни такой последовательности, ни такой решимости».³²

Троцкий, как и Ленин, хорошо знал, что за агитацию против Временного Правительства и за немедленный мир никто даже из русских умеренных либералов не потребовал бы расстрела Ленина и его ближайших соратников. Но Ленин, конечно, думал, что Временное Правительство получило в свои руки бесспорные доказательства, что большевистская партия получала от правительства Виль-

³² Троцкий, О Ленине, Москва, 1924, стр. 58-59.

гельма II огромные суммы денег на разложение русской армии и усиление анархии в стране, чтобы таким образом привести к военному поражению России и к сепаратному миру. Троцкий тогда работал рука об руку с Лениным и для него не могло быть секретом, что Ганецкий, Воровский и Радек, которые в Стокгольме являлись официальными представителями Ленина и большевистской партии, находятся в близкой связи с Парвусом. 10-го июля 1917 года в письме на имя Временного Правительства Троцкий открыто солидаризировался с Лениным и Зиновьевым, которые тогда были в бегах и скрывались. Троцкий был арестован, но во время корниловского восстания был освобожден из тюрьмы и стал лидером большевиков в Совете Рабочих и Солдатских Депутатов. Он также был выбран членом ЦК большевистской партии. Тогда он уже безусловно знал все секреты большевиков, и он не мог не знать о той помощи, которую германское правительство и генеральный штаб оказывали большевикам — раньше для свержения Временного Правительства, а потом для удержания большевиками власти в своих руках. В качестве первого комиссара по иностранным делам Троцкий не мог не быть в постоянной связи с тайными представителями Германии. Он не мог не знать, что назначенный официальным представителем большевистского правительства в Стокгольме В. Воровский постоянно встречается там не только с Парвусом, но и с советником германского посольства фон Ритцлером. Об этом еще в 1928 году подробно рассказал Филипп Шейдеман в своих мемуарах. Самые крупные суммы большевики получали от немцев уже после захвата ими власти, в конце 1917 г. и в 1918 г. вплоть до окончательного поражения Германии на Западном фронте. Троцкий, конечно, знал об этом, ибо тогда он был всемогущим военкомом и занимал в советском правительстве первое место после Ленина. Таким образом, если не с самого начала войны, то позже, Троцкий был одним из активных соучастников германо-большевистского заговора.

XI

Когда 24-го апреля 1918 г. товарищ министра иностранных дел Буше на заседании германского Рейхстага объявил условия мира, выработанные в Брест-Литовске, председатель социал-демократической партии Филипп Шейдеман в своей речи сказал: «Невозможно начать дебаты о политическом положении, забывая о большой трагедии, постигшей Россию... Канцлер уже сказал нам, что русское правительство приняло условия, выработанные германским правительством. Это не было нашим намерением, намерением германской социал-демократической партии, привести Россию к теперешнему ее состоянию. Мы боролись за защиту нашего отечества против царизма. Мы продолжаем бороться против союзнической политики захватов, но мы не боремся за раздел России, не боремся за подавление независимости Бельгии... Мы считаем необходимым заявить перед всем миром, что политика, которая теперь ведется по отношению к России, не наша политика... Если наша (социал-демократическая) политика не была применена на Востоке, если там приняты были шаги прямо противоположные нашему совету, шаги, которые по нашему убеждению кроме вреда ничего не принесут нашему народу, то русский большевизм в значительной степени способствовал этому. После поражения царизма на фронте, большевизм всецело разоружил Россию и не проявлял, во всяком случае в своих первоначальных стадиях, ни малейшего интереса к сохранению Российской империи. Он (большевизм) фактически играл на руку расчленению России».³³

Эдуард Бернштейн в своей выше цитированной статье в берлинском «Форвертсе» в 1921 г. обвинял Ленина, что он всецело был ответствен за позорный Брест-Литовский мир и за расчленение России, и что не заслуга Ленина и его товарищей, что Брест-Литовский мир был позже ан-

³³ Scheideman. *Memoirs of a Social-Democrat*, Vol. II, p. 451-452.

нулирован в результате победы союзников на западном фронте.³⁴

А через 18 лет, 2-го сентября 1939 года, другой известный германский социалдемократ Рудольф Гильфердинг, который в 1918 г. был одним из лидеров левых независимых социалистов, противников войны, писал в официальном органе германской социалдемократической партии «*Neue Vorwärts*», выходившем тогда в Праге: «Ленин в марте 1918 года подписал Брест-Литовский мир с Германией, чтобы продолжать войну между Германией и Австрией с одной стороны, и Англией и Францией, с другой, и чтобы обеспечить себе самому мир. Он сделал это, рискуя привести к победе реакционных Габсбургов и Гогенцоллернов над западными демократиями... Вмешательство Соед. Штатов Америки, «американского капитализма», как говорили вульгарные марксисты, вмешательство, которое тогда не могло быть предвидено, спасло его (Ленина) от этой опасности».³⁵

Ленин и его товарищи поступили как величайшие предатели не только по отношению к своей родине, к российской демократии, но и по отношению к мировой демократии и международному социализму. Циничное сотрудничество Ленина и большевистской партии с правительством Вильгельма II и германскими милитаристами принесло катастрофические результаты для всей Европы, сведя в большой степени на-нет огромные жертвы западных демократий в первой мировой войне и борьбу целых двух поколений русского освободительного дви-

³⁴ Напомним читателю, что по Брест-Литовскому договору Польша, Курляндия и Литва вместе с частями Лифляндии и Эстонии были объявлены окончательно отделившимися от России. Россия также обязывалась немедленно эвакуировать Финляндию, Балтийские провинции, Украину и Закавказье. Украина, как доказательство своей независимости, заключила сепаратный мир с Германией. Россия была расчленена. Кроме того, большевики еще обязались уплатить Германии огромную контрибуцию.

³⁵ В «*Neue Vorwärts*» Гильфердинг подписывался *Richard Kern*.

жения. В этом же циничном сотрудничестве были заложены моральные основы позднейшего сталинского пакта с Гитлером, развязавшего вторую мировую войну, от которой погибли десятки миллионов людей. Конечно, вся правда о германо-большевистском заговоре 1917-1918 г.г. будет вскрыта только тогда, когда откроются архивы Центрального Комитета большевистской партии, если часть секретнейших документов, хранящихся там, не будет уничтожена или уже не уничтожена.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Г. В. Плеханов в 1917 г. — Его последние дни

I

В своей брошюре «Еще о войне», вышедшей в 1916 году Плеханов писал:

«Россия принадлежит не царю своему, а своему трудящемуся населению. Кому дороги интересы этого населения, тот не может быть равнодушен к судьбам России... Мы должны восставать против эксплуатации одного народа другим, как восстаем против эксплуатации трудящейся массы господствующими классами. Я сочувствую своей родине, когда она подвергается нападению, и не сочувствую ей, когда она нападает. Эксплуататор угнетает, следовательно, нападает, эксплуатируемый стремится освободить себя от угнетателя — следовательно, обороняется... Я никогда не говорил, что русский пролетариат заинтересован в победе русского империализма и никогда этого не думал. А убежден, что он заинтересован лишь в одном: **чтобы русская земля не сделалась предметом эксплуатации в руках германских империалистов.** А это нечто совсем другое».

II

Весть о революции в России застала Плеханова в Сан-Ремо, в Италии, где он обычно проводил зимние месяцы. Плеханов долгое время болел легкими. Несмотря на бо-

лезнь, он однако продолжал усиленно работать. Помимо многих статей о войне, которые он писал на разных языках, он в то время подготавливал свой большой труд «История общественной мысли в России». Но вдруг получилось известие о февральской революции, а затем он начал получать вместе с приветствиями и поздравлениями также просьбы друзей, чтобы он немедленно вернулся в Россию, где он теперь очень нужен.

Март месяц был для Плеханова неподходящим для того, чтобы предпринять длительное и тяжелое путешествие по морю, в особенности когда это было сопряжено с большой опасностью для жизни, ибо немцы тогда вели отчаянную подводную войну и они, несомненно, постарались бы взорвать пароход, который вез такого опасного их врага. Однако, когда Плеханов получил приглашение ехать вместе с французской социалистической делегацией, которая направлялась в Россию, он сразу бросил все свои работы и в течение нескольких часов сложил свои вещи и вместе с женой отправился в Лондон откуда вместе с французской социалистической делегацией должен был отплыть в Россию.

В Лондоне тогда находился старый друг и один из ближайших соратников Плеханова Лев Григорьевич Дейч, который тоже собирался ехать в Россию. О решении Плеханова он ничего не знал, как вдруг в одно туманное лондонское утро он получил от Плеханова приглашение притти к нему в гостиницу.

«Моего старого друга, которого я не видал уже восемь лет, — писал в двадцать третьем году Дейч в американском журнале «Ди Цукунфт». — я застал в кровати, сильно кашляющим. Но он был очень бодро настроен и оживлен. И в последующие дни погода в Лондоне была сырая и холодная. При таких условиях его поездка мне казалась слишком опасной для его здоровья. И я поэтому пытался его уговорить, чтобы он не ехал. Но сразу, при первых же моих словах он сам признал, что поездка для него связана с большим риском. «Я предчувствую, —

сказал он, — что долго жить в России не буду. Но не поехать я не могу. Старый солдат революции должен быть на своем посту, когда его зовут». Мои доводы в пользу того, почему он должен отложить свою поездку на более благоприятное время, на него не действовали. Насколько он сам, как и жена его, сознавал всю опасность их поездки морем до Норвегии, показывает тот факт, что оба они у меня оставили прощальные письма, своего рода завещание, которое я должен был передать их дочерям, если они погибнут. Но Плехановым удалось благополучно приехать в Россию».

Ночью тридцать первого марта к финляндскому вокзалу в Петрограде тянулись массы рабочих, учащаяся молодежь, общественные деятели, члены Совета рабочих и солдатских депутатов, члены Государственной Думы и Временного правительства. Вместе с ними шли части бывшей царской гвардии с красными знаменами и оркестрами музыки. Этот огромный человеческий поток сразу наводнил весь вокзал, платформу и даже ближайшую площадь. Люди, которые были легко одеты, не по погоде, дрожали от предрассветного холода, но все же терпеливо ждали опоздавший поезд, который должен был прибыть из Финляндии. Но вот издали послышался свисток, показались огни локомотива, и поезд медленно остановился у платформы. Оркестры грянули «Марсельезу». Многотысячная публика рвалась вперед с возгласами радости и приветствия. То приехал Плеханов.

И когда Плеханов с женой вышел из вагона, тысячи рук потянулись к нему. Глаза у всех сияли. У многих на лицах были слезы и радостные улыбки. Его обнимали, прижимали к себе, целовали. При непрекращавшихся звуках оркестров и радостных возгласов толпа Плеханова оторвала от его супруги и захватила его в людской водоворот. Жена его, которая очень опасалась за его здоровье, напрасно умоляла публику не налегать на него слишком сильно, никто к ней не прислушивался. «От большой любви и большой радости мои соотечественни-

ки меня чуть не задушили» — рассказывал потом Плеханов, который после этой торжественной встречи испытывал большие муки. Из-за больных легких ему трудно было дышать. Его так прижали, что он чуть не упал в обморок.

В обширных царских палатах, куда «дорогие соотечественники» его в конце концов привели, начались длинные приветственные речи. Говорил председатель Совета рабочих и солдатских депутатов Николай Чхеидзе, члены Временного правительства и другие. На лицах у всех была радость, у многих в глазах стояли слезы. Несмотря на то, что было уже очень поздно и Плеханов страшно устал, его сразу повели на заседание Совета рабочих и солдатских депутатов, где опять-таки продолжали приветствовать и обнимать больного гостя, который еле держался на ногах. Все же он вынужден был отвечать на эти речи.

Так петроградский пролетариат, войска, интеллигенция и население приветствовали ветерана русской революции, старого борца за свободу, который 37 лет провел в изгнании, а теперь с большой опасностью для жизни предпринял поездку в Петроград.

В своей речи на заседании Совета Плеханов, между прочим, сказал: «По своему происхождению я мог принадлежать к числу угнетателей. Я мог принадлежать к «ликующим, праздно болтающим, обагрывающим руки в крови». Я перешел в лагерь угнетенных, потому что любил страдающую русскую массу, потому что любил русского крестьянина и русского рабочего. И когда я признаюсь в этой любви, разве кто-нибудь обвинит меня в преступлении? Такого человека между нами нет и быть не может. (Шумные аплодисменты). Я всегда был за освобождение русской трудящейся массы от ига ее домашних эксплуататоров. Но когда я увидел с полной ясностью, что к числу Романовых, к числу их приспешников, к числу всех тех, которые стояли жадной толпой у трона, к числу угнетателей русского народа спешат при-

соединиться Гогенцоллерны, спешат присоединиться немцы, то я сказал: наша обязанность защищать весь русский народ от немцев, защищать его от Гогенцоллернов».

«Я никогда не видел, товарищи, почему эксплуататор, говорящий по-немецки, должен пользоваться каким-нибудь снисхождением с нашей стороны сравнительно с эксплуататором, говорящим по-русски. Это не имеет никакого смысла. Мы желаем России освобождения от всякой эксплуатации, откуда она бы ни шла. Да здравствует вольная Россия, независимая, избавленная от эксплуатации как со стороны внутреннего врага, так и со стороны внешнего!... Мы должны помнить, что, если немцы победят нас, то это будет означать не только наложение на нас ига немецких эксплуататоров, но и большую вероятность восстановления старого режима. Вот почему надо всемерно бороться как против врага внутреннего, так и против врага внешнего».

И в последующие дни, в продолжение нескольких недель двери дома Плехановых не закрывались. К нему приходили разные посетители — члены Исполкома Совета рабочих депутатов, представители фабрик и заводов, депутаты рабочих, солдат, матросов и такие лица, как адмирал Колчак, генералы Алексеев, Корнилов, Родзянко и даже монархист Пуришкевич. Со всех концов России ежедневно получались на его имя десятки писем и телеграмм с пожеланиями, просьбами, предложениями от организаций, групп и отдельных лиц.

В 1917 году Плеханов оказался одним из самых ярких и последовательных противников большевизма. В мае 1917 г. он писал в своей петроградской газете «Единство»:

«Большевики хотят искусственно ускорить исторический процесс, сделать в России социалистическую революцию в такое время, когда еще нет необходимых для нее условий. Их выступления очень дорого обошлись России. Поэтому необходимо как можно скорее отмежеваться от них. И когда они говорят другим социалистам: «Не душите своих друзей, давайте совместно работать», ре-

волюционное демократическое большинство должно решительно ответить им: «Работать вместе с вами можно только на гибель русского государства и русской революции...»...

«Захват власти большевиками — будет самым большим несчастьем, которое только могло случиться с русским рабочим, а стало быть, и с Россией».

Так говорил Плеханов еще в мае 1917 года. Незадолго до Октябрьского переворота он писал:

«Социалистический строй предполагает, по крайней мере, два неперемненных условия: во первых высокую степень развития производительных сил, так называемой техники; во вторых весьма высокий уровень сознательности в трудящемся населении страны. Там, где отсутствуют эти два необходимых условия, не может быть и речи об организации социалистического способа производства. Если бы рабочие попытались организовать его при отсутствии указанных условий, то из их попытки не вышло бы ничего хорошего. Им удалось бы организовать только голод. Неизбежным следствием «организации голода» явился бы жестокий экономический кризис, после которого рабочие оказались бы в положении гораздо более невыгодном, чем то, в котором они находились до своей попытки. Толковать об организации социалистического общества в нынешней России — значит вдаваться в несомненную, и притом крайне вредную, утопию».

5 июля 1917 г., после провала июльского восстания большевиков, Плеханов писал в «Единстве»:

«Когда сторонники Ленина начинают гражданскую войну, демократическое большинство обязано защищать свою позицию и свое правительство. А когда на эту позицию и на это правительство предпринимается вооруженное нападение, тогда нельзя довольствоваться добрыми советами по части общественного спокойствия и хорошими речами о выгодах общественной тишины. Оружие критики становится бессильным там, где начинается

критика посредством оружия. Проклятие тем, которые начинают гражданскую войну в эту тяжелую для России годину. И горе тем, которые не умеют ответить насильникам ничем, кроме хороших слов!»

А через два месяца, 3 сентября, Плеханов писал:

«Число сторонников Ленинской тактики быстро увеличивается, по крайней мере в Петрограде. Если события пойдут так, как этого хотелось бы ленинцам, то скоро затяжной кризис, переживаемый нашей революционной властью, получит весьма определенное решение: Ленин займет место А. Ф. Керенского. Это будет началом конца нашей революции... Вскоре после возвращения своего на родину я писал, что опасные не столько **Ленин и его последователи**, сколько **полу-ленинцы**, отвергающие мысль о диктатуре пролетариата и крестьянства и в то же время ведущие себя так, как будто бы они одобряли ее. Теперь видно, что я был прав. Торжество — будем надеяться, временное, **ленинцев** в петроградских органах революционной демократии, больше всего подготовлено было вопиющей политической непоследовательностью их незаконнорожденных братьев-**полуленинцев**, имя которым — легион. И оно до сих пор поддерживается, главным образом, той же непоследовательностью... Поражительная, почти беспримерная, **непоследовательность полуленинцев губит революционную демократию, которая в свою очередь погубит революцию, если только не опомнится, пока еще не совсем поздно**». (Подчеркнуто Плехановым).

Через две недели, 16 сентября, Плеханов писал:

«Я всегда говорил, что опасны не **ленинцы**, а **полуленинцы**. Под полуленинцами я понимаю тех наших социалистов, которые, отвергая **некоторые основные посылки** ленинской тактики, все таки готовят его победу тем, что разделяют **другие** его посылки, в **практическом отношении более важные**... Речь идет именно о практическом действии, об агитационном влиянии на массу. И вот тут то социалисты, разделяющие известную часть

основных посылок Ленина, из всех сил помогают ему, настраивая рабочих и солдат в желательном для него смысле... Когда у нас составилось коалиционное правительство, полуленинцы нашли нужным печатно заявить, что в противоположность западным социалистам наши социалистические светила вошли в министерство с тем, чтобы в недрах его продолжать классовую борьбу. Поставить себе такую роль значит отвергнуть идею коалиции **на деле, признав ее на словах.** Вот какова логика полуленинцев!... Нужно соглашение всех тех классов и слоев, которые не заинтересованы в восстановлении старого порядка. К такому соглашению нельзя придти без взаимных уступок. А им то и мешают полуленинцы, усердно работающие на Ленина».

Плеханов все время защищая идею честной коалиции между социалистами и либералами. В целом ряде номеров своей газеты «Единство» (номера от 25 мая, 16 июля, 13 и 15 августа, 8, 16, 17 сентября) он писал:

«Коалиция нужна для избежания гражданской войны. Коалиция нам нужна для устранения той грозной хозяйственной разрухи, борьба с которой не может быть успешно ведома силами одной только революционной демократии. Вне коалиции для нас нет спасения. Нужна не капитуляция, а именно коалиция. **Власть должна опираться на коалицию всех живых сил страны.** Власть, воздвигнутая на узком социальном фундаменте, неизбежно страдает неустойчивостью. А неустойчивость власти так же неизбежно вводит в искушение разных авантюристов, пытающихся заменить ее новой властью, более удобной для их честолюбивых замыслов. Всякое коалиционное правительство возникает как результат взаимных уступок. **Коалиция есть соглашение.** Соглашение не есть борьба. Кто входит в соглашение, тот в его пределах, — заметьте, я говорю в его пределах, — отказывается от борьбы. А кто продолжает борьбу, тот нарушает соглашение. Тут середины быть не может: не хотите соглашения — идите за Лениным, не решаетесь идти за Лениным — входите

в соглашение. Социалисты должны вступить в коалиционное министерство, чтобы **работать** для удовлетворения насущных нужд страны вместе с **несоциалистическими его элементами**, а не затем, чтобы вести с этими последними «классовую борьбу». К соглашениям нельзя прийти без взаимных уступок. Нет таких формальных препятствий, с которыми нельзя было бы справиться, обладая нужным запасом благоразумия и доброй воли. Но в том то и дело, что тут много, очень много, требуется как благоразумия, так и доброй воли. Чтобы побороть указанные препятствия, необходимо смотреть на предмет с точки зрения **нужд всего населения**, а не с точки зрения интересов отдельного общественного класса или слоя. **В противоположном случае ничего хорошего не выйдет.**

В августе 1917 года Плеханов и его жена были в Москве на знаменитом Государственном совещании. Они прожили там 10-12 дней в доме старого социал-демократического писателя Николая Вольского, писавшего под псевдонимом Николай Валентинов. В. И. Засулич тогда тоже была в Москве. «Войдя однажды в мою комнату, пишет Валентинов, он попросил дать ему «Былое и Думы» Герцена и быстро нашел то место, где тот описывает, как, находясь на Воробьевых горах в 1827 году, он и юный Огарев, обнявшись, «присягнули пожертвовать жизнью» за счастье и свободу народа. В 1853 году, обращаясь к Огареву, Герцен писал:

«Сцена эта может показаться очень натянутой, очень театральной, а между тем, через двадцать шесть лет, я тронут до слез, вспоминая ее, она была свято искренна, это доказала вся жизнь наша. Так, Огарев, рука об руку, входили мы с тобой в жизнь. Путь, нами выбранный, был не легкий, мы его не покидали ни разу, раненные, сломанные мы шли и нас никто не обгонял. Я дошел не до цели, а до того места, где дорога идет под гору, невольно ищу твоей руки, чтобы пожать ее и сказать, грустно улыбаясь: **вот и всё.**»

Плеханов вслух, медленно, прочитал это место, осо-

бенно нажал на «**ВОТ и ВСЁ**» и, резко захлопнув книгу, обратился к Валентинову:

«Мне очень хотелось бы посетить место присяги Герцена и Огарева. Не могли ли бы вы организовать поездку туда? Это место можно считать священным в истории развития нашей общественной мысли. От этой присяги пошли и «Колокол», и «Полярная Звезда». Я думал о нем теперь едучи в Москву и очень часто раньше, живя в Женеве».

Через день на нескольких автомобилях Валентинов, вместе с Плехановым, его женой и Верой Засулич, в сопровождении некоторых других лиц отправились на Воробьевы горы. Плеханов и Засулич долго любовались панорамой. «Нетрудно было заметить, — вспоминал Валентинов, — что Плеханова что-то волнует. Ставший очень бледным, он вдруг сжал руки Засулич и сказал:

«Вера Ивановна, 90 лет тому назад, приблизительно в этом месте Герцен и Огарев принесли свою присягу. Около сорока лет назад, в другом месте — вы помните? — мы с вами тоже присягнули, что благо народа на всю жизнь будет для нас высшим законом. Наша дорога теперь явно идет под гору. Быстро приближается момент, когда мы, вернее, кое-кто о нас скажет: «Вот и все». Это, вероятно, наступит раньше, чем мы предполагаем. Пока мы еще дышим, спросим себя, смотря друг другу прямо в глаза: выполнили мы нашу присягу? Думаю, выполнили ее честно. Не правда ли, Вера Ивановна? Честно?»

Валентинов не слышал, что ответила Засулич. Он видел только, что на ее лице отразилось такое волнение, что казалось, она зарыдает. Согнувшись, она быстро отошла в сторону.*)

По мнению Дейча, болезненное состояние Плеханова в 1917 г. было одной из главных причин, почему он не имел большего влияния на развитие февральской рево-

*) Н. Валентинов. Трагедия Г. В. Плеханова. «Новый Журнал» (Нью Йорк) № 20.

люции, хотя обладал такими исключительными способностями и был так популярен. Если бы он был здоровес, он мог бы чаще выступать на собраниях рабочих и солдат, у которых он, несомненно, мог быть духовным вождем. «Неоднократно я имел возможность убедиться в этом, — пишет Дейч. — Мне, например, пришлось выступать вместе с ним на огромнейшем митинге на Обуховском заводе, и я видел, какое воодушевление он вызвал у всей огромной массы своей блестящей речью. После долгих, долгих аплодисментов и возгласов рабочие на руках вынесли его к его автомобилю. Не меньший успех он мог бы иметь и у солдат, если бы состояние его здоровья позволило ему выступать на тех митингах, которые тогда происходили в казармах. В юности он сам ведь служил в армии, и военную обстановку он прекрасно знал. Но в то время, как Плеханову приходилось неделями из-за болезни лежать в кровати, его враги нарочно вели против него сильную кампанию. Некоторые из них даже не останавливались ни перед ложью, ни перед наветами, лишь бы очернить его в глазах массы».

«В течение нескольких недель только на одном месте в Петрограде была специальная трибуна, где выступали один за другим ничтожные демагоги из бывших «товарищей», которые «срывали маску» с Плеханова. А окружающая толпа выслушивала этих ораторов, которые искажали мнения Плеханова и представляли его как изменника рабочему классу, который подкуплен капиталистами. Некоторые даже утверждали, что они сами видели, что он имеет собственную виллу и что по своим привычкам и образу жизни — он настоящий «буржуй». Эти устные и письменные нападки большевиков и других, крайне левых, несомненно имели влияние на массу. «Нет дыма без огня» — вероятно думали те, которые не знали скрытых мотивов гнусной травли самого талантливого мыслителя и борца из всех социалистов, которые боролись за торжество русской революции».

«Будучи часто пригвожденным к кровати, он не мог

и не имел возможности опровергать все лживые легенды, которые распространяли его враги о нем. Он был всецело занят другим серьезным вопросом... «Пусть они чернят мое имя, — говорил он, — но пусть революция победит. Пусть прусский военный сапог не раздавит ее». Итак, изо дня в день он в своих статьях указывал, при каких обстоятельствах революция может победить и спасти страну от гибели».

10 ноября 1917 г., то есть через три дня после Октябрьского переворота, Плеханов писал, что это событие его глубоко огорчает: «...Не потому огорчает, чтобы я не хотел торжества рабочего класса, а, наоборот, потому, что призываю его всеми силами своей души. Но рабочий класс не может с пользой для себя и для страны взять в свои руки всю полноту политической власти. Назвать ему такую власть — значит толкать его на путь величайшего исторического несчастья, которое было бы в то же время величайшим несчастьем и для всей России... Захватив политическую власть, русский пролетариат не совершит социальной революции, а только вызовет гражданскую войну, которая в конце концов заставит его отступить далеко от позиций, завоеванных в феврале и марте нынешнего года».

Так Плеханов писал в ноябре 1917 года, через три дня после переворота. Плеханов и в этом оказался прав: Октябрьский переворот вызвал гражданскую войну. В результате Октябрьского переворота рабочий класс России и вместе с ним весь народ утратили все те свободы, которые были завоеваны в феврале 1917 года.

III

А в своей последней статье, написанной им в январе 1918 г., уже после разгона большевиками Всероссийского Учредительного Собрания, Плеханов, отвечая на упреки, сделанные ему, что он в 1903 г. на втором съезде РСДРП высказался за разгон будущего Учредительного Собрания, если революционная партия не будет иметь в нем

большинства, писал, что он в своей тогдашней речи сказал, что **теоретически** мыслим такой случай, когда революционному правительству придется разогнать реакционное Учредительное Собрание. «Но теоретически мыслимый случай, — писал Плеханов, — не есть такой случай, который имеет место везде и всегда. Теоретическая **возможность** вовсе не есть **действительность**, к которой мы стремимся при данных условиях... Учредительные Собрания имеют разный характер... Учредительное Собрание, которое разогнали на этих днях ‘народные комиссары’ обеими ногами стояло на почве интересов трудящегося населения России. Разгоняя его, ‘народные комиссары’ боролись не с врагами рабочего класса, а с врагами диктатуры Смольного института (большевиков)... Захватывая власть в свои руки, они, конечно, не собирались отказываться от нее в том случае, если большинство Учредительного Собрания будет состоять не из их сторонников. Когда они увидели, что большинство это состоит из социалистов-революционеров, они решили: необходимо как можно скорее покончить с Учредительным Собранием... Их диктатура представляет собой не диктатуру трудящегося населения, а диктатуру одной части его, диктатуру группы. И именно поэтому им приходится все более и более учащать употребление террористических средств. Употребление этих средств есть признак шаткости положения, а вовсе не признак силы. И уж во всяком случае ни социализм, вообще, ни марксизм, в частности, тут совершенно не при чем».

В этой же своей последней статье Плеханов вспомнил, что когда-то Виктор Адлер, лидер австрийской социал-демократии, задолго до революции в России говаривал ему полушутя, полусерьезно: «Ленин — ваш сын». «Я отвечал ему на это, — писал Плеханов. — Если сын, то, очевидно, незаконный». «Я и до сих пор думаю, что тактика большевиков представляет собой совершенно незаконный вывод из тех тактических положений, которые проповедывал я, опираясь на теорию Маркса-Энгельса.

Покойный Михайловский как-то заметил, что нельзя считать Дарвина, писавшего о борьбе за существование, ответственным за поступки «дарвиненка», который во имя теории великого английского натуралиста выскакивает на улицу и хватает прохожих за шиворот. Если позволите сравнить малое с большим, — нельзя меня, как теоретика русского марксизма, делать ответственным за всякое нелепое или преступное действие всякого русского «марксенка» или всякой группы «марксят».

Еще за несколько месяцев до большевистского переворота Плеханов предвидел, что при слабости и нерешительности Временного правительства, в результате постоянного давления на него со стороны левых социалистов, возглавлявших Петроградский и Всероссийский Советы Рабочих и Солдатских Депутатов, Ленину и его сторонникам удастся захватить власть. Гуляя в то время однажды по набережной Невы с известным бельгийским социалистом Де-Брукером, Плеханов, указывая ему на Петропавловскую крепость, где в царские времена содержались многие заключенные революционеры, заметил: «Через три месяца моя очередь быть там». Захватившие власть большевики не заключили больного Плеханова в Петропавловскую крепость, а подослали к нему в дом матросов, которые грозили его убить. Большевики, если бы и не убили Плеханова, то наверное со временем арестовали бы.

IV

Вскоре после прибытия в Россию Плеханов поселился из-за его плохого состояния здоровья, в Царском Селе, где климат был лучше чем в Петрограде. Там его постиг октябрьский переворот и сразу же он там подвергся гнусным оскорблениям. К нему в квартиру ворвались подосланные матросы и застав больного Плеханова в кровати, один матрос крикнул ему: «Выдайте оружие, а то если найдем его сами, я тут же убью вас на месте». Плеханов не растерялся и спокойно ответил: «Убить чело-

века не трудно. Но оружия вы все-таки не найдете».

Супруга Плеханова потом рассказывала, что, увидев опасность, грозящую жизни мужа, она обратилась к матросу со словами: «Уверяю вас всем святым, что мы не храним оружия». На это последовал презрительный ответ матроса: «Ну что мне святые! Не верю я в святых!» Спокойствие Плеханова охладило матроса и он направился к выходу. За ним пошли и его товарищи. В дверях они остановились и опять допрос: «Какого вы звания?» Последовал ответ, озадачивший матроса: «Писательского». «Что вы пишете?» «О революции, о социализме». — «Ну, что революция! И Керенский был революционером! Вы министр?» — «Нет!» — «Вы член Государственной Думы?» — «Нет». После этого они ушли.

На другое утро опять в квартиру Плеханова явилась группа с требованием выдать имеющееся оружие. Но на этот раз супруга Плеханова непустила их в квартиру и сказала им решительно, что она не допустит второго обыска, что стыдно поднимать больных с постели. На этот раз один рабочий-красногвардеец ответил извинениями и словами: «Мы не поднимаем больных». Этим дело и кончилось. Когда супруга Плеханова сказала Г. В.: «Неужели они к тебе опять придут? Это невозможно!» — Георгий Валентинович ответил ей: «Как ты мало знаешь этих людей (лидеров большевиков)! Они способны подослать наемного убийцу, а после убийства проливать крокодиловы слезы и объяснять случившееся разбушевавшейся народной стихией».

«Как Плеханов потом нам рассказывал подробности, — писал Дейч, — он считал себя уже обреченным и думал только об одном, чтобы он мог овладеть собой и не потерять спокойствия. И, как передает его супруга, ему это вполне удалось. Но несомненно, что те несколько минут ускорили его болезнь и приблизили его смерть. Больного Плеханова товарищи с большой осторожностью перенесли в карету скорой помощи и перевезли его в Петроград, поместив во французский госпиталь, где он мог

надеяться, что будет гарантирован от нового нападения. Но Плеханов с тех пор уже не встал с кровати. Он страшно страдал. Внешне, однако, он этого не показывал. Плеханов, как известно, был очень горд. К тому же он мог владеть собой. Только самые близкие люди, которые его знали в течение десятилетий, могли догадываться о его настроениях».

«Вскоре после этого произошло страшное, позорное убийство в больнице Шингарева и Кокошкина (министров Временного правительства), которых матросы застрелили, когда они находились в Надеждинской больнице. Супруга Плеханова и мы, его друзья, серьезно начали беспокоиться за его судьбу. После краткого обсуждения мы решили его отвезти в Финляндию, в санаторий, который находился в 60 верстах от Петрограда. В очень плохую погоду и самым неудобным образом удалось как-то перевезти Плеханова в санаторий в Питкяярви, недалеко от станции Териоки. Это еще больше ухудшило его здоровье. К его физическим страданиям прибавились душевные. Когда мы решили перевести его в Питкяярви, мы думали, что будем в состоянии часто посещать его и держать его в контакте со всеми событиями в России. Хотя болезнь легких его обострилась, он все же самым внимательным образом следил за всеми трагическими событиями, происходившими в стране».

«Но очень скоро после его прибытия в Финляндию, в самой Финляндии разразилась гражданская война. Связь между Россией и Финляндией была почти всецело прервана. Плеханов и его жена были совершенно оторваны от Петрограда. Нельзя было туда пробраться. Они даже не могли регулярно получать газет. Только в феврале 18-го года мне удалось получить разрешение от советской власти поехать к нему. Плеханов и Розалия Марковна (его жена) очень обрадовались моему приезду. Плеханов, я увидел, за это время сильно исхудал и ослабел. Даже в постели он не в состоянии был сам переворачиваться с одного бока на другой. У него все время была высокая

температура. Но все его духовные способности от этого не страдали. Его ясность мысли, исключительная память и остроумие и тогда не покинули его.

«Хотя врачи запретили ему много говорить, он все же меня засыпал разными вопросами о том, что происходит в Петрограде. И он тут же по-своему истолковывал мои ответы о последних политических событиях, опять и опять повторяя «Да, Россия пропала! Да, Россия погибла!» Потом он напомнил нам рассказ Глеба Успенского, где статистик, который подсчитывал число коров у крестьян, от поры до времени отрывался от своего стола и шагая по комнате из одного угла в другой, восклицал: «Две трети коровы на мужика! Россия погибла!» Потом при новом итоге он опять бегал по комнате и кричал: «Россия погибла!»

«То же самое повторяю и я сейчас, — сказал нам Г. В. с горькой улыбкой». Хотя он страшно страдал физически и душевно, он не переставал иронизировать и шутить. Брест-Литовский мир Плеханов считал позором и величайшим несчастьем для России. Он предвидел и надеялся, что союзники с помощью Америки в конце концов победят. «В таком случае, — говорил он, — для России еще не все потеряно, хотя факт предательства всегда останется черным пятном на России». На этот раз я долго не мог оставаться у Плеханова. Я должен был вернуться в Петроград, но я обещал приехать на более продолжительный срок в следующий раз».

«В марте мне опять удалось получить разрешение на въезд в Финляндию. На этот раз я Плеханова застал в еще более худшем состоянии: он начал харкать кровью. Жена его и я не отходили от его постели. Было тяжело видеть его страдания. Он знал, что приближается конец, который он предвидел еще в Лондоне. Мы старались его ободрить и утешали, что с наступлением весны его здоровье улучшится. Но он не верил этому. Настроение у него было совершенно тяжелое. Он ясно видел, что большевистские вожди толкают Россию в пропасть. Не-

однократно он обращался ко мне с повидимому глубоко мучившим его вопросом: «Не слишком ли рано мы в отсталой, полуазиатской России начали пропаганду марксизма?»

«Кроме тех минут, когда его душил кашель, он все остальное время не переставал интересоваться всем, что имело какое-либо значение. И хотя врачи ему уже совершенно запретили говорить, он все же продолжал рассказывать о своем прошлом, о своих встречах с разными знаменитостями и т. д. Когда он уставал от разговоров, он просил меня, чтобы я ему вслух читал Лескова, Чехова и Мопассана, При этом он посреди чтения делал очень меткие замечания, сравнения и комментарии. Это были, может быть, самые интересные лекици о мировой литературе. Когда я приходил к себе в комнату после разговоров с Плехановым, я записывал некоторые его меткие замечания и характеристики Ленина, Троцкого, Мартова и других. Если бы возможно было собрать и издать все эти характеристики, воспоминания и комментари, это составило бы редкую книгу, чрезвычайно интересную, может быть, одну из самых замечательных книг в мировой литературе».

**
*

В продолжение многих лет Л. Г. Дейчу неоднократно приходилось беседовать с Плехановым с глазу на глаз, присутствовать при его разговорах с другими лицами или слышать его рефераты или речи на разных собраниях, но никогда, по словам Дейча, его речи не были так оригинальны, глубоко захватывающи и интересны, как тогда в финдляндском санатории. А главное — замечателен был их тон. «Почему это так было, — писал Дейч, — понятно становится, когда вспоминаешь об историческом и страшном периоде который переживала тогда Россия. Война еще не окончилась, коммунизм только начал свои первые шаги... И в такое время Плеханов, один из выдающихся русских мыслителей, человек с энциклопедическими

знаниями, феноменальной памятью и исключительной наблюдательностью, — лежит пригвожденный к постели в заброшенном санатории, как будто бы скованный. Человек, который привык духовно работать с утра до темной ночи, делиться устно и письменно своими мыслями и мнениями, лежит целыми ночами с открытыми глазами и думает. Его голова не перестает работать и у него рождались разные мысли, воспоминания, сравнения».

«Тут, в тишине и спокойствии, без ежедневной работы, у него начали вырываться наружу все огромные сокровища, которые накоплялись у него в голове в течение десятков лет. Его всесторонние знания, которых он не использовал, его впечатления о многих встречах, переживаниях — все, все рвалось теперь наружу. Получалось впечатление, что он как будто торопился делиться всем тем, что он раньше не успел высказать для того, чтобы не унести с собой все это в могилу. Мне кажется, что только этим его состоянием можно объяснить его тогдашний интимный тон его разговоров».

«Даже после кровоизлияния, когда врачи окончательно запретили ему произнести хотя бы одно слово, его это не удерживало и он продолжал делиться со мной своими мыслями — он записывал на бумажке разные вопросы и высказывал свои мнения о них, а также мнения о разных лицах. Эти записки Плеханова, его последние рукописи я храню как зеницу ока и при случае я их когда-нибудь опубликую». К концу марта положение в Финляндии стало еще бесकोйнее. Гражданская война, которая свирепствовала кругом, стала опасной также для санатория».

Нередко санаторий со многими больными оставался без продуктов из-за невозможности достать что-нибудь, ибо та и другая сторона часто конфисковывали все продукты. Дейч вынужден был вернуться в Петроград по личным делам, а также чтобы достать продукты и медикаменты для Плеханова. Но уже при отъезде он страшно беспокоился, сможет ли еще раз приехать к нему. Уже

на второй день оказалось, что его предчувствие его не обмануло. «Белые» везде побеждали «красных» в Финляндии, а потом на долгое время всякие сношения с советской Россией были прерваны. Не только нельзя было ездить в Териоки, но даже писем нельзя было посылать туда. «Всякая связь между мной и Плехановым оборвалась. Невыносимо тяжело было, — писал Дейч, — представить себе, что умирающий Плеханов лежит где-то на чужбине в заброшенном углу одинокий, без всяких средств... В течение нескольких дней мы не знали даже — жив ли еще Плеханов».

« В первых числах июня одна дама, которая каким-то чудом пробралась в Петроград из Финляндии, сообщила мне, что Плеханов скончался 30-го мая. При этом она передала что супруга Плеханова просила ее передать мне, чтобы я получил разрешение перевезти прах Плеханова в Петроград, так как он выразил желание быть похороненным на Волковом кладбище, рядом с Белинским. (Белинский, кстати приходился ему дальним родственником: мать Плеханова была родом Белинская). Хотя я ждал такого сообщения, но это меня поразило как громом и совершенно потрясло».

«Три дня подряд я потом являлся на пограничную станцию Белоостров, пока мне удалось дать знать Розалии Марковне, что нет никаких препятствий для перевезения мертвого Плеханова в Петроград. На том же Финляндском вокзале, где 14 месяцев тому назад его с таким одушевлением встретили огромные массы народа, теперь небольшая группа близких друзей и почитателей встретила его набальзамированный прах. Как известно, советская власть издала приказ, чтобы петроградские рабочие не участвовали в похоронной процессии Плеханова из-за его политики в последнее время. Однако более сознательная часть петроградских рабочих не послушалась этого приказа. И гроб Плеханова сопровождала огромная масса людей».

9 июня на похорнах Г. В. Плеханова, согласно отчету Горьковской «Новой Жизни» от 11-го июня, приняли участие многочисленные политические, рабочие, профессиональные, национальные и научные, студенческие и пр. организации и множество социалистической и демократической интеллигенции Петрограда, а также целый ряд общественных, литературных, культурно-просветительных и кооперативных учреждений. Ровно в 12 часов гроб на руках друзей и близких покойного был вынесен из помещения Вольно-экономического общества под звуки музыки «Коль славен», исполненной матросским оркестром бывшей яхты «Штандарт». Депутаций и венков было бесконечно много. Обращал внимание венок от монархиста В. М. Пуришкевича — «Политическому врагу, великому русскому патриоту Георгию Валентиновичу Плеханову»...

В 2 часа 15 минут печальный кортеж остановился на Казанской площади, которая была усеяна сплошной массой народа, захватившей весь район площади до Садовой улицы с одной стороны и до Морской — с другой. Оркестр играл похоронный марш Шопена, после которого раздались звуки «Вечной памяти». Небольшую речь с балкона произнес рабочий Берг от имени Собрания Уполномоченных фабрик и заводов.

К 5-ти часам вечера процессия подошла к Волкову кладбищу. К моменту прихода процессии Литературные Мостки, где была приготовлена могила для Плеханова, возле могил Белинского и Добролюбова, были сплошь заполнены народом. Гроб у края могилы. Мимо него проходят бесконечные делегации с венками и знаменами. Начинаются речи. Первым говорит взволнованный до слез ближайший друг покойного Лев Дейч.

«У Христа, — говорит Дейч, — был один только Иуда, а среди учеников Плеханова их было много». Далее Дейч говорит о равнодушии, проявленном рабочим классом к Плеханову. Это несомненно послужило причиной преждевременной смерти его. История покажет, кто был

прав. Плеханов ли который четыре года назад заявил о необходимости защиты России или те, кто его за это прозывали чуть ли не изменником. Далее говорили: председатель совета уполномоченных фабрик и заводов А. Н. Смирнов, рабочий Путиловского завода Глебов, председатель общества «Культура и Свобода», рабочий Иван Кубиков и др.

Рабочий Смирнов сказал: «Смерть этого большого человека давит мысль и чувство. Мы зарываем его в могилу в дни национального бедствия, когда те жалкие остатки, которые еще имеются у нас, с каждым днем отдаются в ненасытную пасть немецкого империализма, когда страна управляется расстрелами, когда земля поливается кровью рабочих, когда у нас нет правосудия и задушено свободное печатное слово. Мы хороним Плеханова в этот ужасный момент, а русское общество хранит упорное молчание. Где те, кто так же умел бороться, как наш покойный учитель? Лед равнодушия должен тронуться или окончательная гибель неминуема».

С глубоким волнением говорил Александр Николаевич Потресов, один из основателей и редакторов газеты «Искра». Он сказал: «Плеханов был нашей национальной честью, национальной гордостью, но он же стал нашей величайшей национальной жертвой».

После речей гроб с останками Плеханова под пение Вечной Памяти тихо опускают в могилу. Могила засыпается, земляной холм увенчивается массой живых цветов и венков.

В 1922 году, когда Бухарин однажды зашел к Ленину, Ильич ему сказал:

«А знаете, что я теперь читаю? Я теперь вновь перечитываю статьи Плеханова, которые он писал во время войны. **Интересно!** Они вовсе не были так глупы, как мы тогда думали».

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Ленин и марксизм-ленинизм

«Наша ленинская партия стояла и стоит на позициях творческого марксизма-ленинизма. Она исходит при этом из основных, незыблемых положений марксизма-ленинизма, проверенных и подтвержденных громадным опытом революционной борьбы, полувековым опытом коммунистического строительства». («Коммунист» № 17, Москва, ноябрь 1967 г.)

Так называемый «марксизм-ленинизм» выдумал Сталин в своей борьбе против Троцкого: Ленин в действительности не создал никакой выдержанной теории. В одно время он говорил одно, в другое время другое и очень часто себе противоречил. Как увидим ниже, Ленин ни одной новой мысли и в марксистскую теорию не внес.

Знаменитый русский ученый экономист, профессор Михаил Иванович Туган-Барановский, автор многочисленных книг и брошюр, вышедших до революции в России и переведенных на многие языки, в конце 19 и в начале 20 столетия был одним из самых выдающихся легальных марксистов в России. Потом он отошел от марксизма, но остался до конца дней своих демократом и умеренным социалистом. В 1903 году он говорил Н. В. Валентинову, автору книги «Мои встречи с Лениным», о Ленине, с которым вместе сотрудничал в разных марксистских журналах и которого хорошо знал:

«Я не буду касаться Ленина, как политика и организатора партии. Возможно, что здесь он весьма на своем

месте, но экономист, теоретик, исследователь — он ничтожный. Он вызубрил Маркса и хорошо знает только земские переписи. Больше ничего. Он прочитал Сисмонди и об этом писал, но, уверяю вас, он не читал как следует ни Прудона, ни Сен-Симона, ни Фурье, ни остальных французских утопистов. История развития экономической науки ему почти неизвестна. Он не знает ни Кенэ, ни даже Листа. Он не прочитал ни Менгера, ни Бем-Баверка, ни одной книги, критиковавшей теорию трудовой стоимости Маркса... Он сознательно отвертывается от них, боясь, что они просверлят дыру в теории Маркса. Говорят о его книге «Развитие капитализма в России», но ведь она слаба, лишена настоящего исторического фона, полна грубых промахов и пробелов».

Другой выдающийся экономист и философ П. Б. Струве, один из первых русских легальных марксистов, тоже в течение ряда лет сотрудничал с Лениным в марксистских журналах и сборниках и хорошо знал его. Как и Туган-Барановский, Струве в начале столетия постепенно отошел от марксизма. В 1907 году он назвал ленинский большевизм **«черносотенным социализмом»**.

Знаменитый русский философ Н. А. Бердяев — тоже бывший видный марксист и не менее, чем Туган-Барановский и Струве понимавший толк в марксизме, — писал о ленинском марксизме:

«Маркс и Энгельс говорили о буржуазном характере грядущей русской революции, были за народовольцев, которые сосредоточились исключительно на свержении самодержавной монархии и в этом отношении были гораздо менее предшественниками Ленина, чем Ткачев... Очень решительно и резко уже в 80-е годы полемизировал против Ткачева основатель русского марксизма и социал-демократии Г. В. Плеханов. Это один из основных мотивов его книги «Наши разногласия». Полемика Плеханова с Ткачевым представляет большой интерес, потому что она звучит совсем так, как будто Плеханов полемизирует с Лениным и большевиками, в то время, как их

еще не существовало. Плеханов восстает, главным образом, против идеи захвата власти революционной социалистической партией. Он считает такой захват власти величайшим несчастьем, чреватым грядущей реакцией». (Бердяев. «Истоки и смысл русского коммунизма». Париж, 1955 г., стр. 60).

В своей последней книге Бердяев писал:

«Ленин философски и культурно был реакционер, человек страшно отсталый, он не был даже на высоте диалектики Маркса, прошедшей через германский идеализм». (Бердяев. «Самопознание». Париж, стр. 161).

Не только бывшие марксисты, но и основоположник русского марксизма Г. В. Плеханов, которого сам Ленин считал крупнейшим теоретиком марксизма во всем мире, в 1906 году, когда они еще были в одной партии, писал:

«Ленин с самого начала был скорее бланкистом, чем марксистом. Свою бланкистскую контрабанду он проносил под флагом самой строгой марксистской ортодоксии». (Г. Плеханов. Заметки публициста «Современная жизнь». Москва, декабрь 1906.).

В большевистской партии с первого дня ее существования не было даже намека на какую-либо демократию. С самого начала Ленин представлял себе партию не иначе, как тайную, строго конспиративную организацию, построенную по военному образцу. Центральный комитет должен руководить всей работой и постоянно стоять на страже, чтобы не допускать в партии никаких оппозиций или «уклонов» от марксистского учения в ленинской формулировке. Об этом еще после второго съезда Российской социал-демократической рабочей пратии в 1903 году, когда произошел раскол на большевиков и меньшевиков, Троцкий, бывший делегатом на этом съезде, писал:

«Товарищ Ленин проявляет явную волю к власти. Осадное положение в партии, на котором так настаивает Ленин, требует твердой власти, железной руки... И товарищ Ленин пришел к заключению, что этой железной рукой является он сам и только он сам... Для Ленина хо-

рошие члены партии — это те, которые принимают его 'план'. Плохие те, которые не согласны с теми или иными деталями его 'плана'. Их нужно воспитать? Нет, — подавить, ослабить, уничтожить, устранить... Ленин пришел к энергичному выводу, что для того, чтобы сделать работу успешной, необходимо устранить все мешающие элементы и поставить их в такое положение, где они не могли бы вредить партии. Другими словами, для благополучия партии необходимо установить в ней режим, 'осадного положения' с диктатором во главе». (Троцкий. «Наши политические задачи». Женева, 1904 г. стр. 95, 96, 97).

В том же году Г. В. Плеханов в № 70 «Искры» писал о Ленине:

«Ленин объявил социалистическую интеллигенцию демиургом (верховным разумом) социалистической революции, а самого себя и своих верных беспрекословных последователей — социалистической интеллигенцией по преимуществу, так сказать, **сверхинтеллигенцией**. Всех 'несогласно-мыслящих' он обвиняет в анархическом индивидуализме и в борьбе с ними апеллирует к той самой массе, которая в его теории играет роль пассивной **материи**. У Ленина народная масса служит, главным образом, для того, чтобы пугать и 'покорять под ножи' всякого — внутреннего и внешнего врага и супостата... Но предположим, что Ленин повременит с объявлением вне закона меньшевиков. Он оставит право на жизнь меньшевистской оппозиции. Но его терпимость не пойдет дальше Щедринского принципа: 'Оппозиция не вредна, если она не вредит!'»

При Ленине никогда никакой демократии и свободы мнений в партии большевиков не было. Ленин сам решал, кто должен быть в ЦК и в Политбюро, и те коммунисты, которые резко критиковали его политику и требовали реформ, не только устранялись от партийного руководства, но и снимались с ответственных должностей, которые они занимали в партии или в правитель-

стве. При такой системе только и мог появиться Сталин.

Далее приводятся некоторые из многочисленных высказываний Ленина в разные периоды его деятельности, — из них легко можно увидеть, что проповедовал Ленин до захвата власти в России и как он противоречил своим проповедям после того, как стал диктатором. Эти высказывания позволяют видеть, чему в действительности служила работа Ленина и что можно было бы называть «ленинизмом».

ЧТО ПРОПОВЕДОВАЛ ЛЕНИН ДО РЕВОЛЮЦИИ

«В России нет выборного правления. Правят те, кто искуснее подставляет ножку, кто лжет и клеветает, льстит и заискивает. Правят тайком, народ не знает, какие законы готовятся, какие войны собираются вести, какие новые налоги вводятся, каких чиновников и за что награждают, каких смещают.

Вот почему рабочие и неимущие крестьяне должны, не боясь преследований, не страшась никаких угроз и насилий врага, не смущаясь первыми неудачами, выступить на решительную борьбу за свободу всего русского народа и потребовать прежде всего **созыва народных представителей**. Пусть народ сам выберет по всей России своих депутатов. Пусть эти депутаты составят верховное собрание, которое учредит выборное правление на Руси, освободит народ от крепостной зависимости перед чиновниками и полицией, обеспечит народу право свободных сходов, свободной речи и свободной печати». («К деревенской бедноте», Сочинения, т. 6, стр. 334-345).

«Всякий согласится, вероятно, что 'широкий демократический принцип' включает в себя два следующих необходимых условия: во-первых, полную гласность и, во-вторых, выборность всех функций. Без гласности смешно было бы говорить о демократизме, и притом такой гласности, которая не ограничилась бы членами организации... Никто не назовет демократической организацией

такую, которая закрыта от всех не членом покровом тайны». (Сочинения, т. 5, стр. 445).

«Свобода народа обеспечена лишь тогда, когда народ действительно устраивает без всякой помехи союзы, собрания, ведет газеты, выбирает и сменяет сам всех должностных лиц государства, которым поручается проведение законов в жизнь и управление на основании законов. Следовательно, свобода народа обеспечена лишь тогда полностью и на самом деле, когда вся власть в государстве полностью и на самом деле принадлежит народу. Это совершенно очевидно» (Сочинения, т. 10, стр. 52).

«Во-первых, мы требуем немедленного и безусловно-го признания законом свободы сходок, свободы печати, амнистии всех 'политиков' и всех сектантов. Пока этого не сделано, всякие слова о терпимости, о свободе вероисповедания останутся жалкой игрой и недостойной ложью. Пока не объявлена свобода сходок, слова и печати — до тех пор не исчезнет позорная русская инквизиция, травящая исповедание неказенной веры, неказенных мнений, неказенных учений.

Во-вторых, мы требуем созыва Всенародного Учредительного Собрания, которое должно быть выбрано всеми гражданами без изъятий и которое должно установить в России выборную форму правления... Пока не созвано всенародное собрание депутатов — до тех пор ложью и ложью будут всякие слова о доверии обществу. До тех пор не ослабнет революционная борьба русского рабочего класса с русским самодержавием». (Сочинения, т. 6, стр. 312-317).

«Представителем рабочих может быть только **свободный рабочий союз**, охватывающий много фабрик и много городов. Фабричное представительство, представительство рабочих на каждой отдельной фабрике не может удовлетворять рабочих даже на Западе, даже в свободных государствах... А свободные рабочие союзы мыслимы только при политической свободе, при условии неприкосновенности личности, свободы сходок и собра-

ний, свободы выборов депутатов в народное собрание.

Без политической свободы всякие формы рабочего представительства останутся жалким обманом, пролетариат останется по-прежнему в тюрьме без света, воздуха и простора, необходимых ему для борьбы за свое полное освобождение». (Сочинения, том 6-й, стр. 470).

«Миллионы рабочих не могут объединиться вместе, если правительство запрещает всякие сходки, всякие рабочие газеты, всякие выборы рабочих депутатов. Чтобы объединиться, надо иметь право устраивать всякие союзы, надо иметь свободу союзов, надо иметь политическую свободу. Политическая свобода не избавит рабочий народ сразу от нищеты, но она даст рабочим оружие для борьбы с нищетой. Нет другого средства для борьбы с нищетой, кроме соединения самих рабочих. Нет возможности соединиться миллионам народа, если нет политической свободы». (Сочинения, т. 6, стр. 335).

Партийные историки утверждают, что уже в 1905-07 годы Ленин «держал курс на развязывание народной революции и превращение буржуазно-демократической революции в социалистическую революцию». Это явная неправда. В брошюре «Две тактики» Ленин в 1905 году писал:

«Как непосредственные интересы пролетариата, так и интересы его борьбы за конечные цели социализма требуют возможно более полной политической свободы... Осуществление демократической республики в России возможно лишь в результате победоносного восстания, органом которого явится Временное революционное правительство, единственно способное обеспечить полную свободу предвыборной агитации и созвать, на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права с тайной подачей голосов, Учредительное Собрание, действительно выражающее волю народа...

Марксизм давно порвал с бреднями народников и анархистов, будто можно, например, России миновать капиталистическое развитие, выскочить из капитализма

или перескочить через него каким-нибудь путем, кроме пути классовой борьбы на почве и в пределах этого самого капитализма... **Реакционная** мысль искать спасения рабочему классу в чем бы то ни было, кроме дальнейшего развития капитализма. В таких странах, как Россия, рабочий класс страдает не столько от капитализма, сколько от недостатка развития капитализма. Рабочий класс **безусловно заинтересован** поэтому в самом широком, самом свободном, самом быстром развитии капитализма... Буржуазная революция в высшей степени выгодна пролетариату. В известном смысле буржуазная революция более выгодна пролетариату, чем буржуазии. Мы, марксисты, должны знать, что нет и не может быть другого пути к настоящей свободе пролетариата и крестьянства, как путь буржуазной свободы и буржуазного прогресса...

Тот, кто хочет идти другим путем, минуя политическую демократию, должен неминуемо прийти к реакционным выводам как в экономическом, так и в политическом смысле» (Сочинения, т. 9, 4 изд., стр. 33, 34, 93).

Не только в 1905-1907 гг., но даже в апреле 1917 года, уже после падения самодержавия, Ленин все еще не считал возможным немедленное введение социализма в России. В своем «прощальном письме» к цюрихским социалистам Ленин, накануне своего отъезда в Россию, писал:

«Россия — крестьянская страна, одна из самых отсталых европейских стран. В России не может непосредственно и немедленно победить социализм» (Сочинения, т. 20, 2 изд. стр. 69).

В ЭПОХУ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

«Россия теперь самая свободная страна в мире», — сказал Ленин на совещании большевиков, членов Всероссийской конференции советов 17 (4) апреля 1917 года (Сочинения, т. 24, стр. 4).

«Такой свободы, как в России, сейчас нигде нет», — сказал Ленин 27 апреля 1917 года на петроградской обще-

городской конференции большевиков (напечатано в «Правде» 8 мая (25 апреля ст. ст.) 1917 г. Сочинения, т. 24, стр. 119).

«В России теперь демократическая республика, управляемая свободным соглашением политических партий, свободно агитирующих в народе», — писал Ленин 10 июля [27 июня] 1917 года в «Правде» (Сочинения, т. 25, стр. 112).

6 сентября 1917 года Ленин писал:

«После свержения царской власти государственная власть перешла в руки первого Временного правительства... Пользуясь свободой, народ начал организовываться самостоятельно. Главной организацией рабочих и крестьян, которые составляют подавляющее большинство населения России, были Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Эти Советы стали образовываться уже во время Февральской революции и через несколько недель после нее в большинстве крупных городов России и во многих уездах все сознательные люди рабочего класса и крестьянства были объединены Советами. Советы выбирались вполне свободно. Советы были настоящими организациями громадного большинства народа... В Советах меньшая часть депутатов была на стороне революционных рабочих партии большевиков, которые требовали передачи всей государственной власти в руки Советов. Большая же часть депутатов в Советах была на стороне партии социал-демократов-меньшевиков и эсеров, которые были против передачи власти Советам. (Сочинения, т. 25, стр. 209).

«В свободной стране управляют народом только те, кто им самим выбран для этого. При выборах народ делится на партии, и обыкновенно каждый класс населения составляет свою отдельную партию, напр., помещики, капиталисты, крестьяне, рабочие составляют отдельные партии. Поэтому управление народом в свободных странах происходит посредством открытой борьбы партий и свободного соглашения их между собой» (Сентябрь 1917 г..

статья «Уроки революции». Сочинения т. 20, 3 изд., стр. 69).

«Полная выборность, сменяемость в **любое время** всех без изъятия должностных лиц, сведение их жалования к обычной заработной плате рабочего, эти простые и 'само собой понятные' демократические предприятия, объединяя вполне интересы рабочих и большинства крестьян, служат в то же время мостиком, ведущим от капитализма к социализму».

Так писал Ленин в августе-сентябре 1917 года в книге «Государство и революция», (т. 21, 3 изд. Сочинений, стр. 399). Это восхваление им свободы, которой «нигде нет» кроме России, и «свободного соглашения политических партий» со стороны Ленина было только «данью времени». На самом деле он уже тогда думал о захвате власти большевиками, подавлении свободы и о полнейшей ликвидации всех других партий, кроме своей собственной.

ПРОТИВ МИРА — ЗА ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ

Партийные историки говорят, что гражданская война в России была навязана советской власти контрреволюционерами и иностранными империалистами, но это опять-таки явная неправда. Еще в 1914 году Ленин писал:

«Лозунг наш — гражданская война. Все это чистейшие софизмы, будто сей лозунг неподходящий и так далее. Мы не можем ее сделать, но мы ее проповедуем и в этом направлении работаем» (Сочинения, т. 35, 4 изд., стр. 129).

«Превращение современной империалистической войны в гражданскую войну есть единственный правильный пролетарский лозунг... Долой поповски-сентиментальные взгляды о мире во что бы то ни стало. Поднимем знамя гражданской войны!» (Сочинения, т. 21, 4 изд., стр. 24).

«Лозунг мира, по-моему, неправилен в данный момент. Это — обывательский лозунг. Пролетарский ло-

зунг должен быть: гражданская война... Мы не можем ни 'обещать' гражданской войны, ни декретировать ее, но вести работу — при надобности и очень долгую — в **этом направлении** мы обязаны» (Сочинения, т. 35, 4 изд., стр. 122).

21 января 1918 года Ленин в своей речи на третьем Всероссийском съезде советов сказал:

«На все обвинения нас в гражданской войне мы говорим: да, мы открыто провозгласили то, чего ни одно правительство провозгласить не могло. Первое правительство в мире, которое о гражданской войне говорит открыто, — есть правительство рабочих, крестьянских и солдатских масс. Да, мы начали и ведем войну против эксплуататоров» (Сочинения, т. 26, 4 изд., стр. 419).

4 июня 1918 года Ленин писал:

«Не сошедший с ума социалист или анархист, как угодно называйте, не может решиться сказать перед любым собранием, что можно прийти к социализму без гражданской войны... Социализм не может наступить иначе, как через гражданскую войну... А здесь на большевиков обрушиваются за гражданскую войну. Это значит переходить на сторону контрреволюционной буржуазии, какими бы лозунгами при этом ни прикрывались» (Сочинения, т. 27, 4 изд., стр. 405).

ПОСЛЕ ОКТЯБРЯ ДЕМОКРАТИЯ И СВОБОДА

«Мы всегда говорили, что Учредительное собрание является лозунгом помещиков, монархистов, всей русской буржуазии во главе с Милюковым, который продает Россию направо и налево — кто даст подороже. Американская «республика» душит рабочий класс. Теперь все узнали, что такое демократическая республика. Теперь ясно для всех, что может существовать либо победивший империализм, либо советская власть — середины нет» («Правда», 22 ноября 1918 г.).

«Господа оппортунисты, в том числе и каутскианцы, учат народ: пролетарии должны сначала завоевать большинство посредством всеобщего избирательного права, потом получить, на основании такого голосования большинства, государственную власть и затем уже на этой основе «последовательной» (ныне говорят «чистой») демократии, организовать социализм. А мы говорим: пролетариат должен сначала низвергнуть буржуазию и завоевать себе государственную власть, а потом эту государственную власть, то есть диктатуру пролетариата, использовать, как орудие своего класса, в целях приобретения сочувствия большинства трудящихся» (Сочинения, т. 24, 3 изд., стр. 539).

«Всякая свобода, если она не подчиняется интересам освобождения труда от гнета капитала, есть обман... Свобода собраний для капиталистов — это величайшее преступление против трудящихся, это есть свобода собраний для контрреволюционеров... Свобода собраний, по конституции Англии и Северо-Американских Соединенных Штатов, есть обман, потому что связывает руки у трудящихся масс на все время перехода к социализму» (Речь 19 мая 1921 г., Сочинения, т. 24, 2 изд., стр. 290, 292).

7 апреля 1920 года Ленин в своей речи на III Всероссийском съезде профсоюзов в Москве сказал:

«Речи о равенстве, свободе и демократии в нынешней обстановке — чепуха... Я уже в 1918 году указывал на необходимость единоличия, необходимости признания диктаторских полномочий одного лица с точки зрения проведения советской идеи. Все фразы о равноправии — вздор» (Сочинения, т. 30, 4 изд., стр. 472-476).

Советскую власть Ленин назвал диктатурой пролетариата или диктатурой рабочих и крестьян. На самом же деле с самого начала это была диктатура даже не компартии, а центрального комитета, которая быстро превратилась в диктатуру Политбюро и над партией, и над пролетариатом, и над всем народом.

В статье «Удержат ли большевики власть?» Ленин накануне октябрьского переворота писал:

«Россией после революции 1905 г. правили 130 тысяч помещиков. Почему не смогут править Россией 240 тысяч большевиков?»

Но, во-первых, не верно, что Россией после 1905 года правили 130 тысяч помещиков, а во-вторых, Ленин тем самым признал, что он с самого начала представлял себе «диктатуру пролетариата», как господство его партии **над** народом.

ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА И ДИКТАТУРА ОДНОГО ЛИЦА

«Чтобы уничтожить классы, нужен период диктатуры одного класса, именно того из угнетенных классов, который способен не только свергнуть эксплуататоров, не только подавить беспощадно их сопротивление, но и порвать идейно со всей буржуазно-демократической идеологией, со всем мещанским фразерством насчет свободы и равенства вообще» (Соч. т. 24, 2 изд., стр. 315).

«Что такое диктатура пролетариата? Это есть война, и гораздо более жестокая, более продолжительная и упорная, чем любая из бывших когда бы то ни было войн». (Сочинения, т. 27, стр. 70).

«Диктатура пролетариата означает свержение буржуазии одним классом, пролетариатом, и притом именно его революционным авангардом. Требовать, чтобы предварительно этот авангард приобрел себе большинство народа путем голосования в буржуазные парламенты, буржуазные Учредилки (Учредительное Собрание) и прочее, т.е. путем голосования при существовании немого рабства, при существовании эксплуататоров, под их гнетом, при существовании частной собственности на средства производства, требовать этого или предполагать это — значит на деле совершенно покидать точку

зрения диктатуры пролетариата и переходить фактически на точку зрения буржуазной диктатуры...

Диктатура пролетариата означает сознание необходимости подавить насилем сопротивление эксплуататоров, готовность, умение, решимость сделать это...

Диктатура пролетариата и советская власть означает ясное сознание необходимости разбить, сломать вдребезги, буржуазный (хотя бы и республиканский-демократический) государственный аппарат, суды, бюрократию, гражданскую и военную, и так далее.

Без соединения легальной работы с нелегальной, легальных организаций с нелегальными не может быть и речи о действительно революционной партии пролетариата ни в Германии, ни в Швейцарии, ни в Италии, ни во Франции, ни в Америке» (Сочинения, т. 20, часть 2, изд. 1926 г., стр. 391, 393, 394).

«Диктатура пролетариата в России повлекла за собой такие жертвы, такую нужду и такие лишения для господствующего класса, для пролетариата, каких никогда не знала история и весьма вероятно, что и во всякой иной стране дело пойдет точно так же» (Сочинения, т. 24, 2 изд., стр. 458).

«Нигде в мире середины нет и быть не может. Либо диктатура буржуазии (прикрытая пышными эсеровскими и меньшевистскими фразами о народовластии, Учредилке, свободах и прочее), либо диктатура пролетариата. Кто не научился этому из истории всего 19-го века, тот безнадежный идиот» (Сочинения, т. 24, 2 изд., стр. 436).

СОВЕТСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Это, однако, не мешало Ленину называть свою диктатуру пролетариата «самой совершенной демократией в мире». Он писал:

«Пролетарская демократия в миллион раз демократичнее всякой буржуазной демократии. Советская власть в миллион раз демократичнее всякой буржуазной респуб-

лики. Не заметить этого мог только либо сознательный прислужник буржуазии, либо человек совершенно политически мертвый, не видящий живой жизни из-за пыльных бумажных книг, пропитанный насквозь буржуазно-демократическими предрассудками и тем превращающий себя, объективно, в лакея буржуазии» (Сочинения, т. 23, 2 изд., стр. 350).

«Мы говорим буржуазии: 'Вы эксплуататоры и лицемеры, говорите о демократии, и в то же время ставя на каждом шагу тысячи препон участию угнетенных масс в политике. Мы ловим вас на слове и требуем, в интересах этих масс, расширения **вашей** буржуазной демократии, **дабы подготовить массы к революции** для свержения вас, эксплуататоров. И если вы, эксплуататоры, попытаетесь сказать сопротивление нашей пролетарской революции, мы вас подавим беспощадно, мы вас сделаем неправыми; мало того: мы не дадим вам хлеба, ибо в нашей пролетарской республике эксплуататоры будут лишены огня и воды» (Сочинения, т. 23, 2 изд., стр. 375-376).

ПАРЛАМЕНТАРИЗМ

«В настоящий момент парламент ни в коем случае не может явиться для коммунистов ареной борьбы за реформы, за улучшение положения рабочего класса, как это бывало в известные моменты прошлой эпохи. Центр тяжести политической жизни полностью и окончательно перенесен за пределы парламента... Непосредственная историческая задача рабочего класса состоит в том, чтобы вырвать эти аппараты из рук господствующих классов, сломать их, уничтожить и создать на их месте новые органы пролетарской власти. На смену старому приспособленческому парламентаризму приходит новый парламентаризм, который является одним из орудий уничтожения парламентаризма вообще.

Буржуазные парламенты, которые составляют один из важных аппаратов государственной машины буржу-

азии, не могут быть завоеваны, как не могут быть завоеваны пролетариатом буржуазные государства вообще. Задачи пролетариата состоят в том, чтобы взорвать государственную машину буржуазии, разрушить ее, а вместе с нею — парламентские учреждения, будь то республиканские или конституционно-монархические.

Коммунизм отрицает возможность длительного завоевания парламентов: он ставит своей целью разрушение парламентаризма. Поэтому речь может идти лишь об использовании буржуазных государственных учреждений с целью их разрушения. В этом и только в этом смысле можно ставить вопрос» (Сочинения, т. 25, 2 изд., стр. 580-581).

«В тех странах, где у власти стоит еще буржуазия, или контрреволюционная социал-демократия, коммунистические партии должны научиться планомерно сочетать легальную работу с нелегальной, при этом легальная работа должна всегда находиться под фактическим контролем нелегальной партии» (Сочинения, т. 25, 2 изд., стр. 571).

«Что диктатура отдельных лиц очень часто была в истории революционных движений выразителем, носителем, проводником диктатуры революционных классов, об этом говорит непререкаемый опыт истории... Решительно никакого противоречия между советским (т.е. социалистическим) демократизмом и применением диктаторской власти отдельных лиц **нет**... Как может быть обеспечено строжайшее единство воли? Подчинением воли тысяч воле одного» (Сочинения, т. 27, 4 изд., стр. 238-239).

«Советский социалистический демократизм единоличию и диктатуре несколько не противоречит. Волю класса иногда осуществляет диктатор, который иногда один более сделает и часто более необходим» (Сочинения, т. 17, 2 изд., стр. 89).

Все эти идеи Сталин взял у Ленина. При Ленине и в соответствии с его учением стало возможным, чтобы один человек сосредоточил в своих руках всю власть над

аппаратом и полный контроль над государственной машиной. Сталин только развил на свой манер эту диктатуру, продолжая ленинскую традицию. Его диктатура приняла только более жестокие формы.

МАССОВЫЙ ТЕРРОР, ЗАЛОЖНИЧЕСТВО И КОНЦЕНТРАЦИОННЫЕ ЛАГЕРЯ

В своей брошюре «О продовольственном налоге», написанной в апреле 1921 года, Ленин писал:

«Пускай Мартовы, Черновы и беспартийные мещане, подобные им, бьют себя в грудь и восклицают: 'Хвалю Тебя, Господи, за то, что я не похож на них', что 'я не признавал и не признаю террора'». Эти дурачки не признают террора, ибо они выбрали себе роль лакействующих пособников белогвардейщины по части одурачения рабочих и крестьян. Эсеры и меньшевики не признают террора, ибо они исполняют свою роль подведения масс под флаг социализма под белогвардейский террор... Пускай лакействующие пособники белогвардейского террора восхваляют себя за отрицание ими всякого террора. А мы будем говорить тяжелую, но несомненную правду: в странах, переживающих неслыханный кризис, распад старых связей, обострение классовой борьбы после империалистической войны 1914-1918 годов — таковы все страны мира, — без террора обойтись нельзя — вопреки лицемерам и фразерам» (Сочинения, т. 32, стр. 335).

«На днях я прочел в 20-й книжке «Коммунистического Интернационала» статью товарища Ракоши о новой книжке Отто Бауэра, у которого мы все когда-то учились, но который после войны, как и Каутский, стал жалким мещанином. Он теперь пишет:

‘Вот они (большевики) отступают к капитализму: мы всегда говорили: — революция буржуазная’. Меньшевики и эсеры, которые все такие вещи проповедуют, удивляются, когда мы говорим, что мы за такие вещи будем расстреливать. Они изумляются, а ведь вопрос ясен: ко-

гда армия отступает, то тут нужна дисциплина во сто раз бóльшая, чем при наступлении... И когда меньшевик говорит: 'Вы теперь отступаете, а я всегда был за отступление, я с вами согласен, я ваш человек, давайте отступать вместе', то мы ему на это говорим: 'За публичное оказательство меньшевизма наши революционные суды должны расстреливать, а иначе это не наши суды, а Бог знает, что такое'. Они никак не могут понять и говорят: 'Какие у этих людей диктаторские замашки'. Действительно, такая проповедь, которую изрекают и Отто Бауэр, и эсеры, составляет их собственную натуру: 'Революция зашла далеко. Мы всегда говорили то, что ты сейчас говоришь. Позволь нам еще раз это повторить'. А мы на это отвечаем: 'Позвольте поставить вас за это к стенке'» (Сочинения, т. 22, стр. 239-240).

«Суд должен не устранить террор, обещать это было бы самообманом или обманом, а обеспечить и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас» (Сочинения, т. 27, 2 изд., стр. 296).

Телеграмма Ленина Е. Б. Бош (9 августа 1918 года):

«Получил Вашу телеграмму. Необходимо организовать усиленную охрану из отборно надежных людей, провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города. Экспедицию пустите в ход. Телеграфируйте об исполнении» (Сочинения, т. 29, 2 изд., стр. 489).

Письмо Зиновьеву от 26 июня 1918 года:

«Только сегодня мы услышали в ЦК., что в Питере рабочие хотели ответить на убийство Володарского массовым террором и что вы (не вы лично, а питерские цекисты и пекисты) удержали. Протестую решительно! Мы компрометируем себя: грозим даже в резолюциях Совдепа массовым террором, а когда до дела, тормозим революционную инициативу масс, вполне правильную. Это не-воз-можно!» (Сочинения, т. 35, 4 изд., стр. 275).

Телеграмма Нижегородскому Совету от 9 августа 1918 года:

«В Нижнем явно готовится белогвардейское восстание. Надо тотчас повести массовый террор, расстрелять и вывести сотни проституток, спаивающих солдат, бывших офицеров и т. п. Ни минуты промедления. Надо действовать во всю; массовые обыски. Расстрелы за хранение оружия. Массовый вывоз меньшевиков и ненадежных» (Сочинения, т. 35, 4 изд., стр. 286).

Надо ли добавлять, что для Ленина «кулаки», «белогвардейцы», «попы», «меньшевики» — это вообще все, сопротивлявшиеся большевизму, в том числе и рабочие, и крестьяне, и даже некоторые коммунисты? Ленин ввел действительно всенародный террор, против всего народа, который и был унаследован и усовершенствован Сталиным.

СОСУЩЕСТВОВАНИЕ

«Мы никогда не скрывали, что наша революция только начало, что она приведет к победоносному концу только тогда, когда **мы весь свет** зажжем таким же огнем революции» (Сочинения, т. 25, 2 изд., стр. 49).

«Теперь ясно для всех, что может существовать либо победивший империализм, либо советская власть — середины нет» (Сочинения, т. 23, 2 изд., стр. 228).

«Мы живем не только в государстве, но и в системе государств, и существование Советской республики рядом с империалистическими государствами продолжительное время немыслимо. В конце концов, либо одно, либо другое победит. А пока это наступит, ряд самых ужасных столкновений между Советской республикой и буржуазными государствами неизбежен» (Сочинения, т. 16, 1 изд., стр. 102).

«Пока остаются капитализм и социализм, мы мирно жить не можем: либо тот, либо другой в конце концов победит: либо по Советской республике будут петь па-

нихиды, либо по мировому капитализму» (Сочинения, т. 25, 2 изд., стр. 412).

«Практическая коммунистическая политика — есть использование вражды между капиталистическими странами, натравливая их друг с другом» (Сочинения, т. 25, изд., 1926 г. стр. 502).

«Мы все время знали и не забудем, что наше дело есть международное дело, и пока во всех государствах — и в том числе в самых богатых и цивилизованных — не совершится переворота, до тех пор наша победа есть только половина победы или, может быть, меньше» (Речь 16 ноября 1920 г., Сочинения, т. 20, часть 2, изд. 1926 г., стр. 431).

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ТАКТИКА

На публичных собраниях и в партийной печати Ленин выступал как правоверный марксист и противник индивидуального террора и всяких «вспышкопускательств», но в частных разговорах и в тесном кругу близких ему людей он говорил совсем другое. Известный социолог проф. К. М. Тахтарев, принимавший в 90 годах активное участие в социал-демократическом движении и друживший с Лениным, после смерти Ленина рассказал о разговоре с последним, еще в эпоху «Искры». Говорили о П. Б. Струве. Ленин в «Искре» называл тогда Струве «изменником» и «ренегатом».

«Я не считал это название подходящим для определения Струве, — пишет Тахтарев. — ...Я обратил внимание Владимира Ильича на возможные последствия подобного клеймения Струве. Я сказал ему: — А что, если кто-либо из рабочих, фанатически преданных делу, под влиянием травли Струве на страницах 'Искры', вдруг решится расправиться с ним или даже убьет его, как изменника и ренегата? — «Его надо убить», — ответил мне Владимир Ильич» (Тахтарев, Ленин и социал-демократическое движение. «Былое», Ленинград, № 24, стр. 22).

Позже Ленин, на партийном суде над ним в апреле 1907 года, сказал:

«Нельзя писать про товарищей по партии таким языком, который систематически сеет в рабочих массах ненависть, отвращение, презрение и т. п. к несогласно мыслящим. Можно и должно писать именно таким языком про отколовшуюся организацию... Я умышленно и рассчитано вносил смуту в ряды той части петербургского пролетариата, которая шла за отколовшимися накануне выборов меньшевиками, и я всегда буду поступать таким образом при расколе» (Сочинения, т. 12, 4 изд., стр. 382-383).

В конспиративном письме от 3(16) октября 1905 года Ленин писал из Женевы членам Боевого комитета большевиков в Петербурге:

«Я с ужасом, ей-Богу, с ужасом вижу, что о бомбах говорят полгода и ни одной не сделали!... Идите к молодежи и основывайте дружины везде и повсюду и у студентов, и у рабочих особенно и т. д. Пусть они сами, кто как может, кто револьвером, кто ножом, кто тряпкой с керосином для поджога и т. д. Не требуйте никаких формальностей, наплюйте вы, Бога ради, все 'функции права' и привилегии ко всем чертям... Отряды должны тотчас же начать военное обучение на немедленных операциях тотчас же. Одни сейчас же предпримут убийство шпика, взрыв полицейского участка, другие нападение на банк для конфискации средств для восстания... Пусть каждый отряд сам учится, хотя бы на избиении городских: десятки жертв окупятся с лихвой тем, что дадут сотни опытных борцов, которые завтра поведут за собой сотни тысяч» (Сочинения, т. 8, 3 изд., стр. 326).

В книжке «Детская болезнь коммунизма» Ленин в 1920 году писал:

«Надо уметь приносить всякие жертвы, преодолевать величайшие препятствия, чтобы систематически, упорно, настойчиво, терпеливо пропагандировать и агитировать как раз в тех учреждениях, обществах, союзах, хотя бы

самых что ни на есть реакционных, где только есть пролетарская или полупролетарская масса...

Надо уметь пойти на все и всякие жертвы, даже — в случае надобности — пойти на всяческие уловки, хитрости, нелегальные приемы, умолчания, сокрытие правды, лишь бы проникнуть в профсоюзы, остаться в них, вести в них во что бы то ни стало коммунистическую работу» (Сочинения, т. 17, 2 изд., стр. 144-145).

В своей речи на совещании членов немецкой, польской, чехославцкой, венгерской и итальянской делегации 3-го конгресса Коминтерна 11 июля 1921 года Ленин сказал:

«Сейчас же должен сказать, что чем ближе генеральное наступление, тем 'оportunистичнее' мы должны действовать. Теперь вы все вернетесь домой и скажите рабочим, что мы стали благоразумнее, чем были перед 3-тним конгрессом. Вы не должны смущаться, вы скажите, что мы допустили ошибки и хотим теперь действовать осторожнее; тем самым мы привлечем на свою сторону массы от Социал-демократической и Независимой Социал-демократической партий, массы, которые объективно всем ходом вещей подталкиваются к нам, но которые боятся нас. На нашем примере я хочу показать, что нужно действовать осторожнее...

«Наша единственная стратегия теперь это стать сильнее, а потому умнее, благоразумнее, «оportunистичнее» и это мы должны сказать массам. **Но после того, как мы завоюем массы, благодаря нашему благоразумию, мы затем применим тактику наступления и именно в самом строгом смысле.**

(Впервые напечатано в 1958 году в 5-ом № Московского журнала «Вопросы истории партии».)

В 1908 году в статье «Аграрный вопрос и социал-демократия» Ленин презрительно издевался над программой социалистов-революционеров за то, что в ней говорилось о социализации земли. Ленин назвал эту программу «авантюристической» и «ненаучной». А в ноябре 1917

года Ленин, как известно, выбросил свою марксистскую аграрную программу и без всяких церемоний взял аграрную программу у социалистов-революционеров, над которой он более десяти лет издевался, называя ее «авантюристической» и «ненаучной». В этом Ленин сам признался. Он писал:

«В самый момент октябрьского переворота мы заключили не формальный, но очень важный (и очень успешный) политический блок с мелкобуржуазным крестьянством, приняв целиком, без единого изменения, эсеровскую аграрную программу, т.е. заключили несомненный компромисс, чтобы доказать крестьянам, что мы не хотим майоризирования их, а соглашения с ними» (Сочинения, т. 17, 2 изд., стр. 160-161).

«Девять десятых крестьянской массы в течение нескольких недель перешли на нашу сторону, потому что мы приняли не нашу, а эсеровскую программу и осуществили ее на практике» (Сочинения, т. 32, 4 изд., стр. 451).

Таким образом Ленин признавал, что он победил не с помощью марксизма, но потому, что отказался от него.

СОЦИАЛИЗМ В ГОРОДЕ — СОЦИАЛИЗМ В ДЕРЕВНЕ

Тотчас же после захвата большевиками власти, Ленин начал свои «социалистические» эксперименты, хотя до этого уверял, что Россия не может сразу «перескочить в социализм». Троцкий в книге «О Ленине» рассказывает, как Ленин в первый период в Смольном на заседаниях Совнаркома неизменно повторял, что «через полгода у нас будет социализм и мы станем могущественным государством». «Левые эсеры, — пишет Троцкий, — и не только они одни, поднимали недоумеваючи головы, переглядывались вопросительно, но молчали. Это была, со стороны Ленина, система внушения и Ленин верил в то, что говорил», — добавляет Троцкий. (Л. Троцкий. «О Ленине», Госиздат, Москва, 1924, стр. 112).

Действительно, в письме к петроградским рабочим,

напечатанном 24 мая 1918 года в «Правде», Ленин писал: «Наша революция подошла вплотную, конкретно, практически к задачам осуществления социализма».

В декабре 1918 года на чрезвычайном съезде Советов, выступая по вопросу о деревенских «комитетах бедноты», Ленин сказал: стр. 112).

«Мы сделали этим гигантский всемирно-исторический шаг, который не сделан еще ни в одном из самых демократических республиканских государств. Деревенская беднота, сплываясь со своими вождями, с городскими рабочими, дает только теперь окончательный и прочный фундамент действительного социалистического строительства. Это величайший переворот, который в такое короткое время привел нас к социализму в деревне».

Итак, социализм есть уже и в городе, и в деревне.

Но уже в марте 1919 года на восьмом съезде партии Ленин говорил:

«Насилие по отношению к среднему крестьянству представляет из себя величайший вред. Это — слой многочисленный, многомиллионный. Даже в Европе, где нигде он не достигает такой силы, где гигантски развита техника и культура, городская жизнь, железные дороги, где всего легче было бы думать об этом — никто, ни один из самых революционных социалистов не предлагал насильственных мер по отношению к среднему крестьянству» (Сочинения, т. 29, 4 изд., стр. 187).

Через два года, в речи на десятом съезде компартии, в 1921 году, Ленин сказал, противореча прежним своим утверждениям:

«В материальном, экономическом и производственном смысле мы еще в преддверии социализма не находимся».

А еще через год, в 1922 году, в статье «Заметки публициста», Ленин писал:

«Мы не доделали даже фундамента социалистической экономики... Надо это отчетливо сознать и открыто признать, ибо нет ничего опаснее иллюзий и головокруже-

ния, особенно на больших высотах» (Сочинения, т. 27, 2 изд., стр. 201).

Захватив власть в 1917 году, Ленин только надеялся, что ему удастся удержать власть в России до того момента, когда произойдет мировая революция. Он был уверен, что она произойдет очень скоро. Но этого не случилось. И в речи на III конгрессе Коминтерна, 5 июля 1921 года, Ленин признал:

«Когда мы начинали в свое время международную революцию, мы делали это не из убеждения, что мы можем предварить ее развитие, но потому, что целый ряд обстоятельств побуждал нас начать эту революцию. Мы думали: либо международная революция придет нам на помощь и тогда наши победы вполне обеспечены, либо мы будем делать нашу скромную революционную работу в сознании, что в случае поражения, мы все же послужим делу революции и что наш опыт пойдет на пользу другим революциям. Нам было ясно, что без поддержки международной мировой революции победа пролетарской революции в России невозможна... Но в действительности, движение шло не так прямолинейно, как мы этого ожидали. В других крупных, капиталистически наиболее развитых странах революция еще до сих пор не наступила» (Сочинения, т. 26, 2 изд. стр. 451).

В 1921 году Ленин признал что советская власть была чудом. Чудом был октябрьский переворот, чудом был исход войны с Польшей, чудом было то, что русский крестьянин и рабочий могли эти три года все перенести. Причем же тогда здесь марксизм?

Когда Ленин увидел, что мировая коммунистическая революция не приходит, что русские крестьяне, солдаты и матросы недовольны коммунистическим режимом и бунтуют, он объявил НЭП.

В речи на десятом съезде партии в марте 1921 года Ленин сказал:

«Мы должны постараться удовлетворить требования крестьян, которые неудовлетворены, которые недовольны

и законно недовольны и не могут быть довольны. Мы должны им сказать: 'Да, такое положение не может держаться дальше'...

Мы не должны стараться прятать что-либо, а должны говорить напрямик, что крестьянство формой отношений, которая у нас с ним установилась, недовольно, что оно этой формы отношений не хочет и дальше так существовать не будет. Это бесспорно. Эта воля его выразилась определенно. Это воля громадных масс трудящегося населения. Мы должны с этим считаться, и мы достаточно трезвые политики, чтобы говорить прямо: давайте нашу политику по отношению к крестьянству пересматривать» (Сочинения, т. 26, 2 изд., стр. 238, 239, 240, 241).

Через год, в 1922 году, Ленин писал:

«С колхозами много наглупили... Надо опираться на единоличного крестьянина... Крестьяне социалистами не являются и строить социалистические планы так, как если бы они были социалистами, значит строить на песке... Наши средства насилия по отношению к крестьянству делу не помогут... Старательный крестьянин должен быть центральной фигурой нашего хозяйственного подъема».

А за год до своей смерти, 4 января 1923 года, Ленин писал:

«Никким образом нельзя понимать это так, будто мы должны нести сразу чисто и узко коммунистические идеи в деревню. До тех пор, пока у нас в деревне нет материальной основы для коммунизма, до тех пор это будет, можно сказать, вредно, это будет, можно сказать, губельно для коммунизма».

В последней статье, написанной Лениным в марте 1923 года, за девять месяцев до своей смерти он признавал:

«У нас, можно сказать, хорошее в социальном устройстве до последней степени не продумано, не понято, не прочувствовано, схвачено наспех, не проверено, не испытано, не подтверждено опытом, не закреплено и т. д....

Надо вовремя взяться за ум Надо проникнуться спасительным недоверием и т. д. Надо задуматься над проверкой тех шагов вперед, которые мы ежечасно провозглашаем, ежеминутно делаем и потом ежесекундно доказываем их непрочность, несолидность и непонятность. Вреднее всего было бы полагаться на то, что мы хоть что-нибудь знаем, или на то, что у нас сколько-нибудь значительное количество элементов для построения действительного нового аппарата, действительно заслуживающего названия социалистического, советского и тому подобное» (Сочинения, т. 27, 2 изд., стр. 406-407).

**
*

Мы видели, что Ленин отказывался от своего марксизма, когда это ему было выгодно или нужно было оправдать свою политику и тактику. В этом смысле Сталин был учеником Ленина, несмотря на то, что сталинская эпоха во многом отличалась от ленинской. При Ленине, например, не расстреливали руководителей и активных деятелей партии, которые с Лениным не соглашались. При Сталине несогласных со Сталиным расстреливали. Ленин не объявлял предателями и фашистскими агентами вождей Красной армии, — Сталин объявлял. Ленин никого не заставлял боготворить его и поклоняться ему, как это делал Сталин. Ленин строго осуждал всякое проявление антисемитизма, — Сталин в последние годы открыто вел антисемитскую политику. Ленин ввел НЭП, частичную свободу торговли и этим дал возможность крестьянству и всему населению свободнее вздохнуть. Сталин отменил НЭП и насильно загнал крестьян в колхозы.

Но то, что именно Сталин стал наследником Ленина и что именно из ленинизма вышел сталинизм, не было случайностью. Главной идеей Ленина и ленинизма была идея диктатуры, то есть правительственной власти, неограниченной никакими законами и не контролируемой народом. К этой идее, в зависимости от обстоятельств,

подгонялось все «учение марксизма-ленинизма» и соответственно «построение социализма», как теперь подгоняется и «построение коммунизма».

Диктатура длительное время без террора не может удержаться. И это Ленин научил коммунистов (и не только коммунистов, но и фашистов, а позже и нацистов), как незначительное меньшинство путем военного заговора может захватить власть в стране и удержать ее при помощи обмана, террора и подавления всех гражданских свобод.

К чему привела бы ленинская новая экономическая политика, если бы Ленина через год после введения НЭП'а не разбил паралич, конечно, нельзя знать. Сталин отменил НЭП и, несмотря на предостережения Ленина, загнал крестьян в колхозы. Наследники Сталина фактически продолжают политику Сталина по отношению к крестьянству, как и его внешнюю политику. В 1930 году правый коммунист С. Сырцов в своей брошюре «О наших успехах, недостатках и задачах» писал, что то, что коммунисты называют опытом, на самом деле представляет собой проявление самоуверенности людей, не знающих, что они творят:

«Они действуют по правилу: попробуем, что из этого выйдет и если жизнь ударит нас по лбу, то убедимся, что надо было делать иначе». (С. Сырцов, «О наших успехах, недостатках и задачах», Москва, 1930 г., стр. 36).

Так было в 20-х годах при Ленине, в 30-х и 40-х годах при Сталине и так происходит теперь при его наследниках.

А международная коммунистическая революция, которую Ленин предсказывал в 1917 году, надеясь, что она окончательно обеспечит все победы советской власти, не пришла и через пятьдесят лет. И нет никаких оснований думать, что она наступит еще через 50 лет, ибо развитие современного общества идет совершенно по другим путям. Не по тем, которые предсказывал Ленин. Марксизм-ленинизм уже потому не может претендовать на научность

и служить «путеводной звездой», что из идейного наследства Ленина можно черпать самые противоположные выводы. А сама идея ленинского коммунизма — вредная иллюзия, которая уже давно изжита рабочим классом всех наиболее развитых промышленных стран.

Высшей целью социализма все выдающиеся социалистические мыслители всего мира, включая Маркса и Энгельса, всегда считали гуманитарный идеал полного духовного развития личности всех граждан и полное удовлетворение их материальных нужд.

Коммунистические вожди утверждают, что они тоже социалисты и демократы и стремятся к победе свободы, равенства и братства. Но коммунистические теоретики до сих пор не объяснили нам, каким образом можно прийти к торжеству демократии при помощи диктатуры и деспотизма, к действительной свободе при помощи закрепощения человеческой личности и всего народа, и к братству при помощи уничтожения инакомыслящих.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Кропоткин и Ленин

I

В 1899 г. в Лондоне вышла книга П. А. Кропоткина «Записки революционера». В предисловии к ней знаменитый скандинавский критик, историк и публицист Георг Брандес писал:

«В настоящее время есть только два великих русских, которые думают для русского народа и мысль которых принадлежит человечеству: Лев Толстой и Петр Кропоткин... Хотя эти два человека радикально отличаются друг от друга, можно наметить параллель в их жизни и в их понимании жизни. Толстой — художник, Кропоткин — ученый... Оба любят человечество и оба сурово осуждают индифферентизм, недостаток мысли, грубость и жестокость высших классов. Обоих одинаково тянет к униженным и оскорбленным... Жизнь Кропоткина в одно и то же время велика и интересна... Он вел жизнь аристократа и работника: он был камер-пажом императора и был очень бедным писателем. Он был офицером, студентом, ученым, исследователем неизвестных стран, администратором и революционером. В изгнании ему приходилось часто питаться, как русскому крестьянину, чаем и хлебом, за ним шпионили и пытались его убить... Кропоткин называет себя революционером и совершенно справедливо. Но редко бывают такие гуманные и мягкие революционеры... Он никогда не был мстителем, но всегда мучеником...

Никто не был больше бескорыстен и больше его никто не любил человечество».

Так писал о Кропоткине Георг Брандес. А Лев Николаевич Толстой в письме к В. Черткову в январе 1903 года писал:

«Во время болезни хорошо думается... Особенно занимали меня в эту болезнь (этому содействовало чтение прекрасных Записок Кропоткина) воспоминания».

Позднее, в феврале того же года, он опять писал Черткову, который тогда жил в Лондоне:

«Передайте мой больше чем привет Кропоткину. Я недавно читал его мемуары и очень сблизился с ним».

Петр Алексеевич Кропоткин родился в 1842 году в Москве, в княжеской семье. Воспитание получил в Пажеском корпусе, в котором воспитывались дети великих князей. По окончании курса, в 1861 году, он отправился в Сибирь для геологических исследований. По возвращении из Сибири был избран членом, а потом и секретарем Императорского Геологического Общества. Написал несколько сочинений по геологии и начал большую работу о финляндских ледниках, которую закончил много лет позже. Прослужив некоторое время при царском дворе в качестве камер-пажа императрицы, Кропоткин отправился за границу. Там, в Бельгии и в Швейцарии, познакомился с революционным и социалистическим движением и примкнул к анархистской фракции Интернационала. Вернувшись на родину, Кропоткин вошел в знаменитый кружок «чайковцев», в котором ему поручили выработать программу и план организации. Написанная им в 1872 году программа под названием «Должны ли мы заниматься рассмотрением идеала будущего строя?» — была напечатана через полстолетие в петроградском журнале «Былое» за 1921 год. В качестве члена кружка «чайковцев», Кропоткин вел революционную и социалистическую пропаганду среди петербургских рабочих. В конце 1873 года Кропоткин был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Через два года он бежал из

тюремной больницы за границу, где участвовал в европейском социалистическом движении как анархист и несколько лет сидел во французских тюрьмах. В 1886 году он окончательно переехал в Англию, где главную часть своего времени посвятил науке.

II

Кропоткин был не только революционером и социалистом, но и большим ученым. Он — географ, геолог, биолог и историк. Во всех этих областях научного знания труды Кропоткина были значительным вкладом, в некоторых он проложил новые пути. Его научные заслуги были признаны ученым миром, даже и теми, кто не разделял его социальных теорий. Будучи эмигрантом, Кропоткин, однако, никогда не порывал связи со своей родиной. Он всю жизнь оставался революционером, горячим русским патриотом в лучшем смысле слова и одновременно настоящим интернационалистом. Не разделяя взгляда народовольцев 80-х годов на террор, как на средство, при помощи которого можно свергнуть самодержавие или добиться от него уступок, Кропоткин, тем не менее, преклонялся перед героизмом и самопожертвованием народовольцев. Кропоткин не верил в возможность совершения революции для народа, но **без** народа. Он был убежден, что осчастливить народ без его участия нельзя, что народной деятельности не может заменить ничто.

Еще в начале 90-х годов П. А. Кропоткин в очерке «Революционная идея в революции», напечатанном во французском журнале, писал:

«Каждый революционер мечтает о диктатуре, будет ли это 'диктатура пролетариата', т. е. вождей, как говорил Маркс, или диктатура революционного штаба, как утверждают бланкисты; в общем это одно и то же. Все мечтают о революции, как о возможности легального уничтожения своих врагов при помощи революционных три-

буналов, общественного прокурора, гильотины и ее слуг — палача и тюремщика. Все мечтают о завоевании власти, о создании всесильного, всемогущего и всеведущего государства, обращающегося с народом, как с подданным и подвластным, управляя при помощи тысяч и миллионов разного рода чиновников, состоящих на содержании государства... Все революционеры проповедуют абсолютное подчинение закону, изданному диктаторской властью. Все революционеры мечтают о 'Комитете Общественного Спасения', целью которого является устранение всякого, кто осмелится думать не так, как думают лица, стоящие во главе власти. Революционер, осмелившийся думать и действовать вопреки революционной власти, должен погибнуть... Думать, говорят многие революционеры, — это искусство и наука, созданные не для простого народа. И если позднее, на другой день революции, народным массам и будет дана возможность высказать свою волю, то это делается лишь для того, чтобы народ избрал своих вождей, которые и будут думать за народ и составлять законы от его имени».

«Социальная революция, — писал Кропоткин в книге «Речи бунтовщика», — не может быть руководима одним лицом или совокупностью нескольких лиц... Только свободный почин, инициатива народа может создать нечто хорошее и долговечное». (Цитировано по статье Волина «Вожди и массы по П. А. Кропоткину» в международном сборнике «П. А. Кропоткин и его учение». Под редакцией и с примечаниями Г. П. Максимова, Чикаго, 1931 г.).

Позднее, в 1904 году, когда многие анархисты в России в своем отрицании «буржуазного парламентаризма» считали нужным относиться враждебно к политической агитации русских либералов за замену самодержавия конституционным строем, Кропоткин выступил против такой точки зрения:

«Пусть либералы, — говорил он, — ведут свою работу, мы не можем быть против нее; наше дело — не

бороться с ними, а вносить в существующее революционное брожение **свою** идею».

Особенно резко Кропоткин выступил против «экспроприаций» (вооруженных налетов), которые тогда практиковали революционеры в России. Кропоткин «заклинал молодежь отказаться от этого опасного пути», — пишет близко стоявшая к Кропоткину известная анархистка М. Корн в том же сборнике «П. А. Кропоткин и его учение».

«Только труд, — говорил Кропоткин, — должен быть источником как личной жизни, так и жизни партии. Наша пропаганда должна поддерживаться только сочувствующими рабочими, читателями наших газет».

В противоположность многим другим изгнанникам, которые вянут и блекнут, оторвавшись от родной почвы, Кропоткин, попав в Европу, стал быстро превращаться в величину международного значения. Кропоткин завязал близкие отношения с европейскими анархистами, — особенно с человеком родственного ему типа, крупным французским географом и анархистом Элизе Реклю, редактировал анархистскую газету «Le Revolté», писал и публиковал много статей, памфлетов, листовок, брошюр и т. д. Три года Кропоткин провел во французских тюрьмах. В 1886 г. он попал, наконец, в Лондон и здесь окончательно бросил якорь. В Англии он прожил свыше 30 лет, вплоть до революции 1917 г. Именно в этот период появилась большая часть важнейших произведений Кропоткина: «Речи бунтовщика», «Записки революционера», «В русских и французских тюрьмах», «Государство и его роль в истории», «Великая французская революция», «Взаимопомощь у людей и животных» и другие. И именно в этот период он превратился в общепризнанного лидера мирового анархизма, а вместе с тем — приобрел большую популярность и в кругах либеральной Англии.

В годы после первой русской революции Кропоткин находился в расцвете своей славы. Влияние его в Англии было очень велико. К словам Кропоткина прислушива-

лись даже «министры Его Величества». Жил он постоянно за городом, в Брайтоне, на берегу моря, и держался несколько особняком от русской эмигрантской колонии, лишь изредка появляясь на собраниях Герценовского кружка. Авторитет Кропоткина был громаден. Конечно, «принципиальное» отношение к нему у разных групп и лиц было различно: оно естественно вытекало из их партийно-политических воззрений. Однако все единодушно признавали, что Кропоткин большой человек и большой революционер.

Будущий советский посол в Англии Иван Майский, который до 1918 г. был меньшевиком и с 1912 г. жил в Англии, вскоре после своего приезда в Лондон познакомился с Кропоткиным и несколько раз бывал у него в Брайтоне. Кропоткин занимал довольно большой дом английского типа и усердно работал в своем заваленном книгами кабинете. «Меня сразу поразила, писал Майский, внешность Кропоткина: огромный голый череп с пучками вьющихся волос, острые глаза под резко очерченными бровями; блестящие очки, пышные седые усы и огромная, торчащая во все стороны белая борода, закрывающая верхнюю часть груди. Все вместе производило впечатление какой-то странной смеси. Дом Кропоткина в Брайтоне походил на настоящий Ноев ковчег: кого, кого тут только не бывало?! Революционер-эмигрант из России, испанский анархист из Южной Америки, английский фермер из Австралии, радикальный депутат из палаты общин, пресвитерианский священник из Шотландии, знаменитый ученый из Германии, либеральный член Государственной Думы из Петербурга, даже brave генерал царской службы — все сходились в доме Кропоткина по воскресеньям для того, чтобы засвидетельствовать свое почтение хозяину и обменяться с ним мнениями по различным вопросам».

«С одной стороны, пишет Майский, Кропоткин мне очень нравился. Мне импонировали его огромные знания, его многообразные таланты, его мировая слава, его му-

жество, его благородный характер, вся великолепная история его жизни. Особенно я любил смотреть на Кропоткина, когда он говорил... Он обладал особым искусством так изложить вопрос, так предвосхитить возможные возражения аудитории, так затронуть какие-то глубокие струны в душе слушателя, что сопротивляться силе его мысли и чувства было чрезвычайно трудно — не только для сочувствующего, но даже и для инакомыслящего. Слушая Кропоткина в Брайтоне, я хорошо понимал, почему лекции его в Петербурге за Невской заставой в 70-ых годах пользовались таким огромным успехом среди рабочих».

С другой стороны, пишет Майский, я никогда не мог преодолеть чувства какого-то смутного недоверия к Кропоткину, чувства, которое питалось двумя главными источниками. Прежде всего, между мной и Кропоткиным лежало основное противоречие анархизма — марксизма. Это противоречие, как известно, с чрезвычайной остротой обнаруживалось еще в годы Первого Интернационала. И, хотя на протяжении последующих десятилетий Кропоткин, Реклю и некоторые другие идеологи анархизма постарались в известной мере перекрасить свое старое знамя, тем не менее в годы моей эмиграции острота принципиального конфликта между обоими лагерями несколько не ослабела.

Помню, как однажды, придя вместе с Ароном Зунделевичем к Кропоткину, я застал его излагающим сущность своего «кредо» небольшой компании русских и английских гостей. Кропоткин сидел в кресле перед камином и, точно пророк, поучающий непросвещенных, яркими, сильными мазками рисовал основные контуры своей идеологической концепции. Я присел в сторонке и прислушался. Ход мыслей Кропоткина был типично анархический, и все изложение было пропитано резко отрицательным отношением к марксизму. Мне показалось даже, что полемический задор Кропоткина значительно усилился, когда в числе своих слушателей он за-

метил меня. Закончив свою речь, Кропоткина, обращаясь в мою сторону, с усмешкой бросил:

— Ну, конечно, вы сейчас станете атаковать меня.

Я не заставил себя долго просить и с слегка бьющимся сердцем — ведь приходилось выступать против мировой знаменитости! — начал возражать Кропоткину. Несколько минут он слушал меня молча, с видом Юпитера, взирающего на лающего щенка, но потом мои слова, видимо, стали раздражать громовержца. По лицу Кропоткина прошла какая-то тень, и, несколько невежливо прервав меня, он громко воскликнул:

— Ну, давайте, выпьем по чашке чая!»

Во время русско-японской войны 1904-1905 гг. Кропоткин был ярым «русским патриотом», хотя в те дни не только социалисты всех направлений, но даже многие либералы были противниками этой войны и вели борьбу против царского правительства. А во время войны 1914-1918 гг.?

III

С первого же дня вступления германских войск на территорию нейтральной Бельгии и нападения их на Францию П. А. Кропоткин, как и основоположник русского марксизма Г. В. Плеханов, выступил на защиту Бельгии, Франции и ее союзников. 10 сентября 1914 года Кропоткин писал своему другу, редактору еврейской анархической газеты «Фрае Арбайтер Штима» в Нью-Йорке, С. Яновскому:

«Тяжелые мы переживаем времена. Каждый шаг, завоеванный этой ордой гуннов, которая пошла на Францию и Бельгию, каждый город, каждая деревушка, сожженные и разграбленные ими, каждая семья, пущенная ими по миру, жестокой болью отзывается в сердце. Каждая опустошенная ими деревушка и каждая обесчещенная ими женщина вызывают к мести! Если бы не годы, да не гнилые легкие, не сидели бы мы здесь. Как в 1870-71 году Бакунин, Гарибальди, Либкнехт-отец и Бебель и все

думающие люди понимали, что разгром Франции даст Европе полстолетие застоя, военщины, торжества алчущей наживы буржуазии и регресса во всей умственной жизни Европы, — так и теперь мы должны стать глашатаями тех же истин и звать всех на защиту Франции и Бельгии».

Кропоткин провозгласил право каждой нации свободно развиваться, как ей угодно, ее право восставать против тех, кто ей в этом праве отказывает, и долг всех трудящихся объединиться и сопротивляться всякой попытке одной национальности угнетать другую. 17 февраля 1915 года в письме к упомянутой выше М. Корн он жаловался:

«Все они — прежде всего националисты. Итальянцы думают об Италии и наплевать на Францию, ерунда, мол, считать ее во главе движения; поляки видят Польшу; евреи — еврейский вопрос, русские хотят 'сокрушения' России ради 'освободительной революции' — и у всех них никакого нет представления о каком-то европейском международном прогрессе».

Как-то летом 1916 г. Майский вместе с Георгием Чичериным, будущим большевистским Комиссаром Иностранных дел, был у Кропоткина по делам комитета помощи политическим каторжанам в России. Комитет хотел привлечь в свои ряды нескольких видных англичан и просил Кропоткина обратиться к ним с письмами по этому поводу. Кропоткин охотно согласился исполнить их просьбу, и они уже было поднялись, чтобы откланяться, но как раз в этот момент Кропоткину принесли вечернюю газету. Он взглянул на нее и вдруг громко выругался.

— В чем дело? — невольно спросил Майский.

— Да вот опять на русском фронте неудачи!

Это послужило искрой. Сразу вспыхнул острый разговор. Чичерин не без ехидства заметил:

— Неужели вы хотите победы русскому царизму?

— Что значит русскому царизму? — с раздражением воскликнул Кропоткин. — Речь идет не о судьбах рус-

ского царизма, а о судьбах человечества... Я прекрасно сознаю все язвы капиталистического общества и, кажется, сделал в своей жизни достаточно для их разоблачения... Но... если германский империализм победит, путь к освобождению человечества от капиталистической скверны сильно удлинится... Поэтому я за победу Англии и Франции, несмотря на то, что их союзником сейчас является царизм».

Чичерин в то время еще не был большевиком. Он еще не порвал формально с меньшевизмом. Но он был решительным противником войны, ибо считал ее «империалистической». Чичерин стал возражать Кропоткину, доказывая, что истинный социалист и революционер должен вести борьбу как против германского, так и против англо-французского империализма. Спор с минуты на минуту делался все острее. Лица Кропоткина и Чичерина покраснели, голоса повысились, глаза загорелись враждебными огоньками. Майский вмешался и в духе его тогдашних настроений сказал:

— Пролетариат не заинтересован ни в германской, ни в англо-французской победе, пролетариат заинтересован в своей собственной победе... Вот из чего надо исходить при определении нашей стратегии и тактики!

Кропоткин страшно вскипел и, повернувшись к нему, резко ответил:

— Все вы больны марксистским догматизмом... Пролетариат, конечно, заинтересован в своей победе, но для этого сначала нужна победа Англии и Франции над Германией... Это необходимая и неизбежная ступень... Поэтому я за войну до конца!.. До конца германского милитаризма!»

Майский и Чичерин встали и холодно простились...

Как только, в марте 1917 года, в России вспыхнула революция, Кропоткин всей душой стал рваться в Россию. 31 марта (18-го по старому стилю) 1917 года Кропоткин послал следующую телеграмму в петербургскую либеральную газету «Речь»:

«Так как в настоящее время мне невозможно приехать в Россию вследствие военных событий, то я прошу дать место в вашей газете этим строкам. Я прочитал, что Россия находится в опасности. Германский император сосредоточивает войска, чтобы пойти на Петроград и восстановить господство абсолютизма. Абсурдно говорить о миролюбивых намерениях Германии, пока она находится под самодержавным управлением Гогенцоллернов. Мужчины, женщины, дети России, спасите нашу страну и цивилизацию от черных сотен центральных империй! (Германии и Австро-Венгрии). Нельзя терять ни одного часа. Противопоставьте им крепкий объединенный фронт. Теперь, когда все так доблестно справились с внутренними врагами, каждое усилие, которое вы сделаете для изгнания вторгшихся врагов, послужит к утверждению и дальнейшему развитию нашей свободы и к прочному миру. П. Кропоткин».

Путешествие от Лондона до Петрограда было тогда трудно и опасно и невозможно без содействия официальных властей. Кропоткин, однако, не захотел воспользоваться помощью русского посольства в Лондоне и обратился прямо к британскому правительству. Его просьба была немедленно удовлетворена. Английские министры предоставили Кропоткину все возможности для проезда в Россию.

IV

12 июня 1917 года Кропоткин, наконец, прибыл в Петербург. На вокзале его встретили министры Временного правительства, почетный караул одного из гвардейских полков, масса народа с цветами и знаменами, представители социалистических партий и различных общественных и политических групп (см. Н. Авдеев. Революция 1917 г. — хроника событий, апрель-май, том II, Москва, 1923 г.).

Кропоткин всей душой защищал Временное правительство, хотя войти в него он отказался. Он был за про-

должение войны до разгрома германского милитаризма и решительно осуждал пораженческую пропаганду большевиков и других левых групп. Он охотно принял участие во Всероссийском Государственном совещании, которое было созвано Временным правительством в августе семнадцатого года в Москве, и произнес там речь. Когда в октябре в Москве раздались первые выстрелы большевиков против защитников Временного правительства, Кропоткин воскликнул: **«Это хоронят русскую революцию».**

Б. Лебедев, близко стоявший к Кропоткину в течение многих лет, после его смерти писал о нем:

«Кипучая натура Петра Алексеевича не знала отдыха, для него отдыхом служил переход от одной работы на другую. Он работал сразу по нескольким направлениям — это было его обыкновением. Он превосходно изучил переплетное ремесло, которое очень любил. Он прекрасно обращался и со столярными инструментами, и в его квартире в Лондоне большинство вещей были сделаны им самим. Исключительно одаренный человек, он проявлял себя всюду и везде — анархист-революционер, оратор, географ, биолог, историк, философ, изящный литератор, литературный критик, музыкант, художник — он на всех поприщах выказывал себя тем же необычайным человеком. После его смерти на столе среди других бумаг у него оказался, очевидно недавно написанный им, романс с аккомпанементом для рояля. Он хорошо владел карандашом, и в его альбомах имеется много интересных рисунков. Тонкий знаток музыки, он очень любил оперу и симфоническую музыку. Со Скрябиным он познакомился уже по приезду в Россию, и он произвел на него громадное впечатление, несмотря на новизну». («К 80-летию со дня рождения П. А. Кропоткина». Сборник, издание Всероссийского Общественного Комитета по увековечению памяти П. А. Кропоткина». Москва, 1922 г.).

Кропоткин автор многих книг. Его «Записки революционера», «Взаимопомощь животных и людей», «Идеалы и действительность в русской литературе», «Земле-

делие, промышленность и ремесла» и другие переведены на многие европейские и азиатские языки.

V

Вскоре после большевистского переворота Кропоткин переехал из Москвы в город Дмитров.

«Последние годы Кропоткина, — пишет его близкий друг и последовательница Эмма Гольдман, часто посещавшая его в Дмитрове, — были полны горечи не из-за нужды и не из-за духовного голода, но потому, что он душевно сокрушался и духовно болел за трагическую судьбу русской революции, и причиной этому был террор, бесчувственный, жестокий террор и страдания народа, и это подорвало силы Кропоткина и свело его в могилу».

9-го мая 1919 года на квартире у В. Д. Бонч-Бруевича, бывшего управляющего делами советского правительства, старого друга Ленина, состоялась встреча Ленина с Кропоткиным. По словам Бонч-Бруевича, Ленин встретил Кропоткина «очень внимательно и очень учтиво».

Разговор коснулся кооперации, хода и развития русской революции, государственных методов большевиков, развития чиновничества и бюрократизма в советском государстве. Кропоткин развивал идею необходимости творчества органов рабоче-крестьянского самоуправления — профсоюзов, кооперации. Ленин с жаром развивал свой план революции, а Кропоткин внимательно его слушал. «Мы с вами стоим на разных точках зрения» — говорил Кропоткин. «По целому ряду вопросов и способы действия и организацию мы признаем разные, но цели наши одинаковые... Ни я, ни кто другой не откажется помогать вам и вашим товарищам всем, чем только возможно, но наша помощь будет более всего заключаться в том, что будем сообщать вам о всех неправильностях, которые происходят везде и всюду и от которых во многих местах стон стоит».

Ленин ухватился за предложение Кропоткина и просил его давать необходимые указания, которые всегда

будут приниматься во внимание. Первое письмо Кропоткина к Ленину было от 4 марта 1920 года. В этом письме он, между прочим, писал:

«Не могу не сказать Вам в заключение несколько слов об общем положении дел. Живя в большом центре — в Москве, нельзя знать истинного положения страны. Нужно жить в провинции, в близком соприкосновении с повседневной жизнью, с ее нуждами и бедствиями, с голодающими — взрослыми и детьми, с беготней по канцеляриям, чтобы получить разрешение на покупку грошевой керосиновой лампочки и т. д., чтобы узнать правду о теперешних переживаниях.

«Вывод же из переживаемого нами теперь — один. Нужно торопиться с переходом к более нормальным условиям жизни. Долго так продолжаться не будет, и мы идем к кровавой катастрофе. Никакие паровозы союзников, никакие вывозы русского хлеба, пеньки, льна, кож, и пр., что нам самим необходимо, — не помогут населению.

«Несомненно одно. Если-бы даже диктатура партии была-бы подходящим средством, чтобы нанести удар капиталистическому строю (в чем сильно сомневаюсь), **то для создания нового социалистического строя она безусловно вредна. Нужно, необходимо местное строительство, местными силами, а его нет. Нет ни в чем. Вместо этого, на каждом шагу людьми, никогда не знавшими действительной жизни, совершаются самые грубые ошибки, за которые приходится расплачиваться тысячами жизней и разорением целых округов.**

«Без участия местных сил, без строительства снизу, самих крестьян и рабочих — постройка новой жизни невозможна.

«Казалось-бы, что именно такое строительство снизу должны были-бы выполнять Советы. Но Россия уже стала Советской Республикой лишь по имени. Наплыв и верховодство людей «партии», т. е. преимущественно новорожденных коммунистов (идейные — больше в цен-

трах) уже уничтожили влияние и постройтельную силу этого многообещавшего учреждения, — Советов. Теперь правят в России не Советы, а партийные комитеты. И их строительство страдает недостатками чиновничьего строительства.

«Чтобы выйти из теперешней разрухи, Россия вынуждена обратиться к творчеству местных сил, которые, я вижу это — могут стать фактором для создания новой жизни. И чем скорей будет понята необходимость этого исхода — тем лучше. Тем более будут склонны люди принять социальные формы жизни.

«Если-же теперешнее положение продлится, то самое слово ‘социализм’ обратится в проклятие. Как оно случилось во Франции с понятием равенства на сорок лет после правления якобинцев».

Второе письмо Кропоткина к Ленину касалось постановления советской власти о заложниках из контрреволюционного лагеря. Кропоткин писал:

«Уважаемый Владимир Ильич.

«В ‘Известиях’ и в ‘Правде’ помещено заявление, извещающее, что советскою властью решено взять в заложники эсеров из группы Савинкова и Чернова, белогвардейцев Национального и Тактического Центра и офицеров-врангелевцев и что, в случае покушения на вождей Советов — решено ‘беспощадно истреблять’ этих заложников.

«Неужели среди Вас не нашлось никого, чтобы напомнить своим товарищам и убедить их, что такие меры представляют возврат к худшим временам средневековья и религиозных войн и что они не достойны людей, взявшихся созидать будущее общество на коммунистических началах; что на такие меры не может идти тот, кому дорого будущее коммунизма.

«Неужели никто не объяснит, что такое заложник?

«Заложник посажен в тюрьму — не как наказанный за какое-нибудь преступление. Его держат, чтобы угрожать его смертью своим противникам: — ‘Убьете одного из

наших, а мы убьем столько то ваших.' — Но разве это не все равно, что выводить человека каждое утро на казнь и отводить назад в тюрьму, говоря: — 'Погодите... не сегодня'...

«И неужели ваши товарищи не понимают, что это равносильно **восстановлению пытки для заложников и их родных?**

«Надеюсь, никто не скажет мне, что людям, стоящим у власти, тоже не весело жить на свете... Нынче даже среди королей есть такие, что смотрят на покушение на их жизнь, как на 'особенность их ремесла.'

«А революционеры — так поступила Луиза Мишель — берут на себя защиту перед судом покушавшегося на их жизнь. Или же отказываются преследовать его, как это сделали Малатеста и Вольтерина Дэклер.

«Даже короли и попы отказались от таких варварских способов самозащиты, как заложничество. Как же могут проповедники новой жизни и строители новой общественности прибегать к такому орудию для защиты от врагов?

«Не будет ли это сочтено признаком, что вы считаете свой коммунистический опыт неудавшимся и спасаете — уже не дорогое вам строительство жизни, а лишь самих себя.

«Неужели ваши товарищи не сознают, что вы, коммунисты, — какие бы вы ни наделали ошибки, — **работаете для будущего?** и что потому вы, ни в каком случае, не должны запятнать свое дело актами, так близкими к животному страху? — что именно подобные акты, совершенные революционерами в прошлом, делают так трудными новые коммунистические попытки.

«Я верю, что лучшим из вас будущее **коммунизма дороже собственной жизни.** И помыслы об этом будущем должны заставить вас отвергнуть такие меры.

«Со всеми своими крупными недостатками — а я, как вы знаете, хорошо вижу их — Октябрьская революция произвела громадный сдвиг. Она доказала, что социаль-

ная революция не невозможна, как это начинали думать в Западной Европе. И, при всех своих недостатках, она производит сдвиг в сторону равенства, которого не вытравят попытки возврата к прежнему.

«Зачем-же толкать революцию на путь, который поведет ее к гибели, главным образом, от недостатков, которые вовсе не свойственны Социализму и Коммунизму, а представляют пережиток старого строя и старых безобразий, неограниченной всепожирающей власти».

П. Кропоткин.

Дмитров, Московской губ.

21-го декабря 1920 г.

А в письме к западноевропейским рабочим, в апреле 1919 года, Кропоткин писал:

«Я должен сказать вам откровенно, что, согласно моему взгляду, попытка построить коммунистическую республику на основе строго централизованного государственного коммунизма под железным законом партийной диктатуры в конце концов потерпит банкротство... Совет рабочих перестает быть свободным и полезным, раз свобода печати больше не существует... Рабочие и крестьянские Советы теряют свое значение, поскольку выборы не сопровождаются свободной предвыборной кампанией и проходят под давлением партийной диктатуры».

В этом же письме к западно-европейским рабочим Кропоткин далее писал:

«Методы подавления врагов уже разложили правительство. Но когда необходимо творить новые формы жизни, когда правительство берет на себя обязанность снабжать каждого гражданина лампой и даже спичками, чтобы зажечь лампу, то тогда это не может быть сделано даже с бесчисленным множеством чиновников — такое правительство становится **язвой...** Вот что мы наблюдаем в России и вот что вы, рабочие Запада, должны избегать всеми средствами... Широкая конструктивная работа не

может быть совершена центральным правительством... Она нуждается в знании, в мозгах, в **добровольном сотрудничестве** множества местных и специальных сил, которые одни могут атаковать разнообразие экономических проблем в их местном аспекте. Отвергать это сотрудничество и все возлагать на гений партийных диктаторов значит разрушать независимые центры нашей жизни, профессиональные союзы и местные кооперативные организации, превращая их в бюрократические органы партии, как это имеет место теперь. Это путь не совершать революцию, а делать ее осуществление невозможным».

Так писал в 1919 г. великий русский революционер, ученый и гуманист Петр Алексеевич Кропоткин. В ночь с 7 на 8 февраля 1921 года он скончался в Дмитрове. Вместе с Львом Толстым и Владимиром Короленко Кропоткин был великой совестью русского народа, глашатаем народных стремлений и надежд. В своем последнем труде об этике он писал: «Без равенства нет справедливости, без справедливости нет нравственности», — и в этом, как правильно писала его дочь Александра, «были суть его жизни, синтез его души и ума».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Владимир Короленко и Советская власть

I

Знаменитый русский писатель-гуманист Владимир Галактионович Короленко в молодости был революционером, сидел в тюрьмах, много лет провел в сибирской ссылке, пережил годы мрачной реакции, и тяжелые годы гражданской войны. Но все тяжелые переживания не поколебали в нем веры в то, что ночь не вечна и что свет в конце концов восторжествует над мраком.

Еще в 1887 г. Антон Чехов, после первого знакомства с Короленко, писал своему брату Александру:

«Короленко талантливый и прекраснейший человек... На мой взгляд, от него можно ожидать очень много».

А самому Короленко Чехов писал:

«Я чрезвычайно рад, что познакомился с Вами. Во-первых, я глубоко ценю и люблю Ваш талант. Во вторых, мне кажется, что если я и Вы проживем на этом свете еще лет 10-15, то нам с Вами в будущем не обойтись без точек общего схода».

«Этих точек схода», — замечает по этому поводу сестра Чехова Мария Павловна, у них действительно было много. Вместе они были в 1900 году избраны почетными академиками по разряду изящной словесности. Вместе они — и только они — вышли в 1902 году из со-

става академиков в знак протеста против отмены по распоряжению царя выборов в академики Максима Горького. В день пятидесятилетия В. Г. Короленко Антон Павлович (Чехов) в телеграмме к нему назвал его «дорогим любимым товарищем, превосходным человеком, которому я обязан многим». (М. П. Чехова. «Из далекого прошлого», Москва, 1960 г., стр. 57).

В своих воспоминаниях Максим Горький так пишет о Короленко:

«Среди русских культурных людей я не встречал другого человека, который с такой жаждой правды-справедливости, человека, который так проникновенно чувствовал бы необходимость воплощения этой правды в жизнь... В ущерб таланту художника, он отдал энергию свою непрерывной, неустанной борьбе против стоглавого чудовища, откормленного русской жизнью».

Горький называл Короленко «честнейшим русским писателем, человеком с большим и сильным сердцем», «редким человеком по красоте и стойкости духа». И действительно, Короленко отдал и силу своего большого таланта и силу огромной воли борьбе за правду-истину и правду-справедливость и за свободу и достоинство человека.

28 февраля 1893 года Короленко в своем Дневнике приводит слова Микельанджело о том, что «художник не может оставаться спокойным, пока позор и зло царят в стране своей». И Короленко прибавляет:

«Вот как умели мыслить и чувствовать великие художники. А нам говорят, что художник должен быть нейтрален и что его не должны трогать позор и зло, которые продолжают царить в родной стране».

Короленко с ранних лет и до конца дней своих боролся против позора и зла, царивших в нашей стране.

По поводу статей Короленко «Бытовое явление» (о массовых смертных казнях) Л. Н. Толстой в марте 1910 года писал Короленко:

«Владимир Галактионович, сейчас прослушал вашу

статью о смертной казни и всячески во время чтения старался, но не мог удержать не слезы, а рыдания. Не нахожу слов, чтобы выразить вам мою благодарность и любовь за эту, и по выражению, и по мыслям, и, главное, по чувству — превосходную статью. Ее надо перепечатать и распространять в миллионах экземпляров. Никакие думские речи, никакие трактаты, никакие драмы, романы не произведут одной тысячной того благотворного действия, какое должна произвести эта статья».

А через месяц, в апреле 1910 года Толстой опять пишет ему:

«Прочел и вторую часть Вашей статьи, уважаемый Владимир Галактионович. Она произвела на меня такое же, если не еще большее впечатление, чем первая. Еще раз, в числе, вероятно многих, благодарю Вас за нее. Она сделает свое благое дело».

Когда в июле 1913 года праздновали шестидесятилетний юбилей Короленко, газета «Киевская Мысль», одна из лучших тогда газет в России, писала, что Короленко «страж нравственного самосознания и чистой совести своего народа; страж культуры и человечности в родной стране; страж равноправия и справедливости, закона и свободы в государстве; страж правды отношений и любви человека к человеку в человечестве».

Так — в четыре угла построилась на Руси вышка века, имя которой Короленко и яркое пылающее на вершине ее путеводное маяк».

Таково было отношение к Короленко всех мыслящих честных людей в России.

В первые дни революции 1917 года Короленко в письме к толстовцу Журинову писал:

«Любовь к справедливости приветствует сопротивление явному насилию. Этому своему взгляду я не изменил ни разу, ни в беллетристических, ни в публицистических статьях. Я думаю, верю, убежден что в идеальном образе человека, по которому должна отливаться совершенствующаяся человеческая порода — негодование и

гнев насилия и всегдашняя готовность отдать жизнь на защиту своего достоинства, независимости и свободы — должны занимать нормальное место. И когда я мечтаю, что со временем насилие всякого рода исчезнет и народы, как и отдельные люди, станут братьями, то я жду этого от усовершенствования общественных отношений, которые устранят прежде всего насилие».

II

Московское книгоиздательство «Молодая гвардия» выпустило в 1962 г. в серии «Жизнь замечательных людей» биографию Короленко. Автор ее, Георгий Миронов, внимательно прочитал не только все беллетристические и публицистические произведения самого Короленко, но и все воспоминания о нем лиц, знавших его лично и встречавшихся с ним в разные периоды его жизни. Он также читал почти все, что написано было о Короленко при его жизни и после его смерти.

В жизнеописании Короленко автор широко использовал не только автобиографию и воспоминания самого Короленко, но также материалы обширнейшего архива писателя и личные свидетельства о нем современников. В результате Миронов дал интересную, хорошо написанную биографию Короленко и более или менее объективную характеристику его как художника, как боевого публициста и гуманиста, который, по словам автора, «никогда не устал говорить правду в глаза мракобесам и палачам, бюрократам и народоненавистникам».

Миронов рассказывает о выступлениях Короленко в 90-х годах против разнузданной травли националистами и антисемитами французского еврея, капитана Альфреда Дрейфуса. Еще в начале 90-х годов Короленко несколько раз выступал в защиту преследуемых царским правительством евреев. «После еврейского погрома в 1903 году в Кишеневе, — пишет Миронов, — Короленко целыми днями бродил по кишеневским улицам, а потом написал очерк «Дом № 13» об ужасах погрома».

Миронов не скрывает, что Короленко был народником и противником марксизма. Он приводит слова, сказанные Короленко в 1893-м году в Лондоне писателю-революционеру Сергею Кравчинскому-Степняку в разговоре о марксизме: «Непонятен мне социализм без идеализма. Я не думаю, чтобы на сознании общности материальных интересов можно было построить этику, а без этики мы не обойдемся».

Несколько позже, в 1897-м году, Короленко в статье в своем петербургском журнале «Русское Богатство», «О сложности жизни. — Из полемики с марксизмом» писал: «Дорог человек, дорога ему свобода, его возможное на земле счастье, развитие, усложнение и удовлетворение человеческих потребностей. **Нельзя забывать о человеке**».

В 1895-м году Короленко выступил в качестве защитника невинно осужденных крестьян-удмуртов Вятской губернии, которые были обвинены в человеческом жертвоприношении и приговорены к каторжным работам на разные сроки. Только благодаря энергичным выступлениям Короленко в печати, дело осужденных было пересмотрено, и после защиты их Короленко на суде, они все были оправданы.

В 1904 г. Короленко писал в нелегальном либерально-демократическом журнале «Освобождение»:

«Самодержавие несовместимо с жизнью; русская жизнь давно переросла те до нелепого узкие политические рамки, в которые омертвевшим бюрократическим строем она насильно вгоняется. Бессмысленны мечтания остановить или задержать развитие великой страны».

В октябре 1905 года, Короленко буквально рискуя собственной жизнью, спас полтавских евреев от грозившего им погрома. Короленко целые дни проводил на улицах Полтавы, среди толпы, призывая темных людей, готовых броситься громить еврейское население, одуматься, не брать на себя ответственность за страшное кровавое дело. И его призывы возымели свое действие.

Миронов подробно описывает борьбу, которую Ко-

роленко вел против смертных казней, ставших после роспуска первых двух Государственных Дум «бытовым явлением».

В 1911 году, когда в Киеве был арестован еврейский приказчик Мендель Бейлис по обвинению его в убийстве христианского мальчика с ритуальной целью, Короленко написал «Обращение к русскому обществу» (по поводу кровавого навета на евреев). Оно было напечатано в петербургской газете «Речь» 30-го ноября 1911 года. Вторым (после академика К. К. Арсеньева) подписал его Короленко, третьим Максим Горький. За ними следовали подписи Леонида Андреева, Алексея Толстого, Сергеева-Ценского, Дмитрия Мережковского, Зинаиды Гиппиус, А. Серафимовича, Федора Сологуба, Александра Блока, Сергея Елпатьевского, Петра Струве, Михаила Туган-Барановского и многих других.

«Воззвание это, — пишет Миронов, — было перепечатано почти всеми газетами, за исключением монархических и черносотенных... Несмотря на плохое здоровье, уклониться от участия в предстоящем процессе Бейлиса Короленко не желал. Он решил стать защитником Бейлиса вне зала суда. Почти два года тянулось следствие по этому делу и Короленко выступал в печати против вдохновителей гнусного процесса, разоблачал его черносотенный погромный характер».

Несмотря на болезнь, Короленко в 1913 году поехал в Киев, чтобы лично присутствовать на разборе дела Бейлиса. Он все время сидел в тесной ложе журналистов и приставив к уху ладонь, внимательно слушал.

Почти каждый день писал корреспонденции и статьи о процессе в «Киевской мысли», в петербургской «Речи» и в московских «Русских ведомостях». 28-го октября, несмотря на то, что пятеро из двенадцати присяжных, в том числе и старшина присяжных, были членами черносотенных организаций, они вынесли Бейлису оправдательный приговор. «По предварительному подсчету, — пишет Миронов, — семеро из присяжных высказались за

осуждение. Но когда торжествующий старшина присяжных Мельников приступил к окончательному голосованию, один из крестьян поднялся, повернулся к иконе, широко перекрестился и сказал: **«Нет, я не хочу брать греха на душу: не виновен!»**

На улицах толпы радостных киевлян — русские, украинцы, евреи — все поздравляли друг друга. Короленко узнавали и устраивали ему бурные овации.

Не скрыл от читателя Миронов и то, что Короленко во время войны был «оборонцем» и за победу в войне России и ее союзников, что он горячо приветствовал революцию в феврале 1917-го года и призывал к единению всех живых сил страны.

«Все эти дни и месяцы, — пишет Миронов, — много времени Короленко проводил на митингах, собраниях, сходах, где его неизменно выбирали почетным председателем».

III

Миронов, однако, умалчал о том, что Короленко за весь период февральской революции защищал Временное правительство, боролся против большевицкой агитации и октябрьский переворот считал величайшим несчастьем для России. Об этом Короленко писал в первые же дни после переворота в перттроградской эсэровской газете «Дело народа». Короленко крайне враждебно относился к большевицкой диктатуре. Он болезненно переживал гражданскую войну и выступал против погромов и бесчинств как «белых», так и «красных». Ленин в разговоре с Бонч-Бруевичем, говоря о позиции Короленко, по словам Миронова, сказал:

— «Вот они все так: называют себя революционерами, социалистами, да еще народными, а что нужно для народа, даже и не представляют себе. Они готовы оставить помещика и фабриканта и попа — всех на старых своих постах, лишь бы была возможность поболтать о тех или иных свободах в какой угодно говорильне. А

осуществить революцию на деле — на это у них не хватает пороха и никогда не хватит. Мало надежды, что Короленко поймет, что сейчас делается в России, а, впрочем, надо попытаться рассказать ему все поподробней... По крайней мере пусть знает мотивы всего того, что совершается, может быть, перестанет осуждать и поможет нам в деле утверждения советской власти на местах».

Так говорил Ленин Бонч-Бруевичу и в июне 1920 года послал к Короленко в Полтаву наркома просвещения Луначарского. Миронов пишет:

«Луначарский приехал к Владимиру Галактионовичу, и они долго беседовали — спорили и соглашались, делились мыслями и снова спорили. После беседы Луначарский, дружески попрощавшись, уехал на митинг в городской театр.

Вскоре к Короленко приехали искать заступничества родственники приговоренных к расстрелу по обвинению в злостной спекуляции хлебом. Короленко сразу отправился на митинг, где говорил Луначарский. Увидев в зале Короленко, Луначарский подумал, что Владимир Галактионович пришел послушать его речь. «Луначарский, пишет Миронов, — уже шел навстречу, радуясь, что старый писатель оказался на большевицком митинге. Волнуясь, Короленко рассказал ему о цели своего приезда. «Докажите в самом деле, — сказал ему Короленко, — что вы чувствуете себя сильными, пусть ваш приезд ознаменуется не актом жестокости, а актом милосердия».

Луначарский обещал сделать все, что в его силах, чтобы удовлетворить его просьбу. Но на следующий день Короленко получил от Луначарского записку, что смертный приговор уже приведен в исполнение «еще до моего приезда». Через несколько дней Луначарский и Короленко снова встретились, и они условились, что Короленко изложит свои взгляды о революции и политике советской власти в ряде писем к нему, которые Луначарский обещал напечатать в «Известиях» со своим ответом на них.

«В письмах к Луначарскому, — пишет Миронов, — Владимир Галактионович Короленко высказался с присущей ему прямоотой и откровенностью. Ленин оказался прав. Писем Короленко к Луначарскому Миронов не приводит, но он многозначительно замечает, что «он, Короленко, не верил ни в утопию прошлого, ни в утопию будущего». На этом Миронов, собственно говоря, мог бы закончить и поставить точку. Писать явную ложь, что Короленко к концу жизни примирился с коммунистической диктатурой, Миронов не мог, поэтому он или скорее всего редакторы его книги придумали следующий трюк.

В конце книги сказано, что ученый К. Тимирязев, бывший товарищ Короленко в старые студенческие годы, благославлял коммунистов, преклонялся перед Лениным и «восхищался его гениальным разрешением мировых вопросов в теории и в деле». И за всем этим следует: «Короленко был убежден, что Тимирязев был человек глубоко честный и искренний».

А между тем в своих Письмах к Луначарскому, написанных им в 1920-ом году, за год до своей смерти и напечатанных в 1922-ом году в парижском журнале «Современные записки» Короленко писал:

«Европейские пролетарии за вами не пошли. Они думают, что капитализм даже в Европе не завершил своего дела и что его работа еще может быть полезной для будущего... Такие вещи, как свобода мысли, собраний, слова и печати для европейских пролетариев не простые «буржуазные предрассудки», а необходимые орудия, которые человечество добыло путем долгой и не бесплодной борьбы и прогресса. Только вы, никогда не знавшие вполне этих свобод и не научившиеся пользоваться ими совместно с народом, объявляете их «буржуазным предрассудком», лишь тормозящим дело справедливости. Это огромная ошибка, еще и еще раз напоминающая славянофильский миф о нашем «народе-богоносце» и еще более — нашу национальную сказку об Иванушке, который

без науки все науки превзошел и которому все удастся без труда, по щучьему велению».

Далее Короленко говорит о свободе и социализме:

«Социальная справедливость дело очень важное и вы справедливо указываете, что без нее нет и полной свободы. Но и без свободы невозможно достигнуть справедливости»...

«Что представляет собой ваш фантастический коммунизм? Известно, что еще в прошлом столетии являлись попытки перевести коммунистическую мечту в действительность. Вы знаете, чем они кончились. Роберт Оуэн, фурьеристы, сен-симонисты, кабетисты — таков длинный ряд коммунистических опытов в Европе и в Америке. Все они кончились печальной неудачей... И все эти благородные мечтатели кончили сознанием, что человечество должно переродиться прежде чем уничтожить собственность и переходить к коммунальным формам жизни (если вообще коммуна осуществима).

Социалист-историк Ренар говорит, что Кабе и коммунисты его пошиба прибегали к слишком упрощенному решению вопроса. «Среди предметов, окружающих нас, — писал он, — есть такие, которые могут и должны остаться в индивидуальном владении, и другие, которые должны перейти в коллективную собственность». Вообще процесс этого распределения, за который вы взялись с таким легким сердцем, представляет собой процесс долгой и трудной подготовки объективных и субъективных условий, для которого необходимо все напряжение общей самодеятельности, **и главное, свободы**. Только такая самодеятельность, только **свобода всяких опытов** могут указать, что выдержит критику практической жизни и что обречено на гибель».

«...Вы допускаете, вероятно, что я... люблю наш народ: допустите и то, что я доказал это всей моей проходящей к концу жизнью... Но я люблю его не слепо, как среду, удобную для тех или других экспериментов, а таким, каков он есть в действительности... По натуре, по

природным задаткам наш народ не уступает лучшим народам мира и это заставляет любить его. Но он далеко отстал в нравственной культуре. Вы говорите о коммунизме. Не говоря о том, что коммунизм есть еще нечто неоформленное и неопределенное, вы до сих пор не выяснили, что вы под ним понимаете. Для социального переворота в этом направлении нужны другие нравы...».

«Души должны переродиться, а для этого нужно, чтобы сначала переродились учреждения, а это в свою очередь требует свободы мысли и начинания для творчества новых форм жизни. Силой задержать самостоятельность в обществе и в народе — это преступление, которое совершало наше старое павшее правительство. Но есть и другое, пожалуй, не меньшее зло — это силой навязывать новые формы жизни, которых народ еще не осознал, и с которыми не мог еще ознакомиться на творческом опыте. И вы в нем виноваты. Инстинкт вы заменили приказом и ждете, что по вашему приказу изменится природа человека. За это посягательство на свободу самоопределения народа вас ждет расплата».

Уже 5-го декабря 1917 года, то есть через месяц после захвата власти большевиками, Короленко писал в петроградской газете «Дело Народа», обращаясь к большевистским лидерам:

«Вы торжествуете победу, но эта победа гибельная для победившей с вами части народа, гибельная, быть может, и для всего русского народа в целом. У Якубовича-Мельшина, искреннего революционера и пламенного поэта каторги, есть два стиха, которые должны звучать набатным предостережением всякому торжествующему насилию. Из глубины своего каземата он говорил самодержавию: «Да, вы нас подавили, заковали, заперли в тюрьмы, но **физическая** победа — не всегда окончательная победа...»

Порой не тот, кто повержен в прах, побежден.

Не тот, кто разит — победитель!

Теперь это приходится повторять и по вашему адре-

су. Вы задавили на время свободу; но вы не победили ее. Это не победа, пока мысль народа, его литература, все против вас. Ваше торжество зловеще и страшно... **Власть, основанная на ложной идее, обречена на гибель от собственного произвола».**

А через три года, 9 июня 1920 года Короленко в письме к своему приятелю в Петрограде, писателю Сергею Протопопову, писал:

«Для меня большой вопрос — есть ли коммунизм та форма, через которую должно пройти человечество. Форм осуществления социальной справедливости много и еще нигде ни разу (за исключением разве религиозных общин и то не надолго) мы не видели удачной коммуны. Социалист историк Ренар говорит, что... коммунисты... уделяли слишком много места власти и единству. Государство-община, о которой они мечтали, напоминает пансион, где молодым людям обеспечивают здоровую умеренную пищу, приучают их работать, есть, вставать по звонку... Однообразие этой суровой дисциплины порождает скуку и отвращение. Этот монастырский интернат слишком тесен, чтобы человечество могло в нем двигаться, не разбив его. Я думаю то же».

Короленко дальше продолжал:

«Вообще форма будущего общества еще не готова, и она будет результатом долгой органической работы и свободной человеческой борьбы, причем, разные формы будут рождаться, бороться за существование, исчезать, заменяясь новыми, и так далее. И только в результате такой **свободной борьбы** человечество будет менять формы своей жизни. Что значит: нужно переродиться? Нужно не переродиться, а постоянно **перерождаться**, так как процесс этого перерождения бесконечен, по крайней мере так же, как и сама жизнь».

В заключение Короленко писал:

«Социальный переворот может быть результатом только всестороннего и органического назревания новых

специальных учреждений и свободного, не бюрократического творчества».

Так писал Владимир Короленко в 20-м году в письме к литератору Протопопову, и письмо это было напечатано в 20-м номере петроградского исторического журнала «Былое» за 1922 год. В том же 1920 году Короленко в одном из писем к Луначарскому писал:

«Вы, большевики, ввели свой коммунизм в **казарму...** По обыкновению, недолго раздумывая, вы нарушили неприкосновенность и свободу частной жизни... Вы являете первый опыт введения социализма посредством подавления свободы. Что из этого может выйти?... Не желал бы быть пророком, но сердце у меня сжимается предчувствием, что мы только у порога таких бедствий, перед которыми померкнет то, что мы до сих пор пережили».

Слова Короленко, как мы теперь знаем, оказались пророческими: с тех пор Россия под властью диктатуры пережила два страшных голода, от которых умерли миллионы людей, и вторую мировую войну, в результате которой погибли новые десятки миллионов людей.

В другом письме к Луначарскому Короленко тогда же писал:

«Как вы узнаете и как вы выражаете волю пролетариата? Свободной печати у нас нет, свободы голосования также. Свободная печать, по вашему, только буржуазный предрассудок. Между тем, отсутствие свободной печати делает вас глухими и слепыми на явления жизни. В ваших официозах господствует внутреннее благополучие... Вы заботитесь только о фальсификации мнения пролетариата... Чуть где нибудь начинает проявляться самостоятельная мысль среди рабочих, не вполне согласная с направлением вашей политики, коммунисты сейчас принимают меры...».

Письмо это к Луначарскому Короленко закончил словами:

«Творчество новых форм требует свободы мысли и начинания... Правительства погибают от лжи... Время вер-

нуться к правде! Народ, с радостью просыпающегося сознания, пойдет по пути возвращения к свободе».

Так Короленко писал за год до своей смерти в своих письмах к Луначарскому, которые в 1922 году были напечатаны в парижском журнале «Современные Записки» и потом изданы отдельной книжкой в Париже.

За полгода до своей смерти, в конце июля 1921 года, Короленко в письме к С. Д. Протопопову писал:

«Порой свожу итоги, оглядываюсь назад. Пересматриваю старые записные книжки и нахожу в них много «фрагментов», задуманных когда-то работ... Вижу, что мог бы сделать много больше, если бы не разбрасывался между чистой беллетристикой, публицистикой и практическими предприятиями, вроде возвратанского дела или помощи голодающим.

«Но ничуть об этом не жалею. Во-первых иначе не мог. Какоенибудь дело Бейлиса совершенно выбивало меня из колеи. Да и нужно было, чтобы литература в наше время не оставалась безучастной к жизни. Вообще я не раскаиваюсь ни в чем, как это теперь встречаешь среди многих людей нашего возраста: дескать, стремились к одному, а что вышло? **Стремились к тому, к чему нельзя было не стремиться при наших условиях.**

А вышло то, к чему привел «исторический ход вещей». И, может быть, без наших «стремлений» было бы много хуже».

Короленко умер в Полтаве 25-го декабря 1921 года.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Максим Горький и коммунистическая диктатура

Максим Горький был большим писателем и замечательным человеком. Он до сих пор является одним из самых популярных писателей в Советском Союзе. Тираж книг Горького, выпущенных за годы советской власти, составляет больше 90 миллионов экземпляров. Они издавались 2377 раз на семидесяти шести языках, согласно отчету «Литературной газеты» от 20 марта 1958 г. Его пьесы до сих пор ставят в советских театрах. Его произведения продолжают переиздавать также и за границей.

К 90-летию юбилею со дня рождения Горького «Литературная газета» писал:

«Горький неумоимо отстаивал принципы боевой, высоко-идейной партийной литературы со всей страстью и убежденностью художника, связавшего свою судьбу с коммунистической партией, поставившего свой огромный талант на службу советскому народу, советскому государству».

Что Горький неумоимо отстаивал принципы высоко-идейной литературы — несомненный факт. Но также несомненно, что Горький был ярким противником всякой партийности в художественной литературе и диктатуры партийных чиновников над литературой. Еще в своем

раннем творчестве Горький выразил в художественной форме ту мечту о раскрепощении человека, ту волю к борьбе за права свободной личности, которая вдохновляла все русское освободительное движение. 30-го марта 1901 года в газете «Нижегородский Листок» Горький писал:

«Много ли среди вас настоящих людей? Может быть, человек 5 на 1000 найдется таких, которые страстно верят, что человек есть творец и владыка жизни, а право его свободно думать, говорить — святое право. Может быть, 5 из 1000 способны бороться за это право и без страха погибнуть в борьбе за него. Большинство же из вас рабы жизни или наглые хозяева ее — и вы, и вы, — кроткие мещане, временно заменяющие настоящих людей».

Статья эта перепечатана в книге «Горький. Материалы и исследования», том III, изд. Академии Наук СССР (стр. 250).

Так писал Горький в 1901 г., так он думал и на склоне дней, как мы увидим.

Вот что рассказывает в своих воспоминаниях о Горьком известная русская общественная деятельница и публицистка Екатерина Дмитриевна Кускова. (Воспоминания ее были напечатаны в нью-йоркском русском трехмесячнике «Новый журнал».) Кускова познакомилась с Горьким в 1893-ем году, когда он был еще не Максимом Горьким, а Алексеем Пешковым. Оба они жили тогда в Нижнем Новгороде, где находилось много политических ссыльных, видных общественных деятелей и писателей. Многие, и в том числе Кускова, жили в общежитиях. В Нижнем тогда часто устраивались нелегальные собрания революционеров. Об этих собраниях Кускова пишет:

«Недалеко от знаменитого по красоте нижегородского «вала» и при впадении Оки в Волгу, где чудесно пели соловьи, столь чудесно происходили по ночам наши «дискуссионные собрания». Однажды ко мне подошел высокий человек, с такой милой застенчивой улыбкой и, не представляясь, сказал:

— Пожалуйста, я слышал, у вас собрания... Можно мне прийти?...

— Простите, кто вы такой?

— Не всё ли равно? Ну, я Пешков. Что из этого?

— Конечно, ничего. Но хорошо всё-таки, что вы себя называли: я уже о вас много слышала».

В воспоминаниях о молодом Горьком Кускова дальше пишет:

«С тех пор Горький стал часто бывать на наших собраниях, а потом часто и много бывал у меня. Однажды он сказал мне:

— Ну, и скучища же, доложу вам, у вас на собраниях... «Пролетариат», «крестьянство»... А человек где? Человека у вас нет... Кто кого перещеголяет. Да бросьте вы Маркса сосать! Слушайте соловьев, больше душе говорит...

Часто говорил потом: «Я ненавижу политику, я люблю быт, жизнь». Но сам он вечно пребывал в этом политическом окружении и в значительной мере брал из него свои сюжеты... Потом пришла слава огромная, международная. Сам он жил и в **надполье** и в **подполье**. В **надполье** сплавивал прогрессивных писателей, доставал деньги на такие предприятия, как сборники «Знание», участвовал в общественном движении всё в том же своем звании «Буревестника», «гордого сокола», ненавидящего ужей. В **подполье** — помогал нелегальной литературе — значительно. Тогда же он сблизился с Лениным, потом он то расходился с Лениным, то опять сходил. К Октябрьскому перевороту отнесся **крайне отрицательно**».

Так писала о Горьком хорошо его знавшая Е. Д. Кускова.

Став писателем, Максим Горький примкнул к революционерам. Непосредственно революционной работы, правда, он не вел, и его участие в этой работе выражалось прежде всего в организации денежной помощи.

Сам Горький в Открытом письме сотрудникам «Прав-

ды» и «Северной коммуны» 2-го мая 18-го года, в своей газете «Новая жизнь» писал:

«К сведению вашему скажу, что за время с 1901-го по 17-ый год через мои руки прошли сотни тысяч рублей на дело Российской социал-демократической партии. Из них мой личный взнос исчисляется десятками тысяч рублей, а всё остальное черпалось из карманов «буржуазии». «Искра» издавалась на деньги Саввы Морозова, который, конечно, не в долг давал, а жертвовал. Я мог бы назвать добрый десяток почтенных людей — «буржуев», которые материально помогали росту социал-демократической партии. Это прекрасно знает Ленин и другие старые работники партии».

В 1904-м году, после раскола РСДРП, Горький примкнул к большевикам и оказывал денежную помощь их нелегальным газетам «Вперед» и «Пролетарий». В октябре 1905-го года Горький основал в Петербурге большую ежедневную социал-демократическую газету большевистского направления, под названием «Новая жизнь»; Ленин, после своего приезда из Женевы в Петербург, стал ее главным редактором. Тогда же, в редакции «Новой жизни», Горький лично познакомился с Лениным.

В 1906-ом году Горький, по поручению лидеров большевистской фракции, ездил в Соединенные Штаты, чтобы ознакомить американскую общественность с положением в России, а заодно и чтобы собрать там средства для РСДРП.

В 1907-ом году Горький присутствовал, в качестве почетного гостя, на Лондонском съезде Российской Социал-демократической Рабочей партии. Там он был на стороне Ленина.

Все это, однако, не означало, что Горький не сохранял своего, независимого мнения по многим вопросам. Например, много лет спустя Горький рассказывал известному социал-демократу Николаю Валентинову-Вольскому, как Ленин пришел к нему в Лондоне в отель и, после рукопожатия и нескольких приветственных слов, быстро

подошел к кровати и начал молча шарить руками под одеялом и под подушкой. Горький говорил:

«Я стоял чурбаном, абсолютно не понимая, что он делает и для чего это делает Ленин. В моей голове даже пронеслась дикая мысль: не с ума ли он сошел? Слава Аллаху, мое смущение и недоумение быстро окончились потому, что Ленин, подойдя ко мне, объяснил: в Лондоне климат сырой и нужно тщательно следить, чтобы постельное белье не было бы влажным. Это очень вредно и опасно для людей, как я, с больными легкими. А мне, де, нужно особенно беречься, потому что я только что написал роман «Мать», вещь будто полезную для русского рабочего и призывающую его на борьбу с самодержавием. За такой комплимент я, конечно, поблагодарил Ленина, только сознаюсь, несколько досадно стало. Хорош или худ этот роман, не мне судить. Но сводить мою работу к чему-то вроде большевистской прокламации на штурм самодержавия, как это сделал Ленин, все-таки не годится. Я ведь пытался в моей вещи подойти к несколько большим, очень **большим** проблемам».

В 1908-ом году Горький порвал с Лениным и стал членом большевистской антиленинской группы «Вперед», во главе которой стояли Григорий Алексинский, бывший лидер большевиков во второй Государственной Думе, Александр Александрович Богданов, известный экономист и философ, Анатолий Луначарский и другие. Горький тогда жил в Италии. Потом Горький помирился с Лениным и иногда писал в легальных большевистских изданиях.

В 1912 году Горький сотрудничал в либеральном журнале «Вестник Европы», и в письме к его литературному редактору Н. Д. Овсяннику-Куликовскому характеризовал журнал, как «старейший, наиболее глубоко понимающий значение культуры, наименее партийный».¹ В другом

¹ М. Горький «Материалы и исследования», том III, Москва. 1941, стр. 143.

письме об известной книге Овсяннико-Куликовского «История русской интеллигенции», он писал: «С большим волнением прочитал вашу «Историю интеллигенции» и теперь рекомендую эту книгу разным начинающим писателям». В письмах к начинающим писателям 1912-13 г.г. Горький неоднократно отмечал в числе лучших книг — книгу Овсяннико-Куликовского.²

Когда вспыхнула Февральская революция, Горькому было 49 лет. Теоретически он оставался революционным социал-демократом до самого октябрьского переворота. Его газета «Новая Жизнь» часто брала под свою защиту Ленина. Но Горький до последней минуты не верил, что большевики готовят вооруженное восстание против Временного Правительства с тем, чтобы самим захватить власть и учредить диктатуру своей партии. И после октябрьского переворота никто так не бичевал большевиков, в частности — Ленина, как Горький. 7 ноября (20-го) 1917 г. он писал в своей газете «Новая Жизнь»:

«Ленин, Троцкий и сопутствующие им уже отравились гнилым ядом власти, о чем свидетельствует их позорное отношение к свободе слова, личности и ко всей сумме тех прав, за торжество которых боролась демократия. Слепые фанатики и бессовестные авантюристы сломя голову мчатся якобы по пути к «социальной революции» — на самом деле это путь к анархии, к гибели пролетариата и революции. Рабочий класс не может не понять, что Ленин на его шкуре, на его крови производит только некий опыт, стремится довести революционное настроение пролетариата до последней крайности и посмотреть, что из этого выйдет? Рабочие не должны позволять авантюристам и безумцам взваливать на голову пролетариата позорные, бессмысленные и кровавые преступления, за которые расплачиваться будет не Ленин, а сам же пролетариат».

10-го (23-го) декабря того же года Горький писал:

² Там же. Стр. 145.

«Народные комиссары относятся к России, как к материалу для опыта, русский народ для них — та лошадь, которой ученые бактериологи прививают тиф для того, чтобы лошадь выработала в своей крови противотифозную сыворотку. Вот именно такой жестокий и заранее обреченный на неудачу опыт производят комиссары над русским народом, не думая о том, что измученная, полуголодная лошадь может издохнуть. Реформаторам из Смольного нет дела до России, они хладнокровно обрекают ее в жертву своей грезе о всемирной или европейской революции».

В той же статье Горький писал о Ленине:

«Сам Ленин, конечно, человек исключительной силы; 25 лет он стоял в первых рядах борцов за торжество социализма, он является одною из наиболее крупных и ярких фигур международной соц.-демократии; человек талантливый, он обладает всеми свойствами «вождя», а также и необходимым для этой роли отсутствием морали и чисто барским, безжалостным отношением к жизни народных масс. Ленин «вождь» и — русский барин, не чуждый некоторых душевных свойств этого ушедшего в небытие сословия, а потому он считает себя вправе проделывать с русским народом жестокий опыт, заранее обреченный на неудачу. Измученный и разоренный войною народ уже заплатил за этот опыт тысячами жизней и принужден будет заплатить десятками тысяч, что надолго обезглавит его».

Далее Горький писал:

«В современных условиях русской жизни нет места для социальной революции, ибо нельзя же, по щучьему веленью, сделать социалистами 85 процентов крестьянского населения страны, среди которого несколько десятков миллионов — инородцев-кочевников. От этого безумнейшего опыта прежде всего пострадает рабочий класс... Мне безразлично, как меня назовут за это мнение о «правительстве» экспериментаторов и фантазеров, но судьбы

рабочего класса и России — не безразличны для меня. И пока я могу, я буду твердить русскому пролетарию: Тебя ведут на гибель, тобою пользуются как материалом для бесчеловечного опыта, в глазах твоих вождей ты все еще не человек!»

9-го (22-го) января 1918 года в день похорон в Петрограде погибших от расстрела большевиками участников демонстрации в защиту Учредительного Собрания, Горький писал в «Новой Жизни»:

«Лучшие русские люди почти сто лет жили идеей Учредительного Собрания, — политического органа, который дал бы всей демократии русской возможность свободно выразить свою волю. В борьбе за эту идею погибли в тюрьмах, в ссылке и каторге, на виселицах и под пулями солдат тысячи интеллигентов, десятки тысяч рабочих и крестьян. На жертвенник этой священной идеи пролиты реки крови — и вот «народные комиссары» приказали расстрелять демократию, которая манифестировала в честь этой идеи. Напомню, что многие из «народных комиссаров» сами же, на протяжении всей политической деятельности своей, внушали рабочим массам необходимость борьбы за созыв Учредительного Собрания. «Правда» лжет, когда пишет, что манифестация 5-го января была организована буржуями, банкирами и т. д. и что к Таврическому дворцу шли именно «буржуи», «калединцы». «Правда» лжет, — она прекрасно знает, что «буржуям» нечему радоваться по поводу открытия Учредительного Собрания, им нечего делать в среде 246 социалистов одной партии и 140 — большевиков. «Правда» знает, что в манифестации принимали участие рабочие Обуховского, Патронного и других заводов, что под красными знаменами Российской С.-Д. Рабочей партии к Таврическому дворцу шли рабочие Василеостровского, Выборгского и других районов. Именно этих рабочих и расстреливали, и сколько бы ни лгала «Правда», она не скроет этого позорного факта».

Пока выходила его газета «Новая Жизнь», Горький

не переставал бичевать коммунистическую власть. Потом большевики закрыли газету. Горький помирился лично с Лениным, но пессимизм его рос: «Пролетариат не готов к роли, которую навязала ему история», — говорил он в 1919 г. Е. Д. Кусковой, а писателю Б. К. Зайцеву он однажды сказал: «Дело, знаете ли, простое. Коммунистов горсточка. А крестьян миллионы... миллионы!.. Все предreshено. Это непременно так будет. В мире не жить. Кого больше, те и вырежут. Предreshено. Коммунистов вырежут».

Позже, под влиянием, главным образом, вестей о белом движении, Горький решил сотрудничать с советской властью и воздействовать на нее.

«Довольно отсиживаться, — говорил он тогда своим друзьям. — Социалистическая демократия должна войти в ряды большевиков и незаметно их окружить. Надо постараться на них влиять, иначе они непоправимых глупостей наделают. Они уже сейчас черт знает, что творят».

Так, по словам Т. И. Манухиной, жены доктора И. И. Манухина, которые тогда были в большой дружбе с Горьким, у Горького возник план «окружения большевиков».

«В реальности, — пишет Т. И. Манухина, — это означало посадить на плечи советской власти социалистическую интеллигенцию всех толков и этим спасти страну от гибели, а революцию от контрреволюции».³

Свою деятельность Горький начал ролью заступника за гонимую «буржуазию», ходатая в стане большевиков. Он поднимает на ноги Смольный, настаивает, стыдит кого нужно. Если что не помогало, он ездил в Москву к Ленину. Не щадя слабого здоровья, ездил зимой в неотапленных вагонах, простуживался и болел. Когда начался массовый террор, — рассказывает Манухина, — Горький был возмущен до глубины души. Он мужественно заступался не только за либералов и демократов, но и за великих князей и кое-кого из них он спас от расстре-

³ См. статью Г. Таманнина (Т. И. Манухиной) о Горьком в парижских «Русских записках», ноябрь 1938 г.

ла.⁴ Великие князья Павел Александрович, Георгий Михайлович и Николай Михайлович были спешно расстреляны петроградской ЧеКа, осведомленной из Москвы, что Горький уговорил Ленина их освободить.

«Я примчался на вокзал с бумагой, подписанной Лениным, — рассказывал Горький тогда Манухиным. — Очень торопился, чтобы попасть на петербургский вечерний поезд. Случайно на платформе мне попала в руки вечерняя газета. Я развернул ее... Расстрел Романовых!.. Я обомлел. Вскочил в вагон. Дальше ничего не помню. Очнулся глубокой ночью в Клину, один в пустом вагоне на запасном пути».

По приезде домой Горький слег и не скоро оправился от нервного потрясения.

«Поначалу, — пишет Манухина, — Горьких большевикам безусловно предан не был. Он спорил, многими декретами возмущался, террор ненавидел, за потерпевших заступался. Но потом начал путаться в противоречиях. В 1920-1921 годах его уже окружают писатели, художники, командиры, советские сановники. Он появляется в театрах, окруженный новыми людьми». Он создает в Петрограде «Дом ученых». Он задает тон петроградской общественности. Ему отпущены советским правительством большие суммы на его культурно-просветительные планы. Он принялся издавать в образцовых переводах произведения больших иностранных писателей.

«Новая жизнь, кипучая, полная преобразований, грандиозных целей, фактических возможностей была именно той жизнью, о которой он грезил и которую своей магически-революционной поэзией заклинал, — пишет Манухина. — Стоило Горькому «присягнуть» Кремлю, и перед ним открывалась беспредельность. Самые заветные желания его могли осуществляться, как в волшебном сновидении... Облагодетельствовать миллионы темного русского народа! Приобщить их к просвещению, к ма-

⁴ См. об этом воспоминания вел. кн. Гавриила Константиновича «В мраморном дворце», изд. имени Чехова, Нью-Йорк.

териальной культуре. Воспитать новое гражданское социалистическое сознание! Поднять своих младших братьев! Этот просветительный педагогический пафос был ему свойствен и всегда одушевлял его общественную деятельность. Соблазн — пренебречь нравственной оценкой власти и воспользоваться ее силой был для Горького велик... К чему привело намерение Горького окружить большевиков? Ни к чему: окруженным оказался он сам».

Но до роли восторженного поклонника советской власти он дошел не сразу, а гораздо позже.

В 1921 году Горький выехал за границу. В это время Горький не только не был слугой коммунистического режима, но был, по его словам, «настроен мизантропически».

В эмиграции Горький, совместно с писателем-эмигрантом В. Ф. Ходасевичем, издавал журнал «Беседа». 8-го ноября 1923 г. Горький писал из Сорренто В. Ходасевичу по поводу циркуляра Крупской об изъятии из советских библиотек, обслуживающих массового читателя, религиозно-философских произведений Платона, Канта, Шопенгауэра, Владимира Соловьева, Л. Толстого и других: «Первое впечатление, мною испытанное, было таково, что я начал писать заявление в Москву о выходе моем из русского подданства. Что еще могу сделать я в том случае, если это зверство окажется правдой? Знали бы Вы, дорогой В. Ф., как мне отчаянно трудно и тяжело».⁵

В 1925 г. Горький писал о Короленко: «Он, ведь, для меня был и остается самым законченным человеком из сотен мною встреченных, и он для меня идеальный образ русского писателя». А, ведь, известно, как резко-отрицательно В. Г. Короленко относился к советской власти.

В 1927 г. Горький писал С. Н. Сергееву-Ценскому: «Жалуетесь, что проповедники хватают за горло художников? Дорогой Сергей Николаевич, это ведь всегда было. Мир этот — не для художников, им всегда было тесно

⁵ В. Ходасевич «Горький», «Современные записки» (Париж), кн. 63, 1937.

и неловко в нем — тем почтеннее и героичней их роль... Мечтателей, чудаков, беспризорных одиночек особенно люблю». — Человек, настроенный коммунистически — так писать не мог.

В 1929 году Горький, после двухлетней переписки и настоятельных приглашений со стороны Сталина, вернулся в Россию.

Привез его в Россию П. Крючков, агент ГПУ, расстрелянный потом. Приезд Горького был событием.

Вот что в 1954 году рассказал на страницах «Социалистического вестника» о встрече Горького в Москве и об отношении его к кремлевской власти П. Мороз, бывший начальник и военный комиссар броневых сил на Юго-западном фронте в 1920 году, и в 1930 году руководитель «Севгресстроя» под Севастополем (в 1929 году Мороз сопровождал Горького при его объезде строителей, производившихся на Северном Кавказе, и совхозов, а потом встречался с Горьким в Крыму и много с ним беседовал):

«Когда вечернее радио Москвы сообщило о предстоящем приезде Горького, призывая население столицы к достойной встрече великого писателя, призыв был поддержан населением с таким энтузиазмом, с каким оно не поддерживало ни одного мероприятия «партии и правительства». «У очень многих граждан страны, — пишет Мороз, — помимо сердечного, любовного отношения к Горькому, теплилась надежда найти в нем, наконец, спасителя. Каждый думал: Горький — буреизвестник свободы, боровшийся столько лет с такой силой, с такой страстью против насилия и несправедливости — молчать не будет. Многие хотели даже думать, что приезд Горького — не просто визит туриста, а связан с какой-то политической миссией».

В июле 1929-го года, во время посещения Горьким Северного Кавказа, он высказал сопровождавшему его Морозу свое мнение об этой московской встрече в следующих словах: «Такие грандиозные встречи могут быть

только при двух положениях: либо, когда народ живет в материальном, политическом и духовном довольстве, либо когда народ находится в абсолютной материальной, политической и духовной нищете и рабстве».

О какой именно жизни в Советском Союзе шла речь, Горькому стало ясно из первой же сотни писем, доставленных ему почтой в течение первого дня его пребывания в Москве.

Писали ему все. Писали и люди с именами, и начинающие писатели, обыватели, коммунисты и комсомольцы, директора московских заводов, инженеры и рабочие. Писали служащие всех рангов, от народных комиссаров до машинисток, артисты и артистки, отцы и матери, жены и дети, — умоляя в своих письмах о спасении арестованных детей, мужей, отцов и матерей. И на Северный Кавказ и в Ростов на Дону Горький приехал с полным пониманием «счастливой и веселой жизни» советских людей.

«В середине июля на устроенном в честь писателя ужине, — пишет Мороз, — на котором присутствовал и «хозяин» края — секретарь краевого комитета коммунистической партии — А. А. Андреев (позже член Политбюро), произошло мое первое знакомство с Горьким. После ужина, закончившегося довольно рано, Горький спросил меня, есть ли у меня свободное время, и пригласил поехать к нему, как он сказал: «для уточнения программы и плана экскурсии». Начали говорить о плане нашей поездки, как вдруг Горький меня спросил: «Вы бывший анархист?» — «Нет, — отвечал я, — откуда вы это берете?» — «Мне почему-то так показалось, — сказал Горький, — исходя из ваших дружеских отношений с Евдокимовым». В процессе нашей дальнейшей беседы Горький опять совершенно неожиданно задал мне второй вопрос: «А молчать вы умеете, когда надо?» Улыбаясь, я ответил: «Научили... молчу вот уже седьмой год». Горький заметил: «Это замечательно. Если не секрет, где вас научили молчать?» — «Пожалуйста, никакого секрета в

этом нет. Первые уроки преподали на Лубянке, но они не дали желаемых результатов. Тогда был дан более длительный курс наук, — в читинской каторжной под начальством Губельмана, брата Ярославского».

— «И что же?», — спросил Горький.

— «Как видите, — ответил я, — слава Богу, молчу... молчу даже тогда, когда не надо молчать».

— «Мне хотелось бы задать вам еще один вопрос», — сказал Горький. «Скажите, пожалуйста, — только, если можете, откровенно, — как вы думаете, много в Союзе молчалиников?»

Прежде, чем ответить на этот вопрос, я спросил Горького: «А вы соблюдаете неписанное правило этики, по которому откровенность одной стороны налагает определенные обязательства на другую сторону?»

Горький посмотрел на меня и спросил: «Обязательство хранить тайну откровенности?» — «Да».

— «Ну, конечно, — сказал Горький, — я иначе и не мыслю нашей беседы».

— «В таком случае, пожалуйста. Я думаю, и почти уверен, что с 1927 г. число молчалиников в Советском Союзе на сегодня доходит до 80 процентов населения. Но завтра... безмолствовать будут все, кроме пропагандистов — алилуйщиков».

Горький с грустью посмотрел мне в глаза, помолчал, как бы раздумывая, и сказал: «Да, пожалуй, вы правы. Но почему же это так?»

На следующий день утром они отправились в совхоз «Гигант», на строительство Сальского элеватора и электрической станции. Горький во время посещения этих предприятий был сдержан, не вступал в беседы ни с администрацией, ни со служащими, ни с рабочими. Но при посещении колхозов Горький был весьма любознателен и внимателен. Знакомясь с колхозами, расположенными по направлению Ростов на Дону — станица Старо-Щербинская, Горький осматривал, вернее, знакомился с колхозами во всех деталях. При этом он особенно интересо-

вался единоличными хозяйствами, не вошедшими в колхоз. Он знакомился с каждым двором и его хозяином. Вел длительные беседы, но о чем он говорил, никто не мог ничего сказать. Такие же методы применил Горький и при осмотре колхозов в районе станицы Екатерининская — Ростов на Дону.

Последним объектом посещения был «Россельмаш», к которому, несмотря на его грандиозность, Горький проявил полное равнодушие.

В гостинице Горький начал беседу следующими словами: «Если вы думаете, что я что-нибудь понял из того, что делается в станицах, то вы глубоко ошибаетесь. И как я ни стараюсь, как ни напрягаю свой мозг, чтобы понять все эти дела, творящиеся и с крестьянами, и с рабочими, и с городским человеком, я ничего понять не могу. Я прежде всего не вижу целесообразности. Повидимому, стар я стал. Но людей, сопротивляющихся этому, я понимаю. Единственное, что мне представляется отчетливо, это то, что все это, вместе взятое, возвращает нас к пятидесятым годам прошлого столетия, но в более свирепой форме. Да, формы проведения в жизнь мероприятий такого социализма будут безусловно очень свирепыми».

«В свое время, — продолжал Горький, — главная задача передовой литературы прошлого заключалась в том, чтобы показать подневольный характер труда и раскрыть противоречия между огромной созидательной силой труда и угнетенным положением трудящегося человека.

Тогда были люди, которые, несмотря на ограниченные возможности, создали прочную традицию уважения к труду и свободе трудящегося человека, посвятив немало красивых страниц воспеванию труда. Конечно, такие люди есть и будут, но будут ли у них в будущем хотя бы те ограниченные возможности прошлого, я очень и очень сомневаюсь. Будут ли у литератора будущего хотя бы ограниченные возможности, изображая труд в нашем «социализме», поставить в центр своего внимания чело-

века — радующегося труженика? Думаю — нет. В тумане всех событий представляются только или почти только страдания».

На следующий день Горький должен был уехать из Ростова. Вечером был устроен, по распоряжению А. А. Андреева, прощальный ужин, на котором Горький вел оживленную беседу, но, главным образом, он делился своими воспоминаниями о прошлом, не сказав ни слова о своих впечатлениях от виденного на Северном Кавказе.

Андреев, повидимому, недовольный этим направлением беседы, задал Горькому прямой вопрос о его впечатлениях от посещения организованных коллективных хозяйств.

Горький, отвечая, сказал: «Все дело коллективизации, по моему глубокому убеждению, должно быть построено исключительно на добровольных началах, никакого принуждения не должно быть. При соблюдении этого условия, коллективизация может дать весьма положительные результаты».

Прощаясь, Горький с грустью сказал: «Не унывайте, проживем — увидим. Я думаю, все образуется. При случае не забывайте меня. Я всегда буду рад потолковать с вами о нашей так не удавшейся жизни».

«Последующие мои встречи с Горьким, — писал Мороз, — относятся к 1934 и 1935 годам, когда Горький большую часть времени проводил в Крыму на даче ЦИК-а СССР, в двадцати километрах от Севастополя. Первая встреча с Горьким после пятилетнего перерыва произвела на меня гнетущее впечатление. Поразил меня внешний вид Горького. Когда-то высокий и худой, он превратился в совершенно сгорбленного, усталого человека, как ни старался он держать себя бодро. Горький внимательно слушал меня и, видя мое волнение и слезы, проступившие на моих глазах, успокаивающе сказал: «Вы очень болезненно и близко все принимаете к сердцу. Относитесь ко всему с некоторым холодком и поберегите ваши нервы и здоровье. Они вам еще пригодятся в жизни. Я

вас, да и не только вас, а всех, тяжело переживающих события, понимаю. Трудно и очень даже бывает тяжело на душе, но вы в таких случаях должны прежде всего помнить, что остановить колесо, делающее историю России, внутренними силами невозможно. Слишком уж далеко зашли. Слишком велики силы, подпирающие и охраняющие реакцию штыком. В этом я уже убедился и особенно после посещения Соловецких островов».

Это упоминание Горьким о его посещении концлагеря на Соловецких островах и высказанное им ясное понимание действительного положения в стране, дало Морозу решимость задать ему два вопроса: «Я, Алексей Максимович, — сказал Мороз, — часто задавал себе вопрос и сейчас задаю его вам, зачем вы приехали в Союз, после посещения 29-го года?» И второй вопрос: «Как вы могли допустить появление в таком виде в печати вашей статьи о Соловецких островах?»

«Видите ли, — начал Горький, — вы не первый задаете мне эти вопросы. Но я был поставлен в такие условия, при которых я не мог не приехать. К этому необходимо добавить, что статьи Сталина «Головокружение от успехов» и «Ответ товарищам колхозникам», опубликованные в печати, явились результатом моих настояний о добровольности коллективизации. Это мне дало повод более оптимистически рассматривать значение моего приезда в Союз, хотя, повторяю, что не приехать я все равно не мог. Что же касается статьи с моими впечатлениями о Соловецких островах, опубликованной в печати, то там карандаш редактора не коснулся только моей подписи — все остальное совершенно противоположно тому, что я написал, и неузнаваемо».

Все последующие беседы с Горьким носили тот же характер огорчений. И ни разу Горький, кроме как по вопросу о народном просвещении, не сказал ни одного слова, одобряющего внутреннюю или внешнюю политику советской власти.

Даже в вопросах индустриализации, отзываясь с во-

схищением о растущих гигантах индустрии, Горький говорил: «Но сделать все это можно было бы со значительно меньшим напряжением сил».

Летом 1935 года Горький, ссылаясь на состояние своего здоровья, просил отпустить его в Италию. Сталин ответил отказом, но утешал его тем, что климат в Крыму не хуже, чем в Италии.

Известный французский литератор, русский по происхождению, Виктор Сэрж, который пробыл в России до 1936 года, в своем дневнике, напечатанном в 1949 году в парижском журнале «Ле Тан Модерн», рассказывал о своих последних встречах с Горьким:

«Я однажды встретил его на улице, — пишет Сэрж, — и был потрясен его видом. Он был неузнаваем — это был скелет. Он писал официальные статьи, в самом деле отвратительные, оправдывая процессы большевиков. Но в интимной обстановке ворчал. С горечью и презрением говорил о настоящем, вступал или почти вступал в конфликты со Сталиным». Сэрж также рассказывал, что по ночам Горький плакал.

В последние годы жизни Горький стал для советского правительства опасной обузой. Ему запрещено было выезжать из Москвы, Горок и Крыма, когда он ездил на юг. Об этом рассказывает Илья Шкапа в своей книге — «Семь лет с Горьким. Воспоминания» (Советский писатель. Москва 1964 стр. 311-312). «Устал я очень» говорил он несколько раз, — «хотел бы побывать в деревне и даже пожить как в былые времена»... Не удастся... Словно забором окружили — не перешагнуть!...»

Вдруг я услышал:

«Окружен... Обложили... ни взад, ни вперед!... Непривычно сие!»

Мне показалось, пишет Шкапа, что я ослышался, необычен был голос Горького и смысл его слов. Глаза тоже были другие, не те, которые я хорошо помнил. Сейчас в них проступали надлом и горечь. В ушах звучало! «Непривычно сие»...

В юбилейной заметке «Литературная газета» от 29-го марта 1958 года назвала Горького «основоположником советской литературы». А еще гораздо раньше — Горький был объявлен «основоположником пролетарской литературы и отцом социалистического реализма». И то и другое неверно. За все свое пребывание в Советском Союзе Горький не написал ни одной повести, даже ни одного рассказа, в котором он описывал бы окружавшую его советскую действительность. В 1930 году он писал В. Вересаеву:

«Романа из современной жизни я не пишу, а затеял роман от 80-х годов до 1918 г. Кажется, это будет нечто подобное хронике, а не роман. Очень хочется мне научиться писать хорошо. Огорчаюсь. Написал большую повесть, взяв три поколения семьи фабриканта. Не знаю, что вышло. Вообще я не в себе как-то. Горький мне надоел, требования мои к нему растут, а он, видимо, бессилен удовлетворить их. Должно быть, уже поздно. Пятьдесят шесть лет.»

Описывал он в своих повестях только жизнь в дореволюционной России и в последующие годы.

Горький, хотя и говорил и писал о социалистическом реализме, но придавал ему совершенно не тот смысл, который ему придали потом казенные критики. Известно, что Горькому не нравились произведения Фадеева, Гладкова, Панферова и других признанных столпов «социалистического реализма». Хвалил он, наоборот, произведения таких писателей, как Тынянов, «Серапионовы братья», Олеша, Федин и другие, которых никоим образом нельзя назвать образцами «социалистического реализма». А о советских поэтах он в 1934 году писал Ольге Бергольц:

«Современных поэтов я плохо понимаю, мне кажется, что стихи у них холодно шумят и вызывает этот шумок — как будто — чужой поэтам ветер. Читаешь и думается: через силу написано, от ума.»

Как на образец «социалистического реализма», казенные критики обыкновенно указывают на повесть Горь-

кого «Мать», написанную им в 1906 году. Но сам Горький в 1933 году заявил своему старому другу и биографу В. А. Десницкому, что «Мать» — «длинно, скучно и небрежно написана». А в письме к Федору Гладкову он писал: «Мать» — книга, действительно только плохая, написана в состоянии запальчивости и раздражения».

В 1936 году Горький умер. В предисловии к третьему тому книги «Горький. Материалы и исследования», вышедшей в Москве в 1941 году под редакцией В. А. Десницкого, говорится, что «Горький был чудовищно умерщвлен бандой фашистских предателей и шпионов». На процессе Бухарина, Рыкова, Ягоды и др. в 1938 г. в Москве, кремлевские врачи Левин и Плетнев показали, что они умертвили Горького по приказу Ягоды. Но, как известно, Ягода был только исполнителем воли Сталина. Горького убил Сталин, потому что знал, что Горький внутренне не примирился с его диктатурой и рвется за границу.

В своей вышедшей по-английски книге «Тайная история сталинских преступлений», Александр Орлов, бывший помощник верховного прокурора Советского Союза, заместитель начальника Экономического Управления ГПУ, начальник экономического сектора Иностранного Отдела НКВД, а во время гражданской войны в Испании — особоуполномоченный Политбюро по организации контрразведки при республиканском правительстве, рассказывает о том, что Сталин до последних дней жизни Горького надеялся, что Горький напишет о нем книгу, как в свое время написал о Ленине. Когда надежд на это оставалось все меньше, он стал надеяться хотя бы на статью Горького о нем. Горький, если и обещал это сделать, то все оттягивал. Ягода, сообщает Орлов, прямо требовал у Горького написания книги, очерка или статьи о Сталине, но ничего не добился. Когда Сталин и Ягода увидели, что надежд на это нет, то круто переменили свое отношение к писателю. В своей книге Орлов пишет:

«После смерти Горького, служащие НКВД нашли в

его бумагах тщательно спрятанные заметки. Когда Ягода кончил чтение этих заметок, он выругался и сказал: «Как волка ни корми, он все в лес смотрит».

О нахождении этих, тщательно спрятанных дневников Горького, рассказал также на страницах «Соц. вестника» писатель Глеб Глинка. Глинка был тогда одним из ближайших сотрудников московского журнала «Наши Достижения», основанного Горьким. Немедленно после получения известия о смерти Горького, рассказывает Глинка, по распоряжению ЦК партии были созданы специальные комиссии для разбора и приведения в порядок архива Горького.

«В особняк на Поварской улице в Москве назначили группу из нескольких литераторов, под председательством редактора журнала «Наши Достижения» — Василия Тихоновича Бобрышева. Здесь рукописей оказалось много. Работали всю ночь. И уже под утро, когда все сотрудники едва держались на ногах, с нижней полки заваленной книгами и старыми газетами этажерки была извлечена еще одна объемистая папка, с какими-то старыми черновиками, и среди них оказалась толстая тетрадь в клеенчатой обертке.

К тетради сразу потянулось несколько рук. Кто-то раскрыл ее, в начале, в середине, еще раз в середине и в конце. Через его плечи смотрели остальные. Все молчали, но чувствовалось, как комната заливается туманом страха.

— Без паники! Ни один из сотрудников не сойдет с места! — И, тяжело опустив ладонь на закрытую тетрадь, Бобрышев прибавил: — Немедленно вызываю уполномоченного НКВД! Понятно, товарищи?

На Лубянке в кабинет следователя вызывали по одному. Каждый дал подписку о неразглашении. Каждого предупредили, что если, хоть одним словом проговорится, хотя бы собственной жене, — будет немедленно ликвидирован вместе со всем своим семейством.

Тетрадь, обнаруженная в особняке на Поварской улице, была дневником М. Горького. Полный текст этого

дневника был прочитан разве только самым ответственным работником НКВД, кое-кем из Политбюро и уж, конечно, Сталиным.»

Не прошло и двух недель после разбора архива Горького, как журнал «Наши Достижения» и другие журналы были закрыты, и обслуживающие их редакционные работники, включая машинисток, арестованы. «Затем, пишет Глинка, начались повальные аресты всего горьковского окружения. Даже писателя Зазубрина, который, по стариковской дружбе, приходил вечером к Горькому чайку попить, отправили в концлагерь. Письма Горького, находившиеся в руках у сов. граждан, предложено было сдать в государственный архив. Тех, кто не торопился с этим делом, вызвали на Лубянку. Тогда же были арестованы врачи, которые лечили Алексея Максимовича в последние годы его жизни».

После процесса Бухарина, Рыкова, Ягоды и других и показаний врачей, Лев Троцкий, который прекрасно разбирался в сталинском климате, воцарившемся в Москве, писал:

«Горький не был ни конспиратором, ни политиком. Он был добрым и чувствительным стариком, защищающим слабых, чувствительным протестантом. Во время голода и двух первых пятилеток, когда всеобщее возмущение угрожало власти, репрессии превзошли все пределы... Горький, пользовавшийся влиянием внутри страны и за границей, не смог бы вытерпеть ликвидации старых большевиков, подготавливавшейся Сталиным. Горький немедленно запротестовал бы, его голос был бы услышан, и сталинские процессы так называемых «заговорщиков» оказались бы неосуществленными. Была бы также абсурдной попытка предписать Горькому молчание. Его арест, высылка или открытая ликвидация являлись еще более немыслимыми. Оставалась одна возможность: ускорить его смерть при помощи яда, без пролития крови. Кремлевский диктатор не видел иного выхода».

В сороковых годах профессор Дмитрий Дмитриевич

Плетнев, который лечил Горького, полностью подтвердил версию Троцкого о том, что Сталин ускорил смерть Горького при помощи яда. Профессор Плетнев, в 1938-м году, вместе с другими врачами обвинялся в отравлении Горького, был приговорен к смерти, но потом был помилован и приговорен к 25-ти годам лагеря, которые после были сокращены до 10-ти, но его все-таки не освободили. Отбывал он наказание на Воркуте.

Там тогда находилась, в качестве заключенной, бывшая немецкая коммунистка Бригита Герланд. Имя профессора Дмитрия Плетнева было хорошо знакомо ей. После смерти Сталина Бригита Герланд была освобождена из лагеря и вернулась на родину, в Западную Германию. Вскоре после своего прибытия в Германию она напечатала в «Социалистическом Вестнике» статью под заглавием: «Кто отравил Горького?». В этой статье она писала:

«Имя профессора Дмитрия Дмитриевича Плетнева и его историю я слышала, конечно, до того как попала в советский лагерь. Можно, поэтому, себе представить, с каким вниманием я разглядывала этого человека, когда впервые встретила с ним и узнала от других заключенных, что это «тот самый». А через некоторое время я попала в амбулаторию в качестве «сестры» под его начальство и там с ним сдружилась. Очень часто он оставался после приемных часов, расспрашивал меня о загранице и сам много рассказывал. В течение одной из таких долгих бесед, уже после месяцев нашего знакомства, он мне рассказал следующую историю:

«Мы лечили Горького от болезни сердца, но он страдал не столько физически, сколько морально: он не переставал терзать себя самоупреками. Ему в Советском Союзе уже нечем было дышать, он упорно стремился назад в Италию. На самом деле Горький старался убежать от самого себя, сил для большого протеста у него уже не было. Но недоверчивый деспот в Кремле больше всего боялся открытого выступления знаменитого писателя против его режима. И как всегда, он в нужный ему

момент, придумал наиболее действительное средство. На этот раз этим средством явилась бомбоньерка, да, красная, светло-розовая бомбоньерка, убранная яркой шелковой лентой. Одним словом, красота, а не бомбоньерка. Я и сейчас ее хорошо помню. Она стояла на ночном столике у кровати Горького, который любил угощать своих посетителей. На этот раз он щедро одарил конфетами двух санитаров, которые при нем работали, и сам съел несколько конфет. Через час у всех трех начались мучительные желудочные боли: еще через час наступила смерть. Было немедленно произведено вскрытие. Результат? Он соответствовал нашим самым худшим опасениям. Все трое умерли от яда.

«Мы, врачи, молчали. Даже тогда, когда из Кремля была продиктована совершенно лживая официальная версия о смерти Горького, мы не противоречили. Но наше молчание нас не спасло. По Москве поползли слухи, «шепотки» о том, что Горького убили: Сталин его отравил. Эти слухи были очень неприятны Сталину. Нужно было отвлечь внимание народа, отвести его в другую сторону, найдя других виновников. Проще всего было, конечно, обвинить в этом преступлении врачей. Врачей бросили в тюрьму по обвинению в отравлении Горького. С какой целью? Глупый вопрос. Ну, конечно, по поручению фашистов и капиталистических монополий. Конец? «Конец вам известен».

Так закончил свой рассказ профессор Дмитрий Дмитриевич Плетнев. А Бригита Герланд, очутившись снова на свободе после смерти Сталина, напечатала свою статью — «Кто отравил Горького?» в июньском номере 1954-го года «Социалистического Вестника», в органе русских социал-демократов-меньшевиков, выходившем тогда в Нью-Йорке под редакцией Рафаила Абрамовича, Бориса Николаевского и Соломона Шварца. В 1964-ом году известный американский журналист Дон Левин ездил в Советский Союз. Он хотел, между прочим, узнать правду об обстоятельствах смерти Горького. Во время своей

поездки, описанной в его книге на английском языке «Я вновь открываю Россию», он дважды посетил в Москве вдову Горького, Екатерину Павловну Пешкову. Екатерина Павловна хорошо знала Дон Левина. Она знала о его встречах с Горьким в России и за границей и о том, что в свое время он перевел на английский язык несколько произведений Горького. Пешкова хорошо приняла Левина и его жену. Они много говорили о Горьком. Дон Левин рассказал ей, что, как он слышал от хорошо осведомленных людей, Максим Горький не умер естественной смертью. «Что вы думаете?» спросил Левин Пешкову. Она вдруг сильно заволновалась и воскликнула:

«Это не совсем так, как говорят, но не требуйте от меня, чтобы я рассказывала вам об этом. Я потом три дня и три ночи не смогу спать, если расскажу вам...»

Дон Левин больше не говорил с ней о смерти ее мужа. По мнению Дон Левина, эти слова Пешковой подтвердили слух о том, что Сталин «помог» Горькому умереть. Книга Левина вышла в Нью-Йорке, когда Екатерина Павловна Пешкова еще была жива и проживала в Москве и Левин послал ей свою книгу.

**
**

Если при жизни писателя партийные редакторы не особенно церемонились с его статьями, то теперь, когда Горького больше нет в живых, они самым бесцеремонным образом фальсифицируют его писания, вычеркивая из его статей все, что они находят нужным, приписывая к ним целые фразы, совершенно извращая смысл его высказываний по тому или другому вопросу. Вот один из примеров.

В своей книжке «Владимир Ленин», вышедшей в Ленинграде в 1924 году, на стр. 23, Горький писал о Ленине:

«Я часто слышал его похвалы товарищам. И даже о тех, кто, по слухам, будто бы не пользовался его личными симпатиями. Удивленный его оценкой одного из та-

ких товарищей, я заметил, что для многих эта оценка показалась бы неожиданной. «Да, да, я знаю, — сказал Ленин. — Там что-то врут о моих отношениях к нему. Врут много и даже особенно много обо мне и Троцком». Ударив рукой по столу, Ленин сказал: «А вот указали бы другого человека, который способен в год организовать почти образцовую армию да еще завоевать уважение военных специалистов. У нас такой человек есть!»

Все это редакторы посмертного издания собрания сочинений Горького выбросили, и взамен этого вставили следующую отсебятину: «А все-таки не наш! С нами, а не наш! Честолюбив. И есть в нем что-то нехорошее, от Лассаля.» Этого не было в книжке, написанной Горьким в 1924 году, вскоре после смерти Ленина, и изданной в том же году в Ленинграде.

Книга Горького о Ленине заканчивалась (в 1924 г.) такими словами:

«В конце концов побеждает все-таки честное и правдивое, созданное человеком, побеждает то, без чего нет человека».

В собрании сочинений Горького эти его слова выброшены, а вместо них партийные редакторы вписали такую отсебятину: «Владимир Ленин умер. Наследники разума и воли его — живы. Живы и работают так успешно, как никто никогда нигде в мире не работал».

Это только один из примеров, как казенные редакторы в угоду власти фальсифицируют произведения М. Горького.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Евреи в русской революции

I

Известный американский журналист и писатель, Вильям Генри Чемберлин, проживший в Советской России 12 лет и прославившийся затем своими серьезными статьями и книгами о России, несколько лет тому назад как-то рассказал, что после появления его книги «Железный Век России» (“Russia’s Iron Age”), он стал получать с разных концов Америки запросы о роли евреев в Русской Революции.

Один из этих корреспондентов писал Чемберлину: «Я хотел бы знать, что делают евреи в России? Они, конечно, правят страной, но пытаются ли они вывезти в другие страны то, что они накопили для себя, и как они, будучи сами религиозным народом, относятся к антирелигиозной политике советского правительства?». Это только один из тех многочисленных запросов, которые Чемберлин получил от американцев. Из этих запросов, также из бесед, которые Чемберлин имел с людьми разных слоев населения и в разных частях Америки, Чемберлин вынес такое впечатление: очень многие американцы еще в 40-ых годах были убеждены в том, что русская революция была совершена, главным образом, евреями и что евреи, с первого дня революции играли и играют доминирующую роль как в большевистской партии, так и в советском правительстве.

Легенда о том, что евреи подготовили и совершили революцию в России, пущена русскими черносотенцами и впоследствии, главным образом, русскими же антисемитами была распространена в других странах. С приходом Гитлера к власти в Германии эта выдумка неустанно повторялась в газетах, журналах и книгах на всех языках, которые немецкое министерство пропаганды в миллионах экземплярах распространяло по всему миру. Гитлер и Геббельс в своих речах и статьях постоянно говорили об «иудейском большевизме». Отождествляя постоянно евреев с большевиками, нацистские вожди тем самым вызвали у не-евреев представление, что еврей и большевик — синонимы. «Большевистская опасность», таким образом, в их глазах превращается в «еврейскую опасность».

В том, что русские антисемиты и нацистские вожди Германии создали и пустили по свету легенду о еврейском происхождении русской революции, и о доминирующей роли, которую евреи, будто бы, играли и играют в большевистской партии и в советском правительстве, нет ничего удивительного. Странно лишь то, что этой легенде поверили многие западноевропейские и американские евреи. Даже среди образованных западно-европейских и американских евреев широко распространено совершенно ложное представление о той роли, какую евреи играли, как в русском революционном движении и в подготовке революции, так и в самой революции. Эта роль сильно преувеличена не только антисемитами, но и евреями, недостаточно знакомыми с историей русского революционного движения. В действительности, не только еврейские массы, но даже и отдельные евреи не играли руководящей роли ни в русском революционном движении, ни в свержении царского режима.

Как правильно отметил покойный историк русского революционного движения, В. Л. Бурцев, евреи в первые пятьдесят лет свободительного движения в России не принимали в нем никакого участия. Среди участников восстания 1825 года не было ни одного еврея. Вождями движе-

ния, получившего впоследствии название «декабристского», были исключительно офицеры, в большинстве своем выходцы из верхних слоев русского дворянства. К делу декабристов, правда, привлечен был и некий Григорий Перец, внук галицийского раввина, которого отец крестил еще в юности, но он никакой роли не играл ни в самом восстании, ни в кружках, из которых вышли впоследствии руководители восстания.

В радикальных московских и петербургских кружках тридцатых и сороковых годов 19-го столетия, оказавших сильное влияние на развитие революционной мысли в России, не было ни одного еврея. Руководителями этих кружков были: А. И. Герцен, В. Г. Белинский, профессор Н. Грановский, Н. В. Станкевич и другие русские дворяне.

Среди «петрашевцев», по делу которых был в 1849 году среди других присужден к смертной казни (а затем помилован с заменой смертной казни каторжными работами) и Достоевский, не было ни одного еврея, как не было ни одного еврея и среди судившихся по т. н. «каракозовскому делу» в 1866 году (о первом покушении на Александра II).

В первой революционной организации «Земля и Воля», основанной в 1862 году в Петербурге и имевшей отдели в других городах, в которые входили Л. Ф. Пантелеев, Н. Серно-Соловьевич, А. Слепцов и другие и с которой были связаны Н. Г. Чернышевский, П. Л. Лавров и А. Н. Плещеев, мы встречаем Николая Утина, еврея по происхождению, однако, кроме своего происхождения, он ничего общего не имел с еврейством, он действительно играл видную роль в этой организации, но прославился он как революционер, главным образом, впоследствии, за границей, когда подружился с Карлом Марксом и помогал ему в борьбе против Михаила Бакунина в Интернационале. Вскоре, однако, Утин раскаялся в своих революционных грехах, подал царю прошение о помиловании и вернулся на родину, где закончил свои дни богатым купцом.

В революционных кружках, которые были основаны в начале 70-х годов молодым революционером Сергеем Нечаевым, опять таки не было ни одного еврея. Властями дум русской революционной интеллигенции в 60-х и 70-х годах были — Герцен, Чернышевский, Добролюбов, Писарев, а позднее П. Лавров, Михаил Бакунин и другие великороссы — дворяне и разночинцы. Лишь в 70-х годах отдельные евреи из учащейся молодежи начали примыкать к революционному движению, но число их сначала было незначительно. Из них лишь один Марк Натансон, будучи студентом Военно-Медицинской Академии в Петербурге в 1869 году, вместе с Н. В. Чайковским, основал знаменитый кружок, получивший название «кружок чайковцев», и в продолжение двух лет играл в нем выдающуюся роль. Благодаря исключительной энергии и организаторским способностям Натансона, руководителям кружка удалось создать значительные организации не только в Петербурге, но и в Москве и в ряде других городов. Но Натансон уже в 1872 году был арестован, сослан на долгие годы и выбыл из строя. Из кружка «чайковцев» вышел впоследствии ряд выдающихся революционеров — П. А. Кропоткин, Софья Перовская, Дмитрий Клеменц, Сергей Кравчинский-Степняк, сестры Корниловы, С. Синегуб, Леонид Шишко и др. Между прочим, к кружку «чайковцев» принадлежала и Анна Эпштейн, родом из Вильны — первая еврейка, поступившая на Высшие Курсы в Петербурге. Она же была потом первой пропагандисткой революционных идей в Вильне и способствовала возникновению там в 1874 году первого революционного кружка, во главе которого были Арон Либерман и Арон Зунделевич. От этого виленского кружка и от первого «Еврейского Социалистического Ферейна», основанного в 1876 году тем же Либерманом в Лондоне, и ведет свою родословную всемирное еврейское социалистическое рабочее движение.

В кружках, примыкавших к Обществу «Земля и Воля» которое было основано в 1876 году, было несколько

десятков евреев, и некоторые из них играли значительную роль, особенно в южно-русских кружках. Но духовными учителями «землевольтцев» были Бакунин, Лавров, Петр Ткачев и отчасти Н. К. Михайловский, а возглавляли организацию тоже не-евреи. Среди участников знаменитого «Процесса Пятидесяти» революционеров в 1876 году (Ольга Любатович, Софья Бардина, Петр Алексеев и др.) были две еврейки — Гесья Гельфман и Бетя Каминская. В более знаменитом «Процессе 193-х» 1877-79 г.г., где на скамье подсудимых оказались почти все выдающиеся деятели революционного движения того времени, среди обвиняемых было лишь восемь евреев (Соломон Аронзон, М. Кац, И. Павловский, Моисей Рабинович, Лейзер Тетельман, Соломон Чудновский, М. Эдельштейн и Э. Пумпянская). Из них только Чудновский играл видную роль в одесском революционном кружке, остальные ничем себя не проявили — ни в революционных организациях, ни на суде.

II

С ростом революционного движения усилился и приток в его ряды евреев, главным образом учащейся молодежи. Героическая борьба «Народной Воли» не могла не вызвать глубокой симпатии в сердцах идеалистически настроенной интеллигентской молодежи преследуемого царским правительством еврейского народа. В «народовольческих» кружках, особенно в провинциальных городах, было немало евреев. Отдельные евреи играли видную роль и в центральных «народовольческих» организациях. Первый активный еврей-террорист, Соломон Витенберг, сын еврейского ремесленника из Николаева, был казнен в 1879 году. Еще до Витенберга погиб на виселице еврей Арон Гобет, виленский уроженец, участник организации «Земля и Воля». Но в общем роль евреев в террористическом движении была довольно незначительна. Евреи дали «Народной Воле» выдающихся организаторов, техников и пропагандистов, но среди руководителей «На-

родной Воли» не было почти ни одного еврея. Имен М. Натансона, О. Аптекмана, А. Зунделевича, Вл. Иохельсона, Геси Гельфман, П. Б. Аксельрода, Л. Г. Дейча, Григория Гольденберга, Г. Фриденсона, Савелия и Григория Златопольских, Лазаря Цукермана, Фани Морейнис и Айзика Арончика, конечно, нельзя вычеркнуть из истории «Земли и Воли» и «Народной Воли». Но политику партии определяли не они. Вождями «Земли и Воли», а потом «Народной Воли» были великороссы — Клеменц, Плеханов, Каблиц, Морозов, Александр Михайлов, Александр Квятковский, Валерьян Осинский, Лев Тихомиров и Андрей Желябов. Организаторами всех покушений на Александра II были опять таки великороссы: Александр Михайлов, Андрей Желябов, Мих. Фроленко, Софья Перовская, Вера Фигнер, Николай Суханов, Михаил Грачевский, Николай Колодкевич, Александр Баранников, Юрий Богданович и Анна Якимова. Среди 28 человек бывших основоположников «Народной Воли» и членов ее Исполнительного Комитета, до 1-го марта, т. е. до убийства Александра II, было только два еврея — Арон Зунделевич и Савелий Златопольский. Владимир Иохельсон и Гесья Гельфман были только «агентами» Исполнительного Комитета. Среди редакторов и постоянных сотрудников журнала «Народная Воля», до окончательного разгрома партии, не было ни одного еврея. Редакторами и ответственными сотрудниками всех народовольческих органов до августа 1881 года были: Лев Тихомиров, А. И. Иванчин-Писарев, Н. К. Михайловский, Н. Морозов, Анна Корба, Н. И. Кибальчич и М. Ф. Ланганс. К осени 1881 года из двадцати восьми членов И. К. на свободе остались восемь человек. Остальные, среди которых были все вожди и влиятельные члены, либо уже были казнены, либо осуждены на каторгу, или сидели в Петропавловской крепости в ожидании суда. Среди находившихся в то время на свободе был и Савелий Златопольский, но он, по словам всех бывших деятелей «Народной Воли», «не был импонирующим и влиятельным человеком». По-

сле 1-го марта в Исполнительный Комитет были приняты шесть новых членов — все не-евреи, и в редакцию «Народной Воли» вошли В. С. Лебедев и Г. Г. Романенко.

В 1881-1882 годах, в связи с еврейскими погромами, прокатившимися по всему югу России после убийства Александра II, и с отношением к ним официальных органов «Народной Воли», произошел резкий перелом в настроении еврейской радикальной молодежи, сочувствовавшей революционному движению. Как известно, от имени Исполнительного Комитета «Народной Воли» осенью 1881 года была выпущена антисемитская прокламация. Автором этой прокламации, как это теперь точно установлено, был Романенко, впоследствии редактировавший антисемитскую газету Крушевана «Бессарабец». Перу Романенко также принадлежит статья «Внутреннее Обозрение» в шестом номере «Народной Воли», в которой он откровенно оправдывал анти-еврейские погромы. «Все внимание обороняющегося народа, — писал он, — сосредоточено теперь на купцах, шинкарях, ростовщиках, словом на евреях, этой местной «буржуазии», поспешно и страстно, как нигде, обирающей рабочий люд».

Эта статья, как указано выше, появилась в октябре 1881 года, когда все основатели и почти все выдающиеся деятели «Народной Воли» либо уже погибли, либо томились в каторжных казематах или же, как Вера Фигнер, Анна Корба и другие скрывались в подпольи, вдали от столиц. Авторство антисемитской прокламации долгое время почему то приписывалось Златопольскому. Уже после революции 1917 года Анна Корба в своих воспоминаниях об этом печальном эпизоде рассказала следующее:

В январе 1882 года она была вместе с Савелием Златопольским в Петербурге и встречалась с ним каждый день. Златопольский много беседовал с ней об этой прокламации и всегда говорил о ней с глубоким возмущением и болью в сердце. Эта прокламация, повторял он, легла черным пятном на Исполнительный Комитет и он никогда не простит ему этого. Когда прокламация была

выпущена, Златопольский находился в Петербурге и всецело был поглощен своей работой, но, узнав о том, что в Москве появилась такая прокламация, тотчас же поехал туда, и там немедленно было решено эту прокламацию уничтожить. Через некоторое время Корба, которая жила тогда в Тифлисе, получила от Тихомирова шифрованное письмо, в котором он ей писал: «Вы знаете, что мы приняли в И. К. Романенко, и он уже успел натворить нам много вреда и неприятностей. Он настаивал на том, чтобы Комитет выпустил прокламацию по поводу антиеврейских беспорядков и выклянчил у нас согласие на это. Если Вы хотите знать мое личное мнение об этой прокламации, то я скажу Вам, что я сильно против нее. Но дело уже сделано».

«Каким образом Романенко получил полномочие, — пишет Корба, — в письме не было сказано. Позднее мне рассказали, как это случилось, но я теперь не помню подробностей. Поэтому я не берусь рассказывать. В конце 1881 года Романенко был арестован».

Через два года, однако, в «Приложении» к «Листку Народной Воли», вышедшем в июле 1883 года, когда ни одного из 28 основателей «Народной Воли» и членов первого Исполнительного Комитета уже не было на свободе в России, появилась новая статья «По поводу еврейских беспорядков», в которой погромы истолковывались, как начало всенародного движения, «но не против евреев, как евреев, а против «жидив», т. е. народных эксплуататоров. «Народ, — читаем мы в этой статье, — отлично понимает, что и начальство поддерживает их вовсе не как евреев, не как угнетенный народ и тем более не как интеллектуальную силу, которую оно жестоко преследует, а только как жидов, т. е. людей, помогающих держать народ в кабале, и как людей, делящихся с ним, дающих ему взятки и т. п. Рабочая фракция «Народной Воли», выпустив по поводу екатеринославского погрома в 1883 году прокламацию, разумела в ней, конечно, не евреев, а именно жидов. Против первых она, как и весь русский народ,

ничего не имеет, против вторых — имеет много со своей рабочей точки зрения». К концу статьи автор счел нужным напомнить, что и Великая Французская Революция началась с избиения евреев и сослался на Карла Маркса, «который когда то прекрасно объяснил, что евреи воспроизводят, как зеркало (и даже не в обыкновенном, а удлинённом виде), все пороки окружающей среды, все язвы общественного строя, так что, когда начинаются анти-еврейские движения, то можно быть уверенным, что в них таится протест против всего порядка и начинается движение гораздо более глубокое».

Кто был автором этой статьи, до сих пор не установлено. Некоторые полагают, что В. С. Лебедев, но не исключена возможность, что к ней приложил руку Сергей Дегаев, стоявший в то время во главе народовольческих организаций в России и бывший одновременно агентом-provokатором главы петербургской Охраны, подполковника Судейкина. По словам Якова Стефановича, бывшего в 1881 году после 1-го марта членом Исполнительного Комитета, горячим сторонником той точки зрения, что еврейские погромы являются «чисто народным движением» и «что относиться не только отрицательно, но даже индифферентно к чисто народному движению мы не вправе», был и Лев Тихомиров. А Г. В. Плеханов подтверждает, что даже осенью 1882 года Тихомиров за границей продолжал отстаивать ту же точку зрения против нападков самого Плеханова, Веры Засулич, Н. Жуковского и Эльсница.

Десятый номер «Народной Воли», вышедший в сентябре 1884 года, после ликвидации дегаевского дела, был весь проредактирован Г. А. Лопатиным. В редакционной статье, написанной им же, он резко отмежевался от взглядов на еврейские погромы, которые развивали Романенко и компания. «Революционер, — писал Лопатин, — должен принимать участие лишь в таком протесте, который по своему сознанию и совести он может РЕКОМЕНДОВАТЬ, как нечто целесообразное, действительно выводя-

щее народ на путь возрождения. Только такой протест есть протест революционный и только в нем революционер обязан принимать участие, как член партии... Точно такое же положение должен занять революционер в тех случаях, где народ, пытаясь обобщить свой протест, приходит к ошибочной формуле, как это происходит, например, в антиеврейских беспорядках. У нас в этих случаях нередко замечается полное помутнение собственного суждения. Говорят, что анти-еврейское движение вызывается экономическими причинами, что оно имеет серьезную подкладку. Но разве в этом дело? На свете все имеет серьезную подкладку, но не все целесообразно. Вопрос в том, правильный ли путь народ выбирает для улучшения своего положения».

На основании всего имеющегося материала по истории «Народной Воли» я позволю себе категорически утверждать, что никто из основателей, обще-признанных вождей и выдающихся деятелей «Народной Воли» ее героического периода, за исключением одного, быть может, Тихомирова, впоследствии ставшего ярким монархистом и редактором реакционных «Московских Ведомостей», не был причастен к тому зигзагу, который сделала народовольческая журналистика в 1881-1883 годах в вопросе об отношении к еврейским погромам тех лет. Знаменитый русский критик, социолог и публицист, Н. К. Михайловский, бывший одним из идейных вдохновителей «Народной Воли», считал тогда же анти-еврейское движение реакционным движением, на котором не могли быть основаны никакие попытки социального возрождения страны. «Сознание и воля, — писал Михайловский в 1882 году, — являются высшими пунктами человеческого существования, поднимающими его над своей природой... Прочно только то, что на них построено. Стадное же чувство ничего не гарантирует». А отношение к еврейскому вопросу «Отечественных Записок», журнала, во главе которого тогда стоял Михайловский, выразил его идейный соратник и товарищ по редакции, знаменитый

сатирик М. Е. Салтыков-Щедрин, который в статье «Июльские веяния», появившейся в августовском номере «Отечественных Записок» 1882 года, писал:

«Когда я думаю о предании, поразившем отчуждением еврейское племя, о легенде, преследующей еврея из века в век на всяком месте — право, мне кажется, что я с ума схожу. История никогда не начертала на своих страницах вопроса более тягостного, более чуждого человечности, более мучительного, чем вопрос еврейский. История человечества вообще есть бесконечный мартиролог, но в то же время она есть и перспектива бесконечного просветления. В сфере мартиролога еврейское племя занимает первое место, в сфере же просветления оно оставлено в стороне, как будто лучезарные перспективы истории совсем до него не относятся. Нет более надрывающей сердце повести, чем повесть этого бесконечного истязания и издевательства человека над человеком. Нельзя представить себе мучительства более безумного, более бесчеловечного. Кажется, что за противо-еврейской легендой зияет бездонная пропасть, наполненная кипящей смолой, и в этой пропасти безнадежно агонизирует целая масса людей, у которых отнято все, даже право на смерть. Вряд ли возможно даже вообразить себя в состоянии этой неумирающей агонии, а еврей родится В НЕЙ И ДЛЯ НЕЕ.

«Те, которые хотят знать, сколько симпатичного таит в себе замученное еврейство и какая неистовая трагедия тяготеет над его существованием, пусть обратятся к прекрасному рассказу госпожи Оржешко «Могучий Самсон», каждое слово которого дышит мучительной правдой. Наверное это чтение пробудит в них добрые, здоровые мысли и заставит их задуматься в лучшем человеческом значении этого слова. Знать, вот что нужно прежде всего, а знание несомненно приведет за собой и чувство человечности. В этом чувстве, как в гармонически целом, сливаются те качества, благодаря которым отношения между людьми являются прочными и добро-

качественными. А именно, справедливость, сознание братства и любовь».

Нельзя, однако, отрицать, что большинство русских революционеров начала 80-х годов избегали открыто и резко отмежевываться от точки зрения по еврейскому вопросу, выраженной в шестом номере «Народной Воли». Даже такой несомненный друг еврейского народа, как П. Л. Лавров, в письме к П. Б. Аксельроду от 14 апреля 1882 года писал: «Я должен Вам сознаться, что признаю еврейский вопрос крайне сложным, а практически для партии, имеющей в виду сблизиться с народом и поднять его против правительства, и в высшей степени трудным. Теоретически его разрешить на бумаге очень легко, но в виду наличной народной страсти и необходимости иметь народ, где возможно, НА СВОЕЙ СТОРОНЕ, это совсем другое дело».

С мыслями, высказанными П. Л. Лавровым, были вполне согласны и некоторые еврей-революционеры. Так например, Л. Г. Дейч по поводу этого письма писал тому же П. Б. Аксельроду: «Еврейский вопрос теперь действительно, на практике почти неразрешим для революционера. Ну что им, например, теперь делать в Балте, где бьют евреев? Заступиться за них, это значит, как говорит Реклю, «вызвать ненависть против революционеров, которые не только убили царя, но и жидов поддерживают». И приходится им быть между двумя противоречиями. Это просто безвыходное противоречие, как для евреев, так и для революционеров, на практике и в действии. Конечно, обязательно последним добиваться для первых уравнивания их прав, дозволения им селиться повсюду, но это, так сказать, деятельность в высших сферах, а среди народа вести примирительную агитацию очень, очень трудно теперь партии. Не думай, чтоб меня это не огорчало, не смущало, но все же я остаюсь всегда членом РУССКОЙ революционной партии и ни на один день не стану удаляться от нее, ибо это противоречие, как и некоторые другие, созданы конечно не ею, партией».

Не все, однако, еврей-революционеры рассуждали, как Дейч. Погромы и отношение к погромам русских кругов вызвали в кругах еврейской радикальной и революционно-настроенной интеллигентской молодежи сильное обострение национального чувства. Возникло движение переселения евреев в Палестину или в Америку. П. Б. Аксельрод в своей неопубликованной статье «О задачах еврейско-социалистической интеллигенции», написанной им в 1882 году, писал: «Погромы, а еще в большей степени проявившееся затем «общественное мнение» русских образованных классов явились для евреев-социалистов в России как бы откровением, смысл которого они решились откровенно формулировать перед собой и другими только постепенно, после тяжелой внутренней борьбы. Сжившись с мыслью, что евреев, как особой нации, в действительности нет, что, составляя ныне часть русских подданных, а впоследствии русских граждан, евреи считаются, смотря по своим сословным и культурным подразделениям, неразрывной частью соответствующих элементов «коренного» населения, еврейская социалистическая интеллигенция вдруг увидела, что громадное большинство «русского общества» и народа считает евреев именно особой нацией, все элементы которой — длиннополый ли еврей-пролетарий, мелкий буржуа, ростовщик, обрусевший адвокат и готовящийся к каторге или ссылке социалист — все безразлично «жиды», безусловно вредные для России, которая должна избавиться от них во что бы то ни стало и какими бы то ни было средствами».

Но если часть еврейской радикальной и революционно-настроенной интеллигенции после погромов разочаровалась в социализме и отошла от революционного движения, то другую часть еврейской интеллигентной молодежи именно погромы, новые ограничительные законы против евреев, введенные правительством Александра III, и свирепый поход, предпринятый им против всех свободомыслящих и мало мальски либеральных элементов

страны, толкнули в ряды революционеров, и многие из них принимали деятельное участие во всех попытках восстановления разгромленной «Народной Воли». (Абрам Бах, Раиса Кранцфельд, Борис Оржих, Л. М. Залкинд, Софья Гинзбург, Михаил Гоц, М. Фундаминский, Осип Минор, Генриэтта Добрускина, Исаак Дембо, Моисей Кроль, Л. Штернберг, В. Богораз-Тан, П. Богораз и др. (Штернберг и Богораз, между прочим, редактировали последний, 11-12 номер «Народной Воли» в октябре 1885 года. Но, как известно, партия «Народная Воля» была окончательно ликвидирована с арестом Г. А. Лопатина в октябре 1884 года).

Большинство жертв знаменитой «Якутской бойни» 1889 года были политические ссыльные-евреи, бывшие участники народовольческих кружков (Л. М. Коган-Бернштейн, Соломон Пик, Григорий Шур, Яков Ноткин, Софья Гуревич, Альберт Гаусман). Значительное число евреев среди политических ссыльных в Якутской области в конце 80-х и начале 90-х годов объяснялось тем, что по распоряжению Департамента Полиции в 1886 году евреев-революционеров приказано былосылать в отдаленнейшие и самые гиблые места Сибири.

III

В общем евреи и в конце 80-х годов составляли незначительное меньшинство среди участников народовольческого движения. Только в 90-х годах, с возникновением социал-демократического движения в России, широкие слои учащейся еврейской молодежи и еврейской рабочей массы начали примыкать к революционному движению. Но и среди теоретиков русского марксизма почти не было евреев. Первым последователем Маркса в России был не-еврей, профессор Николай Иванович Зибер, автор книг «Давид Рикардо и Карл Маркс», «Очерки первобытной экономической культуры» и других работ, вышедших еще в 70-х и начале 80-х годов. Основоположником

же русского марксизма был Г. В. Плеханов, выпустивший в начале 80-х годов целый ряд книг и брошюр («Социализм и политическая борьба», «Наши разногласия» и др.), сыгравших огромную роль в развитии русской социалистической и революционной мысли. В кругах русской интеллигенции учение Карла Маркса было популяризировано не-евреями — Г. В. Плехановым, В. И. Засулич, М. И. Туган-Барановским, П. Б. Струве, В. И. Лениным, С. Н. Булгаковым, Н. А. Бердяевым, А. Н. Потресовым и др. Еврей П. Б. Аксельрод, бывший вместе с Плехановым, Засулич и Дейчем основателем первой социал-демократической организации «Группы Освобождения Труда» и много писавший по вопросам социалистической политики и тактики, не был теоретиком в настоящем смысле этого слова. Но в числе первых пионеров социал-демократического движения в России было много евреев. Назовем имена хотя бы наиболее выдающихся из них: Д. Кольцов-Гинзбург, Эмиль Абрамович, Ю. Мартов-Цедербаум, Аркадий Кремер, Ф. Дан-Гурвич, М. Ляховский, Борис Эйдельман, Ю. М. Стеклов-Нахамкес, Д. Рязанов-Гольдендах, Моисей Винокур, Люба Аксельрод-Ортодокс, Ф. Годлевский, Александра Соколовская, Евгения Гурвич, Д. Розенблюм, Ц. Копельзон, Л. Иогихес-Тышко, Люба Айзенштадт-Левинсон, И. Айзенштадт-Юдин, Поля Гордон, С. Гожанский-Лону, Н. Вигдорчик. Все они были в числе пионеров социал-демократического движения в России еще до основания Бунда, как самостоятельной еврейской социал-демократической организации. Первые чисто еврейские рабочие кружки появились в Минске еще в 1883 году. Основателем их был Хаим Хургин, впоследствии выдающийся сионист. Несколькими годами позже пропаганду среди еврейских рабочих начал вести студент Эмиль Абрамович. Он был одним из первых марксистов в России и первый еврейский марксист, который вел пропаганду среди еврейских рабочих. К концу 80-х годов движение в Минске ослабело в результате арестов и преследований. Но в 1892 году оно вновь ожило. В Вильне

революционные кружки еврейской интеллигенции существовали еще в середине 70-х годов. Через Вильну шли обыкновенно все транспорты революционной литературы из заграницы в Петербург и Москву. В Вильне поэтому всегда можно было получить нелегальный журнал или брошюру гораздо легче, чем в любом другом городе. Вследствие этого виленская интеллигенция была сравнительно хорошо знакома с социалистической и революционной литературой. Вильна всегда имела значительную еврейскую интеллигенцию, и эта интеллигенция была гораздо более связана с еврейской массой, чем ассимилированная еврейская интеллигенция Польши или юга России. Поэтому Вильна впоследствии и сыграла центральную роль при возникновении чисто еврейского рабочего движения. В начале 90-х годов революционной пропагандой среди еврейских рабочих в Вильне руководила центральная группа, во главе которой стояли: И. Айзенштадт-Юдин, Александр Кремер, П. Средницкая, Люба Айзенштадт-Левинсон, Джон Миль, С. Гожанский, Вл. Кассовский, Ц. Копельзон и др. Они были известны под именем «Группа Еврейских Социал-Демократов». Эта группа впоследствии распространила свою деятельность в целом ряде других городов Польши, Литвы и России и в 1897 году положила основание Бунду, который сыграл большую роль не только в истории русского еврейства, но и в истории обще-русского социал-демократического движения и немало способствовал революционизированию не-еврейских масс в «черте оседлости». Но уже к концу 90-х годов в русло социал-демократического движения в России были втянуты широкие рабочие массы обеих столиц и других промышленных центров России, где евреев было очень мало. Основные кадры социал-демократической интеллигенции и рабочих во всех городах вне «черты оседлости» состояли из не-евреев. Главными теоретиками социал-демократического движения в начале 20-го столетия были не-евреи, но среди практиков движения по-прежнему было значительное число евреев.

В партии Социалистов-Революционеров, основанной в начале 20-го столетия, евреи только в первые годы ее существования играли выдающуюся роль. Евреи Михаил Гоц и Григорий Гершуни были в числе основателей партии. В числе пионеров и активных деятелей партии с.-р. были и другие евреи, как С. Ан-ский-Раппопорт, Х. Житловский, Осип Минор, И. Рубанович и Марк Натансон. Боевую Организацию партии с.-р. после ареста Гершуни возглавлял в течение целого ряда лет печальной памяти еврей Евно Азеф. В Боевой Организации были и другие евреи: Абрам Гоц, Дора Бриллиант, Л. Зильберберг и др. Среди рядовых членов партии с.-р. также было немало евреев, но они всегда составляли в ней незначительное меньшинство. Главными теоретиками и сотрудниками почти всех эсеровских изданий уже до революции 1905 года были не-евреи. Михаил Гоц, кажется, был единственным исключением. Да и огромное большинство всех участников террористических актов, организованных Боевой Организацией партии с.-р., были не-евреи. Партия с.-р. всегда была наиболее почвенная, наиболее РУССКАЯ из всех русских политических партий. Не случайно она при первом же дуновении ветра свободы в России стала самой могущественной партией в стране. Евреи были в партии с.-р. и еще больше евреев было в социал-демократической партии, но застрельщиками революции 1905 года были петербургские и московские рабочие, среди которых почти не было евреев. Николая II заставили объявить конституцию не виленские или минские еврейские ремесленники, а петербургский и московский пролетариат и железнодорожники всей России, которые своей всеобщей забастовкой парализовали всю страну и вынудили царя пойти на уступки народу. Среди железно-дорожных рабочих и служащих, как известно, при царском режиме не было ни одного еврея.

Во всех четырех Государственных Думах, которые сыграли такую огромную роль в расшатывании устоев царского абсолютизма и в подготовке умов широких на-

родных масс для революции, евреи играли очень скромную роль. Лишь в первой и второй Думах было несколько евреев (М. М. Винавер, М. Герценштейн, Острогорский, Иоллос, И. и В. Гессены), которые пользовались большим влиянием в Конституционно-Демократической (кадетской) партии. Л. М. Брамсон был единственным евреем в «Трудовой Группе» первой Государственной Думы, насчитывавшей больше ста членов. Среди полутора десятков депутатов социал-демократической фракции первой Думы не было ни одного еврея. Большинство русских социалистических партий, как известно, бойкотировали выборы в первую Думу. В выборах же во вторую Думу участвовали все социалистические партии и они послали в Думу около двухсот депутатов с.-д и с.-р. Среди них был только один еврей — доктор В. Мандельберг, но и он был избран депутатом от Иркутска, где евреев тогда было очень мало. Среди 18-ти социал-демократических депутатов третьей Думы, как и среди 14-ти соц.-дем. депутатов четвертой Думы не было ни единого еврея. (Партия с.-р. выборы в последние две Думы бойкотировала).

IV

Революция 1917 года была произведена русским народом. Польша и Литва, где проживало большинство еврейского населения России, еще задолго до революции были оккупированы германской армией. Среди петроградских рабочих и солдат, поднявших восстание против царя, было очень мало евреев, а среди членов Временного Комитета Государственной Думы и руководителей армии и флота, способствовавших превращению бунта петроградских и московских рабочих и части солдат и матросов в национальную революцию, не было ни одного еврея.

Евреи, несомненно, внесли свою лепту в освободительное движение России. Как народ по преимуществу городской, почти поголовно грамотный и наиболее бес-

правный, евреи естественно выдвинули из своих рядов значительно бóльший процент активных борцов против старого режима, чем остальные народы России, но они далеко не играли той роли в подготовке русской революции, которую им приписывают русские антисемиты и некоторые плохо осведомленные иностранцы.

Значительно преувеличена также роль евреев и в большевистской революции. Отцом большевизма был не-еврей Владимир Ульянов-Ленин, и хотя сам Ленин себя считал чуть ли не самым правоверным учеником Карла Маркса, большинство русских теоретиков марксизма, с Г. В. Плехановым во главе, еще за многие годы до революции 1917 года указывали, что ленинский большевизм является смесью чисто-русского анархизма с французским якобинством, покрытой марксистским лаком. Да и сам Карл Маркс, хотя и был внуком раввина, был очень далек от еврейства, и марксизм не имеет ничего общего с иудаизмом. Редакторами и виднейшими сотрудниками всех большевистских изданий за весь период со дня основания большевистской фракции в 1903 году и до 1908 года были: сам Ленин, А. А. Богданов-Малиновский, А. В. Луначарский, В. Базаров-Руднев, И. Скворцов-Степанов, П. Орловский-Воровский, М. Ольминский-Галерка-Александров, Г. Алексинский, проф. М. Покровский, проф. Н. Рожков, В. Десницкий-Строев, Вл. Бонч-Бруевич, Ст. Вольский-Соколов, П. Румянцев — все не-евреи.

Среди первых большевистских «практиков» были и евреи: М. Валах-Литвинов, И. Гольденберг-Мешковский, Р. Залкинд-Землячка, М. Мандельштам-Лядов, Драбкин-Гусев, Иосиф Дубровинский. Но ни один из них не вошел в первый Ц. К., избранный в мае 1905 г. на учредительном съезде большевистской партии (т. наз. III-ем съезде РСДРП). Членами Ц. К. были В. Ленин, А. А. Богданов, С. Постоловский, Л. Б. Красин и Алексей Рыков. А главными руководителями большевистской партии в России были Богданов, Красин, Рыков, В. Носков-Глебов и В. П. Ногин. Лишь впоследствии, в 1909-1910 годах, ко-

гда большинство вышеупомянутых литераторов и руководителей партийной работы в России порвали с Лениным, в большевистской партии выдвинулись в первые ряды евреи: Зиновьев-Радомысльский, полу-еврей Ю. Каменев (Л. Б. Розенфельд), В. Таратута (Виктор) и некоторые другие евреи, до этого сидевшие в задних рядах партии.

Число евреев в большевистской партии всегда было незначительным. Огромное большинство социалистически настроенных еврейских рабочих и интеллигентов находились под влиянием меньшевиков и Бунда, который с начала 1906 года идейно был связан с меньшевизмом. До октябрьской революции Ленин среди евреев, как и среди грузин, имел очень мало сторонников. Из 24 членов Ц. К. большевистской партии, избранных на съезде в августе 1917 года и потом подготовивших октябрьский переворот, было 7 евреев (Троцкий, Зиновьев, Каменев, Свердлов, Урицкий, Иоффе и Сокольников). Эти семь евреев, как и не-евреи Сталин, Дзержинский, Подвойский, Антонов-Овсеенко, Крыленко, Бухарин, Раскольников, Дыбенко, Смилга, Смидович, Рыков, Пятаков, Луначарский, Томский, Коллонтай, Преображенский, Стучка, Крестинский, Калинин, Менжинский, Красин и Раковский, действительно, играли выдающуюся роль в большевистской революции. Троцкий действительно, был главным организатором большевистского восстания в Петербурге в октябре 1917 г. но за ним стоял Ленин. Без Ленина большевики не могли бы захватить власть, а потом удержать ее. Троцкий, как и остальные видные большевики еврейского происхождения, никогда не были связаны с еврейскими массами и никогда не примыкали к какой-либо еврейской организации. Они всегда были яркими противниками еврейского национального и культурного движения, и каждый из них постоянно подчеркивал, что он не еврей, а «интернационалист». Точно так же Ярославский, Литвинов, Радек, Ганецкий, Рязанов, Стеклов, Ягода и некоторые другие евреи, игравшие видную роль

в большевистской партии или в советском правительстве в первые годы большевистской революции или позже, всегда считали себя русскими или же «интернационалистами» и с еврейским народом не имели ничего общего, кроме своего происхождения.

Еврейский народ в массе своей глубоко сочувствовал освободительному движению в России, но на выборах во все четыре Думы отдавал свои голоса кандидатам конституционно-демократической партии. Даже революционно-социалистические элементы русского еврейства отдавали предпочтение меньшевизму перед большевизмом. Лишь летом 1917 года большевикам, благодаря их энергичной пропаганде за немедленный мир с Германией, удалось завоевать значительное число сторонников и среди евреев, как и среди остальных национальностей России. Однако, процент евреев в коммунистической партии в 1917-1918 годах был крайне незначителен. Число евреев, игравших видную роль в анти-большевистских партиях, был гораздо больше числа еврейских «интернационалистов», активных деятелей большевистской партии.

Лишь после того, как большевики подавили все социалистические и либеральные партии и особенно после того, как на территориях, которые были заняты «белыми», произошли ужаснейшие погромы против евреев, значительные кадры еврейской молодежи потянулись в коммунистическую партию.

Окончательная победа большевиков над всеми их противниками справа и слева и революционные события в Германии, Австрии и Венгрии у многих социалистов, как в России, так и во всем мире, вызвали иллюзию, что вся Европа находится на пороге социальной революции и что большевистская идея всюду торжествует. Вследствие этого и многие еврейские социалисты России, которые раньше были ярыми противниками большевизма, в 1919-1920 годах перешли к большевикам. Но лишь отдельные лица из этих новых коммунистов занимали потом более или менее видное положение в коммунистической партии,

и никто из них не имел влияния на политику советской власти. Даже такие бывш. столпы меньшевизма, как Мар- тынов-Пикер, А. Ерманский-Коган, Семковский-Бронштейн или бывшие вожди Бунда, М. Рафес, Р. Вайнштейн, Эстер Фрумкина и Лону-Гожанский, никакой самостоятельной роли не играли ни в ВКП, ни в советском правительстве. Они все стали либо чиновниками советского аппарата, либо оставались на положении «сведущих людей» Коминтерна, Пролеткульта и Агитпропа. Ни в Ц. К. партии, ни в Центральную Контрольную Комиссию партии, ни в Совет Народных Комиссаров, ни в Исполком Коминтерна ни одного из вышеупомянутых бывших лидеров меньшевиков и Бунда не пустили.

В ВКП процент евреев всегда был незначительным. Среди огромной массы еврейского населения России еврей-коммунисты представляли собой ничтожное меньшинство. Однако, в сов. аппарате число служащих-евреев с самого начала октябрьской революции было велико. Причиной этого было то исключительное положение, в которое русское еврейство было поставлено после большевистского переворота. До октябрьской революции целых 42% еврейского населения России занимались торговлей. В сельском хозяйстве было занято всего лишь несколько десятков тысяч евреев, так как евреям было запрещено селиться в деревнях. Все еврейское население России проживало в городах и местечках. Большевистская власть своими экспроприациями и национализациями лишила всех средств к существованию не только еврейских (как и не-еврейских) промышленников и торговцев, но также большинство самостоятельных еврейских ремесленников и лиц свободных профессий. Чтобы не умереть с голоду, они вынуждены были пойти на службу к правительству, часто не брезгуя никакой работой. Советское правительство, со своей стороны, охотно принимало на службу евреев, потому что после большевистского переворота огромное большинство собственников и управляющих фабриками, торговыми и промышленными

ми предприятиями, как и большинство старых чиновников правительственного аппарата, либо сбежали, либо были устранены советским правительством, как «контрреволюционный элемент». Большая часть русской интеллигенции в первое время после переворота бойкотировала советскую власть. Сами большевики и русский пролетариат, именем которого они правили страной, не имели никакого опыта ни в управлении государством, ни в деле руководства торговлею и промышленностью. Поэтому советское правительство охотно назначало на различные государственные и хозяйственные должности бывших купцов, промышленников, ремесленников и лиц свободных профессий из евреев. Процент грамотных евреев в любом местечке был значительно выше процента грамотных великороссов, украинцев или белоруссов. Поэтому было вполне естественно, что в первые годы большевистской революции советское чиновничество в значительной степени состояло из евреев, особенно в городах и местечках бывшей «черты оседлости». Лишь незначительная часть образованного и культурного еврейства в первые годы сочувствовала большевизму, но когда большевики окончательно вышли победителями из гражданской войны, евреи вследствие своего исключительного экономического положения вынуждены были раньше других национальностей примениться к вновь создавшимся условиям. Тот факт, что анти-большевистские армии почти всюду устраивали анти-еврейские погромы, в то время как советское правительство не только не преследовало евреев, но железной рукой подавляло всякое открытое проявление антисемитизма, заставило многих евреев, даже таких, которые никогда не были причастны к революционному движению и никогда не были рабочими, верой и правдой служить советской власти. Еврейские же погромы, устроенные анти-большевистскими армиями на юге России и в Белоруссии, явились главной причиной того, что многие молодые евреи в годы гражданской войны были втянуты в Красную армию и в аппарат Че-ка.

V

В конце 20-х и начале 30-х годов почти все евреи, игравшие значительную роль в большевистской партии до революции и в первые годы после революции, были устранены. В Политбюро был еще один еврей — Лазарь Каганович, но он всегда был лишь смиренным слугой Сталина, а потом и он был исключен. В советском правительстве, как и в Ц.К. КПСС уже давно нет ни одного еврея. В высшей коллегии бывшего ГПУ, переименованного в НКВД, в настоящее время нет ни одного еврея. В Верховном Совете до войны было лишь 2-3 еврея. В целом ряде советских министерств в настоящее время нет евреев. Лишь в министерствах торговли, промышленности и продовольствия они до сих пор значительно представлены. Немало евреев есть также в министерстве народного просвещения.

В общем, евреям в Советском Союзе живется не лучше если не хуже, чем всем остальным народностям России. В Советской России нет ограничительных законов против евреев. Еврей обладает теми же гражданскими правами, как и всякий не-еврей, но язык пророков запрещен в России, и национальная еврейская культура не имеет никакой возможности развиваться.

Покойный П. Н. Милюков как то в 1921 году заметил, что евреи — наиболее государственно-мыслящий народ в России. Он мог бы еще прибавить — и наиболее СВОБОДОЛЮБИВЫЙ народ. Евреи всегда чувствовали себя обойденными судьбою и потому всегда жаждали более совершенного мира. Идеи свободы, человечности и социальной справедливости всегда были близки сердцу народа, давшего миру пророков. Евреи глубоко сочувствовали освободительному движению в России, помогали ему и многие из них деятельно участвовали во всех демократических и социалистических партиях России, потому что эти партии боролись за восстановление в России режима равенства, свободы, права, политической и социальной демократии.

1944 г.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

О социализме наших дней

I

В сентябре 1963 года в Амстердаме состоялся восьмой конгресс Социалистического Интернационала, в котором участвовали делегаты партий демократического социализма сорока семи стран. Это был второй конгресс Интернационала, происходивший в Амстердаме. Первый международный социалистический конгресс в Амстердаме состоялся летом 1904 г. На конгрессе 1904 года были представлены все европейские социалистические партии, а также обе социалистические партии, существовавшие тогда в Соединенных Штатах Америки (Социалистическая партия и Социалистическая Рабочая партия) и молодая в то время социалистическая партия Японии.

Конгресс 1904 г. привлек к себе внимание всего мира. О нем много писали в европейской и американской печати, хотя социалистические партии во всех странах, за исключением Германии и Австро-Венгрии, были тогда еще сравнительно слабы. Но на Амстердамском конгрессе 1904 г. присутствовали в качестве делегатов все тогдашние лидеры международного социализма, видные теоретики, известные писатели и публицисты, выдающиеся политические деятели, члены парламентов. Многие из участников Амстердамского конгресса 1904 г. в последующие годы играли большую роль не только в своих собствен-

ных странах, но и в международной жизни. Французскую делегацию тогда возглавляли Жан Жорес, Жюль Гэд и Жак Алеман. Германскую делегацию — Август Бебель, Эдуард Бернштейн, Карл Каутский и Клара Цеткина; австро-венгерскую — Виктор Адлер и Пернерсторфер. Во главе бельгийской делегации были Эмиль Вандервельде и Эдуард Анселе. Из итальянцев на конгрессе присутствовали Филиппо Турати и Энрико Фери. Российских делегаций было две: социал-демократическая и делегация партии социалистов-революционеров. Представителями РСДРП были основатели первой марксистской «Группы Освобождения Труда» — Г. В. Плеханов, П. Б. Аксельрод, Вера Засулич и Лев Дейч. Делегатами же партии социалистов-революционеров были Екатерина Брешковская, Леонид Шишко, Виктор Чернов. Две английские делегации (Независимой рабочей партии и Социал-демократической федерации) возглавляли Джеймс Кейр-Гарди, Генри Гайндман и Квельч. Делегатами Польши были: Игнаций Дашинский и Иосиф Пилсудский (от польской социалистической партии — ППС) и Мархлевский, Варский и Роза Люксембург (от социал-демократии Польши и Литвы). Во главе шведской делегации был Брантинг. Датскую делегацию возглавлял Торвальд Стаунинг. Голландскую — Трульстра и Ван-Коль. Главой швейцарской делегации был Грейлих. Испанскую делегацию возглавлял Иглезиос. Представителем японской социалистической партии был Катаямо.

Почти вся работа конгресса 1904 г. была посвящена обсуждению вопроса об основных политических и тактических положениях международного социализма. За шесть-семь лет до этого, видный теоретик немецких социал-демократов, Эдуард Бернштейн выступил в печати с критикой учения Маркса, получившей название «ревизионизма». Его выступление свидетельствовало о новых реформистских течениях в международной социал-демократии. Перед западно-европейскими социалистическими партиями стоял вопрос: бескомпромиссная классовая

борьба или сотрудничество с либеральным и радикальным крылом буржуазии для достижения определенных целей? Иначе говоря, социально-политические реформы, как конечная цель, или же только как средство к конечной цели — социальной революции? За год до Амстердамского конгресса, в 1903 году, съезд германской социал-демократической партии, происходивший в Дрездене, посвятил большую часть своей работы обсуждению именно этого вопроса.

Противники Бернштейна увидели в «ревизионизме» и «реформизме» большую опасность для «освободительного движения пролетариата» и мобилизовали все силы для решительной борьбы. На съезде в Дрездене «ревизионисты» потерпели поражение. В принятой в Дрездене резолюции, между прочим, было сказано, что «съезд осуждает всякое стремление затушевывать существующие классовые противоречия с целью опираться на буржуазные партии... Конгресс, в противоположность существующим ревизионистским стремлениям, выражает убеждение, что классовые противоречия не ослабевают, но постоянно обостряются... Что социал-демократия не может стремиться к участию в правительственной власти внутри буржуазного общества...».

В связи с обсуждением т. наз. «Дрезденской резолюции», предложенной немцами для одобрения ее Социалистическим Интернационалом, на конгрессе 1904 года произошла знаменитая словесная дуэль между вождем германской социал-демократии Августом Бебелем и самым выдающимся представителем французского социализма Жаном Жоресом по вопросу о том, могут ли социалисты участвовать в несоциалистическом правительстве. В дебатах по этому вопросу участвовали Каутский, Плеханов, Виктор Адлер, Вандервельде и другие видные социалисты.

В Дрездене, как уже было указано, победил ортодоксальный марксизм, представленный Каутским и Бебелем. Во Франции же, наоборот, ортодоксальный марксизм

наиболее видными представителями которого были Жюль Гед и Поль Лафарг не пользовался большим влиянием. Их партия была самая слабая из всех трех социалистических партий, существовавших тогда во Франции. Там вопрос об участии социалистов в несоциалистических правительствах имел практическое значение. Он уже несколько лет стоял на очереди. Поэтому было естественно, что вопрос об участии социалистов в буржуазных правительствах и о классовой политике рабочего класса был поставлен первым в порядке дня Амстердамского конгресса.

Жорес в своей речи сказал: «Дрезденская резолюция носит сектантский характер. Нельзя этой резолюцией создать бумажное интернациональное единство и связать деятельность пролетариата. Что лежит в основе этой резолюции? Род недоверия к пролетариату, боязнь того, что он сможет потеряться в компромиссах, что он испортится от сотрудничества с демократией. С одной стороны, пролетариату приписывают величайшие цели, ему говорят, что он завоюет мир, образует новое общество, а с другой, — его считают таким несовершеннолетним и незрелым, что боятся, как бы он не поддался всякому обману... Чем более зрел пролетариат страны, чем он сильнее, тем решительнее он присоединяется к нашей (т. е. Жореса — **Д. Ш.**) тактике. Где есть полная свобода действия и движения, там встают новые проблемы... В Англии социалистическое движение не потому слабо, как думает Бебель, что английская буржуазия прекрасно поняла, как маленькими реформами отвести рабочих от собственной организации, но потому, что английские социалисты, загипнотизированные теорией катастрофы, не сумели войти в тесное соприкосновение с рабочим классом через практическую повседневную работу. Но теперь замечается приближение социалистической мысли к профессиональному движению...».

Закончил Жорес следующими словами: «Чем больше демократии, чем большей свободой обладает страна, чем более может пролетариат проявить решительной поли-

тической энергии в своем парламенте, тем больше он будет смущен вашим предложением, которое является препятствием к развитию всеобщей политической свободы и вместе с тем интернациональному социализму».*

Тогда огромным большинством все-таки была принята т. наз. «Дрезденская резолюция». Но не прошло и двух десятков лет, как «ревизионистские» и «реформистские» идеи Бернштейна и Жореса восторжествовали во всех крупных европейских социалистических партиях.

II

В 1904 г. большинство социалистов всех стран думали, что Социалистический Интернационал в состоянии определять политику и тактику социалистической партии каждой страны. Но уже через десять лет после Амстердамского конгресса для огромнейшего большинства социалистов во всем мире стало ясно, что это была иллюзия. Каждая массовая социалистическая партия вынуждена в своей политике и тактике считаться прежде всего и по преимуществу с интересами своего собственного народа и с существующими условиями в данной стране. Никакая интернациональная организация не может выработать для всех социалистических партий единую политику и единую тактику. Но есть целый ряд вопросов, особенно в области международной политики, о которых партии демократического социализма могут договориться и занять общую позицию. Это и пытается делать современный Социалистический Интернационал, к которому сейчас примыкают партии демократического социализма, сорока семи стран, насчитывающих вместе 11 миллионов 800 тысяч членов. В тех странах, где есть свободные выборы, на последних выборах за кандидатов партий демократического социализма голосовало больше 70 миллионов избирателей.

* Две речи. Книгоиздательство «Вперед». Петербург, 1905 г., стр. 6-11.

Известный французский публицист проф. Реймон Арон еще лет десять тому назад заметил, что «социализм в западных странах перестал быть мифом потому, что он стал частью действительности».

В ряде стран демократические социалисты стояли или стоят у власти, в других странах где демократические социалисты не участвуют в правительстве, социалистические партии по своей величине и по числу голосов, полученных на парламентских выборах, являются вторыми партиями в стране (например — Рабочая партия в Англии, социал-демократическая партия в Западной Германии, Рабочая партия в Австралии, социалистические партии в Японии и другие). Благодаря, главным образом, борьбе, которую социалистические партии в течение ряда лет вели в промышленно-развитых странах, вся структура капитализма теперь сильно изменилась и жизненный уровень народных масс высоко поднялся. Современный капитализм глубоко отличается от капитализма времен Маркса. И столь же сильно отличается современный социализм от социализма 19-го века. Последовательных, так сказать, выдержанных марксистских партий в настоящее время в Европе нет. Даже до второй мировой войны только социал-демократические партии Германии и Австрии да русские социал-демократы-меньшевики и еврейский «Бунд» в Польше, считали себя марксистскими партиями. Во всех остальных социалистических партиях Европы либо совсем не было марксистов, либо число их было очень невелико. Английская Рабочая партия, например, никогда марксистской не была, а сейчас даже германская и австрийская социалистические партии уже не марксистские. В 1963 г. в лондонской еженедельной газете «Обсёрвер» было напечатано интервью с официальным лидером Рабочей партии Гарольдом Вильсоном, который, кстати сказать, возглавлял английскую делегацию на последнем конгрессе Социалистического Интернационала в Амстердаме. На вопрос редактора «Обсёрвер», какое влияние имел на него марксизм, Вильсон от-

ветил: — «Никакого. Я изучал этот предмет в рамках истории. Без него нельзя понять Советский Союз. Но должен сказать откровенно, что из «Капитала» Маркса я прочитал только две первых страницы. Корни английского социализма — религиозные».

Родители Вильсона были радикалами и религиозными людьми. Его дед был глубоко религиозным человеком и считал, что народ должен применять в политике религиозные принципы. Дальше Вильсон сказал: «Моя жена — дочь священника-радикала. Он всегда был проникнут духом религиозно-общественного протеста. Вот на этой почве и выросла английская Рабочая партия. Среди людей моего поколения много радикалов той же традиции. И наш подход к политическим вопросам определен религиозными ценностями, которые мы унаследовали от своих родителей. Понять английскую Рабочую партию нельзя, не принимая во внимание всего этого. То же самое можно сказать и о нашем профсоюзном и кооперативном движении».

Покойный лидер английской рабочей партии Хью Гейтскел был тоже религиозным человеком, и таково большинство активных деятелей английской Рабочей партии. Среди членов германской социал-демократической партии и австрийской социалистической партии в настоящее время не только много верующих рабочих и интеллигентов, но даже есть священники разных исповеданий.

Социализм, который теперь во всем мире проводят в жизнь партии демократического социализма, чрезвычайно отличен от социализма 19-го века, не говоря уже, конечно, о коммунизме.

III

До второй мировой войны многие западные социалисты верили, что в России большевики «строят» социализм. Но в настоящее время таких социалистов больше нет ни в одной западной стране. Теперь для всех социалистов всего мира ясно стало, что то, что большевики

создали в России, вовсе не социализм, а карриатура на социализм. Под социализмом всегда понимали такую систему, при которой все природные богатства, все средства производства и транспорт являются собственностью всего общества, а самое производство и распределение продуктов регулируются, управляются и контролируются обществом, т. е. демократически-избранными представителями государства, местных самоуправлений и автономной рабочей экономической общестственности (кооперация, профсоюзы). В СССР, действительно, нет больше частных капиталистов, но это отнюдь не значит, что там социализм. В СССР все принадлежит государству, но само государство создано не народом, а правящей коммунистической партией. Народ, как совокупность непосредственных производителей и потребителей, не имеет никакого контроля над производством и распределением, он не участвует фактически и в управлении страной. Как и во всех капиталистических странах, в СССР система наемного труда не отменена, рабочие там работают за заработную плату, неравенство между низко оплачиваемыми рабочими и служащими еще сильнее, чем в странах классического капитализма. Особенность советского строя состоит в том, что в СССР работодателем является не частный капиталист, а превратившая государство в свою вотчину Коммунистическая Партия — эксплуатация же рабочих на советских государственных заводах и фабриках гораздо более жестокая, чем в предприятиях капиталистического мира. Рабы в древнем Египте тоже работали не на частных капиталистов, а на государство, однако ни одному историку не приходило в голову утверждать на этом основании, что в древнем Египте существовал социалистический строй.

Социализм, как это постоянно подчеркивали все видные социалистические мыслители и теоретики, возможен только там, где существует свобода мысли и совести и осуществлено равенство всех граждан и где, кроме того, имеются на лицо объективные условия для создания со-

циалистического общества: высоко развитая промышленность, духовно и технически достаточно развитый народ, который ХОЧЕТ социализма и в состоянии реорганизовать весь общественный строй на социалистических началах. В СССР же нет ни свободы, ни равенства. Россия является во многих отношениях также отсталой страной, в ней до сих пор отсутствуют необходимые материальные, технические и духовные предпосылки для осуществления социализма. Где нет свободы, там уничтожение капитализма должно неизбежно привести к государственному хозяйству, управляемому бюрократией, которая постепенно закрепощает все население. При таком строе уничтожение духовной свободы неизбежно. Только при демократии и при наличии свободной борьбы между всеми духовными течениями в народе может быть создан такой экономический строй, который стоял бы выше частнокапиталистического — такой строй, который Маркс и Энгельс в «Коммунистическом Манифесте», более ста двадцати лет тому назад, называли «ассоциацией людей, где свободное развитие каждого является условием развития всех». Это означает, другими словами, что там, где каждый отдельный человек не в состоянии свободно развивать все свои способности и духовные силы, все общество не может прогрессировать, а о социализме и речи быть не может. Социалисты всегда указывали на то, что если они требуют обобществления средств производства, то смотрят на это, как на средство обеспечить полную свободу и права каждого индивида, а это возможно только при демократическом строе, где правительство со всеми чиновниками и государственными служащими ответственно перед всем народом. Где нет свободы, там возможен только государственный капитализм, который закабалит народ, но не может привести к социализму.

Большевикам в России удалось захватить власть и надолго ее удержать, но они не осуществили и никогда не смогут своими методами осуществить социализм. И это потому, что они забыли о живом человеке, подавили сво-

боду и насильно навязали народу диктатуру незначительного меньшинства и такую хозяйственную систему, которая неприспособлена к экономическому, техническому и духовному состоянию страны и русского народа. Важно не то, к чему стремилась и стремится советская власть, а то, что она осуществила и что она осуществляет.

Было время, когда социалисты всех стран считали, что, когда социалистическая партия какой-либо страны приходит к власти, она в первую очередь должна национализировать главнейшие отрасли промышленности. Большинство социалистов второй половины 19-го и первой половины 20-го века верили, что социализм означает обобществление средств производства и что национализация всех отраслей промышленности, всех банков, природных богатств и путей сообщений ведет к социализму. Но после второй мировой войны социалистическое движение во всех странах, где были сильные социалистические партии, приняло совершенно другой характер.

Человечество живет теперь в новом мире, который непрестанно меняется. И характер социалистического движения, и социалистическая идеология, также быстро меняется. Одним из основных положений прежнего социализма было, что только путем превращения главных отраслей промышленности и природных богатств страны в государственную собственность, можно создать лучший и более справедливый общественный строй. Теперь же для всех партий демократического социализма стало ясно, что национализация сама по себе автоматически не меняет общественных отношений в желательном для социалистов направлении. Неверны утверждения многих консервативных американских и английских журналистов, что национализация якобы всюду и везде ведет к провалу, что национализированные отрасли промышленности и транспорт в Англии, во Франции, в Италии и в других западно-европейских странах приносят только убыток. Но верно то, что национализация ни в одной стране не изменила общественных отношений в направлении к соци-

ализму. Когда-то социалисты боролись за усиление власти демократического государства. Теперь же большинство демократических социалистов убеждены, что концентрация экономической и политической власти в одних руках является большой опасностью для свободы и независимости человеческой личности. Поэтому они против полного огосударствления. Они являются сторонниками смешанного хозяйства, где наравне с национализированными отраслями промышленности существовали бы и кооперативные и частные отрасли промышленности и предприятия. Первыми, кто заговорил о **смешанном** хозяйстве вместо сплошного национализированного или социализированного хозяйства, были некоторые правые социалисты в Англии. Вслед за ними германские социал-демократы ясно формулировали это в своей новой программе. И сейчас это фактически господствующая точка зрения в большинстве партий демократического социализма. На съезде социалистической Рабочей партии Новой Зеландии, происходившем в мае 1961 г., была принята декларация, в которой, между прочим сказано:

«Справедливое распределение национального богатства требует расширения общественной собственности и контроля и других законов для обуздания частных монополий, проведения радикальной системы налогов и защиты интересов потребителей. Но наравне с общественным сектором хозяйства необходимо иметь также частновладельческий сектор».

Еще в 1961 г. известный французский социалист Жюль Мок, член Национального комитета французской социалистической партии, в статье, помещенной в швейцарском социалистическом журнале, поставил вопрос: «Действительно ли национализация ведет к социализму»? И анализ, который он дал, очень интересен и весьма поучителен. Национализация во Франции была проведена при правительстве Леона Блюма в 1936-1937 гг. и потом — через десять лет, при Временном правительстве после освобождения Франции. Сейчас во Франции государству

принадлежат все каменноугольные рудники, почти все станции электрической энергии и газовые заводы, весь транспорт, многие нефтяные предприятия, стоимостью более чем в миллиард швейцарских франков, все железные дороги, которыми пользуется население, три четверти кораблей и две трети пассажирских аэропланов, авиационные фабрики, которые производят две трети всех аэропланов и половину моторов, фабрики Рено, которые производят половину французских автомобилей, большинство арсеналов армии, морского и воздушного флотов, многие химические фабрики, большинство банков страны, почти половина страховых обществ и другие отрасли промышленности — в количестве нескольких сот. В 104 из них все их акции принадлежат государству. В других — правительство владеет только частью акций. В национализированных фабриках заняты миллионы рабочих.

С технической точки зрения, говорит Мок, национализированные предприятия несомненно пользуются значительным успехом. Производство электрической энергии с 1946 г. увеличилось в три с половиной раза. Поезда ходят теперь гораздо быстрее и аккуратней, чем прежде. Производство аэропланов на национализированных фабриках также значительно повысилось. Национализированные отрасли промышленности приносят государству прибыль. Но с социальной точки зрения, национализации несомненно до сих пор были провалом. Забастовки происходят на национализированных фабриках и предприятиях не меньше, чем на частно-владельческих фабриках. Рабочие и служащие частно-владельческих фабрик и предприятий, по крайней мере в больших городах, зарабатывают не меньше, а часто даже больше, чем рабочие и служащие национализированных предприятий. Французским железным дорогам теперь с большим трудом удается достать необходимое число рабочих, особенно в восточной и северной Франции, где заработная плата выше, чем в южной. Участие рабочих в управлении на-

ционализированных отраслей промышленности фактически только номинально. Это не только потому, что рабочие делегаты в меньшинстве в советах правлений, но также потому, что они не избраны для этой цели теми людьми, которых они должны там представлять. Это в большинстве случаев должностные лица профсоюзов. Они выбраны рабочими членами профсоюзов, но исключительно для профсоюзных целей, а не для решения проблем, связанных с управлением различными предприятиями. И Мок приходит к заключению, что действительный социалистический строй может быть установлен только тогда, когда народные массы станут более культурны, более идеалистичны и будут учитывать не только интересы отдельного гражданина, но и интересы всего общества. Необходимо, говорит Мок, путем образования и пропаганды, подготавливать человеческие умы для лучшего общества и одновременно проводить необходимые реформы. Одно должно стимулировать другое, и мы не должны быть поражены, — заканчивает Мок, если большие, но преждевременные реформы не приносят ожидаемых результатов. Это потому, что они были проведены быстрее, чем рос духовный прогресс масс, в интересах которых эти реформы были осуществлены.

IV

Еще лучше и яснее те же мысли высказал несколько лет тому назад английский социалист С. А. Крослэнд в двух своих книгах — «Будущее социализма» и «Консервативный враг». В предисловии к книге «Будущее социализма» автор указывает, что для всякой работы, которая хочет дать ответ на вопрос — «что такое социализм?» — нужно прежде всего основательно проанализировать все экономические и социальные изменения, происшедшие в мире с 1939 года. И рассматривать социализм надо в свете этих изменений, указывая практические пути, какими новая социалистическая программа может быть про-

ведена в жизнь. В тридцатых годах английские социалисты были согласны относительно ближайших целей Рабочего социалистического правительства, если оно будет располагать большинством в парламенте. Цели эти были: ликвидация нищеты и расширение социального обеспечения, более справедливое распределение народного богатства, экономическое планирование с целью предоставить работу всем трудящимся и установление экономического равновесия в стране. Многие социалисты думали, что эти цели недостижимы при существующей экономической системе. Они находились под сильным влиянием марксизма и верили, что капитализм должен быть раньше свергнут насильственным путем. Правда, английское рабочее движение — говорит Крослэнд, — всегда было свободно от догматизма. Марксизм никогда не имел на него большого влияния. Марксистская Социал-демократическая Федерация, основанная в Англии Гери Гайндманом в начале 80-ых годов, еще при жизни Маркса, никогда не пользовалась успехом. Но в начале 30-ых годов этого века, во время большой экономической депрессии, когда революционные политические идеи были сильно распространены по всей западной Европе, значительная часть английской интеллигенции тоже была захвачена марксистским «поветрием». Но те времена уже давно прошли. И сейчас среди английской социалистической интеллигенции, даже крайне-лево настроенной, у марксизма очень мало сторонников.

Крослэнд говорит о Карле Марксе с большим уважением, но весьма убедительно показывает, что теория Маркса о «внутренних противоречиях капитализма», будто бы неминуемо ведущих ко все большему обнищанию масс и в конечном счете к краху всей системы, совершенно ложная теория. На фактах и цифрах Крослэнд доказывает, что жизненный уровень рабочих масс не только в Англии, но и во всех других демократических странах за годы, прошедшие со дня опубликования «Капитала» Маркса, все выше и выше поднимался также, как постоян-

но увеличивался и национальный доход Англии. Марксистская теория классово́й борьбы, на которой были основаны почти все довоенные социалистические программы, тоже совершенно устарела. Неверно, что в демократических странах общество контролируется господствующим классом капиталистов и что правительства там являются орудием в руках капиталистов для эксплуатации трудящихся масс. Еще в 1937 году английский полу-коммунист, ныне покойный профессор Гарольд Ласки писал, что «при всякой форме государства политическая власть фактически будет в руках тех, в чьих руках — экономическая власть». Это — говорит Крослэнд — было неверно и в 1937 году и в свете фашизма и нацизма, а теперь это сугубо неверно. Капитализм теперь совершенно иной, чем тот, каким он был даже в 30-ых годах.

Весь характер английской экономики и роль различных слоев населения за последние пятьдесят лет сильно изменились. Трудящиеся массы теперь играют огромную роль в политической, экономической и социальной жизни страны и это является одной из причин почему пророчества Маркса о пути дальнейшего развития капитализма не осуществились ни в Англии, ни в какой другой демократической стране. Одна из главных ошибок Маркса была в том, что он недооценил социально-экономические результаты политической демократии.

Современная Англия не социалистическая страна, но Крослэнд показывает, что она также и не капиталистическая страна, какой была во времена Маркса. Социалистической страной еще меньше, чем Англия, может быть назван Советский Союз. Рабочие в Советском Союзе работают на фабриках и заводах за определенную зарплату, так же как и в Англии и в Соединенных Штатах. Неважно, что в Советском Союзе все фабрики и заводы являются собственностью государства. Что в действительности важно, так это то, является ли управление фабриками и заводами автократическим или демократическим? То-есть, насколько рабочие участвуют в установлении размера

зарплаты и условий труда и имеют ли они право объявлять забастовки и оставлять место работы? «Во всех этих отношениях, — пишет Крослэнд, — советский рабочий более пролетаризирован, чем английский рабочий. У советского рабочего нет права бастовать и менять работы. Системы арбитража там не существует. У советского рабочего также нет своей политической партии, которая представляла бы его интересы в демократическом парламенте. У лишенного личных прав советского рабочего, всецело подчиненного автократической власти, есть все основания завидовать английскому рабочему, у которого есть свободные профсоюзы, так же как он может завидовать американскому рабочему, его более коротким рабочим часам и его большей свободой.

Подобно капитализму и социализм за последние несколько десятков лет сильно изменился. Цитируя фразу Раймона Арона — «социализм в западных странах перестал быть мифом потому, что он стал частью действительности», — Крослэнд прибавляет: «не полной действительностью, но уже настолько, чтобы не быть больше мифом». Социалистические рабочие партии стояли у власти в целом ряде стран и на опыте убедились, что ответственность гораздо сложнее и разнообразнее, чем они ожидали. Чтобы быть в состоянии по-новому формулировать социалистическое учение, говорит Крослэнд, нужно прежде всего выяснить, что собственно понимают в настоящее время под словом «социализм». Это Крослэнд сделал отчасти в своей книге «Будущее социализма», но подробнее и более конкретно — в книге «Консервативный враг».

V

В своей первой книге «Будущее социализма» Крослэнд писал, что социалистическое движение возникло как протест против материальной нищеты и эксплуатации масс при капитализме. Этот протест был вдохновлен желанием помочь угнетенным массам добиться своих прав

и создать общество, где бы вместо классовой борьбы были бы свобода, равенство и братство. Идеалом всех социалистов до большевистского переворота в России было: справедливое кооперативное общество, в котором нет ни богатых, ни бедных, нет классовых подразделений, а все свободны и равноправны. Но главным стимулом этого социализма была страстная вера в свободу и демократию. «Большинство социалистов всего мира до первой мировой войны никогда, — пишет Крослэнд, — не могли себе даже представить социализм вне свободы личности».

Той нищеты рабочих, о которых социалисты когда-то не переставали говорить, — пишет Крослэнд, — теперь больше нет ни в Англии, и ни в какой другой из промышленно-развитых демократических стран. Жизненный уровень трудящихся масс всюду непрерывно поднимается. Боязнь длительной безработицы все более ослабевает. Современный молодой рабочий надеется на такое свое будущее, которое его отцу даже и не снилось. Социальной несправедливости теперь гораздо меньше. И все-таки это еще не социализм, но это и не капитализм. Это, — говорит Крослэнд, — большой шаг по направлению к социализму. Идеал социализма — достижение равных возможностей для всех членов общества, независимо от их происхождения и социальной среды. Но это может быть достигнуто только в результате органического роста общества и постепенного расширения прав отдельного человека. При этом вопрос о частной или общественной собственности на средства производства и обмена вовсе не так тесно связан с идеалом равенства. Опыт показал, — говорит Крослэнд, — что частная собственность может также существовать вместе с широким равенством в то время, как национализация всех средств производства и обмена может быть использована, как мы это видим в Советском Союзе, для установления системы, основанной на большом неравенстве. Идеалом современного демократического социализма является сме-

шанное хозяйство, где часть индустрии и финансовых учреждений принадлежит государству, а другие являются собственностью кооперативов, профсоюзов, принадлежат пенсионным фондам и миллионам частных семейств. Огосударствление всего промышленного капитала, — пишет Крослэнд, — теперь не является условием создания социалистического общества, установления социального равенства, увеличения общего благосостояния или уничтожения классовых подразделений. Что несправедливо в современной нашей системе — это распределение национального дохода, но эта проблема может быть разрешена скорее и гораздо лучше в смешанном хозяйстве, чем в таком хозяйстве, где все принадлежит государству.

Главные аргументы в пользу всяких национализаций, — пишет Крослэнд в книге «Консервативный враг» — были основаны на предположении, что только при национализированном хозяйстве возможно осуществление идеала бесклассового общества и всеобщего равенства. Но после опытов последних десятилетий мало кто из английских социалистов теперь хочет, чтобы все в Англии принадлежало государству и было под контролем правительства. Гарантировать свободу каждого человека и предотвратить концентрацию экономической и политической власти в одних руках — может лучше всего смешанное хозяйство, где наравне с национализированными отраслями промышленности, владельцами многих отраслей промышленности, торговли и транспорта являются муниципалитеты, свободные кооперативы, свободные профсоюзы и миллионы частных семейств.

Крослэнд приводит такую цитату из брошюры Ричарда Кроссмэна, известного английского левого социалиста «Социализм и новый деспотизм», написанной в 1957-ом г.: «Социализм не может и не должен быть основан на какой-либо определенной теории. Те, кто обосновывали социализм на, якобы, имманентных 'внутренних противоречиях' капиталистической системы, отклонялись от традиций английского радикализма, внося чуждый

элемент в философию нашего рабочего движения. Действительным динамизмом английского рабочего движения всегда был моральный протест против социальной несправедливости, а не утверждения, что капитализм неминуемо должен рухнуть».

Те же мысли высказаны в брошюре, опубликованной группой левых английских социалистов: — «Для социалистов былых времен, — говорится в этой брошюре, — вопрос о том, кто владельцы средств производства, распределения и обмена был главным критерием того, — является ли данное общество — капиталистическим или социалистическим. Они отождествляли социализм с общественной собственностью... За последние несколько лет мы стали отличать средства социализма от его целей... Нас теперь мало интересует, кто владелец фабрики?»

Известный английский левый социалист, ныне покойный Энюрин Беван в 1952-ом году по этому поводу писал: «Для всякого человека, серьезно изучающего современную политику ясно, что смешанная экономика это то, что предпочитает сейчас большинство людей на Западе... А вопрос о том, где должна быть установлена граница между общественным сектором хозяйства и частным — должен решаться разное в разных странах». К этим мыслям Бевана Крослэнд от себя прибавляет, что сейчас почти все большие социалистические партии в своих программах принимают смешанное хозяйство.

Крослэнд отмечает факт, что не только в Англии и Соединенных Штатах, но и во всей Западной Европе, люди, которые могут быть классифицированы как «рабочий класс», добились такого высокого уровня жизни, что живут в общем так же, как и люди среднего класса и проникаются психологией средних классов. Рабочие, бывшие активные члены Рабочей партии, если они уходят из нее, то обыкновенно отходят к либералам, а не к коммунистам, как это бывало раньше. Рабочая партия должна учесть это новое положение, — говорит Крослэнд. Эта проблема, — указывает он, — стоит перед каждой

социалистической партией в любой из промышленно-развитых стран. И большинство социалистических партий (особенно голландская, шведская, норвежская, датская, западно-германская, австрийская, швейцарская, канадская и ново-зеландская) самым радикальным образом пересмотрели основы своих программ и из чисто-рабочих партий они стремятся теперь стать **народными** партиями в полном смысле этого слова. Но меньшинство, а именно французская, японская и австралийская социалистические партии все еще упорно цепляются либо за отжившую марксистскую догму, что особенно нелепо во Франции, или же апеллируют только к одному классу. Первые партии, «ревизионистские», добились больших успехов, значительно укрепив свои позиции, в то время, как упомянутые три партии сильно пострадали от всяких расколов и политическое влияние их заметно упало.

Никакой демократ, — заканчивает Крослэнд свою книгу, — не может ни на минуту поддерживать государственную монополию всех средств производства и всех ресурсов страны. Крослэнд и другие «ревизионисты» западно-европейских партий демократического социализма считают, что свобода личности, равенство доходов, права потребителей, наибольшая децентрализация власти — это те ценности, которые в наши дни составляют суть западного социализма.

VI

Покойный бывший председатель германской социал-демократической партии Эрих Оленхауэр осенью 1963 г. в связи со столетним юбилеем своей партии, в беседе с журналистами на вопрос, не опорочили ли разные тоталитаристы идеи и идеалы социализма, ответил так:

«Конечно, понятием 'социализм' злоупотребляли и национал-социалисты и коммунисты. Это многих ввело в заблуждение, дезориентировало. У многих сложилось превратное, искаженное понимание социализма. Однако, я верю, что как принципы демократического социализма,

так и конструктивная работа социалистов находят все большее понимание и признание. Общеизвестно, что все наши усилия направлены к тому, чтобы создать жизнь, достойную человека. Это коренным образом отличает нас от тоталитарных движений, от национал-социализма в прошлом и коммунизма в настоящем». И дальше Оленхауэр сказал: «Посторонним наблюдателям кажется, что мы сегодня — консервативная партия. Но это не верно. Нельзя ведь отрицать, что там, где социал-демократы у власти, а также там, где они могут влиять на ход событий, существует демократический строй и непрерывно повышается благосостояние трудящихся. Это — наше достижение. То, что во многих цивилизованных странах рабочие, трудящиеся имеют или решающий или веский голос в обществе, — это вследствие столетней борьбы социалистов за социальный прогресс, справедливость и законность. В нашей стране на очереди задачи такой организации демократического открытого общества, при котором всем трудящимся было бы гарантировано благополучие. Для этого необходимо обеспечить общую занятость, демократическое планирование и многое другое, предусмотренное нашей программой. Наша цель ясна. Мы боремся за такой общественный порядок, в котором все люди жили бы в условиях демократических свобод, не зная нужды, страха, развивая свои таланты, разумно пользовались бы досугом, и воспитывались бы в духе человеколюбия и международной солидарности».

А секретарь Социалистического Интернационала Капти, накануне открытия Амстердамского Конгресса 1963 года, в беседе с журналистами сказал: — «За последние 25 лет идеи демократического социализма нашли живой массовый отклик в Азии, Африке и Латинской Америке. В каждой стране эти идеи преломлялись по-своему, и это — неизбежное, закономерное явление... Вся деятельность демократических социалистов направлена на достижение свободы и мира в мире. Мы за мир, в котором не будет эксплуатации человека человеком, человека — го-

сударством, одним государством — другого государства и народа. Мы за мир, в котором свободное развитие индивидуальной личности является базой развития человечества... Мы за правовое, демократическое, открытое общество, за благополучие для всех, основанное на свободе выбора деятельности, на владении предметами потребления и личного пользования. Мы за непрерывный естественно-закономерный прогресс человеческой цивилизации свободных людей объединенного мира».

Демократические социалисты во всем мире все более приходят к убеждению, что осуществление социализма не может быть зависимо только от изменений экономической и социальной структуры общества. Должны также произойти и изменения в человеческом поведении и в отношениях людей. Без политической и духовной свободы никакой социализм невозможен и демократия, это не только средство для достижения социализма, как многие социалисты в прошлом думали, демократия, это — цель сама по себе, как наилучшая форма человеческого общежития. Свободное общество может быть создано только свободными людьми. Но общество свободы и равенства не может существовать без морали.

Партии демократического социализма решительно против каких бы то ни было революций в демократических странах. Они стремятся привлекая на свою сторону большинство населения, при всех демократических гарантиях использовать государственную власть в интересах огромнейшего большинства населения. Такова политика социалистов Англии, Швеции, Норвегии, Дании и других демократических стран, где социалисты стояли или стоят у власти. Защита демократии стала первостепенной и главной задачей социалистов во всех странах.

Оглавление

Стр.

ПРЕДИСЛОВИЕ Р. Г.	
ГЛАВА I. Основоположники русского революционного народничества	
1. Александр Герцен	1
2. Николай Чернышевский	15
3. Петр Лавров	29
4. Николай Михайловский	41
ГЛАВА II. Русские предтечи Ленина	54
1. Петр Заичневский	54
2. Петр Ткачев	67
3. Михаил Бакунин и Сергей Нечаев	71
4. Бакунин, Нечаев и Ленин	81
ГЛАВА III. Г. В. Плеханов и большевики до 1914 г.	101
ГЛАВА IV. Либерализм в России	113
Первая Государственная Дума	129
ГЛАВА V. Социалисты Запада и России в первой мировой войне	145
Плеханов и Ленин — Циммервальд	164

	<i>Стр.</i>
ГЛАВА VI. Парвус, Ленин и Вильгельм II (Германо-большевистский заговор 1917 г.)	180
ГЛАВА VII. Г. В. Плеханов в 1917 г. — Его послед- ние дни	244
ГЛАВА VIII. Ленин и марксизм-ленинизм	266
ГЛАВА IX. Кропоткин и Ленин	295
ГЛАВА X. Владимир Короленко и Советская власть	319
ГЛАВА XI. Максим Горький и коммунистическая диктатура	327
ГЛАВА XII. Евреи в русской революции	353
ГЛАВА XIII. О социализме наших дней	377

